H. As. 4612 c

Xerokopieren aus konservatorischen
Gründen nicht erlaubt

Nur im Lesesaal benützbar

<36604954600013

<36604954600013

Bayer. Staatsbibliothek

Многоуважаемому
Дмитрию Николаевичу
Анучину
въ почтение
и знакъ добраго знакомства
отъ автора

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

7gT/76/6021

17 Апреля 1891 г.
Москва

Н. Ядринцев

LES RACES
INDIGÈNES DE LA SIBÉRIE

LEUR GENRE DE VIE

ET

L'ÉTAT ACTUEL.

Par N. M. YADRINZEW.

RECHERCHES ÉTHNOGRAPHIQUES ET STATISTIQUES AVEC L'ANNEXE DE TABLES STATISTIQUES.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

St.-PÉTERSBOURG.
I. M. SIBIRIAKOW, ÉDITEUR.
1891.

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ,

ИХЪ БЫТЪ

И

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ ТАБЛИЦЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе И. М. Сибирякова.
1891.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе и общій взглядъ на инородческій вопросъ. 1— 8
Современная классификація угро-алтайскихъ племенъ. 9— 22
Татары и бухарцы Тобольской губерніи и ихъ современное положеніе. 23— 33
Бухарцы въ Западной Сибири. 34— 41
Татары Томскаго округа . 42— 50
Татары-барабинцы . 51— 55
Вогулы Западной Сибири . 56— 65
Остяки и самоѣды. 66— 91
Алтайскіе тюрки или калмыки 67—109
Изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ 110—145
Причины вымиранія инородцевъ и способность ихъ къ культурѣ . . 146—166
Взаимнодѣйствіе русскаго и инородческаго населенія 167—201
Вліяніе культуры и просвѣщенія на инородцевъ Сибири. 202—242
Кочевой бытъ и значеніе его въ исторіи человѣческой культуры . . 243—264
Статистическія таблицы: распредѣленіе инородцевъ по племенамъ № 1, процентное отношеніе къ русскому населенію № 2, распредѣленіе инородцевъ по вѣроисповѣданіямъ № 3, по образу жизни № 4, населеніе татарскихъ волостей Тобольскаго округа № 5, населенныя мѣста и благоустройство инородческихъ управъ Тобольской губ. № 6, хозяйство инород. управъ № 7, таблица о податяхъ и повинностяхъ управъ № 8, татарская грамотность въ управахъ Тобольской губ. № 9, статистич. свѣдѣн. объ иртышскихъ и тюменскихъ татарахъ № 10, количество жителей въ Барабинскихъ управахъ № 11, статистическ. свѣдѣнія о барабинскихъ татарахъ за различные годы № 12, свѣдѣнія о вогульскихъ волостяхъ Туринскаго округа къ 1880 г. (с. 279), о сургутскихъ остякахъ за 1828 г., о волостяхъ Березовскаго округа 1828—1829 г., остяки и самоѣды Березовскаго и Сургутскаго округа по свѣдѣніямъ 1869 г. (с. 283), остяки Березовскаго округа въ 1875 г., остяцкія волости Сургутскаго округа 1880 г. таблица № 13, статистическія свѣдѣнія объ осѣдлыхъ инородцахъ Кузнецкаго округа, Томской губ., за 1880 г. № 14, таблица о кочевыхъ инородцахъ Кузнецкаго округа 1880 г. № 15, таблица статистическія данныя объ алтайскихъ татарахъ и калмыкахъ № 16, стр. 230—293., вѣдомость волостямъ и селеніямъ осѣдлыхъ и кочевыхъ инородцевъ Бійскаго округа въ 1880 г. (стр. 296 — 307). Дополненіе къ свѣдѣніямъ о вогульскихъ волостяхъ за 1890 г. къ стр. 279 267—308

Введеніе и общій взглядъ на инородческій вопросъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, авторъ этого изслѣдованія имѣлъ возможность произвести наблюденія надъ бытомъ и жизнью инородцевъ Западной Сибири. Наблюденія его начались въ 1878 и 1880 гг. съ Алтайскаго горнаго округа, находящагося въ предѣлахъ Томской губерніи. Въ эту мѣстность авторъ былъ командированъ въ качествѣ изслѣдователя по порученію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Омскѣ. Раіонъ этотъ избранъ былъ самимъ наблюдателемъ, какъ древній центръ и исходный пунктъ угро-алтайскихъ племенъ, гдѣ типы, нравы, обычаи инородцевъ сохранились въ большой чистотѣ; затѣмъ онъ перешелъ къ изученію быта инородцевъ и другихъ мѣстностей. Неоднократныя поѣздки по всей Сибири до Иркутска въ 1886 и въ 1888 гг. дали возможность автору дополнить свои наблюденія. При изученіи положенія и быта инородцевъ Западной Сибири, кромѣ того, авторъ настоящей книги пользовался особенно благопріятными условіями. Находясь на государственной службѣ въ Западной Сибири, авторъ былъ прикомандированъ къ Комитету для избранія мѣстъ осѣдлыхъ поселеній въ степяхъ Западной Сибири съ цѣлью привлеченія кочевыхъ племенъ къ осѣдлости. Затѣмъ онъ участвовалъ въ работахъ другаго Комитета, учрежденнаго генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, а именно по пересмотру проектовъ уставовъ для привлеченія инородцевъ къ воинской повинности. Въ этихъ Комитетахъ сосредоточены были подробныя свѣдѣнія о числѣ и положеніи инородцевъ всей Западной Сибири. Авторъ занялся при Комитетахъ разработкой существующихъ статистическихъ свѣдѣ-

ній. Въ качествѣ этнографа имъ пересмотрѣна была и вся предшествовавшая литература объ инородцахъ, а сношенія съ оффиціальными лицами и учрежденіями помогли дополнить матеріалъ по мѣрѣ надобности.

Изучая инородческій вопросъ въ Сибири, изслѣдователь убѣдился прежде всего, что, не смотря на описаніе быта инородцевъ многими путешественниками, начиная съ Георги и Палласа, не смотря на разныя монографіи и статьи, появлявшіяся въ ученыхъ и періодическихъ изданіяхъ, матеріалъ этотъ далеко не сведенъ въ одно цѣлое, а въ самомъ изученіи склада инородческой жизни остается еще многаго желать.

Посвятивъ особое сочиненіе изслѣдованію культуры угро-алтайскихъ племенъ, авторъ рядомъ съ этимъ остановился и на современномъ положеніи инородцевъ, судьба которыхъ заслуживаетъ особаго вниманія.

При разсмотрѣніи жизненныхъ условій инородческихъ племенъ весьма видную роль играетъ вопросъ о томъ,—увеличиваются-ли или уменьшаются инородцы, иначе—вопросъ о вымираніи инородцевъ. Фактъ вымиранія инородцевъ засвидѣтельствованъ въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ учеными и путешественниками. Объ этомъ уже говорили путешественники прошлаго столѣтія Гмелинъ, Палласъ, тоже подтвердили Кастренъ, Миддендорфъ и другіе. Въ отдѣльныхъ монографіяхъ объ инородцахъ приведены многочисленные примѣры, какъ напр., у Щапова, Шашкова и др. Тѣмъ не менѣе, точнаго научнаго статистико-экономическаго изслѣдованія въ отдѣльности по племенамъ не было сдѣлано, не было выяснено также, въ силу какихъ причинъ вымираютъ инородцы. Есть-ли это вымираніе неизбѣжный законъ, тяготѣющій надъ извѣстною расою, или его порождаютъ случайныя неблагопріятныя условія, съ устраненіемъ которыхъ прекращается и вымираніе? Объ этомъ существуютъ разнообразныя сужденія.

Изслѣдуя бытъ нашихъ инородцевъ, намъ хотѣлось выяснить, во-первыхъ, самый фактъ прибыли, прироста или уменьшенія, вымиранія инородцевъ среди различныхъ племенъ. Мы видѣли въ литературѣ только отдѣльныя ссылки и отрывочныя указанія, между тѣмъ какъ здѣсь было важно точное статистическое изслѣдованіе.

Относительно нѣкоторыхъ племенъ, исчезшихъ совершенно, напр., омоковъ, аринцевъ, котовъ, ассановъ и т. п., трудно возстановить что-либо; о нихъ только мелькомъ упоминаютъ путешественники. Во время завоеванія Сибири и до половины прошлаго столѣтія кочующимъ племенамъ не велось счета. Но съ 1763 г. (переписи Щербачева) уже начали вестись окладные списки инородцевъ и мы можемъ слѣдить прибыль или убыль инородческаго населенія. Затѣмъ весьма важно было сопоставить факты вымиранія съ тѣми измѣненіями, которыя произошли въ жизни инородца, чтобы опредѣлить причины этого и въ то же время выяснить тѣ условія, при которыхъ совершается какъ приростъ, такъ и вымираніе. Современная картина экономическаго быта инородцевъ можетъ объяснить многое. Поэтому въ настоящемъ изслѣдованіи мы собрали всевозможныя данныя о современномъ положеніи инородцевъ. Намъ казалось, что это единственный научный базисъ, на которомъ можетъ быть разсматриваемъ инородческій вопросъ, а затѣмъ дѣлаемы выводы. До какой степени вопросъ этотъ нуждался въ разработкѣ, служитъ доказательствомъ слѣдующій фактъ. На международномъ конгрессѣ оріенталистовъ въ Петербургѣ, въ 1876 году, былъ поднятъ вопросъ о томъ: увеличились или уменьшились сибирскія племена со времени завоеванія Россіей Сибири Вопросъ этотъ, интересовавшій оріенталистовъ, не могъ быть разрѣшенъ учеными отдѣленіями, такъ какъ точныхъ изслѣдованій по этому поводу не оказалось. Наше изслѣдованіе—первая попытка восполнить этотъ пробѣлъ. Нѣтъ сомнѣнія, что детальное изученіе отдѣльныхъ племенъ и спеціальныя этнографическія изслѣдованія дадутъ еще болѣе данныхъ. Этнографическія и антропологическія экспедиціи, предпринимаемыя по инниціативѣ ученыхъ обществъ, какъ столичныхъ, такъ и мѣстныхъ, будутъ въ данномъ случаѣ въ высшей степени важны. Къ этому должны присоединиться компиляціи и собраніе свѣдѣній объ инородцахъ, заносимыхъ разными путешественниками и учеными. Такіе своды и монографіи издаются чаще на иностранныхъ, чѣмъ на русскомъ языкѣ. Наконецъ, очень важно изученіе культуры и быта инородцевъ. Сдѣланныя нами попытки по изслѣдованію культуры угро-алтайскихъ племенъ открыли намъ массу такихъ фактовъ,

которые освѣщаютъ исторію инородцевъ совершенно съ новой стороны, какъ и способности племенъ. Не имѣя возможности доселѣ издать этихъ матеріаловъ, мы ограничиваемся одною главой и общими выводами.

Изученіе культуры инородцевъ весьма важно и для разрѣшенія практическихъ вопросовъ ихъ жизни. Рядомъ съ вопросомъ о существованіи инородцевъ выдвигается и другой, не менѣе важный, о культурныхъ ихъ способностяхъ, или о способности ихъ воспринимать высшую культуру и цивилизацію. Разсматриваемый поверхностно, онъ приводилъ ко многимъ противорѣчіямъ и отрицалъ у инородческихъ племенъ способность къ общечеловѣческому развитію; однако, нельзя было не замѣтить, что такіе приговоры были преждевременны. Въ этой области также требуются провѣрки. Подобные приговоры могутъ быть произносимы только на основаніи изученія тѣхъ стадій, которыя переживаютъ инородцы, на основаніи ихъ исторіи, при изученіи ихъ быта, языка, культуры и точномъ изслѣдованіи умственныхъ способностей, такъ или иначе выражающихся въ жизни. Но такихъ опытовъ въ точномъ научномъ значеніи сдѣлано очень мало. Изслѣдованіе современнаго быта инородцевъ должно помочь и административнымъ задачамъ ихъ управленія. Сборники обычнаго права начали собираться еще во времена Сперанскаго (Сборникъ, изданный Самоквасовымъ); съ тѣхъ поръ дѣлалось нѣсколько попытокъ. Намъ извѣстенъ почтенный трудъ покойнаго князя Кострова, составленный по программѣ отдѣленія этнографіи Императорскаго Географическаго Общества. Къ сожалѣнію, трудъ этотъ, касающійся инородцевъ Западной и отчасти Восточной Сибири (Енисейской губ.) остается до сихъ поръ неизданнымъ.

Уставъ объ инородческомъ управленіи 1822 г., выработанный Сперанскимъ, указалъ основы этого управленія сообразно обычаямъ, степени развитія инородцевъ и сообразно ихъ быту, но съ тѣхъ поръ прошло много времени и уставъ этотъ требуетъ пересмотра и переработки. По изслѣдованію обычнаго права инородцевъ авторомъ доложенъ былъ рефератъ въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ. Въ инородческомъ управленіи возникаетъ все рѣзче вопросъ административно-политическій, касаю-

щійся гражданскаго полноправія инородцевъ и гарантій закона въ примѣненіи къ нимъ; затѣмъ нынѣшнее положеніе ихъ возбуждаетъ вопросъ духовнаго развитія и просвѣщенія инородцевъ и тѣхъ племенъ отъ нихъ, которыя уцѣлѣли и продолжаютъ существовать. Нѣтъ сомнѣнія, что если имъ будетъ доступно развитіе, если они выкажутъ способности, то не могутъ быть отрицаемы для нихъ и общечеловѣческія права, и блага высшаго человѣческаго существованія. Все это вводитъ инородческій вопросъ въ рядъ вопросовъ общечеловѣческихъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Въ нихъ лежитъ не только «to by or no to by» (быть или не быть) инородческаго существованія, вопросъ жизни и смерти цѣлыхъ племенъ, но и вопросъ о воспріятіи въ высшую человѣческую среду младшихъ братьевъ, историческое и культурное развитіе которыхъ отстало и было замедлено.

Намъ кажется, что фактическія данныя и статистико-экономическое изслѣдованіе, сдѣланное нами относительно нѣкоторыхъ племенъ, даютъ нѣкоторыя данныя къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, такъ какъ русская публика весьма мало имѣетъ понятія о племенахъ, населяющихъ Сибирь; научная же классификація алтайской группы народовъ хотя и установлена со времени Кастрена, но, по мѣрѣ дальнѣйшихъ изслѣдованій, подвергается поправкамъ и измѣненіямъ въ отдѣльныхъ группахъ, поэтому мы сочли нужнымъ приложить особую статью съ критическимъ обзоромъ существующей классификаціи и группировки сибирскихъ племенъ.

Не можемъ не указать въ то же время на весьма важное значеніе изслѣдованія инородческихъ племенъ Сибири для антропологіи, исторіи культуры и исторіи человѣчества вообще.

Въ антропологическомъ отношеніи, по физическимъ признакамъ, алтайская группа сибирскихъ инородцевъ принадлежитъ къ желтой монголообразной расѣ, но въ ней заключаются всѣ дальнѣйшіе переходы отъ желтой расы къ бѣлой арійской. Это замѣтно какъ въ классификаціи отдѣльныхъ племенъ, такъ и въ смѣсяхъ каждаго племени. Въ алтайской группѣ мы видимъ манджурскую народность тунгусовъ, затѣмъ монголовъ, бурятъ, монголообразныхъ тюрковъ, якутовъ, алтайцевъ, телеутовъ, киргизовъ и пере-

ходные типы отъ нихъ черневыхъ татаръ [1]), кочинцевъ, сагайцевъ (народности какъ-бы смѣшанныя съ финнами), далѣе саянскую группу сойётовъ, кайбаловъ и самоѣдовъ, какъ-бы переходную отъ монголовъ къ финнамъ, наконецъ чистыхъ тюрковъ, татаръ Западной Сибири и бухарцевъ. Затѣмъ слѣдуетъ группа финновъ, потомковъ угровъ, въ лицѣ вогуловъ и остяковъ. Соединеніе этихъ группъ манджурской, монгольской, алтае-саянской, тюркской и финской, постепенные ихъ переходы и смѣшенія представляютъ величайшій интересъ для антрополога и могутъ при изученіи внести не мало свѣта къ поясненію всѣхъ переходовъ отъ желтой къ бѣлой расѣ, или отъ монголообразной къ арійской и индо-германской. Можетъ быть, нѣкоторыя данныя дадутъ весьма важный матеріалъ къ исторіи образованія и смѣшенія расъ.

Еще любопытнѣе исторія культуры среди племенъ, изолированныхъ отъ европейскаго вліянія. Изучая бытъ звѣролововъ, рыболововъ, скотоводовъ, кочующихъ среди степей, горъ и лѣсовъ, изслѣдуя племена полуосѣдлыя и осѣвшія, мы можемъ видѣть всѣ переходы отъ бродячаго быта къ осѣдлому. Въ этомъ отношеніи инородческія племена Сибири иллюстрируютъ намъ цѣлую картину постепеннаго историческаго развитія. Самая исторія и происхожденіе сибирскихъ племенъ на сѣверѣ Азіи, благодаря научнымъ изслѣдованіямъ, все болѣе разъясняется. Ими интересуются одинаково оріенталисты, лингвисты, историки и археологи.

Многія свѣдѣнія о сѣверныхъ племенахъ сохраняются въ китайской исторіи, которая потребуетъ, конечно, критической провѣрки и сравненія съ тюркскими, монгольскими, арабскими и персидскими историками и географами. Подобныя изслѣдованія были подъ силу только многостороннимъ оріенталистамъ, какъ Клапроту, Абель-Ремюза, Шотту, Григорьеву и другимъ. Первая попытка Клапрота возобновить исторіи этихъ племенъ (см. Asia

[1]) При изученіи инородцевъ авторъ занимался антропологическими изслѣдованіями у алтайцевъ и черневыхъ татаръ. Результаты измѣреній опубликованы въ запискахъ Московскаго общества естествознанія и антропологіи.

Poliglota и Tableaux Historique de l'Asie) останется геніальнымъ памятникомъ въ этомъ возсозданіи прошедшаго.

Новѣйшія археологическія изслѣдованія на югѣ Сибири, собраніе многочисленныхъ древностей въ музеяхъ, особенно въ Минусинскомъ музеѣ, гдѣ собраны богатѣйшія коллекціи бронзоваго вѣка, отысканныя древнія надписи, писанныя на камняхъ, помогутъ возстановить картину жизни и бытъ сѣверныхъ азіатскихъ племенъ [1]). Археологическія изысканія въ Сибири, начавшіяся съ прошлаго вѣка, изслѣдованіе могилъ, кургановъ, каменныхъ бабъ (намогильныхъ статуй), тянущихся изъ центральной Азіи къ югу Россіи, усѣевающихъ новороссійскія степи, указываютъ на путь передвиженія азіатскихъ племенъ въ Европу. Очень можетъ быть, что наука скоро разъяснитъ намъ исторію загадочныхъ скиѳовъ, какъ и происхожденіе гунновъ. Сѣверныя азіатскія племена несомнѣнно составляютъ звено между азіатскими и европейскими народами; нѣтъ никакого сомнѣнія, что сибирскіе инородцы, отброшенные къ сѣверу, являются остатками народовъ, которые, когда-то совершали передвиженіе изъ центра Азіи на западъ и часть ихъ, можетъ быть, сохраняетъ черты древнѣйшихъ аборигеновъ Азіи [2]). Южная Сибирь, сибирскія низменности и степи, когда-то

[1]) Въ связи съ изученіемъ инородческаго вопроса авторомъ настоящаго сочиненія опубликованы и археологическія изслѣдованія: см. «Древніе памятники и письмена въ Сибири». Н. Ядринцева. Литературный сборникъ, изд. «Восточнаго Обозрѣнія» 1885 г., стр. 456. «Отчетъ о поѣздкѣ въ Восточную Сибирь въ 1886 г. для обозрѣнія мѣстныхъ музеевъ и археологическихъ работъ». Н. М. Ядринцева. Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, кн. III, стр. II—XXVI. Изслѣдованіе о древностяхъ и курганахъ въ Алтаѣ изъ путешествія 1880 г. въ запискахъ Московскаго Археологическаго Общества. Затѣмъ на археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1890 г. представлены рефераты: «Слѣды азіатской культуры въ скиѳскихъ древностяхъ» и «Распространеніе каменныхъ бабъ въ Южной Сибири и сходствѣ ихъ съ южно-русскими». Въ 1889 г. совершено авторомъ археологическое изслѣдованіе въ предѣлахъ Монголіи и открыта древняя столица монгольскихъ хановъ Корокорумъ съ древними памятниками и надписями, причемъ заслужили вниманія письмена подобно руническимъ; ранѣе они открываемы были въ вершинахъ Енисея (см. Inscriptions de l'Enisée, изд. Финляндскаго Археологическаго Общества. Гельсингфорсъ). Эти надписи подлежатъ дешифрированію и указываютъ на распространеніе какихъ-то тюркскихъ племенъ отъ Монголіи до Енисея и далѣе до Тарбагатая.

[2]) Къ племенамъ, упоминаемымъ китайцами въ древнѣйшія времена и населявшимъ сѣверную Монголію и часть Сибири, принадлежатъ *хунну* (знаменитые гунны, по мнѣнію однихъ были монголы, по мнѣнію Клапрота—финны, по дру-

была обширною ареною предвиженія народовъ изъ Азіи въ Европу. Такимъ образомъ, исторія этихъ племенъ есть часть общечеловѣческой исторіи, и чѣмъ болѣе европейскіе ученые и изслѣдователи изучаютъ эти племена, тѣмъ болѣе широкое поле открывается предъ ихъ глазами, тѣмъ болѣе интересъ къ нимъ увеличивается. Изслѣдуя бытъ нашихъ инородцевъ, мы не могли не отнестись поэтому къ инородческому вопросу горячо; дѣлая съ своей стороны свои вклады, мы питали робкую надежду, что эти вклады послужатъ столь же на пользу отечественной науки, сколько и для интересовъ общечеловѣческаго знанія.

Авторъ.

гимъ изслѣдованіямъ—уйгуры-тюрки). Кидане и нюечжи, завоевавшіе Китай до монголовъ, племена манджурскіе съ Амура, джурджени, обитавшіе тамъ же, древніе тюрки, тукюэ, обитавшіе въ Алтаѣ, они же «дулга» по Іоакинфу. Государство тюрковъ (тукюэ) въ VIII в. простиралось отъ Байкала до Персіи; часть тюрковъ перешла на сѣв. Сибири и къ нимъ же принадлежатъ якуты. Баргуты жили около Байкала (царство Баргу по Марко-Поло), хакасы (древніе киргизы), было тюркское племя, обитавшее въ нынѣшнемъ Минусинскомъ округѣ, юечжи на Иссыкъ-Кулѣ (по Клапроту Геты), усуни (арійское племя), обитавшее также на Иссыкъ-Кулѣ, затѣмъ саянскія племена, изъ которыхъ выдѣлились самоѣды. Къ остаткамъ древнихъ аборигеновъ Сибири принадлежатъ енисейцы или енисейскіе остяки, языкъ которыхъ загадоченъ, а также исчезнувшіе коты, ассаны, кайбалы, обрусѣвшіе нынѣ. Финны также обитали на югѣ въ Саянахъ и въ Алтаѣ. Китайцы указываютъ на передвиженіе многихъ племенъ съ юга на сѣверъ къ Сибири, среди которыхъ играютъ видную роль бѣлокурыя племена «красные чиди», усуни, юечжи и др.

Современная классификація угро-алтайскихъ племенъ.

Всѣмъ изучающимъ инородцевъ въ Сибири, конечно, интересно и даже необходимо знать, къ какой расѣ, племени и вѣтви они относятся по физическимъ признакамъ и языку.

Не смотря на то, что точной антропологической классификаціи здѣсь доселѣ не установлено, благодаря недостаточному еще изученію сибирскихъ племенъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые ученые, начиная съ Георги и Кастрена, пробовали установить опредѣленныя группы и классификаціи, и въ общемъ всѣ тюркскія, монгольскія, финскія и тунгузскія племена получили названіе *алтайцевъ*, по мѣсту исхода ихъ. Эта классификація сохраняется и доселѣ, хотя этнографы, лингвисты и антропологи расходятся въ частностяхъ.

Чтобы указать на группы, согласно современнымъ антропологическимъ и лингвистическимъ изслѣдованіямъ, мы рѣшились познакомить съ классификаціей извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ Фридриха Мюллера и Оскара Пешеля, но такъ какъ они касаются болѣе лингвистическихъ признаковъ, то мы въ добавленіе познакомимъ съ классификаціей тѣхъ же племенъ антрополога г. Деникера. Съ своей стороны мы не можемъ не приложить къ этому своихъ критическихъ замѣчаній и поправокъ, которыя вытекаютъ изъ болѣе близкаго знакомства съ группами сибирскихъ инородцевъ.

Отдавая полную справедливость учености и авторитету упомянутыхъ классификаторовъ, мы должны сказать, что каждый изъ этихъ классификаторовъ старался установить дѣленіе на основаніи своихъ признаковъ и представленій о расовыхъ группахъ, пользуясь собранными этнографическими и антропологическими данными для своихъ цѣлей. Характеръ этихъ классификацій и распредѣленіе племенъ зависѣло отъ того, что принимали за основаніе антропологи при дѣленіи на группы и, какъ видно,

Фридрихъ Мюллеръ держался строго лингвистическихъ признаковъ, хотя совершенно не могъ игнорировать племенныхъ или расовыхъ особенностей.

Оскаръ Пешель обращалъ вниманіе на происхожденіе, исторію племенъ и принималъ во вниманіе скорѣе этнографическія группы. Г. Деникеръ желалъ внести раздѣленіе племенъ и сдѣлать опытъ классификаціи на основаніи антропологo-физическихъ признаковъ. На сколько удовлетворяютъ эти классификаціи дѣйствительности было цѣлью нашего разсмотрѣнія. Несомнѣнно, всѣ онѣ принесли услугу и всѣ могутъ быть приняты во вниманіе, дополняя другъ друга, но при одномъ условіи приведенія ихъ къ нѣкоторому согласію.

Классификацію Ф. Мюллера мы разсматриваемъ на основаніи недавно изданной въ Вѣнѣ этнографической карты. Uebersichts-Karte der etnographischen Verhältnisse von Asien und von der angänzende Theilen Europa bearbeitet auf Grundlage von Fr. Müller von Vinzen. v. Haard. Wien 1887.

Г. Гаардъ съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ исполнилъ карту Азіи, внеся въ нее 120 именъ и отведя мѣсто угро-алтайскимъ и монголовиднымъ группамъ.

Изслѣдованіе г. Деникера носитъ названіе: Essai d'une classification des races humaines posée uniquement sur les caractères physiques par M. I. Deniker. Paris 1889.

Классификація азіатскихъ племенъ ученаго Ф. Мюллера и Гаарда обнимаетъ прежде всего группу монголовидныхъ (Mongolen), подраздѣляя ее на *уральцевъ*, *алтайцевъ*, *японцевъ-корейцевъ*, *индо-китайцевъ*, *монъ-анамитовъ* и др., съ подраздѣленіемъ на говорящихъ многосложными и односложными языками. Алтайская группа принадлежитъ къ первой.

I. *Уральцы. Самоѣдская группа*, куда включены *самоѣды* и тюркизированныя уральскія поколѣнія Западной Сибири.

Въ этой группѣ, не совсѣмъ понятно, Ф. Мюллеромъ, а затѣмъ Гаардомъ причислены къ самоѣдамъ тюркизированные уральцы. Если это отуреченные финны, то какъ финны, они должны были войти въ слѣдующую группу. Самоѣдское же племя по типу ближе, какъ извѣстно, къ саянцамъ и сойётамъ. Это доказали изслѣдованія Кастрена, Радлова и др. Поэтому, если самоѣдамъ суждено составить группу, то она должна быть соединена съ сойётами, затѣмъ съ карагасами, камасинами, обрусѣлыми кайбалами, исчезнувшими тубинцами, котами, аринцами, ассанами и енисейцами или енисейскими остяками. Послѣдніе отнесены Ф. Мюллеромъ къ группѣ *арктическихъ* гиперборейцевъ, группѣ

сборной или сбродной, куда вошли юкагиры, гиляки и камчадалы, нумалло и айны.

Между тѣмъ родство кайбаловъ, котовъ, ассановъ и енисейскихъ остяковъ съ самоѣдами, кромѣ этнографическаго сближенія, можетъ подтверждаться и географическимъ распредѣленіемъ по пути отъ Саяновъ по Енисею къ сѣверу и по пути выхода на Обь.

Самоѣдскій типъ составляетъ, кромѣ того, звено между монголами Средней Азіи и финнами.

Оскаръ Пешель, руководясь Кастреномъ, вноситъ самоѣдовъ въ *алтайскую группу*, а родину ихъ признаетъ въ Саянахъ и отмѣчаетъ совершенно вѣрно родство съ сойётами, карагасами, камасинцами и кайбалами. По языку ближайшими родственниками самоѣдовъ являются народы финской вѣтви, говоритъ Пешель; при этомъ самоѣды ближе всего къ болгарскому отпрыску. Родство остяковъ съ самоѣдами выводитъ Пешель также изъ того факта, что самоѣды избѣгаютъ браковъ съ остяками, если родовыя имена у нихъ одни и тѣ же. «Весьма возможно—говоритъ онъ— что при будущей классификаціи народовъ, самоѣды не будутъ являться обособленной вѣтвью алтайскаго народа и будутъ разсматриваться, какъ отрасль финской группы» [1]).

Г. Деникеръ въ своей новой антропологической классификаціи племенъ, по антропологическимъ признакамъ, выдѣляетъ *урало-алтайскую группу* и причисляетъ къ ней тюрко-финновъ. Группу эту онъ дѣлитъ на *суоми*: финновъ западныхъ, лапландцевъ; *угровъ*, къ которымъ причисляетъ *остяковъ-самоѣдовъ* (?), финновъ восточныхъ и *туба*, затѣмъ причисляетъ сюда тюрковъ, подъ которыми разумѣетъ всѣхъ тюрко-татаръ и туранцевъ (?). Совершенно отдѣльную *группу* отъ урало-алтайцевъ у него составляютъ монголоиды или *монголовидные*, куда отнесены монголы, тунгусы и эскимосы.

Мотивы выдѣленія финновъ въ особую урало-алтайскую группу отдѣльно отъ монголовидныхъ и антропологическіе признаки ея г. Деникеръ объясняетъ такимъ образомъ. Не нужно смѣшивать, говоритъ онъ, урало-алтайцевъ съ группой того же имени, разумѣемой лингвистами (вотъ въ чемъ расхожденіе его классификаціи съ классификаціей Ф. Мюллера); урало-алтайская группа обнимаетъ сѣверъ Европы, сѣверъ и *центръ* (?) Азіи и захватываетъ такіе разнообразные типы (diversité des types), что съ большимъ трудомъ можно признать ихъ и разсматривать, какъ одинъ типъ.

[1]) Народовѣдѣніе. Пешель. Русск. перев., ч. III, стр. 397.

Здѣсь можно разсматривать двѣ расы: финно-лапландскую и тюрко-угрскую (?). Типъ лапландской очень характэренъ и входитъ въ народность этого имени. Типъ *суоми* (лингвистическая группа), который выступаетъ (ressort) среди финляндцевъ, находится въ смѣшанномъ видѣ въ другихъ мѣстахъ съ европейцами, уграми, тюрками и блондинами киргизами. Г. Деникеръ беретъ признакомъ бѣлокурость. Типъ угровъ, по его мнѣнію, находится между остяками, можетъ быть, между енисейцами, потомъ смѣшанный съ тунгусами проявляется у самоѣдовъ [1]) съ тюрками среди различныхъ татарскихъ народностей Сибири, среди якутовъ и т. д. (Essai d'une classification par M. I. Deniker, p. 13, 14). При этой новой классификаціи прежде всего измѣняется прежняя классификація монголовидныхъ, къ которымъ причислялись финны и самоѣды. Затѣмъ азіатскіе тюрки и монголы совершенно отдѣляются въ разныя группы, хотя антропологическое родство ихъ въ Сибири должно быть вполнѣ признано, какъ и лингвистическое. Киргизы и якуты совершенно монголовидны. Что касается *остяковъ* и *самоѣдовъ*, то заносимые въ одну семью угровъ, они однако разнятся и по языку, и по типу, для того чтобъ ихъ вполнѣ отождествлять и относить къ финнамъ. По типу самоѣды относятся совершенно къ монголообразнымъ брюнетамъ. Что касается *Туба*, то подъ этимъ именемъ въ Сибири слывутъ самоѣды; это же названіе присвоиваютъ себѣ сойёты и именемъ *Туба* называютъ себя лѣсные татары Алтая.

Названіе это могло бы указать на родство этихъ племенъ, весьма вѣроятное. Родство самоѣдовъ и саянцевъ установлено; мѣстожительство лѣсныхъ татаръ находится близь Телецкаго озера на Алтаѣ и также соприкасается къ саянскимъ племенамъ. Впрочемъ, это мы должны допустить только въ корнѣ и генеалогіи этихъ племенъ. Время измѣнило ихъ и въ языкѣ и въ типѣ. Сойёты говорятъ отчасти по татарски, а часть по монгольски. Самоѣды сохранили свой языкъ, а черневые татары усвоили тюркскій или татарскій.

Что касается послѣднихъ, то типъ ихъ хотя носитъ слѣды монголовидности, но выдѣляется; среди нихъ есть, напр., блондины, а смѣсь съ финскими племенами ихъ констатирована этнографами, но, какъ мы замѣтили, они приближаются и къ европейскимъ типамъ.

[1]) Смѣшеніе самоѣдовъ съ тунгусами можетъ разсматриваться только на устьѣ Енисея, но не западнѣе, гдѣ тунгусовъ нѣтъ, а самоѣды распространены до сѣвера Архангельской губерніи.

Въ этихъ племенахъ лежатъ, по нашему мнѣнію, *всѣ переходныя* степени отъ чистыхъ монголовъ къ финнамъ и въ порядкѣ переходовъ они могутъ быть сгруппированы: сойёты, самоѣды, исчезнувшія племена ассановъ, котовъ, лѣсные татары, затѣмъ идутъ уже финны. Въ силу особенностей антропологическихъ признаковъ монголообразности и рядомъ лингвистическихъ признаковъ, семья самоѣдская съ родственными племенами карагасовъ, камасинцевъ, кайбаловъ и енисейскихъ остяковъ, исчезнувшихъ тубинцевъ, ассановъ, котовъ и др., должна быть выдѣлена въ семью *саянцевъ*, по мѣсту ея первой родины. Это цѣлый рядъ народовъ, расположенныхъ по Енисею. Родство ея съ финнами, очень вѣроятно, можетъ быть установлено только при большемъ накопленіи антропологическаго матеріала. Слѣдующую семью въ группѣ *уральцевъ* у Фр. Мюллера занимаютъ *финны*. Здѣсь разумѣются остяки, вогулы, зыряне, вотяки, пермяки, черемисы и мордва. Оскаръ Пешель болѣе внимательно и съ большими подробностями классифицируетъ финновъ сообразно изысканіямъ Кастрена; монголообразная финская группа его расчленяется на четыре вѣтви: угрскую, болгарскую, пермскую и финскую, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Подъ именемъ угровъ Кастренъ соединилъ остяковъ праваго берега Оби, вогуловъ на восточномъ склонѣ сѣвернаго Урала и мадьяровъ. Пешель сомнѣвается, можно-ли причислять древнихъ болгаръ къ финской группѣ; ихъ можно относить и къ тюркской, причемъ впослѣдствіи къ нимъ примѣшалась финская кровь. Кровное родство финской группы съ народами монгольской вѣтви явственнѣе всего выступаетъ у вогуловъ, такъ какъ они несравненно болѣе остяковъ приближаются къ калмыкамъ (Castren, Vorlesungen. S. 128). Карлъ Фогтъ указалъ примѣсь монгольской расы даже у лопарей (Vogt. Nord-Fahrt. Frankfurt. 1863. S. 166).

Къ смѣшанной группѣ, близкой къ финской, Пешель причисляетъ, совершенно вѣрно, сообразно сдѣланнымъ наблюденіямъ, и башкировъ, называемыхъ когда-то паскотирами, какъ и остяки.

По тѣлеснымъ своимъ признакамъ, они принадлежатъ къ финской группѣ, говоритъ Пешель, но говорятъ на татарскомъ языкѣ; слѣдовательно, это отатарившіеся финны. Фр. Мюллеръ, между тѣмъ, выдѣлилъ башкиръ прямо въ семью тюрковъ, тогда какъ отатарившіяся племена въ другомъ мѣстѣ внесъ въ самоѣдскую семью.

Финская группа, со временъ Кастрена, по языку выдѣлилась весьма опредѣленно, и изслѣдованія Альквиста и экспедиціи финляндскаго общества еще болѣе расширили познанія о ней. Тѣмъ

не менѣе, въ антропологическомъ отношеніи она очень мало изслѣдована, особенно въ Сибири. Мы видимъ здѣсь два типа: одинъ бѣлокурый финляндскій, замѣчаемый у чистыхъ остяковъ р. Оби, и типъ самоѣдскій монголообразный; типъ чисто финскій, какъ видно, мало-упорный, быстро измѣняется; достаточно помѣси одного поколѣнія съ русскими, чтобы измѣнить его, тогда какъ монголообразный типъ гораздо упорнѣе. Все это показываетъ, что финскій типъ есть переходный и ближайшій къ арійскому европейскому типу. Родство его съ азіатскими типами и монголообразными съ другой стороны также установлено. Всѣ переходныя степени его и всѣ видоизмѣненія изучить чрезвычайно важно для объясненія себѣ послѣдней переходной стадіи азіатскаго типа къ европейскому-арійскому типу.

Тюрки, по классификаціи Ф. Мюллера, отнесены въ группу монголовидныхъ алтайцевъ. Въ число тюрковъ у него вошли всѣ народности, говорящія татарскимъ языкомъ въ Европѣ и Азіи, какъ-то: якуты, киргизы, кара-киргизы, алтайскіе тюрки и всѣ туркестанскіе узбеки, османы, иранскіе тюрки, крымскіе татары, казанскіе и т. д. Всѣхъ татарскихъ племенъ Мюллеръ ввелъ въ эту группу 17. Мы видимъ здѣсь, Ф. Мюллеръ, кажется, сдѣлалъ слишкомъ обширное обобщеніе, отрѣшившись отъ расоваго и антропологическаго дѣленія. Онъ соединилъ и европейскихъ тюрковъ османовъ, татаръ и азіатскихъ тюрковъ, хотя по своимъ антропологическимъ признакамъ они представляютъ рѣзкую разницу. Сами азіатскіе тюрки, по антропологическимъ физическимъ признакамъ раздѣляются на двѣ группы, вполнѣ отличныя. Часть туркестанскихъ тюрковъ, туркмены и татары средней Сибири, какъ и казанскіе, носятъ черты арійскаго и иранскаго типа. За то якуты, киргизы, алтайцы болѣе монголообразны, и родство ихъ съ монголами не подлежитъ сомнѣнію.

Пешель различаетъ тюрковъ въ своей классификаціи и усматриваетъ слѣдующія народности: уйгуровъ, узбековъ, османовъ, якутовъ, туркменовъ, ногайцевъ, басіановъ, кумыковъ, каракалпаковъ и киргизовъ. Для опредѣленія этихъ народностей и ихъ особенностей онъ становится на почву историческую и принимаетъ во вниманіе этническія группы, что дѣлаетъ классификацію его яснѣе и опредѣленнѣе, хотя и она не лишена смутности и темноты. Принимая во вниманіе, что типы историческихъ народностей или сошедшихъ со сцены, какъ уйгуровъ, древнихъ тюрковъ, возстановить чрезвычайно трудно. До сихъ поръ группу старыхъ уйгуровъ нашелъ только г. Потанинъ въ Монголіи, подъ именемъ ёгрровъ, но они уже затерты монгольскимъ и китай-

скимъ населеніемъ и носятъ его черты, между тѣмъ, какъ древніе уйгуры, извѣстные китайцамъ со 2-го стол. до Р. Х., обитали въ восточномъ склонѣ Тянь-Шаня, были ближе къ Туркестану; другіе же, подъ именемъ хой-ху, жили на р. Селенгѣ и Орхонѣ. Типъ ихъ въ Туркестанѣ могъ подходить близко къ ирано-арійскому, а въ Монголіи къ монгольскому [1]).

Происхожденіемъ древнихъ тукюэзцевъ, имѣвшихъ огромное государство въ VI и VIII в., простиравшееся отъ Каспійскаго моря до Кореи и до Великой стѣны и Тибета, имѣвшихъ столицу на Таласѣ и въ Каракорумѣ (этихъ тюрковъ посѣтилъ Зимархъ въ 569 г. по Р. Х.) опредѣлить чрезвычайно трудно, какъ и догадаться объ ихъ типѣ. Вѣроятно, это тукюэзское государство выдѣлило и уйгуровъ. Китайскіе историческіе источники перечисляютъ множество тюркскихъ племенъ, какъ кераитовъ, наймановъ и дулгасцевъ, обитавшихъ въ Алтаѣ.

Несомнѣнно, что древніе тюрки и тукюэзцы, по китайски, уже въ древности разбились на группы и дали происхожденіе другимъ татарскимъ народностямъ: уйгурамъ, алтайскимъ тюркамъ, якутамъ, оттѣсненнымъ къ сѣверу, и другимъ. Мы видимъ, что эти тюрки жили въ восточной Монголіи и занимали мѣста нынѣшнихъ монголовъ. Монголы же явились въ XIII в. и татарскія народности вошли въ войска Чингизъ-Хана. Историческое родство историческихъ тюрковъ и монголовъ вѣроятно. Но если при всѣхъ видимостяхъ эта связь не уяснена лингвистически, то еще труднѣе проникнуть въ ея антропологическую связь. Поэтому историческія связи прежнихъ турокъ и тукюэзцевъ съ современными турками и татарами не выясняютъ антропологическаго типа, подвергшагося многимъ измѣненіямъ.

Обобщеніе древнихъ уйгуровъ съ уграми, юграми, венграми и финской югоріей и т. д., основанное на сходствѣ народныхъ созвучій названій, очень рискованно и вводитъ скорѣе въ заблужденіе [2]).

Несомнѣнно, что среди тюркскихъ племенъ заключаются всѣ переходные типы, начиная отъ арійскаго и иранскаго въ Турке-

[1]) Обитатели Кашгаріи или Тамырскаго бассейна обладаютъ примѣтами иранскаго происхожденія, хотя они говорятъ по тюркски. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ В. В. Радловъ усматриваетъ послѣдствія завоеванія страны уйгурами. Фонъ-Шлагентвейтъ и Шау въ городскомъ населеніи Кашгаріи видятъ отпечатокъ арійскаго происхожденія. Radloff. Türkestan, Sibirien und der Mongolei. Leipzig 1883. S. 19. Schlagentweit. Indien Hochasien. II. 40. Reisen nach der hohen Tartarei.

[2]) Опредѣленіе уйгуровъ и угровъ по Вамбери: Türkenvölker.

станѣ, кончая крайними монголовидными у якутовъ и китайцевъ. Съ этимъ согласны всѣ классификаторы. Чистый тюркскій типъ, однако, продолжаетъ отыскиваться и какъ самостоятельный типъ. Г. Деникеръ говоритъ: «типъ тюркскій, который бы я назвалъ туранскимъ [1]), встрѣчается среди народностей, носящихъ названіе у антропологовъ тюрковъ и тюрко-татаръ». *Чистый типъ* тюркскій встрѣчается часто между кара-киргизами, узбеками, татарами и киргизами астраханскими, но среди другихъ племенъ, говорящихъ на тюркскомъ языкѣ, прибавляетъ онъ, встрѣчается въ смѣшанномъ видѣ съ различными элементами, напр.: тунгусами (у якутовъ), монголами (у алтайскихъ тюрковъ), финнами (у татаръ Волги и Сибири) и башкиръ, иранцами (у таранчей), туркменъ транскаспійскихъ и татаръ обербанджана, индо-атлантическими племенами у туркменъ, тюрковъ османовъ etc. (Essai d'une classification des races humaines par M. I. Deniker, p. 14).

При антропологическомъ выясненіи этого тюркскаго или туранскаго типа, мы не можемъ не видѣть, однако, огромныхъ затрудненій въ томъ смѣшеніи и различіи типа, который господствуетъ среди тюркскихъ народностей.

Попытки отыскать чистый татарскій типъ среди кара-киргизъ, киргизъ узбековъ и татаръ, можетъ быть, и привели бы къ чему-нибудь, если бы можно было ручаться, что эти народности болѣе всего сохранились отъ постороннихъ вліяній. Вамбери также хочетъ признать въ сибирскихъ киргизахъ наибольшіе признаки тюркской народности. Признать киргизъ цѣльнымъ типомъ, однако, препятствуетъ ихъ происхожденіе, а также разнообразіе и видоизмѣненіе типовъ. Киргизы расположены между устьемъ Волги, Балхашемъ и тянутся до Алтая и его границъ. Они проходятъ въ глубь средней Азіи. Киргизы раздѣляются на три орды; одно уже это показываетъ трудность найти здѣсь однообразіе. Собственно киргизы даже не называютъ себя киргизами, а ихъ имя *кайсакъ*. Настоящіе киргизы были народомъ, обитавшимъ въ верховьяхъ Енисея, нынѣ исчезнувшимъ или вошедшимъ въ составъ другихъ племенъ, удалившихся къ западу, къ Иссыкъ-Кулю и къ Тянь-Шаню.

Большинство нынѣшнихъ киргизъ носитъ всѣ признаки монголовидности и ближе всѣхъ стоитъ, по тѣлеснымъ признакамъ, къ монголамъ, что приводитъ и Пешель. Родовыя имена, какъ Кипчакъ, Аргынъ и Найманъ, свидѣтельствуютъ о кровномъ род-

[1]) Подъ именемъ Турана разумѣлась географами опять-таки вся мѣстность центральной Азіи со множествомъ племенъ.

ствѣ съ монголами [1]). Спрашивается, какая же часть этого народа можетъ служить представительницей тюркскаго типа? Антропологическія изслѣдованія д-ра Пояркова и Зеланда показали, что среди киргизовъ попадается множество отклоненій и есть типы, близкіе къ арійскимъ. Киргизы поэтому могутъ почесться народомъ смѣшаннымъ.

Что касается кара-киргизовъ, то они нѣсколько выдѣляются типомъ; у нихъ замѣчались русыя, голубоглазыя особи, но это объясняется тѣмъ, что въ составъ ихъ вошли древніе усуни, обитавшіе близь оз. Иссыкъ-Куля. Поколѣніе «усунь» и до сихъ поръ сохраняется среди кара-киргизовъ. Усуни были бѣлокуры и голубоглазы. какъ свидѣтельствуютъ китайскіе историки. Такими же были «хакасы», другое племя въ верховьяхъ Енисея, какъ видно, родственное усунямъ. Хакасы впослѣдствіи носили названіе келикидзе или киргизъ.

Родословная и исторія этихъ бѣлокурыхъ племенъ на югѣ Сибири весьма важна. Но могутъ-ли быть эти племена причислены къ туранцамъ—трудно сказать. Клапротъ относитъ ихъ происхожденіе къ тибетскимъ племенамъ и означаетъ «бѣлокурою расою», «race blonde».

Существованіе этой загадочной бѣлокурой расы въ древности на югѣ Сибири несомнѣнно содѣйствовало перерожденію типа.

Такимъ образомъ разнообразіе типовъ среди киргизовъ можетъ быть объяснено тою же помѣсью и разносоставными элементами, вошедшими въ нихъ.

Что касается сибирскихъ татаръ, то часть ихъ носитъ алтайское и телеутское происхожденіе, таковы татары около Томска, татары кузнецкіе и барабинскіе; другая же часть городскихъ татаръ сливалась съ казанскими. Казанскіе татары носятъ наибольшіе слѣды переходныхъ типовъ къ европейскому, или типовъ среднихъ, какъ касимовскіе, утратившіе, почти, національныя черты. Этотъ средній типъ и принято называть татарскимъ. На самомъ же дѣлѣ среди тюркскихъ племенъ мы видимъ всѣ переходы типовъ, начиная отъ монгольскаго, и трудно рѣшить, былъ-ли древній тюркскій типъ болѣе чистымъ и близкимъ къ арійскому, и впослѣдствіи пострадалъ отъ смѣси съ монгольскимъ, или былъ монголообразенъ, такъ какъ въ древности, по истори-

[1]) Замѣтимъ, что родовыя названія у монголовъ, киргизовъ и алтайцевъ отлично указываютъ помѣси и родство, въ которое входили эти племена. «Сюоки» и «кости», записанные гг. Потанинымъ, Радловымъ и Андріановымъ, даютъ богатый матеріялъ для родословныхъ.

ческимъ указаніямъ, мы видимъ одинъ корень татаръ съ монголами [1]).

Намъ остается перейти теперь къ группѣ *монголовъ*.

Монголовъ Фридр. Мюллеръ дѣлитъ на 4 главныя народности: хара-монголы, халха-монголы, калмыки (олёты) и буряты; всѣ они близки по языку и по типу.

Пешель различаетъ также четыре вѣтви: восточныхъ монголовъ, калмыковъ, бурятъ и хозаровъ. Хара- и халха монголовъ онъ соединяетъ въ одно цѣлое, но принимаетъ хазаровъ, или хезаровъ, кочующихъ между Гератомъ и Кабуломъ. «Черты ихъ лица настолько сохранили монгольскій типъ—говоритъ онъ—что путешественникъ никогда не сомнѣвался въ ихъ этнографическомъ положеніи».

Народности эти сунниты и шіиты давно приняли иранскій языкъ. Хазары, говорятъ, прибыли въ Иранъ, какъ воины Чингизъ-Хана. Какъ видимъ здѣсь, лингвистическая классификація опять уступила антропологической.

Въ сущности только три племени монголовъ хара-монголовъ, хара-калмыковъ и бурятъ принято *по языку* считать за одну семью, но расовыя и антропологическія черты этой народности до такой степени бросаются въ глаза, что даютъ характеристику и распространяются на множество народностей. *Монголовидность типа* является характернымъ признакомъ и другихъ племенъ.

Фридрихъ Мюллеръ въ числѣ монголовидныхъ считаетъ 52 народности, относя сюда: финновъ, тюрковъ, монголовъ, тунгусовъ, корейцевъ, японцевъ, китайцевъ, индо-китайцевъ, анамитовъ, тибетцевъ и др. Ф. Мюллеръ дѣлитъ ихъ по языку на обладающихъ *многосложными* языками, куда относятся всѣ урало-алтайцы, корейцы, японцы и др., и *односложными*, какъ-то: китайцы, индо-китайцы, анамиты и тибетцы.

Пешель къ *монголоподобнымъ* причисляетъ и малайское племя; послѣднее же Ф. Мюллеромъ выдѣлено въ отдѣльную группу.

Кромѣ того къ монголовиднымъ причисляютъ обыкновенно и группу арктичекихъ гиперборейцевъ, въ которую входятъ юкагиры, гиляки, айны, камчадалы, чукчи, коряки, номолосы, эскимосы, алеуты и теленгиты. Народности эти не систематизированы, онѣ не подходятъ ни къ одной расѣ и причисляются въ одну сборную группу. Группа эта любопытна, однако, тѣмъ, что, занимая

[1]) По китайскимъ источникамъ, Монголъ и Татаръ-ханъ были братьями. Сожительство татаръ въ Монголіи указываетъ на давнишнюю ихъ связь съ монголами.

Камчатку, берега Берингова пролива и островов Великаго океана, она составляет звено с американскими племенами, или «американскими монголами».

Г. Деникер *в монголовидной расѣ* видѣл три вида (trois variétés). Тип *эскимосскій* замѣчает он разсѣянным среди сѣверных народностей, как-то: чукчей, калош, алеутов и камчадалов. *Тунгусскій*—среди тунгусов, номадов Сибири, претерпѣвающій, однако, видоизмѣненія от смѣси с монголами, манджурами, даурами и корейцами. Наконец г. Деникер отмѣчает третью вѣтвь чисто *монгольскій тип*, который сохранился у халха-монголов, у калмыков Джунгаріи и, может быть, у тибетцев (?). Он также вошел в этническія группы китайцев, индо-китайцев, малайцев и различныя тюркскія и финскія племена (Essai d'une classification des races humaines, p. 15).

Группѣ монголов и монголообразных, как извѣстно, присвоиваются извѣстные антропологическіе признаки, именно: жесткіе, прямые, глянцевитые черные волосы, желтоватая кожа, узкіе черные глаза с вывороченными вѣками (paupières renversés), раскосость глаз, выдающіяся скулы, плоскій нос, брахицефализм (у эскимосов и долихоцефализм).

Несмотря на всю рѣзкость, грубость и первобытность этого типа монгольской расы, отличающей ее от других рас, мы должны, однако, признать и в этом типѣ массу видоизмѣненій и варіацій. Так, извѣстно, что *тунгусы* нѣсколько разнятся в типѣ от монголов. Одно уже то, что лица у них продолговатѣе, как и голова. Китайцы носят другой тип, отличающій их от монголов. Эскимосов и сѣверных инородцев можно отличить от степняков монголов. Монгольскій тип только с перваго раза кажется однообразным. На самом дѣлѣ привычный взгляд отличает в нем видоизмѣненіе и не смѣшает китайцев с манджурами, тунгусов с бурятами и т. д., как мы пріобрѣли намётку отличать грека, армянина, кавказца, турка, француза и т. д. Этническія группы монголовидных, поэтому, имѣют свои особенности, еще вполнѣ не схваченныя европейскими наблюдателями.

На разницу монголообразных типов указывал Кастрен, Миддендорф и друг. Для антропологов необходимо составить нынѣ спеціальную классификацію этих типов, если не по народностям, то по характерным чертам, встрѣчающимся в различных этнических группах. Г. Деникер в своей антропологической классификаціи дѣлает первый шаг и оказывает

*

въ этомъ отношеніи услугу. Онъ дѣлитъ монголообразный типъ, какъ видимъ, на *эскимосскій*, *тунгусскій* и *монгольскій*.

Безъ сомнѣнія, при изученіи монголовидности, типы эти можно продолжать. Корейцы и китайцы, вѣроятно, будутъ отличаться особыми отклоненіями.

Въ этой классификаціи, само собою, явится вопросъ: какое изъ указанныхъ племенъ и группъ монголовидныхъ сохраняетъ болѣе типичныя черты монголовидности, иначе, какой типъ древнѣе, первобытнѣе и ближе къ типу монголовиднаго прародителя—троглодита?

Несомнѣнно тотъ типъ народный, который грубѣе, рѣзче въ своихъ монголовидныхъ особенностяхъ. Здѣсь нельзя не признать самымъ рѣзкимъ и грубымъ типомъ, приближающимся къ доисторическому человѣку—это типъ сѣверныхъ монголовидныхъ, какъ-то: типъ эскимосовъ, камчадаловъ, арктическихъ племенъ и, можетъ быть, самоѣдовъ. Сама изолированность этихъ племенъ и грубость первобытной обстановки, суровыя условія жизни должны были дольше сохранить этотъ типъ. Далѣе въ классификаціи должны быть поставлены другія монголообразныя племена, какъ тунгусы, монголы и китайцы. Тунгусы, однако, относятся къ манджурской народности и должны быть изучаемы въ связи съ ней. Изъ монголовъ мы видимъ сохранившими болѣе монгольскія черты сѣверныхъ монголовъ, какъ напр.: буряты, даже якуты (тюрки) сохранили болѣе выразительныя монгольскія черты. Это можетъ быть объяснено тѣмъ, что они были ранѣе отодвинуты на сѣверъ и смѣшаны съ монголами.

Изъ алтайскихъ тюрковъ, по нашимъ наблюденіямъ, наиболѣе рѣзкими, грубыми чертами монголовидности отличаются *телеуты*. Такимъ образомъ рѣзкую монголовидность мы находимъ и у азіатскихъ тюрковъ угро-алтайской группы. Должны-ли мы объяснить ее только смѣшеніемъ съ монголами, если ихъ монголовидность превосходитъ даже монгольскую, т.-е. монголовъ центральной Азіи? Не говоритъ ли это скорѣе за то, что тюрки восточной Монголіи, какъ и монголы въ древности были болѣе монголообразны и относились къ одной вѣтви и имѣли общій типъ, происходя отъ одного монголовиднаго прародителя?

Если въ общихъ группахъ монголообразныхъ находится разница, то еще болѣе разнообразія встрѣчается въ монголовидныхъ индивидуумахъ каждой группы. Если мы замѣчаемъ монголообразность, такъ сказать, вкрапленную и наложившую печать на другія группы, повидимому другаго происхожденія, напр.: на тюрковъ, финновъ и т. д., то среди монгольскихъ племенъ нельзя

отрицать той же вкрапленности, той же помѣси высшаго и болѣе чистаго арійскаго типа. Монгольскій типъ среди монголовъ, такимъ образомъ, не является чистымъ. И это объясняется тѣми же причинами, что монгольскія племена не были изолированы, такъ какъ исторія показываетъ сожительство ихъ съ другими племенами.

Монголы, какъ могущественное государство, являются въ XIII в.; до этого на ихъ мѣстѣ жили племена наймановъ, кераитовъ, уйгуровъ и тукюэ-тюрковъ, и монголы слились съ ними. Въ эпоху Чингизъ-Хана Монголія была наполнена завоеванными китайцами, татарами (сарацинами), персами, туркестанцами и др., среди которыхъ была масса арійскихъ типовъ. Такимъ образомъ монголы сами въ это время восприняли множество народностей и смѣшались съ ними, даже мать Чингизъ-Хана была родомъ татарка.

Изъ исторіи мы видимъ, что Монголія и сѣверъ далеко ранѣе были мѣстомъ обитанія другихъ народовъ. За 1000 л. до Р. Х. на сѣверѣ Китая, въ сѣверо-восточной Азіи господствовали корейскія и манджурскія племена. Изъ нихъ были замѣчательны два — сянь-би, джурджени или нюечжи, оставившія слѣды культуры за Байкаломъ.

Затѣмъ къ юго-востоку отъ Китая жили неизвѣстныя племена юечжи и усуни, постоянно подвигавшіяся къ сѣверу, прошедшія изъ Гань-су по окраинамъ пустыни мимо Большаго Алтая къ Иссыкъ-кулю. Эмиграція эта оставила слѣды въ Саянахъ, въ Алтаѣ и на Иссыкъ-кулѣ. Остатки этихъ бѣлокурыхъ племенъ были хакасы и усуни. Эта южная эмиграція, направленная къ сѣверу, не могла не коснуться Монголіи.

Далѣе мы находимъ, за 1000 л. до Р. Х., въ Монголіи гіеннъ-ну, древній туранскій народъ, получившій впослѣдствіи названіе тукюэ. Къ началу христіанской эры исторія этого племени у китайцевъ становится опредѣленнѣе. Тукюэ занимаютъ Монголію и находятся на верховьяхъ Орхона. Въ 31 г. до Р. Х. Китай занимаетъ эти страны и покоряетъ уйгуровъ и усуней. Послѣдніе оттѣснены и занимаютъ земли финновъ въ Сибири. Въ 232 г. по Р. Х. гіеннъ-ну вновь занимаютъ Алтай, а въ верховьяхъ Енисея образовываются новыя государства Кіанъ-куень или Хакасъ. Они существовали въ лѣтописяхъ до IX в. Хакасы или енисейскіе киргизы, келикидзе простирались до Байкала и являлись на Орхонѣ. Въ 362 г. по Р. Х. усиливаются опять сянь-би.

Въ VI в. возникаетъ въ центральной Азіи имперія тукюэ отъ Кавказа до Восточнаго океана. Въ X в. усиливаются уйгуры.

Въ X в. появляется новая народность кидани, тунгусское племя, которое завоевываетъ Китай. Уйгуры удалились къ западу въ Туранъ. За киданями выступаютъ въ 1234 г. новые завоеватели нюэчджи. Такимъ образомъ до XIII в. мы видимъ совершенно другія племена въ центральной Азіи, игравшія видную историческую роль. Это были племена корейскія, тунгусскія, тюркскія, съ юга же оттѣсняли ихъ китайцы и тибетскія племена. Монголы появились позднѣе и усилились присоединеніемъ другихъ народовъ, которые вошли въ ихъ составъ, напр. кераитовъ было втрое болѣе, когда ихъ разбиваютъ въ первой битвѣ монголы.

Послѣ паденія монгольской имперіи, когда другіе народы отхлынули, то оставшіеся нынѣшніе монголы представляютъ собой помѣсь. Съ другой стороны результатомъ монгольскаго движенія было оттѣсненіе разныхъ племенъ и перетасовка ихъ. Во время завоеваній многія отодвинулись къ сѣверу, востоку и западу. Послѣ паденія монгольской имперіи завоеванныя племена въ лицѣ калмыковъ, олётовъ, алтайскихъ тюрковъ, кипчаковъ и киргизовъ образовали особыя группы и передвинулись. Нѣтъ сомнѣнія, что этническое образованіе народовъ центральной Азіи съ ихъ типичными расовыми чертами формировалось гораздо ранѣе монгольскаго нашествія, и что монголы сами были только группою монголовидныхъ, которая терпѣла измѣненія съ измѣненіемъ историческихъ обстоятельствъ.

Дальнѣйшее изученіе инородцевъ, лингвистическія изысканія и антропометрическія работы, собраніе и сравненіе череповъ, точно также изслѣдованіе религій, обычаевъ и культуры, безъ сомнѣнія, со временемъ прольютъ болѣе свѣта на ихъ происхожденіе и дадутъ возможность установить болѣе точную классификацію угро-алтайскихъ племенъ.

Татары и бухарцы Тобольской губерніи и ихъ современное положеніе.

Татары Западной Сибири принадлежатъ къ древнѣйшимъ аборигенамъ края и относятся къ тюркскимъ племенамъ, населявшимъ Сибирь съ XIII вѣка. Въ XV столѣтіи мы находимъ на берегахъ Иртыша сибирское царство, основанное послѣ раздоровъ у нагаевъ; въ составъ его вошли туземныя татарскія поколѣнія, покоренные остяки и нѣкоторыя башкирскія волости. Царство Кучума носило характеръ подобно Казанскому: здѣсь была аристократія, духовенство и черные люди; у него уже до пришествія русскихъ были сношенія съ Казанью и Бухарою. Ермакъ, поселившись на Турѣ, уже встрѣтилъ татарскіе городки Туры, почему тюменскіе и иртышскіе татары получили названіе турали или туралинцевъ, т. е. осѣдлыхъ татаръ городскихъ [1]. Ермакъ встрѣтилъ самое сильное сопротивленіе у этихъ татаръ и разорилъ нѣсколько городковъ, пока дошелъ до «Сибири». Въ вершинѣ Туры уже русскіе застали Епанчинъ-городокъ, Чинги-Тура (Тюмень), Явлу-Тура, Торханъ-Колга, около Тобольска городъ Искеръ (Сибирь), Бицикъ-Тура, Ашика, городокъ Карачи, далѣе—по Иртышу вверхъ Куллора и Ялымъ или Аялы, на Ишимѣ былъ древнѣйшій городъ Хана-Она. На излучинѣ Омы (Оми) остались высокія стѣны гор. Тонтуры, вблизи устья Урала — окопы Сорочина; кромѣ того, татарскія городища съ валами раскиданы во многихъ мѣстахъ степей. Древніе татары, какъ видно по остаткамъ на городахъ, имѣли жилища деревянныя и глинобитныя; здѣсь находятся куски пережженой глины [2], шлака,—несомнѣнные признаки осѣдлости. Татары, какъ замѣтно по находимымъ

[1]) Описаніе народовъ Россійск. Импер. Георги, стр. 29; Фишеръ о туралинцахъ, стр. 156.

[2]) Въ текстѣ Георги, стр. 32.

древностямъ, пользовались желѣзомъ, выдѣлывали металлъ и стояли на извѣстной культурной высотѣ, сравнительно съ окружающими остяками и вогулами. Такимъ же искусствомъ въ выдѣлкѣ металла обладали и телеуты въ Томской губ. Остатки бронзовыхъ и желѣзныхъ орудій показываютъ, что металлъ давно выдѣлывали въ Сибири. Затѣмъ татары занимались также и земледѣліемъ. Кромѣ находимыхъ остатковъ жерноловъ и сошниковъ, извѣстно изъ нѣкоторыхъ актовъ, что татары были земледѣльцы. Что Кучумъ и его татары занимались хлѣбопашествомъ, видно изъ грамоты Тарскаго воеводы, доносящаго: «Кучумъ-царь пошелъ съ Черныхъ водъ на Обь-рѣку съ дѣтьми и со всѣми людьми, гдѣ у него хлѣбъ засѣянъ» (Отписка царю тарскаго воеводы Воейкова 1598 г. Акт. истор., т. II, № 1). Татары и вогуличи были посажены вслѣдъ за завоеваніемъ въ 1497 г. на государственную пашню (Рус. истор. библіограф., изд. арх. комис., т. II, № 58). При занятіи татарскихъ городковъ, въ нихъ находились всегда запасы хлѣба (Сибир. лѣтопись). Принимая во вниманіе, что земледѣліе извѣстно было бухарцамъ, телеутамъ, слѣды ирригаціи каналовъ замѣтны въ Семирѣчьи, на Алтаѣ, въ Минусинскомъ округѣ и за Байкаломъ,—можно заключить, что древніе народы Сибири давно употребляли хлѣбъ и татары не могли не знать его, хотя часть ихъ сохранила скотоводческое хозяйство. Миллеръ, Фишеръ, Георги и Словцовъ описываютъ иртышскихъ и тобольскихъ татаръ, какъ земледѣльцевъ, тогда какъ барабинскіе татары вели полукочевой и звѣроловный образъ жизни. Платье и украшенія, сохранившіяся у тобольскихъ татаръ отъ прежняго времени, носятъ слѣды нѣкоторой роскоши и древней моды. Видно, что они находились подъ сильнымъ вліяніемъ магометанства и средней Азіи. Георги ихъ описываетъ смѣшанными съ бухарцами, вызванными уже сибирскими царевичами. «По языку сибирскіе татары—говоритъ изслѣдователь тюркскихъ нарѣчій В. В. Радловъ—раздѣляются на барабинскихъ и иртышскихъ. Изъ нихъ первые образуютъ особое племя, тогда какъ иртышскіе представляютъ смѣсь трехъ древнихъ жителей Сибири, съ тремя колѣнами—туралы, аялы и курдакъ—и нахлынувшихъ туда въ XV и XVI ст. тюркскихъ племенъ средней Азіи. Среднеазіатскіе переселенцы живутъ отчасти и теперь, не смѣшиваясь съ остальными, и называютъ себя бухарлыкъ. Чище всѣхъ, какъ кажется, сохранились курдакъ, а туралы сильно смѣшались съ бухарлыками». Георги, въ половинѣ прошлаго столѣтія, сообщаетъ о туралинцахъ, или татарахъ на Турѣ: «городскіе татары перемѣшались съ казанскими татарами и бухарцами

и вполнѣ съ ними сходствуютъ; турскіе деревенскіе татары могутъ почесться чистыми потомками древнихъ, страны сей жителями и составляютъ, какъ кажется, особое колѣно. Отъ другихъ татаръ они отличаются тѣмъ, что нарочито ростомъ высоки и притомъ плотны или дородны, головасты и по чертамъ лица похожи нѣсколько на калмыковъ. Волосъ у нихъ по большей части черенъ, жидокъ (монгольская неволосистость) и прямъ. Отличаются честностью, прилежаніемъ (трудолюбіемъ), но въ нравахъ ихъ больше суровости, чѣмъ у казанскихъ татаръ. Въ деревняхъ ихъ попадается рѣдко больше 10 дворовъ; дворы ихъ малы; срублены изъ бревенъ; внутреннее расположеніе похоже на дома казанскихъ татаръ. Всѣ занимаются земледѣліемъ, держатъ пчелъ, ходятъ на промыслы за рыбой и—на лыжахъ зимою—за звѣремъ». Тобольскіе татары, по Георги, живутъ въ деревняхъ до 10—15 дворовъ и всѣхъ ихъ считается до 4.000 д. м. п. Съ виду походятъ на туралинцевъ и родственны имъ; они магометане, жилища ихъ, расположенныя по татарскому обыкновенію, хуже казанскихъ; всѣ занимаются земледѣліемъ, однако не пашутъ болѣе 3-хъ десятинъ; скотоводство ихъ страдаетъ отъ сибирской язвы; женщины ихъ ткутъ холстъ на станкахъ, какъ и у оренбургскихъ татаръ; во всемъ магометанскіе обычаи и колымъ. Турскіе или туринскіе татары были въ прошломъ столѣтіи магометанами, но въ 1718—1720 г. крещены тобольскимъ архіепископомъ Филофеемъ. «Тогда, по уничтоженіи у нихъ школъ—сообщаетъ Георги—пришло у нихъ въ забвеніе и знаніе грамоты и письма, которыя теперь рѣдкость, а, можетъ, и никому незнакомы. Разстояніе ихъ жилищъ и бѣдность противоположили поученіямъ и стремленію грекороссійскаго духовенства столь великія препятствія, что большая половина сдѣлалась только невѣждами и суевѣрными греческаго вѣроисповѣданія сопричастниками» (Георги, ч. II, туралинцы, стр. 30—31). Это обращеніе произошло, однако, только около вогульскихъ селеній и города Туринска, а также кашутскихъ татаръ, жившихъ по Тавдѣ. Попытки обращенія татаръ были и въ половинѣ XVIII ст. митрополитомъ Сильверстомъ Гловатскимъ и, наконецъ, въ XIX ст. въ Тобольскѣ существовало отдѣленіе библейскаго общества, которое проповѣдывало евангеліе между татарами и киргизами. Для распространенія среди татаръ христіанской вѣры были выстроены на казенный счетъ церкви при устьѣ рѣкъ Ишима и Тары; но православіе чрезвычайно слабо распространялось среди нихъ; по отчетамъ губернаторовъ, въ 9 лѣтъ, начиная съ 1860—1868 г., обращено ихъ въ православіе только 331 чел. Тобольскихъ

татаръ такимъ образомъ должно признать упорно держащимися магометанства, не смотря на то, что они со всѣхъ сторонъ окружены русскими деревнями.

Въ списк. насел. мѣст. Тобольской губ. сдѣлано заключеніе, что, не смотря на успѣхи цивилизаціи, татары не очень скоро теряютъ свою народность и языкъ; живымъ примѣромъ можетъ служить деревня Ямакова, Тюменскаго округа, населенная татарами, которые, принявъ крещеніе еще въ XVIII ст., всѣ переженились на русскихъ, до сихъ поръ говорятъ татарскимъ нарѣчіемъ, исполняя правила православной религіи. Нѣкоторые татары въ Тобольской губ. называютъ себя, однако, татарами, потому что исповѣдуютъ магометанскую религію, хотя, по нѣкоторымъ особенностямъ нравовъ, они могутъ быть отнесены къ остякамъ (заболотные, ачаирскіе татары, Тобольскаго округа, татары Байкаловской волости, а также въ волостяхъ Антиповской, Алакской, Тюменскаго округа). По описанію 1868—1869 г., бытъ тобольскихъ осѣдлыхъ татаръ, а равно и тюменскихъ, какъ видно, поднялся—селенія ихъ стали многолюднѣе, хотя и не такъ многочисленны, какъ русскія. Встрѣчаются селенія въ 1.000 душъ. Въ Тобольской губ. отъ 500 до 1.000 душъ было 8 селеній, отъ 100 до 500 душъ—118 сел., отъ 50 до 100 душъ—58 селеній и по 50 душъ—52 сел. Татары, живя среди русскихъ, успѣли усвоить кое-что изъ ихъ обстановки и обычаевъ, напр.: обои, самовары, шторы, цвѣты; женщины не скрываются отъ мужчинъ; постройки нѣсколько улучшились противъ прошлаго столѣтія, но бѣдны, избы имѣютъ не болѣе двухъ комнатъ, въ нихъ находятся татарскія нары и чувалъ, окна подведены подъ самую крышу. Большею зажиточностью отличались татарскіе торговцы въ городахъ, перенявшіе много изъ предметовъ комфорта. Татарское населеніе Тобольской губ., особенно торговое сословіе, имѣло, однако, въ концѣ прошлаго столѣтія нѣкоторое благосостояніе и капиталы. Содѣйствовала его успѣхамъ торговля съ Джунгаріей, при чемъ бухарцы сдѣлали своими агентами тобольскихъ татаръ. Тобольскіе татары, какъ и казанскіе, обнаружили замѣчательную способность къ торговлѣ и коммерческіе таланты. При Екатеринѣ II татарамъ даны были грамоты на земли ихъ, и нѣкоторые изъ большихъ родовъ имѣли значительныя угодья. Но съ паденіемъ джунгарскаго и среднеазіатскаго торга, а также по мѣрѣ расширенія русскаго земледѣлія и благодаря сосѣдству русскихъ деревень, татары потеряли свои угодья такъ же, какъ и рыболовныя мѣста, и тѣмъ поставлены были въ нѣкоторую зависимость отъ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ. Столкнове-

нія татаръ съ русскими на экономической почвѣ начались вскорѣ по покореніи Сибири. Азіатцы осѣдлые были ясачные или хлѣбопашцы, или служивые. Одни татары мусульматскаго закона соединяли со службой и хлѣбопашество [1]). Обращеніе ихъ къ десятинной пашнѣ, однако, вызвало жалобы татаръ на обремененіе повинностью и нѣкоторые татары бѣжали отъ нея. Въ 1599 г. царь Борисъ, освѣдомясь, что пашнею занимаются татары только около Тюмени и въ Тобарѣ по Тавдѣ, назначилъ и тагильскіе юрты на пашню съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто ясака, взимать хлѣбомъ [2]). Татары имѣли различныя угодья, гдѣ водились бобры, орлиныя гнѣзда и пр., наконецъ, хлѣбопахатныя мѣста. Угодья эти начали отходить отъ нихъ къ русскимъ. Такъ, Словцовъ приводитъ уже подъ 1678 г. жалобу тюменскихъ татаръ на завладѣніе ихъ землею и угодьями со стороны Софійскаго дома и монастыря [3]). Благосостояніе тобольскихъ, тюменскихъ и тарскихъ татаръ въ послѣднее время замѣтно пало, и очень немногіе дома изъ нихъ въ городахъ сохранили зажиточность. Въ общемъ, экономическое положеніе и бытъ татаръ въ деревняхъ представляется весьма низкимъ. Паденію ихъ быта содѣйствовало нѣсколько причинъ. Изслѣдованіе экономическаго быта [4]), на основаніи имѣвшихся въ рукахъ нашихъ оффиціальныхъ матеріаловъ, представило намъ слѣдующую картину: «Татары обложены подушной и оброчной податью наравнѣ съ государственными крестьянами. Съ прекращеніемъ торговыхъ промысловъ и обращеніемъ въ поселянъ, бытъ осѣдлыхъ татаръ и бухарцевъ замѣчательно сталъ падать и въ настоящее время представляетъ крайне печальное явленіе. Самымъ лучшимъ доказательствомъ служитъ положеніе этого населенія и количество недоимокъ, накопившихся на татарахъ Тобольской и Томской губерній въ послѣднее время. Въ 1875 году эти недоимки равнялись:

По Тобольскому округу	318.860 р.	45 к.	
» Тюменскому »	27.812 »	54 »	
» Ялуторовскому »	59.042 »	99 »	
» Тарскому »	74.518 »	38 »	
Всего	480.234 р.	36 к.	

[1]) Словцовъ, ч. I, стр. 155.

[2]) Истор. обозр. Словцова.

[3]) Грамота напечатана въ IV собраніи грамотъ съ Румянцевскимъ гербомъ. Словцовъ, Истор. обозр. Сибири, стр. 183.

[4]) Подробный списокъ волостей съ ихъ жителями приведенъ въ особыхъ таблицахъ.

Изъ журнала главнаго управленія Западной Сибири 1879 г. 10—20 ноября, за № 154, и представленія министру Двора 20 ноября 1879 г. (№ 1115) рисуется настоящій бытъ этихъ инородцевъ. Скота во владѣніи инородцевъ считается по Тобольскому округу 272 лошади, 3.055 рогатаго скота и 1.707 мелкаго, среднимъ числомъ по одной лошади на 2,3 души, по одной коровѣ на двѣ души и одной овцѣ на 3,6 души. По Тюменскому—лошадей 212, рогатаго скота 221 и мелкаго 109, или одна лошадь на 3,8 души, по одной коровѣ на 3,5 души и по одной овцѣ на 7,5 душъ. По Ялуторовскому—лошадей 902, рогатаго скота 750 и мелкаго 1.251, или по одной лошади на 2,3 души, по одной коровѣ на 3 души, одной овцѣ на 1,7 душу. По Тарскому—1.763 лошади, 1.363 рогатаго скота и 765 мелкаго, или по одной лошали на 1,7 душу, по одной коровѣ на 2,2 души и по одной овцѣ на 3,9 души. Хлѣба инородцы засѣваютъ отъ одной до четырехъ десятинъ; урожай въ большинствѣ случаевъ незначительный—отъ самъ-2 до самъ-5 и менѣе, если только не случается никакихъ бѣдствій, въ родѣ того, какъ въ Кречеминской волости, Тюменскаго округа, въ которой изъ числа 40 десятинъ, засѣваемыхъ съ 1877 года озимымъ хлѣбомъ, съ 35 десятинъ снято было 10 четвертей при посѣвѣ 40 четвертей. Скудость урожаевъ доказывается и тѣмъ, что въ Сенгульской волости съ засѣянныхъ 1.000 десятинъ разнымъ хлѣбомъ получено было 8.172 четверти, тогда какъ на годовую пропорцію необходимо было 6.515 четвертей на продовольствіе и 1.825 четвертей на посѣвъ. Слѣдовательно, урожай далъ на 168 четвертей менѣе потребнаго. Оброчная плата, взимаемая за отдачу въ аренду рыболовныхъ угодій, принадлежащихъ инородцамъ, по распоряженію земскаго начальства, въ большинствѣ случаевъ обращается сполна въ казну на пополненіе считающихся недоимокъ.

Тобольскій губернскій совѣтъ, разсмотрѣвъ представленныя командированными чиновниками удостовѣренія, нашелъ, что при настоящемъ экономическомъ состояніи инородцевъ Тобольской губерніи одновременное взысканіе съ нихъ всей числящейся за ними недоимки представляется совершенно невозможнымъ.

Разсматривая въ частности бытъ этихъ инородцевъ по другимъ даннымъ, сосредоточивавшимся въ нашихъ рукахъ, мы видимъ только подробности того же безутѣшнаго положенія. Волости татаръ и селенія раскиданы среди русскихъ волостей и административное ихъ дѣленіе крайне запутано: инородческая волость живетъ нерѣдко въ 10—12 русскихъ волостяхъ, но тамъ, гдѣ находились ея земли, инородцевъ нѣтъ, въ иныхъ татарскихъ юр-

тахъ за то живутъ представители 4—5 волостей, иные городовые инородцы совсѣмъ не имѣютъ земель, хотя числятся сельскими жителями. Права на землю ими были или утеряны, или перешли къ русскимъ. Тюменскій исправникъ недавно доносилъ, что инородцы запродаютъ свои угодья русскимъ, и не успѣетъ еще срокъ выйти, какъ запродаютъ другимъ лицамъ лѣтъ на 20—30 за ничтожную сумму 2—3 рубля [1]).

Когда инородцы принялись доказывать свои древнія права, то ихъ крѣпостные акты не получали признанія и пропадали въ канцеляріяхъ, а между тѣмъ поземельный вопросъ былъ причиною всѣхъ безпорядковъ и началомъ обѣднѣнія. Татарскія деревни оказались раскиданными среди русскихъ, русскія между татарскихъ, волости и жители разбиты, такъ что въ административномъ отношеніи дѣло запутано до послѣдней степени. Чтобы распутать его, въ послѣднее время явилось предположеніе присоединить татарскія деревни, а стало быть, и татарскія общества къ русскимъ волостямъ. Но такой опытъ рѣшительно не удался и не могъ удасться, такъ какъ магометанское населеніе, до извѣстной степени фанатическое, не могло слиться съ русской общиной; мало того, оно находилось въ антагонизмѣ съ русскимъ населеніемъ на экономической почвѣ за захваты угодій. Поэтому нѣкоторые опыты обнаружили плачевные результаты. Присоединеніе въ 1864 году инородцевъ Эскалбинской волости, Тобольской губерніи, къ Байкаловской и Корочинской окончились накопленіемъ недоимокъ на инородцахъ, въ первой волости 1.084 р., а во второй 2.125 р. Затѣмъ за причисленными къ Кугаевской волости 84 душами съ 221 р. 55 к. недоимка возросла до 2.412 р. 93 к., что подало поводъ къ приговору русскихъ крестьянъ отчислить ихъ (донесеніе тобольскаго исправника 24 марта 1876 г.). Такимъ образомъ административный вопросъ этихъ инородцевъ находится запутаннымъ до послѣдней степени.

Татарскія деревни немноголюдны и отличаются бѣдностью и неопрятностью, какъ говорятъ описанія. Дѣйствительно, они имѣютъ весьма убогое хозяйство, почему принято ихъ считать лѣнивыми. Хозяйственныя условія характеризуются слѣдующими, напримѣръ, данными: на 3.336 ревизскихъ душъ Бухарской волости только 668 домовъ, 1.035 человѣкъ вовсе не имѣютъ скота и 587 душъ имѣли по одной скотинѣ,—условія, при которыхъ невозможно никакое хозяйство. Земледѣліемъ занималось 370 домохозяевъ, причемъ 246 имѣли отъ 2 до 5 десятинъ и 101 по одной десятинѣ;

[1]) «Журналъ Тобольскаго губернскаго совѣта» 1876 года, № 283.

но кромѣ того 1.344 души не занимались земледѣліемъ. Годовой податной окладъ ихъ равнялся 2.750 руб., а недоимки было 28.078 руб. 52¾ коп., причемъ на каждую ревизскую душу приходилось по 32 руб., а на взрослаго работника по 68 руб. 33 коп. Въ Городовой татарской волости на 2.075 ревизскихъ душъ только 385 домовъ, 875 душъ не имѣютъ лошадей и 716 не занимаются земледѣліемъ; годовой окладъ равенъ 4.817 руб., а недоимокъ—38.757 руб., такъ что на взрослаго работника падало 67 руб. 20⅓ коп. (653 души).

Въ подобномъ же положеніи находятся волости оброчныхъ чувальщиковъ, прежнихъ казанскихъ переселенцевъ татаръ, за которыми недоимки было 26.085 руб на 906 ревизскихъ душъ; волости Бабасинская, Истяцкая, Порогайская, Надцинская, Вагайская и Уватская, въ которыхъ 53.972 руб. недоимки 2.157 душъ.

Причины обѣдненія и разоренія тобольскихъ татаръ усматриваются въ уменьшеніи звѣроловства и рыболовства («Дѣло о недоимкахъ съ инородцевъ» и «Журналъ Тобольск. губ. совѣта»); кромѣ того въ преслѣдующихъ инородцевъ съ 1860 года по нѣскольку лѣтъ сряду неурожаяхъ и послѣдовавшихъ за ними голодахъ. По оффиціальнымъ дознаніямъ, въ это время хлѣбъ принуждены были покупать по 1 руб. 20 коп. за пудъ, бѣднѣйшіе же изъ инородцевъ, не имѣя средствъ купить хлѣба, нанимались изъ-за одного пропитанія въ работу, вмѣсто платы получая отъ 3 до 5 фунт. муки въ день. Правительство не только должно было раздать хлѣбъ изъ магазиновъ, но даже безвозвратное денежное пособіе по 1 руб. на человѣка. Это послѣднее пособіе отпущено было татарскимъ инородцамъ еще въ 1877 году.

Дальнѣйшею причиной были падежи скота. Подобные падежи въ Сибири опустошаютъ цѣлыя мѣстности, почему многіе инородцы остались безъ рабочаго скота.

Четвертая причина, удостовѣренная, это—лѣсные пожары, при которыхъ сгорѣло много лѣса и кедровика, составлявшаго для инородцевъ предметъ промысла и источникъ дохода отъ сбора орѣховъ. Всѣ эти, періодически продолжающіяся до настоящаго времени, бѣдствія, по удостовѣренію оффиціальнаго документа, довели инородцевъ до того, что матеріальное ихъ состояніе находится болѣе чѣмъ въ жалкомъ положеніи и многіе изъ нихъ не имѣютъ одежды и средствъ пропитать семью («Журналъ главн. управл. Зап. Сибири» 1879 г., 10—20 ноября, № 154).

Вмѣсто настоятельнаго изслѣдованія причинъ этихъ бѣдствій, лежащихъ, безъ сомнѣнія, въ переходѣ лучшихъ угодій къ русскому населенію, и вмѣсто помощи обѣднѣвшему населенію, къ

сожалѣнію, въ Сибири не всегда принимались соотвѣтствующія мѣры и съ обѣднѣвшихъ инородцевъ слѣдовало еще болѣе суровое взысканіе накопившихся недоимокъ. Такъ, по отзыву того же «Журнала главнаго управл. Зап. Сибири», взысканіе недоимокъ еще болѣе ухудшило бытъ инородцевъ въ Бабасинской волости, гдѣ одна лошадь приходится на 3 души и одна корова на 4. Въ этой волости было продано въ 1875 году скота на пополненіе недоимки болѣе чѣмъ на 300 руб. Не смотря на то, что татарское населеніе отличается, по описаніямъ, крѣпкимъ сложеніемъ и принадлежитъ къ породистой татарской расѣ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ замѣчалась убыль населенія и перевѣсъ смертности надъ рожденіями, на что обращалъ вниманіе начальства тобольскій исправникъ Дзерожинскій въ 1875 году, указывая на волости Бабасинскую и Уватскую.

Дѣйствительно, по спискамъ ревизскаго населенія и позднѣйшимъ исчисленіямъ, нельзя не убѣдиться, что прибыль населенія весьма медленна, когда въ однѣхъ волостяхъ она возросла съ 3.406 душъ, по послѣднимъ ревизіямъ, на 4.525 къ 1878 году, въ другихъ, какъ Бухарской, на 3.336 душъ увеличилась только на 357 душъ, или Городовой татарской съ 2.057 населеніе увеличилось въ 25 лѣтъ только на 100 чел., въ Уватской на 2.157 душъ прибавилось 40 душъ и т. д. По спискамъ населенныхъ мѣстъ показывалось въ Тобольскомъ округѣ въ 1868 году татаръ и бухарцевъ 15.740 душъ, по свѣдѣніямъ же 1875 г., доставленнымъ въ главное управленіе Западной Сибири, ихъ всего около 16.021. Въ Тюменскомъ округѣ въ 1868 году было 9.083, а нынѣ 9.099, т. е. населеніе почти не прибыло. Что касается татаръ тюменскихъ, тарскихъ, ялуторовскихъ, то условія быта и положеніе ихъ было сходственно съ тобольскими такъ же, какъ и происхожденіе. Около Тюмени, по завоеваніи русскими, сформировано было нѣсколько волостей. По нашимъ свѣдѣніямъ, къ 1880 г. въ Тюменскомъ округѣ нынѣ находится 5 татарскихъ волостей, а именно: 1) Колымская, 2) Нердинская, 3) Кречетинская, 4) Кашлальская и 5) Бухарская, во всѣхъ ихъ 4.803 м. пола ревизскаго населенія, а всего въ 1880 г. было 9.099 душъ. Въ Тарскомъ округѣ находится также 5 волостей татаръ, а именно: Лялынская вол., Каурдакская, Тавскауктузская или Больше-Куларовская, Саргатская и Бухарская, во всѣхъ ихъ ревизскаго мужскаго населенія считалось 5.216 чел., къ 1880 г.—12.145 чел. Въ Ялуторовскѣ жили бухарцы въ числѣ 134, татарскія волости состояли изъ Асласпинской и Сингульской, гдѣ находилось 5.408 д. об. п.

Статистическія таблицы, прилагаемыя здѣсь, рисуютъ бытъ

тобольскихъ татаръ. Счетъ ихъ по X ревизіи 20 лѣтъ назадъ и посемейные списки рисуютъ увеличеніе населенія. Вотъ это увеличеніе:

	X рев.	За 1880 г.
Бухарская	3.336	3.693
Городовая	2.057	2.223
Уватская	2.157	2.197
Истетская	740	740

Мы видимъ, что населеніе здѣсь прибываетъ крайне медленно или совсѣмъ не прибываетъ и не увеличивается. То же свидѣтельствовалъ въ своемъ отчетѣ и исправникъ Дзерожинскій при представленіи положенія татаръ въ 1875—1877 г.

Въ послѣднее время въ Тобольской губерніи, по иниціативѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, производились экономическія изслѣдованія хозяйственнаго быта крестьянъ и инородцевъ, причемъ командированы были особые чиновники.

Отъ одного изъ нихъ, г. Патканова, обстоятельно изслѣдовавшаго бытъ инородцевъ, мы получили слѣдующія цифры:

Въ Тобольскомъ округѣ въ 1887 г. было татаръ 8.681 м. пола, 7.529 ж., всего 16.210 обоего пола.

Между тѣмъ въ 1878 г. въ 9 волостяхъ инородческихъ было 17.118 душъ обоего пола. Г. Паткановъ относительно современной цифры въ 16.210 душъ дѣлаетъ примѣчаніе и находитъ ее преувеличенной. Какъ бы то ни было, и изъ этой цифры ясно, что населеніе уменьшилось въ числѣ за послѣдніе годы.

Экономическій бытъ этихъ татаръ не улучшается и не прогрессируетъ, но опускается и они превращаются въ безземельный пролетаріатъ и ищутъ отхожихъ промысловъ.

Какъ магометане, они заимствовали когда-то магометанскую образованность изъ Туркестана. Они имѣютъ школы при мечетяхъ и обучаютъ дѣтей на дому. Изъ статистическихъ отчетовъ видно, что въ волостяхъ ихъ было въ 1880 г. до 14 училищъ, въ училищахъ обучалось 340 мальчиковъ и 81 дѣвочка, учившихся дома взрослыхъ грамотныхъ 761 чел., неучившихся дѣтей 1.597. Изъ этого видно, что ученіе и грамотность были нечужды магометанскому населенію и при лучшихъ условіяхъ умственное развитіе ихъ могло сдѣлать болѣе успѣховъ. Но, какъ видно, нужда и бѣдствія татаръ отвлекли ихъ отъ заботъ объ обученіи.

Паденіе экономическаго быта, слабая плодовитость осѣдлыхъ татаръ Тобольской губерніи ясно не составляютъ явленія нормальнаго, а въ общемъ оно тѣмъ прискорбнѣе, что населеніе это было когда-то культурнымъ, зажиточнымъ и по своимъ условіямъ

не могло быть сравниваемо съ кочующими дикарями. Здѣсь анормальныя условія ослабленія жизненныхъ силъ и вымиранія инородцевъ мы встрѣчаемъ среди народностей осѣдлыхъ, чему примѣры трудно найти.

То же мы видимъ на тюменскихъ татарахъ, число которыхъ не увеличилось. Ихъ было:

	Въ 1869 г.	Въ 1886 г.
Мужчинъ	4.799	4.071
Женщинъ	4.284	3.471
Всего . . .	9.083	7.542 [1])

Разница громадная и непонятная, если бы не сопоставленіе того страшнаго ухудшенія быта и разоренія, которое мы отмѣтили.

[1]) 1-я цифра удостовѣряется списками населенныхъ мѣстъ, 2-я—изслѣдованіями чиновника Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Бухарцы въ Западной Сибири.

Точно также заслуживаетъ вниманія и судьба бухарцевъ. Подъ именемъ бухарцевъ въ Сибири слывутъ бухарскіе выходцы, живущіе въ различныхъ городахъ Сибири и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовавшіе отдѣльныя общества и управы. Въ отдѣльныхъ управахъ и волостяхъ они живутъ въ Тобольскомъ округѣ, Тюменскомъ и Тарскомъ. Въ другихъ городахъ, какъ Ялуторовскъ, Семипалатинскъ, Петропавловскъ, они принадлежатъ къ городскому классу.

Всѣхъ бухарцевъ въ Тобольской губерніи считается 8.727 человѣкъ и въ Томской губерніи 152 чел. Бухарцы явились въ Сибирь въ моментъ покоренія края и имѣли сношеніе съ сибирскими татарами гораздо ранѣе русскихъ. Родственные по языку и впослѣдствіи распространившіе среди сибирскихъ татаръ магометанство, привившіе грамотность и снабжавшіе инородческія племена среднеазіатскими товарами, эти бухарцы имѣли когда-то огромное культурное значеніе среди инородческихъ племенъ Сибири въ прежнее время. Нынѣшніе же бухарцы составляютъ только ничтожныхъ и жалкихъ потомковъ прежнихъ пришельцевъ и ничѣмъ уже не отличаются отъ татаръ. Первыя извѣстія о поселеніи бухарцевъ у иртышскихъ татаръ находятся у Миллера и Фишера, гдѣ сообщается, что бухарцы появились у татаръ до времени Маметкула въ Сибири и пробовали привлекать татаръ къ магометанству; но это сначала не безнаказанно обходилось имъ, проповѣдники часто падали жертвою, вѣроятно, по наущенію шамановъ [1]). Можетъ быть, бухарцы уже имѣли сношеніе съ нагайцами, господствовавшими на Ишимѣ съ ханомъ Онсомъ; торговыя же сношенія могли происходить въ доисторическія времена, такъ какъ изъ культурныхъ центровъ Бухары выгодно было сбывать

[1]) Истор. Фишера. Введеніе, § 85.

произведенія на сѣверъ къ кочевнимамъ. Не даромъ страны Ибиръ и Сибирь извѣстны были уже при Рашидѣ—бухарцы до Кучума подготовили себѣ почву. Кучумъ же, какъ магометанинъ, покровительствовалъ и привлекалъ ихъ; бухарцы явились первыми муллами. Около Тобольска сохранялась долго сейдская фамилія, прародитель которой Динъ-Али-Хадже пришелъ туда вмѣстѣ съ Кучумомъ. Онъ былъ родомъ изъ Ургенча, султана Махомета Шаха хоросмійскаго; бухарецъ этотъ имѣлъ въ супружествѣ дочь Кучума-хана [1]). Распространеніе Кучумомъ магометанства благопріятствовало появленію бухарцевъ среди татаръ. Фишеръ, описывая Искеръ, приписываетъ происхожденіе глинобитныхъ и кирпичныхъ жилищъ бухарской культурѣ, и это очень вѣроятно. Съ Ермака уже появляются бухарскіе караваны и идутъ къ Тобольску и Тарѣ. Русскіе были рады этому торгу. Благодаря утвердившейся осѣдлости русскихъ и усмиренію племенъ, торговыя сношенія могли лучше развиваться и бухарцы, какъ торговый и ловкій народъ, отлично воспользовались этимъ. Когда русскихъ они обольстили выгодами торговыхъ сношеній и произведеніями средней Азіи, на татаръ ихъ вліяніе было еще большее. Они здѣсь имѣли значеніе просвѣтителей и проводниковъ мусульманской культуры, что русскіе не сразу замѣтили. Значительная часть татаръ еще до 1639 г., по Фишеру, были язычники шаманисты, но бухарцы понемногу обратили всѣхъ татаръ въ магометанство. Магометанство, благодаря имъ, водворилось въ Западной Сибири между 5.000 татаръ, между 3.000.000 киргизъ и башкирами. Бухарское населеніе въ Западной Сибири и Восточной Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія было довольно значительно. Георги говоритъ, что татарскія слободы въ Тобольскѣ, Томскѣ, Тарѣ, Туринскѣ и Тюмени по большей части были населены бухарцами; кромѣ того близь городовъ въ особыхъ деревняхъ также жили бухарцы, какъ и между татарами. Въ Башкиріи были двѣ бухарскія волости, не считая множества деревень въ Оренбургскомъ краѣ. Всѣ эти раскиданныя бухарскія селенія имѣли, по Георги, не менѣе 20.000 душъ мужескаго пола. Бухарцы обыкновенно женъ брали у татаръ и имѣли ихъ въ различныхъ мѣстахъ и резиденціяхъ «тара». Такія родственныя связи еще болѣе сближали ихъ съ сибирскими татарами, киргизами и башкирами; кромѣ того изъ татаръ и башкиръ они выбирали второстепенныхъ торговцевъ и прикащиковъ. Бухарцы создавали, такимъ образомъ, торговыя дѣла, имѣя массу посредниковъ. Вотъ что говоритъ историкъ Слов-

[1]) Фишеръ. Введеніе, § 89.

*

цовъ о бухарской торговлѣ: «Лишь только русскіе начали овладѣвать Сибирью, какъ встрѣтились въ Тюменѣ, Тобольскѣ, Тарѣ и потомъ въ Томскѣ съ бухарцами, давними знакомцами по Москвѣ. Сибирь довольствовалась одной торговлею караванною и гужевою. Такимъ образомъ, торгаши бухарскіе безостановочно привозили шелковыя, бумажныя и шерстяныя ткани, средственной доброты мерлушки, шкуры корсачьи, иногда даже леопардовы и тигровы, даже плоды сушеные для обмѣна на мягкую рухлядь. Соотчичи ихъ до Кучумова и послѣ Кучумова времени, поселившіеся въ разныхъ мѣстахъ Сибири, занимались тѣмъ же ремесломъ» [1]). Бухарцы имѣли преимущество предъ всѣми другими торговыми сословіями. «Бухарцы, любящіе больше базаръ, чѣмъ землю, никогда не входили въ обязанность службы государевой—продолжаетъ историкъ Словцовъ.—Мечтая, что предки ихъ во время Кучумово принесли изъ Мавареннагра на сѣверъ магометанство, и вмѣстѣ съ татарами, отъ нихъ подучаемые, иногда приносили жалобы въ Москву на отнятіе у нихъ земель и угодій и на усиленное крещеніе ихъ единовѣрцевъ. Бухарцы съ самаго начала пользовались льготами, какъ торговое сословіе. Въ 1595 г. мы находимъ наказъ объ учрежденіи бухарскаго купечества. Въ наказѣ этомъ предписывалось: «если нагайскіе и бухарскіе торговые люди со всякими товарами, съ лошадьми и скотомъ въ городъ Тару пріѣдутъ, то имѣть тамошнимъ жителямъ съ ними вольное купечество и поступать съ ними съ учтивостью, дабы ихъ тѣмъ къ себѣ привлекать, а по продажѣ товаровъ отпускать ихъ назадъ безъ всякаго задержанія; буде же нѣкоторые изъ нихъ пожелаютъ со своими товарами и со скотомъ ѣхать въ Тобольскъ или въ Тюмень, то имъ и это дозволяется» [2]). Въ 1668 году бухарцамъ Тобольскаго разряда возобновлено право ѣздить для торга не только въ Сибири, но до Архангельска [3]).

О бухарской торговлѣ Словцовъ говоритъ: «Бухарцы, пока въ Сибири и на южныхъ ярмаркахъ требовались ткани бухарскія и китайскія, имѣли въ дѣлахъ значительный оборотъ». Они жили въ Тобольскѣ очень богато, свидѣтельствомъ чему можетъ служить «азіатское тщеславіе» (по выраженію Словцова), съ какимъ они справляли свадебные обряды, оканчивавшіеся конскими скачками и выставками призовъ. «Начальство не чуждалось юртъ» [4]). Тезики или таджики кланялись низко, въ свою очередь, мѣстнымъ начальникамъ. Отъ торговыхъ бухарцевъ благосостояніе

[1]) Истор. Словцовъ, гл. I, стр. 76.

[2]) Истор. Сибири. Миллеръ, стр. 227.

[3]) Словцовъ, стр. 155.

[4]) Словцовъ.

переходило и на татаръ, участвовавшихъ въ торгѣ. Празднованіе татарскихъ свадебъ также сопровождалась скачками и ристалищами. Гмелинъ ихъ застаетъ въ 1734 г., въ сабгенинскихъ юртахъ, и Словцовъ помнитъ эти обычаи въ Тобольскѣ до 1766 г. Тѣ же бухарцы, кромѣ торговли, прививали въ Сибири и ремесла. Такъ, имъ приписывается распространеніе кожевеннаго производства въ Тюмени. Мало того: мы видимъ, что бухарцы, какъ самое способное и образованное магометанское сословіе, не только служатъ посредниками въ торговлѣ съ средней Азіей, но и играютъ роль въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Въ 1658 году изъ Тары вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ посылается въ Китай и тобольскій бухарецъ Сеткулъ Аблинъ съ грамотою и подарками къ боxдыхану. Въ 1668 г. вторично посланъ въ Пекинъ Сеткулъ Аблинъ. Бухарцы служатъ на границѣ переводчиками и дипломатическими агентами и награждаются иногда за свою службу. Несомнѣнно, что при указаніи и знакомствѣ съ бухарскимъ золотомъ при князѣ Гагаринѣ, стоившемъ жизни Гагарину и неудачной экспедиціи Бековича, играли роль бухарцы. Водворяя торговлю, бухарцы оставались въ Россіи, привлекаемые льготами и выгодами своего положенія. Такъ, въ XVIII ст. посланникъ бухарскаго хана Мурза Крейнулъ, прожившій 12 лѣтъ около нашего двора, не рѣшился возвратиться и на пути соблазнился мѣстами въ Башкиріи и поселился здѣсь со своими людьми. Впослѣдствіи присоединились къ нему бѣглые плѣнные бухарцы изъ киргизъ; такъ образовались двѣ волости изъ 50 семей въ Уфимской губеріи и 52 семей въ Исетской [1]). Торговыя льготы бухарцамъ, какъ мы видимъ, подтверждены въ 1645 г. 3-го ноября и 17 сентября 1687 г. Они считаютъ себя вызванными правительствомъ. Постепенная осѣдлость ихъ и увеличивавшіеся обороты, однако, не могли не вызвать обложенія. Въ 1693 году на китайскіе и бухарскіе товары наложена пошлина по одной десятой или десятый кусокъ съ тканей и десятый ящикъ чая. Въ 1700 г. слѣдуетъ распоряженіе, запрещающее бухарцамъ скупать соболя, въ 1701 году издается грамота сибирскому воеводѣ князю Михаилу и стольнику черкасскому, гдѣ повелѣно взимать съ земель, заселенныхъ бухарцами, оброкъ по 5 алтынъ съ десятины засѣянной ржи и 10 денегъ съ десятины яроваго [2]). Изъ этого видно, что бухарцы уже занимались земледѣліемъ. Въ 1703 г. есть распоряженіе о переводѣ тобольскихъ татаръ и бухарцевъ на Панинъ бугоръ и о наблюденіи.

[1]) Георги. Описан. Росс. нар., стр. 63.

[2]) Пол. Сборн. Зак. IV, № 1857.

чтобы ихъ мечети были построены отъ русскихъ церквей въ отдаленіи [1]). Во все XVIII ст. бухарцы продолжаютъ играть видную роль въ торговлѣ Сибири, а сибирскіе жители ходятъ въ бухарской мануфактурѣ. Въ 1727 году изданъ указъ о возстановленіи коммерческихъ сношеній съ Хивою и Бухарой и дачѣ конвоя для сопровожденія каравановъ. (П. С. З. № 5045). Въ 1763 г. основана бухтарминская ярмарка для торга съ Бухарой и Индіей. Въ 1765 г. устраивается мѣновой дворъ въ Усть-каменогорскѣ для ташкентскихъ и бухарскихъ купцовъ [1]). Въ 1764 г. ассигновывается особая сумма изъ сибирскихъ доходовъ для угощенія киргизовъ и прочихъ азіатцевъ, пріѣзжающихъ на сибирскія линіи [2]). Въ 1773 г. устраивается торгъ въ Петропавловскѣ для азіатскихъ купцовъ и бухарцевъ. Въ 1787 г. при Екатеринѣ повелѣно оставить бухарцевъ на томъ самомъ основаніи, на какомъ они были до открытія намѣстничества [3]), дозволяя имъ изъ своего общества составить въ городахъ словесные суды, впредь до устроенія за умноженіемъ ихъ числа и буде пожелаютъ собственной для нихъ ратуши [4]). Это показывало, что правительство признаетъ въ нихъ почетное торговое сословіе. Въ 1789 г. слѣдуетъ указъ о позволеніи переселяться ташкентцамъ и бухарцамъ въ Россію. (П. С. З. № 16814). Точно также слѣдуютъ указы относительно вѣротерпимости магометанъ. Въ 1765 г. издается дозволеніе татарамъ и бухарцамъ магометанскаго закона, живущимъ деревнями, строить мечети и о переселеніи новокрещенныхъ татаръ въ другія деревни (П. С. З. № 10597). Въ 1782 г. по Сибирской линіи повелѣно устроить мечети, а при нихъ школы и караванъ-сараи. Въ 1783 г. находящимся въ русскомъ подданствѣ мусульманамъ дозволено самимъ избирать себѣ ахуновъ. Въ 1784 г. для распространенія ислама между киргизами на пограничной линіи опредѣляютъ въ муллы знающихъ магометанскій законъ тобольскихъ татаръ, съ назначеніемъ имъ жалованья отъ казны. Въ 1786 г. повелѣно строить мечети, школы и гостинные дворы въ Киргизской степи. Въ 1788 г. въ Оренбургѣ создается муфтій и особая магометанская іерархія (П. С. З. №№ 16710, 16711). Въ 1797 г. разрѣшается продажа и разсылка алькорана на арабскомъ языкѣ для магометанъ. Въ 1800 г. воспрещено притѣснять киргизовъ и

[1]) Гагемейстръ, ч. II, стр. 163.

[2]) П. С. З. № 12191.

[3]) Въ 1764 г. ихъ пробовали, по истеченіи льготнаго времени, занести въ окладъ противъ государственныхъ крестьянъ (№ 12041), но бухарцы отстояли свои прежнія права.

[4]) Указъ Екатерины II 9 декабря 1787 г.

ихъ султановъ, указано возвращать въ орду перебѣжчиковъ и повелѣно принимать на почтахъ всѣ татарскія письма, адресованныя на высочайшее имя. Представляя цѣлый рядъ этихъ законодательныхъ мѣръ въ пользу магометанъ, мы должны замѣтить, что всѣ онѣ имѣли видъ не столько поблажки и слабости, сколько мудрой политической мѣры, привлекавшей на нашу сторону инородческое и пограничное населеніе.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ тому служитъ переселеніе бухарцевъ; съ разореніемъ китайцами Джунгаріи въ 1765 году множество азіатцевъ и бухарцевъ вышли въ наши предѣлы и поселились въ Сибири. Роль бухарцевъ въ сношеніяхъ съ Бухарою, Джунгаріей, Хивою и Китаемъ была весьма видная. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія бухарцы продолжали поддерживать азіатскій торгъ, между тѣмъ, какъ наша собственная караванная торговля чрезвычайно туго развивалась и терпѣла неудачи. Бухарцы же были превосходными посредниками и ихъ способности въ дѣлѣ распространенія культуры среди инородцевъ и торговли въ Сибири не могутъ не быть отмѣченными. Съ паденіемъ джунгарскаго и бухарскаго торга, съ введеніемъ новыхъ тарифовъ для азіатскихъ товаровъ (оренбургскій тарифъ 1799 г.) роль бухарцевъ измѣняется, хотя они остаются еще въ началѣ нынѣшняго вѣка зажиточнымъ сословіемъ. Въ первой четверти столѣтія, однако, слѣдуетъ весьма важное измѣненіе въ ихъ положеніи. Бухарцы перестаютъ быть торговымъ сословіемъ, вліяніе ихъ ослабѣваетъ, живущимъ въ деревняхъ выпадаетъ обыкновенное занятіе земледѣліемъ и сельскими промыслами. По положенію 1822 года, тобольскіе, тюменскіе, ялуторовскіе бухарцы, какъ и татары, занесены въ число осѣдлыхъ инородцевъ и обложены оброчной и подушной податью. Бухарцы были въ первое время обложены особой *подушной податью*, полагая *на дымъ* 3 души, по 12 руб. 86 коп. и оброчнаго по 2 руб. 25 коп. Оклады эти не могли бы быть, конечно, тягостны, если бы не шли рядомъ излишніе поборы, какъ слѣдствіе мѣстныхъ злоупотребленій и вмѣстѣ ухудшенія ихъ экономическаго быта, вслѣдствіе потери прежнихъ занятій и угодій. Современный ихъ бытъ рисуется слѣдующими данными, извлеченными нами изъ отчета тобольскаго исправника и другихъ оффиціальныхъ документовъ. Число населенія бухарской волости, Тобольской губерніи, по X ревизіи, т. е. 25 лѣтъ назадъ, считалось въ 3.336 душъ, по семейному списку къ 1876 г. ихъ было 3.693, прибыль, слѣдовательно, слабая. Хозяйственное положеніе показываетъ, что изъ всего населенія только 372 человѣка занимаются хлѣбопашествомъ, а 1.344 челов. не засѣваютъ хлѣба.

Засѣвающихъ отъ 5 до 10 дес. 25 чел.
» » 2 » 5 » 246 »
по 1 » 101 »

Лошадей имѣютъ 770 чел., причемъ 57 чел. не болѣе 5, остальные менѣе, а именно: 587 чел. по одной лошади и 1.035 чел. не имѣютъ лошадей. Уже это одно показываетъ бѣдность населенія. Годовой окладъ податей равнялся на управленіе 2.750 р. 2 к. и 516 р. 11 к. мірскихъ сборовъ. Недоимки же за прежніе годы за бухарцами числилось 28.078 руб. $52^3/_4$ коп., причемъ приходилось 16 руб. $23^1/_2$ коп. на ревизскую душу и 30 руб. $12^1/_2$ коп. на дѣльнаго работника. Такъ какъ недоимки эти съ бухарцевъ не могли быть взысканы съ податями разомъ, то онѣ накоплялись изъ года въ годъ. О взысканіи этихъ недоимокъ мы приводимъ оффиціальную переписку въ главѣ о татарахъ Тобольской губерніи. Недоимки эти числятся по Тюменскому, Ялутровскому и Тарскому округамъ въ количествѣ 400.234 руб. 36 коп. и падаютъ одинаково какъ на татаръ, такъ и на бухарцевъ. Присоединимъ здѣсь, однако, свѣдѣніе о Тарской бухарской волости. Бухарцевъ здѣсь считалось 1.975 чел. Тарскіе были внесены въ окладъ въ 1834 г. и установлена инородная управа. Въ 1858 г. бухарская волость, за разбросанностью деревень, была упразднена въ видѣ опыта, на 3 года и жители ея были присоединены къ русскимъ волостямъ Логиновской, Нижнеколосовской, Такмыкской и Карташевской, но накапливающіяся недоимки и неудовлетворительное управленіе вызвали въ 1864 году вновь возстановленіе прежняго управленія и образованіе волостей. Въ 1875 году вновь возникъ вопросъ о присоединеніи бухарской волости къ русскимъ волостямъ. 22 октября 1877 г. бухарцы Тарскаго округа поручили подать довѣреннымъ прошеніе министру государственныхъ имуществъ объ оставленіи ихъ на прежнемъ положеніи. Въ 1862 году на нихъ насчитывалось податной недоимки въ 9.669 руб. $88^1/_2$ коп., затѣмъ особой коммисіей оставлено 6.173 руб. 81 коп. Вопросъ о сложеніи недоимки оставался неразрѣшеннымъ, однако, казенною палатою 12 лѣтъ, съ 1867 г. 22 ноября 1876 г. Тобольская казенная палата положила взыскать недоимку съ бухарцевъ и ходатайствовать о провѣркѣ счетовъ и разсрочкѣ взысканія по 800 руб. въ годъ, такъ какъ иначе приходилось недоимки по 8 руб. съ каждаго дѣльнаго работника. Кромѣ этого съ 1860 г. на населеніи числилось недоимки 1.955 руб. $3^3/_4$ к. при переложеніи подымной подати, причемъ 46 домовъ оказалось лишними и 170 руб. 14 коп. падало не на инородцевъ, а на государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ волости, но о ко-

торыхъ никакихъ свѣдѣній не имѣется. Такимъ образомъ опытъ присоединенія къ русскимъ волостямъ не поднялъ положенія бухарцевъ и они находятся въ прежнемъ состояніи.

Въ заключеніе мы должны указать, что все бухарское населеніе состояло:

	Къ 1878 г.	Къ 1887 г. по свѣдѣніямъ г. Патканова. Муж.	Жен.	Об. пола.
Въ Тобольскомъ округѣ.	3.693	1.816	1.531	3.347
» Тюменскомъ » .	2.844	1.612	1.564	3.176
» Тарскомъ » .	1.975			
» Ялуторовскомъ » .	134			
» Томскомъ » .	152 [1])			

Уменьшеніе бухарцевъ въ Тобольскомъ округѣ несомнѣнно.

Бытъ бухарцевъ не лучше, чѣмъ татаръ; бухарцы остаются при томъ же названіи, но это, въ сущности, уже татары.

Культурное значеніе бухарцевъ среди татаръ утратилось: они далеко уже не походятъ на бухарцевъ и сартовъ, своихъ родичей въ Туркестанѣ. Обнаруживъ, однако, положительныя способности къ культурѣ въ извѣстное время, нѣтъ основанія предполагать, чтобы они не могли проявить и впослѣдствіи, если бы условія существованія ихъ были нормальны.

[1]) По списку населенныхъ мѣстъ въ 1859 г. въ Томскѣ было 379 магометанъ, куда причислялись и бухарцы.

Татары Томскаго округа.

Татары Томской губерніи могутъ быть подведены подъ нѣсколько группъ. Часть этихъ татаръ населяетъ Томскій округъ въ числѣ 5.891 души; затѣмъ потомки татаръ, смѣшанные съ русскими, находятся въ одной изъ управъ Барнаульскаго округа въ числѣ 1.236 души; въ Маріинскомъ округѣ есть такъ называемые чулымскіе татары въ числѣ 1.870 душъ; въ Каинскомъ округѣ барабинцы въ числѣ 2.225 душъ; въ Кузнецкомъ округѣ телеуты 2.985 душъ и черневые лѣсные татары 1.780 душъ. Наконецъ, въ Бійскомъ округѣ алтайцы или калмыки, черневые лѣсные татары и нѣсколько осѣдлыхъ управъ. Всѣ эти группы по этнологическому племенному составу и въ этнографической классификаціи мы предпочитаемъ разсмотрѣть особо.

Татары въ Томскомъ округѣ составляютъ смѣшанное, въ племенномъ отношеніи, населеніе изъ татаръ, пришлыхъ съ разныхъ концовъ Сибири. Всѣ они въ послѣднее время, однако, нивелированы, говорятъ однимъ языкомъ и всѣ магометане. Они составляютъ въ округѣ нѣсколько волостей. Составъ ихъ и происхожденіе слѣдующее:

Около города Томска живутъ потомки эуштинскихъ татаръ, бывшихъ подданныхъ князя Таяна, принявшаго подданство въ 1604 году и ѣздившаго выразить свою покорность въ Москву.

По покореніи эуштинскихъ татаръ на Томи былъ заложенъ городъ Томскъ. Таяново городище до сихъ поръ находится на берегу Томи около озера за рѣкою; оно, какъ видно, обведено было валомъ и рвомъ. Таянъ обязался стремиться къ покоренію русскимъ и сосѣднихъ татаръ.

Въ пяти дняхъ пути отъ Таяна на лѣвомъ берегу Оби жили телеуты или теленгиты, подъ начальствомъ князя Обака; это было уже чисто алтайское племя. Часть телеутовъ доселѣ живутъ въ Кузнецкомъ округѣ. Они были подчинены монгольскому Алтынъ-

Хану, но около 1605 года отдѣлились отъ зенгорцевъ и въ 1609 году Таянъ склонилъ и Обака съ телеутами отдаться подъ власть русскимъ, тогда Обакъ съ подданными передвинулся ближе къ Томску. Но телеуты скоро измѣнили русскимъ и снова отдались подъ власть зенгорцамъ и енисейскимъ киргизамъ и даже дѣйствовали противъ русскихъ. Точно также телеуты вели войну и съ другими алтайскими племенами, какъ напримѣръ, телесами. Отдѣлившись отъ калмыковъ и алтайцевъ, какъ видно, они хотѣли быть независимыми и враждовали какъ противъ своихъ одноплеменниковъ, такъ и противъ русскихъ. Дальнѣйшія завоеванія по Томи съ Кузнецка, однако, должны были положить предѣлъ враждебнымъ дѣйствіямъ и измѣнамъ телеутовъ. Къ 1658 году они покоряются и принимаютъ подданство какъ въ Кузнецкомъ, такъ и въ Томскомъ округахъ, въ то же время они подвинулись къ Томску. Въ XVIII ст. они расположились отъ Кузнецка къ Томску по Томи и границы ихъ примкнули къ чешскимъ татарамъ. Телеуты эти носили названіе «бѣлыхъ калмыковъ» [1]); они имѣютъ Телеутскую волость, наконецъ изъ нихъ же состояла Кишинская волость и тулебертскіе татары. Далѣе, около Томска находятся чаты или чатскіе татары, жившіе прежде въ верховьяхъ рѣки Оми (нынѣ Каинскій округъ), бывшіе въ подданствѣ хана Кучума и во времена Таяна переселившіеся ближе къ рѣкѣ Оби. Ихъ городки Чатскій и Мурзинскій лежали по рѣкѣ Оби; первый по дорогѣ изъ Тары въ Томскъ, а второй ниже — по Оби. Эуштинскіе и чатскіе татары получили впослѣдствіи общее названіе томскихъ; они, по Георги, жили въ 30-ти деревняхъ, смѣшанными съ русскими деревнями, и по подушной переписи, составленной въ 1760 году, платили окладъ за 430 душъ.

Къ сѣверу отъ Томска татары назывались верхо-томскими или абинцами; они жили по рѣкѣ Оби по направленію къ Нарыму, подсудны были томскому воеводѣ со времени покоренія и раздѣлялись на 16 волостей. 12 ихъ волостей были осѣдлыми и четыре кочевыми по Нижнему Чулыму. По бывшей переписи въ 1766 году считалось первыхъ 1.115 душъ и кочевыхъ 503 души. Эти татары уже въ половинѣ прошлаго столѣтія жили въ 54 деревняхъ, что указывало на ихъ многочисленность. Далѣе, въ составъ татаръ, какъ Томскаго, такъ и Маріинскаго округовъ, входили такъ называемые чулымскіе татары. Они жили съиздревле между Чулы-

[1]) См. объясненіе въ описаніи народовъ Россійской Имперіи Миллера. «Телеуты», стр. 158-я.

момъ и Енисеемъ, преимущественно же располагались по рѣкѣ Чулыму, а также Черному и Бѣлому Юсу; такимъ образомъ часть ихъ располагалась въ Енисейской губерніи. Но эта группа татаръ имѣла родство и происхожденіе не изъ Алтая, а выдвигалась семьею отъ саянскихъ и енисейскихъ тюрковъ, будучи родственна съ кызыльцами и кичинскими татарами. Къ сѣверу они удалились подъ давленіемъ зенгорцевъ (калмыковъ) и киргизовъ, жившихъ въ вершинахъ Енисея. По Чулыму въ половинѣ прошлаго столѣтія находилось этихъ татаръ 14 волостей, которые платили подушный окладъ за 2.549 душъ муж. пола. Столько же душъ было въ Ачинской и Кызыльской волостяхъ. Деревни ихъ были малочисленныя, но были деревни, имѣвшія до 100 душъ и одна при Чулымѣ даже 240 душъ [1]).

Весь этотъ разноплеменный составъ тюрко-татарскихъ племенъ въ Томскомъ округѣ, по своей культурѣ и хозяйственнымъ условіямъ, въ началѣ завоеванія русскими Томской губерніи, находился на крайне низкой степени и мало отличался отъ другихъ татаръ барабинскихъ, тарскихъ и тобольскихъ. Значительная часть этихъ татаръ занималась охотой, рыбной ловлей по Томи и Оби, скотоводствомъ по кочевому способу и только часть вела первобытное земледѣльческое хозяйство. Что земледѣліе татарамъ было извѣстно, это доказывается его существованіемъ у кочевыхъ алтайцевъ и лѣсныхъ татаръ, наконецъ у татаръ кучумовыхъ тобольскихъ. Жилища у татаръ были въ лѣсной полосѣ въ видѣ постоянныхъ шалашей изъ бересты и юртъ; зимою же они создавали себѣ зимовки. Георги, описывая бытъ томскихъ телеутовъ, говоритъ, что во время переселенія своего въ Томскій и Кузнецкій округи они были еще звѣроловами и скотоводами и что земледѣлію научились у русскихъ, какъ и усвоили и осѣдлый образъ жизни; они построили также зимнія деревни, лѣтомъ же такъ же, какъ барабинцы, кочевали въ шатрахъ. Скотоводство ихъ было не велико, или пришло въ упадокъ, какъ только они вышли изъ степей. Какъ свойственно лѣсникамъ, они имѣли ограниченное число лошадей и рогатаго скота, въ среднемъ не превышавшемъ 10 головъ и только богатые имѣли до 50-ти. Звѣриный промыселъ и охота были также виднымъ ихъ занятіемъ. Впослѣдствіи они занимались извозомъ и нанимались поставлять товары. О прежнемъ ихъ бытѣ пишетъ Георги: «Прежде они дѣлали себѣ хижины въ ярахъ или разсѣлинахъ горъ, такъ что гора служила оградою съ трехъ сторонъ, крышу и переднюю сторону дѣлали изъ хво-

[1]) Описаніе Россійскихъ народовъ Гмелина, переводъ Миллера, стр. 145.

росту и проч., нынѣ (въ половинѣ прошлаго столѣтія) строятъ они жилища на чистомъ мѣстѣ; телеуты-шаманисты строятъ дома, во всемъ сходные съ барабинцами [1]), простые и малые съ кладовою. Другіе уже уподобляютъ жилища русскимъ избамъ съ тѣмъ различіемъ, что у нихъ всегда находятся нары и чувалъ. Деревни ихъ составляютъ отъ 4 до 10 дворовъ и называются аймаками. Лѣтнія ихъ юрты состоятъ изъ жердей, покрытыхъ рогожами изъ лыка гороховаго дерева».

О чулымцахъ Георги говоритъ также, что они только исподволь привыкли къ постояннымъ жилищамъ. Нѣкоторые съ мѣстъ своихъ совсѣмъ не трогаются, большая же половина и теперь, также какъ барабинцы, имѣютъ всегдашнія зимнія жилища и подвижныя лѣтнія юрты. Чѣмъ ближе ихъ селенія къ русскимъ деревнямъ, тѣмъ болѣе похожи на русскія. По этому описанію видно, что чулымскіе татары имѣли бытъ, весьма сходный съ нынѣшними лѣсниками алтайцами. Но форма быта можетъ быть названа полукочевою или полуосѣдлою. Отъ шалашей они перешли къ зимовкамъ—подобіямъ избъ, но на лѣто они оставались еще въ шалашахъ. Типы зимовокъ представляютъ всѣ стадіи развитія осѣдлаго жилища. По способу постройки зимовокъ можно судить о высотѣ искусства. У Георги говорится, что чулымцы имѣли зимнія жилища: «Подобно въ разсужденіи строеваго лѣсу, сѣней, отверстія въ потолкѣ и всего внутренняго расположенія подобно барабинскому, только стѣны дѣлаются наискось или покато, а снаружи заваливаются, ради тепла, глиною». Въ книгѣ «Aus Sibirien» В. В. Радлова приведенъ рисунокъ оригинальнаго телеутскаго жилища въ видѣ мазанки изъ плетника. Около избъ, по описанію Георги, строятъ чуланы и хлѣвы. Лѣтнія же юрты находятся на борти, подобно барабинскимъ, и покрываются берестою [2]). Все это показываетъ, что складъ жизни чулымскихъ и томскихъ татаръ весьма походилъ первоначально на бытъ нынѣшнихъ лѣсныхъ алтайцевъ-татаръ и кумандинцевъ, но обскіе татары были и кочевые, юрты ихъ были изъ жердей, крытые берестою (стр. 143). По языку томскіе татары также сходствуютъ съ иртышскими туралинцами; телеуты сохраняютъ нарѣчіе алтайскихъ телеутовъ; что касается чулымскихъ татаръ, то В. В. Радловъ находитъ три рода: 1) Кэтсикъ (къ югу отъ Маріинска), 2) Кюэрикъ (къ сѣв. отъ Маріинска) и 3) собственно чулымскіе татары (къ сѣв. отъ рѣки Кіи, по рѣчкѣ Чердашу). Языкъ

[1]) См. барабинскіе татары.

[2]) Описаніе народовъ Россійской Имперіи, стр. 141.

всѣхъ трехъ родовъ одинъ и тотъ же; на немъ видно какъ телеутское, такъ и барабинское вліяніе. Что касается наружности томскихъ татаръ, ихъ нравовъ, обычаевъ и костюмовъ, то, упоминая о томскихъ городскихъ и подгородныхъ татарахъ, Георги говоритъ, что они походили на тобольскихъ татаръ туралинцевъ и были совершенно съ ними одной орды [1]). Одѣяніе ихъ и магометанскіе обычаи были похожи на казанскихъ и тобольскихъ татаръ; впослѣдствіи смѣшенію городскаго татарскаго населенія способствовали бухарцы и пришлые татары. Верхо-томскіе татары приближались къ кочевымъ, жили бѣднѣе, платье носили изъ мѣховъ и выдѣланныхъ кожъ; татарское ихъ одѣяніе походило на якутское [2]). Къ этимъ татарамъ магометанство проникло позднѣе, чѣмъ къ туралинцамъ, тѣмъ не менѣе они нынѣ магометанскаго закона и отъ другихъ татаръ не отличаются. Къ югу отъ Томска въ телеутскихъ волостяхъ татары носятъ типъ алтайско-теленгитскій, т. е. болѣе монголообразный, лицо ихъ плоско и волосы черны; такъ они описываются у Георги. Смѣшеніе въ телеутскихъ волостяхъ и браки съ другими татарами, однако, смягчили монгольскій типъ. Уже Георги называетъ телеутскихъ женщинъ Томскаго округа «пригожими», что не мало относится къ монгольскому типу. Посѣщая одну изъ телеутскихъ волостей Томской губерніи въ 1880 году, мы видѣли многіе еще остатки въ деревняхъ алтайско-телеутской культуры; типы, съ одной стороны, носили признаки монголообразности, съ другой стороны мы находили замѣчательныя смѣси даже съ русскими. Такъ, одинъ ссыльный малороссъ, бывшій кузнецомъ въ татарской деревнѣ, жилъ гражданскимъ бракомъ съ вдовой татаркой, у которой были дѣти наполовину съ монголообразнымъ типомъ: черными глазами и черными волосами, другія славянскаго типа съ голубыми глазами и каштановыми волосами. Чулымскіе татары также подходили по типу скорѣе къ монголамъ и калмыкамъ, вслѣдствіе историческаго сожительства и подчиненія то калмыкамъ монголамъ, то енисейскимъ киргизамъ. Георги говоритъ, что «съ виду чулымцы походятъ и на татаръ, и на монголъ, а особливо уподобляются бурятамъ». Нынѣ чулымцы также сохраняютъ древнюю, отчасти монголообразную помѣсь и похожи на лѣсныхъ алтайцевъ; но этотъ типъ въ осѣдлыхъ деревняхъ какъ бы отступаетъ предъ татарскимъ типомъ. Вообще разнообразіе татарскаго типа въ осѣдлыхъ деревняхъ Томской и Тобольской губерній, замѣча-

[1]) Описаніе народовъ, стр. 34.

[2]) Георги. Описаніе народовъ, стр. 143.

тельное между Томскомъ и Маріинскомъ, мы встрѣчали въ татарскихъ деревняхъ нѣсколько семей татаръ, сосланныхъ изъ внутренней Россіи, замѣчательно красиваго типа, не походившаго на монгольскій. Типъ многихъ татаръ Тобольской и Томской губерній напоминаетъ касимовскихъ и казанскихъ татаръ. Намъ говорили, что здѣсь встрѣчаются татарки красавицы въ европейскомъ смыслѣ. Но здѣсь же, вслѣдствіе присутствія телеутовъ и калмыковатыхъ типовъ, можно замѣтить широкоскулое, узкоглазое, безобразное, монгольское лицо; промежутки составляютъ всѣ оттѣнки переходныхъ типовъ. Татары Томскаго округа, не исключая чулымцевъ и телеутовъ, представляютъ нынѣ всѣ осѣдлое магометанское населеніе, живущее въ деревняхъ; но переходъ ихъ къ осѣдлости совершился не вдругъ. Многіе изъ нихъ до настоящаго столѣтія сохраняли, не смотря на построенныя деревни и зимовки, полукочевой, звѣроловный и рыболовный бытъ, дававшій имъ главное пропитаніе. Поэтому зачисленіе ихъ, по внѣшнимъ признакамъ жизни, въ категорію осѣдлыхъ жителей и наложеніе увеличеннаго оклада по положенію 1822 года не могло не отразиться на ихъ бытѣ весьма тяжело, какъ и на многихъ другихъ ихъ соплеменникахъ—татарахъ тарскихъ и барабинскихъ. По крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ 20-хъ—30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія мы встрѣчаемся съ жалобами томскихъ татаръ на тяжесть и неравномѣрность оклада 1822 года. Г. Шашковъ, пользовавшійся дѣлами архива Главнаго Управленія Западной Сибири, полагаетъ, что по окладу 1824 года инородцы Томскаго округа обязаны были уплачивать по 18 руб. съ души. Въ первый же годъ можно было понять, что они не въ состояніи вносить такого количества налоговъ—недоимка равнялась цѣлой половинѣ сборовъ. На осѣдлыхъ инородцевъ Томскаго округа въ 1831 году недоимки было 121—181 руб. [1]). Недоразумѣнія и ошибки эти должна была разъяснить только ясачная коммисія 1831 года. По описямъ этой ясачной коммисіи, а также по имѣющимся у насъ отчетамъ и описанію Томской казенной палаты, бытъ татаръ Томскаго округа рисуется передъ нами въ такихъ чертахъ: въ осѣдлыхъ волостяхъ Томскаго округа числилось по спискамъ ясачной коммисіи 58 селеній и юртъ, въ коихъ обитаютъ 2.213 душъ мужск. пола и 2.258 душъ женск. пола. Волости были слѣдующія: 1) Кумышская, 1-я половина, 2) Телеутская, 3) Чатская, 4) Казанская, 5) Эуштинская, 6) Темерчинская, 7) Больше-Байгульская,

[1]) См. Сибирскіе инородцы въ XIX ст. Шашкова. Историческіе этюды. Спб. 1872 г., томъ II, стр. 191.

8) Ячинская, 9) Корсаковская, 10) Малокорсаковская, 11) Малошегарская, 12) Корчуковская. Во владѣніи ихъ, по списку казенной палаты, находилось пахатной и сѣнокосной земли 25.903 десятины, со строевымъ же и другимъ лѣсомъ—37.536$^1/_2$ десятинъ. Хотя они и занимаются хлѣбопашествомъ, сказано въ описаніи, но особыхъ выгодъ отъ него не имѣютъ, получая въ годъ отъ посѣва пшеницы 570 пуд., ржи 3.270 пуд. и овса 715 пудовъ, слѣдовательно, такого количества не только на продажу, но и на продовольствіе даже мужчинъ не хватаетъ. Скота во всѣхъ волостяхъ считалось: лошадей 912, рогатаго скота 727, овецъ 718, что, принимая во вниманіе 4.471 душу, весьма недостаточно. Инородцы, какъ видно, прокармливались болѣе звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Угодій для этого въ Томскомъ округѣ было когда-то достаточно, а именно: въ пользованіи ихъ находилось 3.040 верстъ, гдѣ они добывали, примѣрно, рыбы до 1.007 штукъ, бѣлокъ до 7.415 штукъ, горностаевъ до 250, зайцевъ до 1.500 и прочихъ звѣрей: волковъ, лосей, козъ и проч. отъ 15 до 145 штукъ. Какъ ни приблизительно вѣроятно это исчисленіе, но оно показываетъ нѣкоторую внимательность, съ которой описывался въ 1831 году бытъ инородцевъ и изслѣдовалось ихъ экономическое положеніе. Съ того времени подобныхъ исчисленій и описаній мы совершенно не встрѣчаемъ. Объ окладахъ ихъ мы находимъ слѣдующее: по Высочайшему указу, данному Министру Юстиціи 29 мая 1835 года, осѣдлыхъ инородцевъ Томскаго округа, «въ уваженіе ихъ недостаточнаго состоянія, въ сравненіи съ инородцами Тобольской губерніи, повелѣно обложить съ января 1835 года по 1844 годъ четвертою частью подушныхъ и оброчныхъ податей противъ крестьянскаго оклада, а именно по 2 руб. 75 коп. въ годъ, а съ 1-го января 1844 года по 1854 годъ свести ихъ въ половинныя подати, а по истеченіи сего срока взыскивать съ нихъ уже полный окладъ». Такимъ образомъ, въ девятнадцать лѣтъ они были введены въ полный окладъ, подобный крестьянскому, за исключеніемъ воинской повинности. Прежнія недоимки ихъ до 1835 года были сложены, тѣмъ не менѣе къ 1-му іюня 1858 года накопилось на нихъ вновь 3.430 руб. $4^3/_4$ коп.

По списку населенныхъ мѣстъ за 1859 годъ татаръ въ Томскомъ округѣ находилось: 4.284 души обоего пола, изъ нихъ 1.902 чулымскихъ инородцевъ, всѣ они составляли 22,24%; въ Маріинскомъ округѣ 2.439 душъ. Затѣмъ въ томъ же спискѣ перечислены 13 родовъ чулымскихъ татаръ, а именно: 1) Больше-Байгульскаго, 2) Мало-Байгульскаго, 3) Больше-Аргунскаго, 4) Больше-Каргалинскаго, 5) Больше-Шегарскаго, 6) Мало-Пров-

скаго, 7) Саргулинскаго, 8) Мало-Чурубаровскаго, 9) Больше-Чурубаровскаго, 10) Хартуминскаго, 11) Шепетскаго, 12) Чатскаго, 13) Обско-Тутальскаго. По свѣдѣніямъ князя Кострова въ статьѣ его «Чулымскіе инородцы», «Томскія Губернскія Вѣдомости» 1867 г., № 7-й, говорится, что въ предѣлахъ Томской губерніи у чулымцевъ считается 897 рабочихъ душъ. По списку населенныхъ мѣстъ чулымскихъ инородцевъ въ Томскомъ и Маріинскомъ округахъ было 4.341 душа.

Въ 1880 году мы видимъ осѣдлыя волости въ Томскомъ округѣ по оффиціальному списку:

Волости.	Душъ.	
1) Телеутская	373	
2) Чатская	172	
3) Мало-Коряковская	257	
4) Кумышская 1-я половина	542	
5) Аргунская	92	
6) Больше-Байгульская	86	
7) Мало-Байгульская	44	
8) Больше-Каралинская	285	
9) Ячинская	285	
10) Больше-Провская	166	
11) Мало-Провская	103	
12) Больше-Шегарская	15	
13) Мало-Шегарская	460	
14) Больше-Чубаровская	98	
15) Мало-Чубаровская	96	
16) Обско-Тутальская	215	кочевыя
17) Саргулинская	55	
18) Темерчинская	77	

Въ Маріинскомъ округѣ нынѣ находятся управы: 1) Kapeковская, 2) Курчековская, 3) Тутильско-Чулымская, 4) Мало-Каргачинская, 5) Кизильдѣевская 1-я половина, 6) Кизильдѣевская 2-я половина. Такимъ образомъ, въ эти волости вошли всѣ роды и волости прежнихъ томскихъ и чулымскихъ татаръ по описямъ 1831 года и 1859 года. Сравнивая мужское населеніе нынѣшнихъ волостей съ списками 1831 года, въ нѣкоторыхъ волостяхъ видимъ увеличеніе населенія, какъ напр.:

Въ Телеутской съ 231 души до 373 душъ мужскаго пола.
» Кумышской » 394 » » 542 » » »
» Ячинской . » 118 » » 285 » » »
» Мало-Шегар. » 329 » » 460 » » »

За то въ нѣкоторыхъ волостяхъ видимъ уменьшеніе населенія, напр.: Чатская волость имѣла по списку 1838 года 395 душъ мужскаго пола, нынѣ же 179. Если мы припомнимъ, что по списку Георги эуштинскіе и чатскіе татары уже въ 1760 году имѣли 430 душъ, то ясно, что здѣсь произошло уменьшеніе.

Въ общемъ число татаръ Томскаго округа въ 1766 году считалось 1.545 душъ и 503 кочевыхъ.

Въ 1838 году въ 12 волостяхъ по списку казенной палаты томскихъ татаръ: 2.213 душъ мужскаго пола, 2.258 душъ женскаго пола, всего 4.471 душа.

По спискамъ населенныхъ мѣстъ Томской губерніи 1859 года число ихъ было равно 4.341 душѣ обоего пола. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1880 года татаръ считалось въ Томскомъ округѣ 5.891 душъ.

Чулымскихъ татаръ по переписи 1766 года считалось 2.549 душъ. По спискамъ населенныхъ мѣстъ было въ 1859 году 4.341 душ.; изъ нихъ 902 души въ Томскомъ округѣ и 2.439 душъ въ Маріинскѣ. Нынѣ въ Маріинскомъ округѣ чулымскихъ татаръ насчитывается 2.733 души. Прибыль ихъ сравнительно съ переписью 1766 года (2.540 душъ) весьма ничтожная.

Татары-барабинцы.

Татары Каинскаго округа, Томской губ., извѣстны подъ именемъ барабинцевъ (отъ волости ихъ Барама). Въ Каинскомъ округѣ нынѣ 7 татарскихъ волостей: Барабинская, Тереминская, Чайская, Каргалинская, Любейская, Тунужская, Туражская (жителей къ 1883 г. считалось 2.277 муж. п., 2.182 женскаго п.; всего 4.459 душъ).

Тюменскіе, ялуторовскіе и тарскіе татары ничѣмъ не отличались отъ туралинцевъ; нѣкоторое отличіе представляли барабинскіе татары, покоренные позднѣе, а именно: противъ нихъ предпринятъ былъ походъ въ 1595 году, подъ начальствомъ письменнаго головы Доможирова съ 483 ратниками, которые взяли городъ Тунусъ. Барабинскія волости были обложены ясакомъ, но барабинцы весьма долго подчинялись еще Джунгарскому хану и конецъ этому подчиненію былъ положенъ только въ 1753 г. генераломъ Киндерманомъ. Барабинцы подпали подъ власть какъ джунгаровъ, такъ и киргизовъ, жившихъ на Енисеѣ. Кромѣ того, несмотря на изъявленіе подданства Россіи, барабинцы должны были давать калмыкамъ алманъ [1]). Какъ независимые татары кучумовцы, такъ и калмыки, жестоко платили барабинцамъ за изъявленіе покорности русскимъ. Въ 1641 г. калмыцкій контайша обложилъ ихъ вновь данью. Въ 1659 г. Абугавъ Кучумовецъ, поддерживаемый калмыками, успѣлъ разгромить на Барабѣ татарскую деревню и ускользнуть. Въ 1660 г. калмыки опять грабили Барабу, на которой, по выраженію историка Словцова, «кровь не переставала литься, какъ будто на римской позорищной аренѣ» [2]). Еще болѣе барабинцы терпѣли отъ разбоевъ киргизовъ,

[1]) Истор. Сибири, Фишера; Словцовъ, Истор. обозр. Сибири, стр. 67; Описаніе Росс. народ., Георги, 106—107.

[2]) Истор. обозр. Словцова, стр. 67.

*

такъ что въ началѣ нынѣшняго столѣтія русское правительство предоставило имъ для самозащиты запастись оружіемъ; многіе изъ князьковъ ихъ укрѣпили юрты рвами и окопами [1]), но это мало спасало ихъ. Спокойствіе возобновилось у нихъ только по мѣрѣ усмиренія киргизовъ и усиленія русскихъ границъ, а именно въ 1730 г. Въ 1760 г., когда они были положены въ окладъ, у барабинцевъ было 68 деревень и 2.216 д. м. п., обложенныхъ ясакомъ, но населеніе ихъ, по мнѣнію Георги, должно было быть гораздо больше; сюда не вошли многія волости. Съ 1767 г. началось заселеніе Барабы русскими переселенцами.

Барабинцы занимали довольно плодородныя и богатыя мѣста между Иртышемъ и Обью. Волости ихъ лежали: Барабинская при р. Оми, Тураская или Колебинская—при р. Тартасѣ, Чайская—при Убинскомъ озерѣ, Тереминская—около небольшихъ озеръ, Тунуская—по р. Узѣ, Евбагайская—при Яркульскомъ озерѣ и Каргалинская—при Тартасѣ. Такимъ образомъ, татарскія волости группировались около обширныхъ Чанскихъ озеръ, которыми вполнѣ пользовались; нынѣ эти волости отодвинуты на сѣверъ и на южной сторонѣ Чановъ нѣтъ болѣе татаръ. Древнихъ барабинцевъ Георги описываетъ смѣшанными съ калмыками; они имѣли плоское лицо, малые продолговатые глаза, большія уши и черные волосы. Если одна часть походила на татаръ, то другіе были калмыцкіе выродки, вслѣдствіе долгаго пребыванія у нихъ побѣдителей — зенгорцевъ. Болотистая Бараба, по наблюденію Георги, наложила печать на нихъ; наполненный парами лѣтній воздухъ былъ причиною того, что всѣ жители мокротны и блѣдны. «Нравы этого народа были чисты, какъ указываетъ Георги,— они не лгутъ, не обманываютъ и не разбойничаютъ». Подать, которую они платили зенгорцамъ, состояла въ лосинныхъ кожахъ, лисицахъ, выдрахъ, бѣлкахъ и другой мелкой рухляди. У барабинцевъ какъ и у башкировъ, были зимнія деревни и лѣтнія юрты. Хижины въ ихъ зимнихъ деревняхъ отличались отъ башкирскихъ тѣмъ, что имѣли для свѣта и дыма большое отверстіе въ потолкѣ, въ которое, въ случаѣ большихъ мятелей и заносовъ снѣга они могли вылѣзать на дворъ и освобождать двери. Кромѣ того, у этихъ домовъ были сѣни. Въ числѣ домашней посуды находилась у нихъ ступа для очищенія крупы, врытая въ землю, къ которой прикрѣпленъ шестъ на длинной перекладинѣ-рычагѣ.

[1]) Городища эти нынѣ сохраняются на Яркулѣ, на ост. Тюмени на оз. Чанахъ и другихъ мѣстахъ. О нападеніяхъ и грабежахъ киргизовъ, Матер. къ истор. Сибири, стр. 88, 106.

(Ступа, свойственная чулымскимъ татарамъ и алтайскимъ, указывающая на родство культуры). Лѣтнія юрты ихъ или хижины (угъ) состоятъ изъ жердей, сведенныхъ кверху, саженъ 5 въ поперечникѣ, покрываются тростникомъ и рогожами (лѣсной шалашъ); онѣ не переносятся. Такимъ образомъ у барабинцевъ мы видимъ слѣдъ полукочевой культуры лѣсниковъ, характерный для всѣхъ алтайцевъ. Форма этого быта сходна съ лѣсными алтайскими татарами и башкирами. Прежніе барабинцы имѣли лошадей и рогатый скотъ, немного овецъ. Скотоводство, однако, не могло увеличиваться на Барабѣ, не смотря на богатые луга и прекрасный кормъ, вслѣдствіе свирѣпствовавшей здѣсь сибирской язвы. Въ 1763 г., по словамъ Георги, здѣсь выпалъ весь скотъ, поэтому его приходилось на душу отъ 5 до 20 шт., и 70 штукъ считалось богатствомъ. Земледѣліе также было побочнымъ промысломъ и пашни ихъ не превосходили 5 десятинъ; сѣяли ячмень, овесъ и немного конопли, какъ прежніе башкиры и алтайцы. Отъ скота добывали кумысъ, масло и сыръ, а также астылай— топленое прѣсное кобылье и коровье молоко. Барабинцы занимались охотой и рыбной ловлей; для охоты держали собакъ гончихъ, но изъ луковъ худо стрѣляли» прибавляетъ Георги. Рыбу заготовляли и солили въ прокъ. Кромѣ того, подобно многимъ инородцамъ, питались дикими кореньями, сараною, кандыкомъ (lilium martagon, Eritronium dens canis L., companula liliefol. L., rymex acetafa, angelica, heracleum Syphondylium L.). Костюмы ихъ были, до принятія магометанства, оригинальные. Они выдѣлывали шубки и украшенія изъ птичьихъ шкурокъ, особенно изъ гагаръ; на поясѣ прикрѣпляли пукъ конскаго волосу, которымъ они отмахивались отъ множества комаровъ и москитовъ этой мѣстности. На головахъ мужчины носили мѣховыя шапки съ раздвоеннымъ околышемъ; женщины замужнія носили двѣ косы. Онѣ выдѣлывали крапивный холстъ, вышивали его узорами и пуговками. Шапочки были островерхія и украшались бисеромъ; древній костюмъ этотъ весьма походилъ на финскіе костюмы черемисъ и мордвы.

Барабинцы были долго шаманистами. Большинство изъ нихъ было язычниками еще въ 1714 г., во время проѣзда иркутскаго вице-губернатора Ланга и во время путешествія Миллера и Гмелина въ 1748 г., но постепенно къ началу нынѣшняго столѣтія, уже въ русскомъ подданствѣ, перешли въ магометанство. «Обращеніе ихъ въ магометанство воспослѣдовало—какъ говоритъ Георги— вопреки законамъ и тайнымъ образомъ—по прельщенію стран-

ствующихъ въ Барабѣ муллъ сосѣдственныхъ татаръ [1]). Народъ, однако, сохранялъ долго прежніе языческіе обычаи, имѣлъ шамановъ и съ покойникомъ клалъ утварь и домашнюю посуду» [2]). Къ началу нынѣшняго столѣтія бытъ барабинцевъ измѣнился: они стали болѣе осѣдлыми и занялись хлѣбопашествомъ; кромѣ того, они продолжали заниматься звѣроловствомъ, добывали горностая, а также гагаръ и піявокъ. Бытъ барабинскихъ татаръ, однако, не могъ поправиться, какъ вслѣдствіе разореній, которыя они терпѣли отъ киргизовъ и калмыковъ, такъ вслѣдствіе того, что ихъ рыболовныя угодья и озера постепенно начали переходить къ русскимъ, по мѣрѣ заселенія Барабинской степи. Они начали, подобно другимъ татарамъ, наконецъ отдавать свои земли и закладывать ихъ русскимъ. Вдобавокъ, когда они не перешли еще къ полной осѣдлости и не сдѣлались прочными земледѣльцами, присоединилось новое обложеніе съ изданіемъ инородческаго устава 1822 г., при чемъ барабинцы были занесены по недоразумѣнію, какъ и многія другія полукочевыя и переходныя племена, въ осѣдлые [3]). Такое увеличеніе оклада повело къ многочисленнымъ жалобамъ; при этомъ инородцы, какъ колыванскіе, такъ и каинскіе, объясняли въ своихъ прошеніяхъ, что «новое положеніе несообразно съ ихъ образомъ жизни и совершенно несвойственно самобѣднѣйшему ихъ положенію, которое до того простирается, что они не могутъ не только отбывать налоговъ, но съ великою нуждою и большимъ трудомъ снискиваютъ для себя дневное пропитаніе и самобѣднѣйшую одежду». Дѣйствительно, недоимка за барабинскими татарами быстро накопилась. Изъ свѣдѣній Томской казенной палаты, находящихся у насъ въ рукахъ, мы видимъ, что въ 1854 г. барабинскихъ татаръ въ 7 волостяхъ было 2.866 муж. п. и 2.399 жен. п. Пашенной земли у нихъ было 5.512 десятинъ, сѣнокосной—7.127 дес., звѣроловныхъ угодій 100 участковъ, рыболовныхъ участковъ 77, лошадей на все населеніе 1.732 шт., рогатаго скота 2.015 шт. и овецъ всего 309. Хлѣба они засѣвали:

Пшеницы	3.600 пуд.
Ржи	5.937 »
Овса	7.836 »

Добычу рыбы высчитала ясачная коммисія въ 7.241 пудъ, звѣрей въ волости добывали 11.689 шт.; добыча состояла изъ лисицъ, горностаевъ, зайцевъ, лосей и др.

[1]) Начало магометанства относится къ 1720 г.

[2]) Георги, Опис. Русс. нар., стр. 114.

[3]) Сибирскіе инородцы въ XIX ст. Шашкова, Истор. этюды, стр. 196.

При всемъ томъ, по свѣдѣніямъ этой ясачной коммисіи, на инородцахъ Каинскаго округа къ 1838 г. числилось по разряду осѣдлыхъ 3.080 руб. 43½ к., да сверхъ того по званію кочевому прежнихъ лѣтъ—повинностей и на сухопутныя сообщенія 23.154 р. 87½ коп., а всего 26.235 руб. 31 коп. До 1835 г. они платили по 2 руб. 75 коп. съ души, но съ этого года они внесены были въ общій крестьянскій окладъ.

Недоимки, какъ видно, и до нынѣшняго времени не исчезли съ барабинскихъ татаръ, не смотря на взысканія, о которыхъ говорится въ отчетѣ 1854 г. Обѣдненіе ихъ, какъ это можно замѣтить, шло прогрессивно.

Въ 1875 г., по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, за волостями барабинскихъ татаръ считалось недоимки 35.241 руб., которая, по бѣдности, съ нихъ была сложена, а затѣмъ къ 1878 г. она вновь возросла до 15.000 руб.

Бытъ барабинскихъ волостей поэтому нынѣ далеко не въ блестящемъ положеніи и онѣ считаются бѣдными. Число жителей въ различные періоды, по собраннымъ нами статистическимъ свѣдѣніямъ, указываетъ скорѣе на уменьшеніе этого населенія, чѣмъ на прибыль.

Вогулы Западной Сибири [1]).

Вогулы составляютъ часть обширнаго финскаго племени, расположеннаго между Иртышомъ и Ураломъ къ сѣверу отъ Туринска и Верхотурья, по рр. Товдѣ, Кондѣ и Сосвѣ, они доходятъ до Березовскаго Округа, часть переходитъ по ту сторону Уральскаго хребта въ Пермскую губернію.

Сибирскіе вогулы расположены въ Тобольскомъ округѣ (2.158 д.), Туринскомъ (3.913) и часть ихъ, смѣшанные съ остяками, въ Березовскомъ округѣ (ляпинскіе остяки). Обитая на востокъ отъ Средняго Урала, между 59 и 64 градусами сѣверной широты, они проживаютъ въ лѣсахъ и болотахъ и занимаются охотой, рыболовствомъ и промысломъ орѣха, ведя жизнь промысловую и половину года кочевую. Подобно остякамъ, они стоятъ на весьма низкомъ уровнѣ быта. Докторъ Альквистъ, опредѣлившій и изслѣдовавшій эту народность, а также рисующій бытъ ея, называетъ вогуловъ, по образу жизни, «осѣдлыми охотниками». Побочными промыслами ихъ на югѣ являются кое-какое земледѣліе и скотоводство, а на сѣверѣ, около Лозвы, рыболовство и оленеводство. Въ настоящее время у вогуловъ Туринскаго округа, Тобольской губерніи, проникаетъ осѣдлость и 4 управы считаются осѣдлыми. Управы эти носятъ названія:

[1]) Strahlenberg Eur. und Asien. p. 84. Лежинъ отеч. Зап. т. III гл. 18, Falk. Reise. Палласъ. Путешествіе, ч. I, стр. 326—333. Георги. Описан. народ. I, стр. 60—65. Starch. Tableau Hist. et statist. т. I, стр. 113. Лерберхъ. Изд. русск. истор. 1619 г. 6. Пол. соб. лѣт., стр. 250. Азіатск. плем. 1620 г., стр. 393. Kask. Koupper voyag d'Oural. Гофманъ Сѣв. Уралъ. Гагемейстеръ Статист. Обоз. Спб. Кеппенъ Инородцы европ. Россіи, стр. 64—75. Müller., Castreen. Ethnolog. vol., p. 128. Erman p. 330, 361—669. Alquist. Bullet. hist. XVI. 52. Zeitschrift für Erdkunde. 1859, p. 222. Globus, t. 8, p. 91—115. Müller, Feld., Ugrische Volkstatum. 1837, t. I, p. 162. Unter-Vogulen und Ostiaken. Prof. Alquist.

	Домовъ.	Жител.	Лош.	Рогатаго.	Мелк. скот.
Куртумовская	46	222	115	190	320
Верхне-Таборинская. .	77	405	200	174	225
Нижне-Таборинская. .	33	182	93	70	192
Кошукская.	454	963	534	768	790

Земли подъ сѣнокосомъ и хлѣбомъ у нихъ находится 9.087 десятинъ; посѣвы, однако, не велики:

	Озимаго.	Яроваго.
Въ Куртумовской	53 дес.	$51^1/_2$ дес.
» Верхне-Таборинской .	98 »	$68^1/_4$ »
» Нижне-Таборинской . .	42 »	$29^1/_2$ »
» Кошукской	371 »	212 »

Хлѣбопашество является для немногихъ подспорьемъ, главный же промыселъ—звѣроловство. 2.141 душа вогуловъ въ семи волостяхъ и 77 паулахъ или поселкахъ считаются совершенными кочующими звѣроловами и обладаютъ весьма небольшимъ количествомъ рогатаго и мелкаго скота. Бытъ этихъ инородцевъ Альквистъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: немного на свѣтѣ жилищъ, которыя были бы, по своей внѣшности, такъ просты, какъ вогульскіе поселки или паулы. Они всегда ставятся на возвышенномъ мѣстѣ около рѣки или около соединенія двухъ рѣкъ, такъ какъ рыболовный промыселъ у устьевъ рѣкъ всегда выгоднѣе. Каждый паулъ состоитъ изъ двухъ или трехъ юртъ, пять уже много. Юрты, или по фински квалъ, бываютъ зимнія и лѣтнія. Первыя построены изъ бревенъ, проконапачены мхомъ и покрыты крышей изъ древесной коры и планокъ; онѣ бываютъ рѣдко длиннѣе трехъ саженъ. Въ одномъ изъ угловъ, около двери, складывается изъ глины, сбитой съ травой, печь (чувалъ), имѣющая сходство съ каминомъ, и на ночь отверстіе въ крышѣ для дыма закрывается берестой. Послѣ того, какъ погасаетъ огонь, печь не даетъ тепла, такъ какъ она слишкомъ мала и сложена изъ дурнаго матеріала; ночью въ этихъ юртахъ порядочно зябнутъ, и единственное средство противостать холоду—ложиться какъ можно ближе другъ къ другу. Дневной свѣтъ проникаетъ въ ихъ жилища черезъ окно, въ которое вставлено рѣдко стекло, чаще же рыбья кожа или бумага. По стѣнамъ юрты устроены лавки для спанья, похожія на татарскія, и покрыты берестой; покрывающія ихъ шкуры отличаются обиліемъ блохъ. Лѣтняя юрта состоитъ изъ берестянаго шалаша. Огонь въ лѣтнихъ жилищахъ горитъ по-рединѣ. Юрта эта не имѣетъ пола. Южные вогулы уже не строятъ лѣтнихъ юртъ, а живутъ въ бревенчатыхъ зимовкахъ, которыя отличаются тѣмъ, что въ нихъ около очага вмазанъ ко-

телъ. Южные вогулы также начинаютъ ставить русскіе срубы. Домашняя утварь и принадлежности хозяйства у народа, такимъ образомъ живущаго, не могутъ быть разнообразны. Собака и ружье—самыя цѣнныя вещи у вогула; топоръ, большой ножъ и огниво—вотъ все, что онъ имѣетъ. Кромѣ посуды, въ которой варится пища, вся посуда берестяная, даже ложки и дѣтскія люльки. Одежда вогуловъ—у тѣхъ, что живутъ близъ русскихъ—та же, но «хуже и болѣе изорванная», говоритъ путешественникъ. У сѣверныхъ вогуловъ на Сосвѣ одеждой служитъ малица или изъ оленьихъ шкуръ, или изъ крестьянскаго сукна. Шапокъ обитатели Сосвы не знаютъ, Лѣтомъ длинные и густые волосы, заплетенные на двѣ косы, составляютъ единственную защиту головы, а зимой лицо и голова накрываются мѣшкомъ изъ оленьей шкуры. Нижнее платье шьется изъ холста или дубленыхъ оленьихъ кожъ. Одежда женщинъ напоминаетъ татарскую. На пальцахъ, какъ мужчины, такъ и женщины, носятъ мѣдныя кольца, а вогульскія женщины татуируютъ себѣ руки и ноги. Такимъ образомъ обстановка этого племени почти дикарская. Относительно пищи вогулъ не избалованъ: ею служитъ лѣсная птица и рыба—лѣтомъ свѣжая, а зимой сушеная. Мясо оленей и лосей ѣдятъ рѣдко и только богатые. Для южныхъ вогуловъ соль и хлѣбъ сдѣлались потребностью, но сосвинскіе считаютъ ихъ предметомъ роскоши, и вогулъ, возвращающійся отъ русскихъ, привозитъ хлѣбъ вмѣсто конфектъ. Вогулъ можетъ долгое время пребывать безъ пищи и на охотѣ цѣлыя недѣли онъ питается сырой рыбой и свѣжимъ мясомъ; но если вогулъ начнетъ ѣсть, то ѣстъ много: онъ можетъ съѣсть пять тетерокъ, выхлебать всю похлебку, гдѣ онѣ варились, и съѣсть еще много сушеной рыбы. По тѣлосложенію вогулы средняго роста, лицо круглое съ немного выступающими скулами, какъ у всѣхъ финновъ, носъ широкій, но не плоскій, цвѣтъ волосъ темно-русый, но встрѣчаются многіе и съ свѣтлыми волосами, глаза открытые и круглые, но часто болятъ вслѣдствіе жизни въ дымовыхъ юртахъ.

Вогулы принадлежатъ къ древнимъ угорскимъ финскимъ племенамъ и, по догадкѣ Фишера, они должны были когда-то обитать по Яику или р. Уралу и въ Угорскихъ горахъ, которые получили отъ нихъ названіе [1]). Они были ближайшей вѣтвью древней чуди и тѣхъ угровъ, отъ которыхъ отдѣлились венгры и къ которымъ принадлежали башкиры или паскотиры до ихъ отуреченія. Современные антропологи и этнографы, какъ Оскаръ Пе-

[1]) Истор. Сибири. Фишеръ, стр. 68.

шель, такъ и Фридрихъ Миллеръ, внесли ихъ въ группу монголообразныхъ, урало-алтайцевъ прямоволосыхъ по лингвистическому подраздѣленію съ многослоговымъ нарѣчіемъ (mehrsilbigen sprache). Среди финновъ они составляютъ опредѣленную уральскую вѣтвь, къ которой причисляются самоѣды, остяки, зыряне, черемисы, вотяки, пермяки и мордва. Кастренъ выдѣлилъ ихъ изъ прочихъ финновъ въ угорскую группу, составленную изъ остяковъ, вогуловъ и мадъяръ—венгровъ; этой классификаціи держится и Пешель. По классификаціи Реціуса, вогулы принадлежатъ къ разряду brachycephalae orthrognothae и включены въ группу венгерцевъ [1]). Альквистъ различаетъ вогуловъ на Кондѣ отъ ихъ сѣверныхъ собратовъ. По наблюденію Альквиста, кондинскіе вогулы представляютъ болѣе выраженный монгольскій типъ: они отличаются блѣднымъ и смуглымъ цвѣтомъ лица, болѣе выдающимися скулами, черными волосами и слабой растительностью [2]). Вогулы названіе русское. Сами они зовутъ себя манзами и суоми.

Вогулы были первымъ изъ инородческихъ племенъ, съ которымъ столкнулись русскіе при движеніи на востокъ въ великой Перміи. Какъ видно, они были сильнымъ воинственнымъ племенемъ, которое безпокоило первыя русскія поселенія на Уралѣ, почему уже при Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1499 г. было отправлено противъ нихъ войско въ 4.024 чел. дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые проникли за Угорскія горы, взяли много вогульскихъ и остяцкихъ мѣстъ и не мало плѣнниковъ [3]). Послѣ созданія строгоновскихъ городковъ сношенія съ вогуличами стали тѣснѣе и нѣкоторые изъ вогульскихъ родовъ изъявили подданство и на нихъ наложена была дань [4]). Уже въ первый свой походъ въ 1576 г. Ермакъ, зазимовавъ на Сылвѣ, столкнулся съ вогуличами и отправилъ противъ нихъ 300 казаковъ, которые воротились съ добычею. Во второй походъ Ермакъ также посылалъ разъѣзды, которые фуражировали около вогулъ и, по выраженію Фишера, у этихъ бѣдныхъ людей отбирали весь ихъ запасъ, состоявшій изъ мерзлой рыбы, медвѣжьяго и лосьяго мяса. Одна партія Ермаковыхъ казаковъ явилась чрезъ Тагилъ на Нейву, гдѣ одинъ татарскій мурза собралъ, однако, нѣкоторое число татаръ и вогуличей и далъ жестокій отпоръ казакамъ [5]). Вогулы по ту сторону

[1]) Völkerkunde von Oscar Peschel. Leipz. 1885. Allgemeine Ethnographie, Friedrich Müller. Wien. 1876, p. 25.

[2]) Alqvist, Unter vogulen und ostiaken, p. 39.

[3]) Фишеръ, стр. 109, § 3.

[4]) Ibid., стр. 111, § 6.

[5]) Фишеръ, стр. 120, § 15.

Урала были въ ближайшихъ сношеніяхъ съ татарами. По Турѣ мы видимъ на древнихъ картахъ, не доходя до Епанчина городка, городище Нерромъ-Кара [1]) или Торумъ; несомнѣнно это было вогульское городище, такъ какъ Торумъ по вогульски—Богъ, и здѣсь, конечно, находился ихъ идолъ. Ермакъ приплылъ по Турѣ и напалъ на татаръ. Какъ видно, вогуличи не переставали въ союзѣ съ татарами, подъ начальствомъ Маметъ-Кулли, вмѣстѣ съ остяками сражаться противъ русскихъ. Мало того: во время походовъ Ермака, ожесточенныя разореніемъ ихъ жилищъ, вогуличи кинулись на Чердынь, на что жаловался царю чердынскій воевода Василій Пепелицынъ и московскій царь изъявилъ неудовольствіе на походъ Ермака. Только послѣ взятія Искера 23 октября 1581 г. и побѣды надъ татарами, вогуличи и остяки оставили татаръ и возвратились въ свои жилища. Вскорѣ вогуличи пришли съ дарами къ Ермаку, какъ и остяки [2]). Когда Иванъ Кольцо поѣхалъ въ Москву къ царю, вогуличи были ему проводниками [3]). Ермакъ впослѣдствіи покорилъ кодскіе городки и вогуличей по Тавдѣ. Позднѣе, для удержанія вогулъ и устрашенія ихъ князя Аблегерима, приказано было построить городъ Пелымъ (въ 1593 г.), къ уѣзду котораго были приписаны вогульскія волости у рѣкъ Тавды, Пелыма, Сосвы, Лозвы и вслѣдъ затѣмъ построенъ городъ Березовъ. Города эти не разъ подвергались безпокойствамъ. Между остяками и вогуличами завязалась вражда. Князь Апоча донесъ на вогуличей и въ 1593 г. русскій витязь съ остяками жестоко наказали ихъ: «грабили, разоряли, убивали, что имъ ни попадалось», по словамъ Фишера [4]). Князь кондинскій Ачой былъ взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Москву. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, пока не приказано было прекратить междоусобіе по жалобѣ вогуловъ. По созданіи Верхотурья къ нему были приписаны вогулы, находившіеся въ вѣдѣніи города Лозвы [5]), къ сѣверу отъ Тюменскаго округа. Вогуличи по Чусовой и Сылвѣ принадлежали Чердыни. Наконецъ, въ 1600 г. на половинѣ дороги между Верхотурьемъ и Тюменью построенъ былъ Туринскъ. Такимъ образомъ, земли вогуловъ были оцѣплены русскими поселеніями. Инородческое населеніе, однако, не сразу покорилось. Въ 1607 г.

[1]) *Кара*, по объясненію Фишера, на зырянскомъ и вотяцкомъ языкахъ значитъ городъ и крѣпость; слово карамо—остяцкое жилище.

[2]) Ibid, стр. 133, § 38.

[3]) Ibid., стр. 136, § 43.

[4]) Фишеръ, стр. 177, § 5.

[5]) Городокъ лозвинскій основанъ, какъ предполагаетъ Миллеръ, въ 1590 г. Хронол. переч. Истор. данныя, изъ истор. Спб. Щеглова, с. 52.

пелымскіе вогуличи условились съ сургутскими остяками и самоѣдами разорить Березовъ, но заговоръ былъ обнаруженъ и зачинщики казнены. Въ 1609 г. вогулы, вновь соединившись съ татарами и остяками, замышляютъ разрушить Тюмень и надѣются на помощь калмыковъ. Въ распространеніи заговора участвовали жены новокрещеннаго князя Алачева. Заговоръ охватилъ весь сѣверъ и стрѣла съ вырѣзкой злыхъ духовъ, какъ обычный призывъ къ возстанію, переходила по вогульскимъ и остяцкимъ стайбищамъ, пока не была открыта березовскими казаками; заговорщики были казнены. Въ 1612 г., во время междуцарствія вогулы еще разъ покушались снесть Пелымъ, но были усмирены. Такимъ образомъ, вогулы съ остяками когда-то представляли весьма мужественное и воинственное племя. Но постепенно подавленные, они явились покорными и въ нынѣшнихъ лѣсныхъ и обнищавшихъ вогулахъ трудно даже отыскать какой-либо слѣдъ прежняго характера. Народность эта пострадала, какъ видно, болѣе другихъ при завоеваніи, такъ какъ находилась на главномъ трактѣ въ Сибирь. Вогулы не разъ приносили жалобы послѣ усмиренія и завоеванія; такъ, въ 1597 г., для смягченія ихъ ропота, приказано было дозволить имъ продавать наши топоры и другія неопасныя желѣзныя вещи (Словцовъ, т. II). Въ 1607 г. послѣдовали жалобы 30 ляпинскихъ вогуловъ на земскую гоньбу. У нихъ было 320 лош. въ 1598 г., на которыхъ они возили ясачную почту, воеводъ и служилыхъ людей до Соликамска, Тюмени и Пелыма; въ теченіе года они лишились 123 лошадей, уздъ и сѣделъ. Государь въ грамотѣ верхотурскому воеводѣ приказалъ уменьшить ясакъ и ограждать ихъ отъ обидъ. Первыя свѣдѣнія о бытѣ вогуловъ мы находимъ у Новицкаго («Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ» 1715 г.), у Витзена и Георги при описаніи обитавшихъ въ Россіи народовъ въ 1776 г. Новицкій, указывая мѣстопребываніе ихъ на Турѣ, Тавдѣ и Кондѣ, говоритъ, что на Тавдѣ и Кондѣ они соприкасаются съ татарами, отъ которыхъ выучились земледѣлію и упражняются съ прилежаніемъ въ сѣяніи и собираніи плодовъ (овощей). Тамъ же, гдѣ соприкасаются съ остяками, живутъ звѣроловствомъ. По Кондѣ и около Верхотурья вогуличи сѣяли ячмень и овесъ. Новицкій описываетъ ихъ обряды, жертвоприношенія лошадей и развѣшиванья шкуръ на деревьяхъ; также поклоненіе копью и различные кумиры [1]). Уже въ древнее время мы видимъ вогуловъ полуосѣдлымъ населеніемъ. Витзенъ упоминаетъ, что жилища ихъ, какъ лѣ-

[1]) Опис. о народѣ остяцкомъ. Изд. А. Майкова, стр. 81—87, 97—196.

томъ, такъ и зимою, четырехугольной формы, изъ дерева; они имѣютъ отверстіе для дыма, очагъ, также окна; дымъ отъ сжигаемаго дерева выходитъ вверхъ, а какъ только образуются уголья, они закрываютъ отверстіе вверху, чтобы удержать тепло. Зимой они закладываютъ отверстіе кускомъ льда. Внутри хижины они не имѣли ничего, кромѣ скамей, на которыхъ сидятъ, поджавъ ноги. Охотятся съ луками и стрѣлами; любимая ихъ дичь — лось; мясо этого животнаго они сушатъ и развѣшиваютъ вокругъ своихъ домовъ. Свиней и куръ не ѣдятъ; но ѣдятъ яйца послѣднихъ. Дикихъ животныхъ ловятъ, ставя натянутые луки и дѣлая замаскированныя ямы. Они грубые язычники. По описанію Витзена, вогулы малы ростомъ, сильны, по сложенію имѣютъ довольно неуклюжія головы и свой особенный языкъ. Объ обрядахъ вогуловъ онъ упоминаетъ, что они сдираютъ съ жертвеннаго животнаго (быка и лошади) кожу и вѣсятъ на дерево [1]). Солнце и луну признаютъ за божества, какъ и воду. Затѣмъ Витзенъ упоминаетъ о любопытнѣйшемъ обычаѣ у вогуловъ—почетномъ погребеніи собаки, для чего строятъ на могилѣ хозяина собаки деревянный домикъ и кладутъ туда собаку; когда домикъ разрушится, собаку кладутъ въ могилу съ покойникомъ.

Георги также описываетъ вогуличей, какъ полукочевой народъ. «Житье у нихъ между кочевымъ и одномѣстнымъ среднее— говоритъ онъ—живутъ они въ неподвижныхъ зимнихъ деревняхъ, расположенныхъ и выстроенныхъ по чувашскому обычаю и при томъ обыкновенно при рѣкахъ стоящихъ. Около Верхотурья и Соликамска дѣлаютъ они зимніе свои шалаши четырехугольно съ очагами и палатями, а на плоской крышѣ или потолкѣ оныхъ прорубаютъ для свѣта отверстіе. Отдѣлившіеся наибольше къ сѣверу и живущіе около Вишуры, Колвы и другихъ рѣкъ, вогулы препровождаютъ и зиму въ обложенныхъ дерномъ или покрытыхъ корою шалашахъ. На лѣто перебираются въ другіе, крытые берестой. Переселенія рѣдки и въ иное лѣто съ мѣста не трогаются». Георги указываетъ небольшое скотоводство коровъ, овецъ, свиней и немного лошадей. Главный ихъ промыселъ составляетъ звѣриная ловля. Этотъ переходный бытъ, какъ и у татаръ Алтая и Кузнецкаго округа, прежде всего способствовалъ и облегчалъ вогуламъ въ земледѣльческой полосѣ переходъ къ осѣдлости [2]). Ге-

[1]) Обычай, принадлежащій и другимъ алтайскимъ племенамъ и сохранившійся доселѣ у шаманистовъ.

[2]) Этотъ культурный законъ мы прослѣдили среди лѣсниковъ Сибири, принадлежатъ-ли они къ тюркскому или финскому племени—безразлично. Полуосѣдлый охотникъ, рыболовъ скорѣе переходитъ къ осѣдлости, чѣмъ кочевой скотоводъ степей.

орги описываетъ физическій типъ вогуловъ, какъ монголообразныхъ, росту средняго, волосы большею частію черные, бороды жидкія. Лицомъ они много походятъ на калмыковъ. Сходство это впослѣдствіи подтвердилось и антропометрическими данными о формѣ черепа и скуловыхъ признакахъ. Наконецъ, тоже замѣтилъ и Кастренъ. «Кровное родство монгольской расы яснѣе всего замѣтно въ вогулахъ—говоритъ онъ—они гораздо ближе остяковъ стоятъ къ калмыкамъ» [1]). Такимъ образомъ у вогуловъ сохраняется болѣе, чѣмъ у кого-либо изъ уральцевъ и угровъ, связь съ югомъ Сибири, Алтаемъ и Монголіей. Все это придаетъ вогуламъ особый этнографическій интересъ. Отъ прошлаго перейдемъ къ современному положенію.

По характеру, вогулъ—тихое и добродушное дитя природы. Онъ не имѣетъ печальнаго вида, болтаетъ и смѣется; въ рѣчи его есть оттѣнокъ доброжелательства; но у вогуловъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ русскими, откровенность характера и добродушіе болѣе или менѣе исчезли. Не будучи мстительнымъ, вогулъ легко раздражается, а въ пьяномъ видѣ становится даже бѣшенымъ; къ счастью, онъ приходитъ въ это состояніе только раза два въ годъ, когда отправляется въ городъ. Большой недостатокъ въ характерѣ вогула составляетъ лѣность. Къ ручному труду этотъ народъ мало способенъ и работникамъ-вогуламъ платятъ въ половину меньше русскихъ. Религіозное сознаніе вогуловъ заключается въ шаманизмѣ, хотя вогулы считаются обращенными въ христіанство съ 1714 и 1722 годовъ Филоѳеемъ Лещинскимъ. Вогулы и доселѣ крестятся, но о христіанской религіи все-таки понятія не имѣютъ и по прежнему преданы религіи своихъ предковъ—язычеству. Обращеніе въ христіанство состояло только въ насильственномъ разрушеніи ихъ идоловъ, что не мѣшаетъ имъ и доселѣ приносить жертвы своимъ божествамъ, присягать на вѣрность на мордѣ медвѣдя и т. д. Русское вліяніе проникаетъ медленно, только нѣкоторые говорятъ по русски, а русская культура, соприкасаясь съ этими дикарями, дѣйствуетъ не всегда благопріятно. Вотъ что разсказываетъ объ экономическихъ сношеніяхъ и торговлѣ д-ръ Альквистъ: «Въ торговлѣ зырянъ и русскихъ съ здѣшними вогулами существуетъ система кредита, которая для сихъ послѣднихъ только разорительна. Купецъ отпускаетъ товаръ свой покупателю въ долгъ до слѣдующей охоты, причемъ, конечно, на товаръ свой назначаетъ большую цѣну, чѣмъ при наличной платѣ мѣхами; при уплатѣ же долга онъ ста-

[1]) Castrén, Vorlesungen, 128.

рается по возможности уменьшить цѣну на товаръ должника. Вслѣдствіе того послѣдній затягиваетъ уплату долга и охотнѣе продаетъ товаръ другимъ, чѣмъ своему кредитору. Чтобы покрыть убытки такой несвоевременной уплаты, а равно и отъ утраты должной суммы вслѣдствіе смерти должника, купецъ при слѣдующемъ акредитованіи долженъ наложить на свой товаръ еще большую цѣну, часто вдвое. Исходомъ такой торговли въ кредитъ для многихъ вогуловъ и остяковъ бываетъ то, что, сильно задолжавшись при неблагопріятной охотѣ, или самъ долженъ поступить въ работники къ своему кредитору, или, если у него есть сынъ, послать сына, что часто обращается въ пожизненную кабалу, въ которой вогулъ и остякъ отчуждаются отъ своего племени и народа».

Наибольшее число вогуловъ въ Тобольской губерніи—6.400 чел. Альквистъ говоритъ: «Причины такого слабаго населенія—суровость климата, образъ жизни, уменьшеніе пушнаго звѣря, происходящее отъ того общее обѣдненіе и, наконецъ, высокая плата, требуемая за обрядъ вѣнчанія, вслѣдствіе чего многіе изъ вогуловъ не женятся. Въ то же время къ причинамъ слабаго умноженія относятся заразительныя болѣзни, изъ которыхъ оспа и сифилисъ причинили большія опустошенія между вогулами». Въ сосѣдствѣ съ русскими, говоритъ тотъ же авторъ, число ихъ уменьшается и потому еще, что многіе вогулы идутъ въ работники къ русскимъ, т. е. ассимилируются. Вообще мѣстные чиновники жаловались, что число какъ вогуловъ, такъ и остяковъ ежегодно уменьшается [1]).

По свѣдѣніямъ г. Маліева, производившаго тѣ же изслѣдованія, уменьшеніе падаетъ не столько на осѣдлыхъ, сколько на кочевыхъ вогуловъ (отчетъ его, стр. 19). Изъ списковъ ясачной коммисіи видно, что въ пяти волостяхъ Туринскаго округа въ 1763 г. считалось 555 чел. муж. пола, а въ 1816 г. 467—убыло 88 чел.; въ пяти другихъ волостяхъ въ 1816 г. было инородцевъ обоего пола 850 чел., а въ 1830 г. 740 чел.—110 челов. («Сибирскіе инородцы въ XIX ст.», Шашкова). Изъ сравненія послѣднихъ статистическихъ данныхъ въ Сибири, мы можемъ удостовѣрить слѣдующее. Въ 1838 году въ Тобольскомъ и Туринскомъ округахъ вогуловъ было 4.527 д., а въ 1859 году, по спискамъ населенныхъ мѣстъ, вогуловъ въ Тобольскомъ округѣ числилось 1.158 и въ Туринскомъ 3.286 д. обоего пола, то-есть 4.444 д. обоего пола, противъ 1838 г.

[1]) Майковъ «О древней культурѣ западныхъ финновъ по сочиненію д-ра Альквиста», 1877 г., стр. 93.

менѣе. Въ 1875 году, по свѣдѣніямъ исправниковъ, вогуловъ въ Тобольскомъ округѣ было 2.158 и въ Туринскомъ 3.913 д.; при этомъ на Туринскій округъ падаетъ весьма незначительная прибыль, принимая всѣ неблагопріятныя условія, дѣйствующія на слабую натуру дикаря [1]).

Ничтожная прибыль вогуловъ въ Тобольскомъ округѣ въ послѣднее время засвидѣтельствована слѣдующими оффиціальными данными, полученными нами отъ весьма почтеннаго изслѣдователя округовъ Тобольской губерніи, г. Патканова, составившаго хозяйственно-статистическое описаніе по порученію Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Вогуловъ въ Тобольской губерніи было:

въ 1858 г.	въ 1887 г.
612 м. п., 629 ж. п.	631 м. п., 618 ж. п.
Всего 1.241 ч.	Всего 1.318 ч.

Иначе говоря, въ 30 лѣтъ у этого населенія болѣе чѣмъ на тысячу душъ прибыло 77 человѣкъ.

[1]) Уменьшеніе вогуловъ засвидѣтельствовалъ Гагемейстеръ въ своихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ. «Обжорство ихъ (не на оборотъ-ли?), частыя лишенія, неопрятность, пьянство и развратъ—причины общаго тщедушія этого народа, большой смертности и малаго плодородія женщинъ. Съ 8-й по 9-ю ревизію коренныхъ вогуловъ убыло на 50%».

Остяки и самоѣды.

Изъ всѣхъ инородцевъ, населяющихъ Сибирь, бо̀льшее вниманіе останавливаетъ на себѣ судьба финскихъ племенъ, населяющихъ сѣверъ Россіи и Западную Сибирь. Къ сѣвернымъ финскимъ племенамъ должны быть причислены вогулы, остяки и самоѣды, живущіе съ послѣдними въ томъ же районѣ, въ тѣхъ же условіяхъ и смѣшивающіеся съ остяками. Самоѣды, по племени относящіеся къ другой саянской группѣ народовъ, составляютъ нынѣ, такъ сказать, одну этнографическую группу съ остяками. Племена эти раскидываются по всему сѣверу Сибири, между 57° и 73° сѣв. широты; они населяютъ прибрежье Ледовитаго океана, занимаютъ сѣверный Уралъ по ту и другую сторону, наконецъ, обитаютъ между Иртышемъ и Обью въ болотистыхъ и лѣсныхъ пространствахъ между 57°—61°. Самоѣдо-саянскую группу можно, кромѣ того, прослѣдить по всему Енисею, до крайняго сѣвера Архангельской губ. Уже одинъ обширный районъ, занимаемый ими въ Сибири и на востокѣ Россіи, показываетъ, что когда-то они были древнѣйшими аборигенами страны и роль ихъ была нѣсколько иная.

Тѣ, кто думаетъ представить себѣ эти племена совершенными дикарями, стоящими на низшемъ уровнѣ культуры, не имѣющими никакого духовнаго имущества, лишенными способностей къ развитію и потому самою судьбой обрекаемыхъ на вымираніе,—глубоко ошибаются.

Мнѣніе, что сѣверный финнъ ничего не понимаетъ и ничего не видитъ, кромѣ тундры, которую воспѣваетъ въ первобытныхъ импровизаціяхъ: «видитъ дерево, про дерево поетъ, оленя — про оленя»; мнѣніе это основано на невѣжествѣ людей, не понимающихъ языка. Ученые открыли у этихъ племенъ богатый эпосъ, который получилъ впослѣдствіи блестящее развитіе въ скандинавской сагѣ.

Происхожденіе финскихъ племенъ и историческая роль ихъ въ Азіи, не смотря на усилія геніальныхъ ученыхъ, еще не выяснены; но обнаружилось, что эти племена въ доисторическія времена выдвинулись съ юга Сибири, и ихъ послѣднее мѣстонахожденіе—если не прародина—были Алтай и Саяны. Въ оставшихся названіяхъ рѣкъ, въ преданіяхъ и пѣсняхъ о «красномъ человѣкѣ» на Абаканѣ, въ существующихъ помѣсяхъ, въ типѣ и въ археологическихъ памятникахъ сохраняются еще слѣды этихъ финскихъ племенъ. Китайскіе историки и географы упоминаютъ также о бѣлокурыхъ племенахъ, жившихъ на югѣ Сибири и въ Саянахъ; но были-ли это именно финны, трудно рѣшить, такъ какъ у китайцевъ они были всегда подъ другими именами.

Изслѣдованія древней ассирійской цивилизаціи Оппертомъ, Ленорманомъ и др. указали на существованіе суммеро-акадійцевъ, языкъ которыхъ близокъ къ угро-алтайскому и корни словъ всего ближе къ финскимъ нарѣчіямъ. Клапротъ приписываетъ гуннское нашествіе финнамъ.

Но если прошлое угро-финскихъ племенъ, слившееся съ древнимъ названіемъ угровъ и чуди, исчезаетъ въ потемкахъ древности, то родство ихъ съ европейскими финнами вновь освѣщаетъ ихъ исторію. Изслѣдованія Кастрена, Альквиста и др. доказали родство съ Финляндіей. Уральскіе финны сливались съ тюркскими племенами и выдвинули венгровъ. Среди башкиръ несомнѣнно присутствіе финскаго элемента, и онъ же вошелъ въ значительной степени въ русскую народность. Финны восточной Россіи: пермяки, мордва, черемисы, зыряне поднялись въ своемъ развитіи до осѣдлаго населенія, русѣютъ и сливаются съ русскимъ населеніемъ, обнаруживая способности къ культурѣ.

Но если одна вѣтвь этихъ племенъ сблизилась и вошла въ среду культурныхъ народовъ, въ видѣ финляндцевъ, венгровъ, обрусѣвшихъ финновъ: зырянъ, мордвы и др., то тѣмъ трагичнѣе судьба ихъ родичей—другой сѣверной вѣтви, которая, сохраняя родство съ первою вѣтвью и будучи также не лишена умственныхъ способностей, обречена на совершенно противоположный жребій.

Замѣчательный финляндскій ученый Кастренъ, первый открывшій родство остяковъ съ финнами, глубоко задумывается надъ ихъ судьбою. «Я дышалъ тѣмъ воздухомъ—пишетъ онъ въ Обдорскѣ—который вдохнулъ первыя искры жизни въ грудь отцовъ нашихъ и доселѣ поддерживаетъ существованіе многихъ нашихъ жалкихъ братьевъ. Они закинуты частью на холодныя вершины Урала, частью еще къ болѣе холоднымъ берегамъ Ледови-

*

таго моря, и духъ ихъ закованъ въ цѣпи болѣе тяжкія, чѣмъ ледъ, сковавшій природу въ настоящемъ ихъ отечествѣ. Цѣпи эти—грубость, невѣжество и дикость».

Признавая это родство финновъ, родство племенъ остяковъ и вогуловъ «суоми», «манса» съ европейскими финнами и финляндцами, мы не можемъ обрекать какую бы то ни было часть этого племени на дикарское существованіе и вымираніе. Даже обреченные на печальный жребій остяки воспринимаютъ въ Сибири, при всѣхъ тяжкихъ условіяхъ быта, русскую культуру, обычаи, строятъ деревянныя жилища, и всѣ остяки и вогулы Западной Сибири считаются христіанами. Сама древняя культура финновъ, при тщательномъ изученіи, показываетъ, что, являясь осѣдлыми охотниками въ лѣсахъ и осѣдлыми рыболовами на берегахъ рѣкъ, они сдѣлали уже значительные успѣхи и шаги отъ той первобытной стадіи, которая была доступна первобытному человѣку каменнаго вѣка.

Археологическія изслѣдованія бросаютъ свѣтъ, что металлъ былъ извѣстенъ имъ и они занимались его добычей. Имъ извѣстно тканье, хотя изъ крапивы. Словомъ, они представляютъ ту среднюю переходную стадію, которая вела къ высшей культурѣ и безъ которой послѣдняя не могла бы встать на свою высоту.

По типу и антропологическимъ физическимъ признакамъ финны также ближе всего стоятъ къ кавказскому или арійскому типу и составляютъ переходное звено отъ монголовидныхъ. Ничто, такимъ образомъ, не даетъ основанія причислять ихъ къ какимъ-нибудь низшимъ расамъ, которымъ развитіе не можетъ быть доступно.

Судьба самоѣдо-саянскихъ племенъ заслуживаетъ не менѣе вниманія. Въ отдаленнѣйшія времена, какъ можно догадываться, они вышли изъ Саяновъ, гдѣ нынѣ живетъ близкое къ нимъ племя сойётовъ. На пути своего переселенія по Енисею, самоѣды оставили нѣсколько племенъ, а именно: котовъ, ассановъ, аринцевъ, тубинцевъ и кайбаловъ, которые признаются одного происхожденія съ самоѣдами. Всѣ эти племена нынѣ вымерли, исключая кайбаловъ, совершенно русѣющихъ, и карагасовъ, смѣшавшихся съ другими инородцами. Настоящіе самоѣды отодвинуты на самый сѣверъ; часть ихъ расположилась по Оби, среди остяковъ. Если таково происхожденіе самоѣдовъ, то насколько же трагична судьба этого южнаго племени, отброшеннаго къ полярному кругу и ведущаго жизнь подобно эскимосамъ. Самый фактъ приноровленія и приспособленія этого племени къ суровому климату заслуживаетъ вниманія. Самоѣды болѣе монголообразны, и

ихъ языкъ, нравы и характеръ отличаются отъ остяковъ; они болѣе смѣлы, какъ охотники. Нынѣ остяки и самоѣды находятся въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ и жребій ихъ одинаковъ.

По послѣднимъ отчетамъ, въ Тобольской губ. считалось вогуловъ 6.071 чел., остяковъ—21.353, самоѣдовъ—2.916, всего финскихъ племенъ въ западной части Сибири 42.767 чел., изъ нихъ 28.207 чел. крещеныхъ. Въ числѣ крещеныхъ всѣ остяки и вогулы.

Обдорскіе остяки, по характеристикѣ Кастрена, раздѣляются на рыбаковъ и оленеводовъ; первые живутъ на рѣкахъ, особенно по Оби и Иртышу, а послѣдніе кочуютъ часть года по тундрамъ въ постоянномъ сношеніи съ самоѣдами. Оленеводы слѣдуютъ за своими оленями, потому что сама природа влечетъ оленя въ теплое время къ морскимъ берегамъ, такъ какъ его теплая шкура требуетъ болѣе холодной атмосферы и его не мучаютъ здѣсь комары.

На берегу моря остяки занимаются промыслами: бьютъ тюленей и бѣлыхъ медвѣдей. При наступленіи зимы, кочующіе по берегамъ остяки и самоѣды начинаютъ уходить къ югу въ лѣсныя страны, чтобы заняться охотой и найти себѣ убѣжище отъ бурь. Эти перекочевки происходятъ медленно, большихъ переходовъ остяки не дѣлаютъ и по нѣскольку дней живутъ на одномъ мѣстѣ. Каждый родъ идетъ самостоятельно. Такимъ образомъ, кочевымъ племенемъ по извѣстнымъ направленіямъ перерѣзывается тундра, и къ концу декабря инородческое населеніе сходится на обдорскую ярмарку и здѣсь же доставляетъ ясакъ и подать начальству. Слѣдуя за стадами, такой образъ жизни постоянно ведутъ бродячіе или кочующіе инородцы. При недостаточномъ изученіи быта инородцевъ, у насъ самоѣды признаны бродячими, а остяки поставлены въ высшую категорію кочевыхъ, тогда какъ часть того или другаго племени живетъ одинаковыми промыслами, а по степени ихъ благосостоянія чуть-ли оленеводы не лучше живутъ нынѣшнихъ остяковъ. Чѣмъ далѣе къ югу и чѣмъ ближе къ рѣкамъ, остяки становятся преимущественно осѣдлыми рыболовами, проводящими все лѣто около рѣкъ въ деревняхъ и только временно, зимой, отправляющимися на охоту. Кочующій житель преимущественно живетъ въ чумѣ. Чумъ—не что иное, какъ обширный шалашъ изъ 28 кольевъ, обтягиваемый лѣтомъ пологомъ изъ бересты, вываренной въ кипяткѣ, а зимой оленьими шкурами въ два ряда, шерстью наружу. Шалашъ этотъ подвижной. Имущество возится на нартахъ, особыхъ саняхъ, запряженныхъ оленями.

Кочевники имѣютъ одежду исключительно изъ шкуръ оленя. Всѣ они отличаются неопрятностью, но замѣчательной терпѣливостью къ холоду. Остяки-рыболовы уже имѣютъ хижины или зимовки, въ которыхъ существуютъ, какъ у вогуловъ, глинобитные чувалы. Жилище это у тобольскихъ остяковъ взято у татаръ, которые имѣли на нихъ цивилизующее вліяніе. Только часть года остяки ходятъ на промыслы, отлучаясь временно отъ постоянныхъ жилищъ. Кромѣ того на Оби и въ Нарымскомъ округѣ остяки начинаютъ заимствовать у русскихъ избы. Лѣсники-остяки точно также могутъ быть названы полуосѣдлыми охотниками, какъ вогулы. Кромѣ охоты, остяки занимаются и кедровымъ промысломъ, т. е. сборомъ орѣховъ. Жизнь и пропитаніе среди непривѣтныхъ тундръ и непроходимыхъ лѣсовъ подвержена многимъ случайностямъ. Падежи стадъ, неуловъ звѣря, голодъ, болѣзни, понятно, причиняютъ и бѣдствія, и лишенія дикарю. Чѣмъ ознаменовалась жизнь этихъ племенъ до пришествія русскихъ и какъ они влачили здѣсь свое существованіе, трудно сказать. Завоеваніе и столкновеніе съ новымъ и болѣе могущественнымъ племенемъ должны были, естественно, нѣсколько измѣнить и осложнить жизнь дикарей. Измѣненіе это совершилось, къ сожалѣнію, не къ лучшему. Опытъ доказалъ, говоритъ Кастренъ, что почти вездѣ въ полярныхъ странахъ дикари, исключительно преданные рыболовству, не могутъ достичь благосостоянія, а обыкновенно живутъ въ величайшей бѣдности. Но жизнь ихъ еще болѣе ухудшается подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, а именно отъ нравственной слабости дикихъ племенъ противиться искушенію крѣпкихъ напитковъ, доставляемыхъ чужеродными переселенцами. Въ этихъ же обстоятельствахъ заключается главная причина бѣдности и остяковъ-рыболововъ. По отзыву большинства изслѣдователей, бывшихъ на сѣверѣ, современный бытъ остяковъ представляется крайне жалкимъ и безпомощнымъ. Судьба ихъ, послѣ столкновенія съ русскою народностью, не только не улучшилась, но ухудшилась. Доселѣ принято объяснять это ухудшеніе быта неспособностью самихъ инородцевъ оградить себя, какимъ-то фатальнымъ назначеніемъ уступать дорогу жизни болѣе сильнымъ племенамъ, при чемъ одни должны увеличиваться въ числѣ, а другіе уменьшаться, и затѣмъ, болѣе сильнымъ вліяніемъ на инородцевъ эпидемій и болѣзней, болѣе губительнымъ, чѣмъ на русскихъ.

Мы оставимъ эти принятыя мнѣнія пока въ сторонѣ, чтобы взглянуть на существующіе способы пропитанія и картину жизни инородцевъ. Главными средствами пропитанія сѣверныхъ инород-

цевъ были съиздавна промыслы, состоявшіе преимущественно въ охотѣ и рыболовствѣ.

Весьма давно уже слышатся отзывы, что дичь и звѣрь уменьшились въ Сибири и звѣроловный промыселъ не обезпечиваетъ дикаря. Явленіе это весьма печальное и объясняющееся тѣми измѣненіями въ природѣ и жизни Сибири, которыя совершились въ послѣднія три столѣтія. Прежде всего, конечно, въ Сибири прибавилось населенія отъ движенія русскихъ, значительная часть пространствъ отошла къ сосѣднему населенію и занята культурой. Районъ звѣроловный и инородческій долженъ былъ сократиться, а инородцы перейти на новыя угодья, въ мѣста, гдѣ, можетъ быть, звѣрь попадается не въ прежнемъ обиліи. Затѣмъ произошло уменьшеніе или, такъ сказать, вытравленіе звѣря. Убыль звѣря до пришествія русскихъ не могла быть значительною, такъ какъ промыселъ звѣря производился только для удовлетворенія скромныхъ жизненныхъ потребностей мѣстнаго населенія. Съ приходомъ русскихъ начинается двойная охота за цѣннымъ звѣремъ колониста-промышленника и инородца. Въ Сибири до половины прошлаго столѣтія разсыпаны были всюду русскія промышленныя артели. Далѣе, подъ вліяніемъ русскихъ, со стороны инородцевъ начинается болѣе азартное преслѣдованіе звѣря, какъ вслѣдствіе дани и контрибуціи, на нихъ наложенной русскими, такъ и въ видахъ торговыхъ. Не забудемъ, что Сибирь съ самаго начала стала не только для Московскаго государства, но и для Европы поставщицей лучшихъ мѣховъ. Наконецъ, способы пріобрѣтенія звѣря облегчаются при помощи ружья и пороха, вошедшаго къ иностранцамъ, и, стало быть, истребленіе идетъ быстрѣе. Все это обнаружилось уменьшеніемъ добычи. Къ этому надо присоединить, что съ пришествіемъ русскихъ начали горѣть лѣса и тайги, гдѣ обиталъ звѣрь. Замѣченное уменьшеніе и обѣдненіе звѣря заставляло звѣря-инородца съ каждымъ годомъ увеличивать свои розыски, рядомъ съ этимъ возрастало его напряженіе силъ, истощеніе, а отдаленныя отлучки отъ семей подвергали послѣднихъ болѣе бѣдственнымъ случайностямъ и несчастіямъ. Все это способствовало, что звѣроловный промыселъ не давалъ уже прежняго обезпечиванія и требовалъ больше усилій инородца, при чемъ въ этой борьбѣ съ обстоятельствами онъ только изнемогалъ. Во-вторыхъ звѣроловъ, бывшій раньше самостоятельнымъ, поставленъ нынѣ въ зависимость отъ рынка и торговли. Объ этой торговлѣ мы скажемъ ниже. Не находя обезпеченія въ звѣроловствѣ, остякъ дѣлается рыболовомъ.

Для этого у него существуютъ обширныя рѣки и огромные

запасы рыбы, которыми онъ могъ вполнѣ обезпечить себя. Рыба не могла такъ уменьшаться, какъ звѣрь, хотя истребленія и опустошенія и въ этой области, внесенныя русскими промышленниками, также не разъ обращали на себя вниманіе. Запруживая заливы и курьи, куда входитъ рыба, русскіе заколами передушаютъ массу рыбы. Русскіе захватываютъ рыбу у устьевъ, уничтожаютъ икру и т. д. [1]).

Когда-то инородцы были полными хозяевами всѣхъ рыбныхъ промысловъ. Рѣку Обь они считали божествомъ. Но съ пришествіемъ русскихъ остяки понемногу оттѣснились и лишились рыболовныхъ угодій или, такъ называемыхъ, песковъ. Съ начала нынѣшняго вѣка русскіе рыбопромышленники начали захватывать инородческія рыболовныя мѣста, вылавливать въ нихъ рыбу и разорять остяковъ. Всѣ угодья и пески переходили къ русскимъ путемъ или захвата, или аренды, или, наконецъ, за долговыя обязательства. Въ 1816 году остякамъ Березовскаго округа русскіе платили за песокъ въ лѣто по 10 руб., а арендаторы выручали на 200—300 руб. рыбы. Въ 1848 году березовскіе остяки отдавали въ аренду 150 песковъ за 6.050 руб., арендаторы же добывали на этихъ пескахъ 99.530 руб. Аренда выплачивалась товарами и продуктами, причемъ инородцевъ обыкновенно обманывали. Независимо отъ этого, арендаторы вовлекали хозяевъ въ долги, а дѣлаясь должникомъ арендатора, остякъ отдаетъ въ аренду песокъ и на слѣдующій годъ. Такимъ образомъ, рыболовное угодье переходитъ совершенно въ собственность арендатора. Если нельзя пріобрѣсти всей рыбачки, русскіе старались пріобрѣсти пай у остяковъ и, понемногу входя въ компанію, овладѣвали всѣми паями, благодаря недостовѣрнымъ начетамъ на инородца. Такъ ряполовскіе и цигалинскіе остяки давали пай въ своихъ рыболовныхъ угодьяхъ ряполовскимъ крестьянамъ. Въ 1823 году они лишили цигалинскихъ остяковъ ихъ пая, а въ 1825 году та же участь постигла и ряполовскихъ остяковъ. Крестьяне, овладѣвъ угодьями, передали ихъ въ аренду купцу. Нынѣ хозяевами песковъ являются тобольскіе торговцы и прасолы и истребляютъ рыбу въ огромномъ количествѣ самымъ хищническимъ образомъ, противъ чего боролась не разъ мѣстная администрація, но совершенно безуспѣшно. Сдѣлавшись владѣльцами угодій, русскіе обратили хозяевъ страны и угодій въ работниковъ,

[1]) Неразсчетливое истребленіе рыбы на сѣверѣ вызвало въ послѣднее время при генералъ-губернаторѣ Кознаковѣ рядъ административныхъ предписаній; не разъ и прежде появлялись запрещенія, но они являлись безсильными предъ монополіей и вліяніемъ тобольскихъ торговцевъ-рыбопромышленниковъ.

при чемъ наемъ и расплата совершаются при самыхъ ненормальныхъ условіяхъ. Уже Кастренъ упоминаетъ, что русскіе переселенцы въ Березовскомъ и Обдорскомъ округахъ ввели «пагубную систему кредита», пріохотя остяковъ къ разнымъ произведеніямъ. Оттого долги остяковъ сдѣлались неоплатными и, надо полагать, говоритъ Кастренъ, съ каждымъ годомъ будутъ возрастать, потому что число потребностей увеличивается, тогда какъ энергія и силы у остяковъ ослабѣваютъ. Самое главное, въ чемъ нуждается нынѣ остякъ,—это хлѣбъ, къ которому вкусъ въ немъ развили русскіе; остякъ не можетъ оставаться безъ хлѣба, который ему доставляется купцами на невѣроятныхъ условіяхъ. Не будучи въ состояніи выплатить за товаръ, инородецъ входитъ въ неоплатные долги и кабалу. Эти кабальныя отношенія слѣдующимъ образомъ характеризуются однимъ изслѣдователемъ: «Такъ, множество березовскихъ остяковъ и самоѣдовъ обязаны жизнью своимъ кредиторамъ,—кабалителямъ. Остякъ не можетъ обойтись безъ хлѣба, который продаетъ ему купецъ. Остякъ покупаетъ хлѣбъ въ долгъ и обязуется заплатить въ слѣдующемъ году рыбою. Вошедши въ долгъ, онъ находится уже въ полной власти купца, который кладетъ произвольную цѣну какъ на свой товаръ, такъ и на товаръ остяка. Эти спекуляторы изъ Обдорска, Березова и Тобольска цѣлое лѣто разгуливаютъ по Оби на своихъ судахъ, покупаютъ рыбу и солятъ на мѣстѣ лососей и осетровъ, а потомъ отвозятъ ихъ въ свои магазины, построенные по берегамъ рѣки. Продавъ съ отличнымъ барышомъ привезенную муку, купцы возвращаются домой съ большимъ грузомъ рыбы и съ радостной надеждой также выгодно торговать съ инородцами и на будущій годъ. Такъ ведется торговля не одной мукой, а всѣми товарами, необходимыми для инородца».

Указывая на тѣ грубые и неразвитые элементы русскаго населенія, которые соприкасаются съ остяками, Кастренъ восклицаетъ: «чего, впрочемъ, ждать отъ людей, которые отказались отъ всѣхъ радостей и наслажденій образованной жизни для того, чтобы неправдами наживаться на счетъ простодушныхъ и легковѣрныхъ инородцевъ?»

Докторъ Соколовъ, изслѣдовавшій болѣзни Березовскаго округа въ 1867 году, свидѣтельствуетъ о тѣхъ же ненормальныхъ условіяхъ обмѣна и снабженія сѣверныхъ инородцевъ продуктами. «Русскіе торговцы снабжаютъ остяковъ товарами въ долгъ до ярмарки слѣдующаго года и это продолжается изъ года въ годъ, такъ что инородцы закабалены не только за себя, но и за дѣтей. Хлѣбъ обыкновенно заготовляется въ

Обдорскѣ и Березовѣ; мука привозится часто задхлая, хлѣбъ печется и сваливается, въ видѣ полѣньевъ, въ сараи. Что это за хлѣбъ можно себѣ представить! Привычка къ хлѣбу при отсутствіи его и высокой цѣнѣ, поднимаемой торговцами, ведетъ естественно за собой бѣдствія. Точно также торговля пользуется для своей цѣли виномъ, не смотря на запрещенія, деморализируя и обирая инородцевъ. Привычка наживаться на счетъ инородца среди русскихъ промышленниковъ вошла въ поговорку. На вопросъ тобольскаго губернатора въ Самаровѣ, селѣ, гдѣ крестьяне обираютъ остяковъ, промышленникъ отвѣтилъ губернатору: «Благодаря Господу Богу, остяками живемъ, кормятъ насъ хорошо!»

Экономическое положеніе остяковъ въ послѣднее время засвидѣтельствовано путешественникомъ И. С. Поляковымъ: «Въ низовьяхъ Оби существуетъ село Шаркалинское, почти исключительно населенное Новицкими, предокъ которыхъ, Григорій Новицкій, въ первой четверти XVIII вѣка былъ поставленъ наблюдать за исполненіемъ христіанскихъ обязанностей между новокрещенными остяками и убитъ ими при ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей. Эти Новицкіе кормятъ остяковъ, одѣваютъ и обуваютъ, вносятъ за нихъ ясакъ и подати на огромномъ протяженіи отъ Кандинска и Шаркаловъ далеко до Березова; за то на сотню верстъ они арендуютъ у инородцевъ большую часть песковъ или рыбныхъ ловель. При этомъ ставятся остякамъ слѣдующія условія: за пудъ хлѣба, стоющій на Оби отъ 30 до 35 копѣекъ, берутъ 10 бѣлокъ, на бѣлку 2 фунта соли, 1 фунтъ табаку—5 бѣлокъ и т. п. Такимъ образомъ, пудъ хлѣба приходится остяку, считая бѣлку, среднее, въ 12 коп., 1 руб. 20 коп., а бѣлка придетъ Новицкимъ въ 4 коп., вмѣсто 12 коп.; пудъ соли обойдется остякамъ въ 2 р. 40 коп., а стоитъ она 80 коп.; табакъ, стоющій 5 коп., обходится остяку въ 60 коп.; 100 мѣдныхъ колецъ стоютъ въ Ирбитѣ 50 к., а Новицкіе берутъ за 5 колецъ по бѣлкѣ, или 12 коп.; за одну сальную свѣчку—бѣлку и т. д. Съ инородческихъ песковъ Новицкіе нагружаютъ до трехъ большихъ повозокъ всякаго рода рыбы за обыкновенную, существующую по рѣкѣ Оби, низкую арендную плату, между тѣмъ какъ остякъ, прикормленный ими, надѣленный хлѣбомъ, состоящій кругомъ въ долгахъ, не имѣетъ права ни отдавать песковъ, ни пушного звѣря въ какія-либо другія руки». Такимъ образомъ, благодаря лишеніямъ угодьевъ и промысловъ, а также экономической зависимости въ торговлѣ, инородческое населеніе должно было превратиться въ сплошной пролетаріатъ, который находится въ тяжкой зависимости отъ торговцевъ и хозяевъ.

На рыбникахъ у тобольскихъ промышленниковъ исключительно работники — остяки, а въ Нарымскомъ краѣ инородцы вовсе бросили звѣропромышленность и поступили въ работы къ купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ. Жизнь въ этихъ работникахъ, оторванныхъ отъ семьи, въ самой жалкой обстановкѣ, безжалостномъ трудѣ и скудномъ вознагражденіи большею частью товаромъ и виномъ, служитъ нравственною порчею и гибелью. Они являются апатичными и относящимися тупо и безучастно къ своей гибели. Плата такому работнику бываетъ 15—20 руб. въ лѣто, причемъ часто наниматель взноситъ за него ясакъ, повинности, а для инородца достаточно, если прикроютъ его наготу. Обѣднѣвшіе остяки понемногу стягиваются и ищутъ работы на судахъ, коноводкахъ, пароходахъ и даже на пріискахъ, гдѣ погибаютъ и матеріально, и нравственно. Ихъ можно видѣть въ городахъ и пристаняхъ въ несчастныхъ рубищахъ или выпрашивающихъ милостыню, или валяющихся около кабаковъ. Одинъ изъ свидѣтелей описываетъ такъ сцены, встрѣчающіяся на Оби: «Я и прежде много слышалъ—говоритъ одинъ наблюдатель—о положеніи остяковъ, но только теперь вполнѣ убѣдился въ справедливости разсказовъ объ ихъ жалкомъ положеніи. Едва-ли можетъ быть что-либо ужаснѣе, отвратительнѣе того, что совершается (а вѣдь я видѣлъ только частичку!) здѣсь, до чего забиты эти несчастныя, всѣми забытыя человѣческія существа—остяки! Представьте себѣ кучку людей больныхъ (мужчины, женщины, дѣти, особенно дѣти, за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, покрыты коростой), оборванныхъ, съ блѣдными, безсмысленными, тупыми лицами. Все это хлопочетъ, невинно хитритъ, добивается, чтобы приторговать лишнюю каплю отвратительной водки. За неполную бутылку несчастные остяки платятъ по большой связкѣ стерлядей, фунтовъ въ 30 вѣсомъ. Посмотрѣли бы вы, какъ надъ ними глумятся! Все это, повторяю, частичка того, что совершается надъ ними по Оби и въ тундрѣ! А еще находятся люди, которые говорятъ о вымираніи инородческихъ племенъ, какъ о фактѣ неизбѣжномъ. Но вотъ вамъ на выдержку четыре типа разныхъ возрастовъ, — типа съ натуры, безъ малѣйшаго преувеличенія. Первый—старуха 70-ти лѣтъ, съ изнеможеннымъ, морщинистымъ лицомъ, большими глазами, полуголодная, а можетъ и совсѣмъ голодная (по русски не говоритъ), безъ бѣлья, ноги голыя выше колѣнъ, тѣло едва прикрыто оборванной сермяженкой, опоясана пеньковой веревкой; на головѣ у нея вмѣсто платка грязная холщевая тряпка. Второй—мужчина (беру лучшій по благосостоянію экземпляръ) 30-ти лѣтъ, босой; штаны холще-

вые, грубые, грязные до колѣнъ; рубаха черная, грязная, и на головѣ платокъ; онъ вымѣнялъ на рыбу бутылку водки и съ жадностью потягивалъ изъ горлышка. Третій и четвертый типы— мать съ ребенкомъ. Женщина 25-ти-лѣтъ, больная, въ грязной сорочкѣ; грязное, блѣдное лицо; руки въ болячкахъ. Ребенокъ «Михалка», 10-ти мѣсяцевъ, закутанъ въ грязную грубаго холста пеленку и скрученъ пеньковой бичевкой. Когда его развязали, ребенокъ высунулъ руки,—пальцы и кисти покрывали грязь и короста» [1]).

Объ енисейскихъ остякахъ академикъ Миддендорфъ говоритъ слѣдующее: «Во всей Сибири я не видѣлъ такихъ жалкихъ кочевниковъ, какъ остяковъ у Бахтинскаго поселенія. Въ лохмотьяхъ, дрожа отъ холода, они приходили ко мнѣ жаловаться, что имъ отпускаютъ слишкомъ мало хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ и тѣмъ лишаютъ ихъ возможности отправляться въ болѣе лѣсистыя мѣстности для добыванія мѣховъ и пищи. Одинъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ, и только благодаря поддержкѣ со стороны поселенцевъ, перенесъ голодный тифъ и страдалъ еще болью въ икрахъ. Мнѣ разсказывали, что умирали не только отдѣльныя лица, но даже цѣлые чу̀мы. Одинъ остякъ, обратившійся ко мнѣ за милостыней, оставилъ въ чу̀мѣ семь душъ, получивъ, правда, въ январѣ 10 пудовъ муки, но въ февралѣ только 70 фунтовъ, потому что задолжалъ казнѣ болѣе 300 руб. ассигнаціями, а убилъ въ теченіе зимы всего 20 бѣлокъ. Повторялась старинная исторія о постепенной гибели этихъ народовъ. Они погибли отъ соприкосновенія съ развитіемъ культуры, въ особенности съ появленіемъ золотыхъ пріисковъ и неизбѣжнаго съ ними разгула. Казна, въ теченіи многихъ лѣтъ слишкомъ великодушно поддерживавшая ихъ изъ своихъ запасныхъ магазиновъ, этимъ деморализовала ихъ. О возвратѣ займа не могло быть и рѣчи. Затѣмъ насталъ періодъ, обнаружившій, что большая часть запасовъ все-таки растрачена въ видахъ обогащенія чиновниковъ. Когда, наконецъ, бѣднякамъ, съ каждымъ годомъ все болѣе должавшимъ (у нѣкоторыхъ долгъ простирался до 1.000 руб.), прекратили выдачу продовольствія, то они стали умирать съ голоду. Я отмѣтилъ у себя въ дневникѣ, что при такихъ данныхъ, по моему мнѣнію, нельзя требовать отъ государства иной помощи, какъ распредѣленія дѣтей между русскими поселенцами» [2]).

[1]) Сибирь 1878 года, № 38-й.

[2]) «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», ч. II, отдѣлъ 14, стр. 659—660.

Приведемъ еще отзывъ о васюганскихъ инородцахъ: «Васюганскіе инородцы, обремененные большею частью большими семействами, не могли поступать въ постоянныя работы къ нарымскому купечеству. Они занимаются промысломъ бѣлки, но не въ состояніи ходить въ отдаленныя, обильныя звѣремъ, мѣста; они охотятся только въ окрестностяхъ своихъ зимнихъ юртъ, забирая на охоту все свое семейство, которое питается тогда бѣлкой, кротами, колонками и олениной. Представьте себѣ—пишетъ очевидецъ — это несчастное семейство, которое должно жить подъ открытымъ небомъ, вырывъ подъ густымъ деревомъ яму въ снѣгу и устлавъ ее вѣтвями хвойнаго дерева. Эти бѣдняки въ своихъ рубищахъ кое-какъ отогрѣваютъ у костра свои закоченѣвшіе члены. Женщины въ это же время часто разрѣшаются отъ беременности. Несчастная мать, не имѣя никакого пріюта и для прочихъ своихъ дѣтей, должна согрѣвать новорожденнаго на своей холодной груди и кормить его на открытомъ воздухѣ, имѣющемъ градусовъ 45 мороза».

Дурныя условія жизни сѣверныхъ инородцевъ и недостатокъ пропитанія переходятъ періодически въ повальные голода, не всегда даже доносящіеся до слуха русскаго общества. Инородцы, не смотря на то, что привыкаютъ употреблять хлѣбъ, не всегда встрѣчаютъ обезпеченіе продовольствіемъ; торговцамъ даже выгоднѣе эта нужда въ хлѣбѣ; промыслы при ихъ паденіи не обезпечиваютъ инородца, поэтому голода повторяются все чаще. До Сперанскаго и послѣ него голода не разъ опустошали инородческое населеніе. Такъ, извѣстенъ туруханскій голодъ въ 1814—1816 годахъ, когда встрѣчалось въ тундрѣ людоѣдство. Въ 1827 году въ рѣкахъ Нарымскаго края отъ чрезвычайно сильныхъ морозовъ вымерзла рыба, насталъ голодъ. Остяки, по словамъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи и только что не умирали отъ голода. Въ Нарымскомъ округѣ не рѣдкость, сообщалъ очевидецъ Осиповъ въ 1865 году, что остяки выходятъ ловить плывущую дохлую падаль и питаются ею [1]). О людоѣдствѣ вслѣдствіе голода у тунгусовъ опубликовано въ 1847 году въ «Сѣверной Почтѣ», 18-го января. 1862 года голодъ постигъ инородцевъ Березовскаго округа, гдѣ остяки ѣли кротовъ и варили ихъ въ котлахъ. По оффиціальнымъ донесеніямъ дошли слухи о 20 человѣкахъ, умершихъ съ голоду. Купцы этого края, по словамъ доктора Соколова, сбывали въ это время задхлую муку. Это была мука со всякимъ

[1]) Шашковъ: «Положеніе инородцевъ въ XIX ст.», стр. 273.

соромъ, пылью, мышинымъ пометомъ; это, по словамъ медицинскаго эксперта, содѣйствовало развитію тифа среди инородцевъ [1]). Лѣтомъ 1878 года доносились слухи о голодѣ, постигшемъ инородцевъ въ Нарымскомъ краѣ. Голода эти стали не рѣдкостью, такъ что на нихъ мало обращаютъ вниманія. Для обезпеченія развившейся потребности у инородцевъ въ хлѣбѣ и спасенія ихъ отъ безпощадной эксплуатаціи были созданы въ Нарымскомъ и Березовскомъ округахъ, такъ и Туруханскомъ, казенные магазины, изъ которыхъ долженъ былъ выдаваться хлѣбъ. Но казенная продажа хлѣба обнаружила огромные недостатки, кончившіеся наживою вахтеровъ и мѣстнаго чиновничества. За розданный хлѣбъ накоплялись только недоимки; въ Березовскомъ краѣ въ 1850 году было хлѣбной недоимки за кочевыми инородцами 12.947 руб., а въ 1852 году 17.000 руб. По послѣднимъ отчетамъ генералъ-губернатора Западной Сибири, въ 1874 году для инородцевъ Западной Сибири было 25 казенныхъ магазиновъ, гдѣ находилось хлѣба 11.500 пудовъ, а въ 1875 году показано 79.000 пуд. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1878 года, въ Тобольской губерніи для инородцевъ находилось 18 магазиновъ съ 48.021 п., а въ Томской—6 съ 12.000 пуд., т. е. однимъ магазиномъ менѣе и хлѣба всего 60.021 пуд. Такимъ образомъ запасы продовольствія скорѣе уменьшаются. Понятно, что эти запасы не могли гарантировать отъ голодовъ. Точно также дурныя матеріальныя условія и лишенія дикарей представляютъ готовую почву для развитія болѣзней. Тифъ, лихорадки, оспа и сифилисъ постоянно господствуютъ среди инородцевъ. Объ опустошительномъ ихъ дѣйствіи можно судить по тому, что въ 1855 году въ Обдорскомъ отдѣленіи отъ кроваваго тифа умерло въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 1.270 чел. изъ 1.852 больныхъ, а въ Кандинской волости 53 изъ 64 больныхъ. Точно также губительное вліяніе среди инородцевъ причиняетъ занесенный русскими промышленниками сифилисъ [2]). Еще въ 1826 году инспекторъ Тобольской врачебной управы, докторъ Альбертъ, первый высказалъ мнѣніе, что господствующая между березовскими остяками болѣзнь есть венерическая. Въ 30 годахъ лѣкарь Бѣлявскій, ѣздившій въ Березовскій округъ для изслѣдованія сифилиса, нашелъ большинство инородцевъ зараженными. Докторъ Соколовъ въ 1867 году удостовѣряетъ, что сифилисъ яв-

[1]) «Медико-топографическіе матеріалы. Болѣзни Березовскаго округа».

[2]) Объ этой болѣзни—нечистомъ недугѣ, который гнилостью снѣдаетъ уста, носъ, ноги и многимъ все тѣло, упоминаетъ служникъ Филофея Лещинскаго, Новицкій, въ началѣ XVIII столѣтія.

ляется осложненнымъ скорбутомъ и ревматизмомъ. Томскій акушеръ Докучаевъ, изслѣдовавъ болѣзни нарымскихъ остяковъ, подтверждаетъ тоже [1]). Упомянутые медики пришли къ убѣжденію, что заразительныя болѣзни инородцевъ — послѣдствія ихъ несчастнаго быта и суровой обстановки, и вѣрнѣйшее средство для прекращенія ихъ будетъ лежать въ улушеніи образа жизни. Понятно, что при такихъ условіяхъ приращеніе инородческаго кочеваго населенія не могло быть благопріятнымъ.

Перейдемъ теперь къ статистическимъ выводамъ о численности населенія. Прежде всего среди кочевыхъ инородцевъ, остяковъ и самоѣдовъ, обращаетъ на себя вниманіе непропорціональность между полами. Такъ, въ Березовскомъ округѣ съ 1816 года по 1828 годъ мужское населеніе увеличилось, а женское уменьшилось. По ясачнымъ книгамъ и имѣющимся статистическимъ свѣдѣніямъ, по переписямъ въ 1824, 1835, 1855, 1859 и наконецъ 1875 годахъ замѣчается то же преобладаніе пола мужскаго [2]). Такое ненормальное отношеніе между полами имѣетъ, вѣроятно, весьма важныя физіологическія причины и можетъ объясняться отчасти тягостнымъ положеніемъ женщины у остяковъ и вліяніемъ климата. Безъ сомнѣнія, оно весьма благопріятно для приращенія. Относительно вообще прироста населенія переписи даютъ слѣдующіе результаты:

Въ Березовскомъ округѣ остяковъ и самоѣдовъ считалось:

Въ 1763 году	8.303 м. п.	—	—	—	—	—
» 1816 »	10.793 » »	—	21.001	об. пол.		
» 1828 »	10.993 » »	—	19.652	» »		
» 1850 »	10.879 » »	10.634 ж. п.	21.513	» »		
» 1858 »	— » »	— » »	21.734	» »		
» 1859 »	по спискамъ населенныхъ мѣстъ Звѣринскаго 18.820 душъ обоего пола.					
» 1875 »	по свѣдѣніямъ исправника 11.934 мужск. п. 11.142 жен. п.=23.076 обоего пола.					

[1]) То же подтверждаетъ «Очеркъ санитарнаго состоянія Западной Сибири». Изд. военно-медицинскаго начальства 1880 г., стр. 56, 58, 86.

[2]) Въ 1824 году на 11.382 души муж. пол. кочеваго населенія Тобольской губерніи 10.802 женск. пол., въ 1835 году на 11.040 бродячаго мужскаго пола 8.637 женскаго пола, въ 1851 году на 13.158 душъ мужскаго пола 10.875 душъ женск. пола. Въ 1859 г. на 11.527 остяковъ мужск. пола 10.027 женск. пола и самоѣдовъ на 2.573 души мужск. пола 2.132 женск. пола. Въ 1875 г. въ Березовскомъ округѣ на 5,047 муж. 4.571 д. женск. пола. Въ Сургутскомъ округѣ на 3.132 души мужскаго пола 2.791 душа женск. пола. То же самое замѣтно и въ Нарымскомъ округѣ, гдѣ въ 1878 г. на 2.253 души мужск. пола остяковъ означено 1.958 душъ женскаго пола. Такое повтореніе цифръ не объясняется одною случайностью и несовершенствомъ статистики.

Въ первый періодъ, въ 53 года, населеніе остяковъ увеличивается на 2.431 человѣка, во второй періодъ оно уменьшается на 1.609 въ женскомъ населеніи, въ третій періодъ уменьшилось на 127 чел. мужское населеніе и съ 1850 года до 1875 года возрасло весьма слабо. Вообще же въ 118 лѣтъ мужское населеніе, по показаніямъ оффиціальной статистики, увеличилось лишь на 363 человѣка. Но есть свидѣтельства, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ произошла убыль. Сравнивая мужское ревизское и окладное населеніе по спискамъ 1828 г., изслѣдованіямъ Березовскаго округа Абрамова и оффиціальнымъ донесеніямъ 1878 года, мы видимъ въ Березовскомъ округѣ въ волостяхъ:

	Въ 1828 г.	Въ 1850 г. Абрамова.	Въ 1878 г.
Котской (Кандинской) остяковъ . . .	1.545	1.773	1.390
Подгородной » » . . .	229	221	216
Ляпинской » » . . .	880	882	756
Куповатской » » . . .	947	938	946 [1])

Недавно членъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи Н. Л. Гондатти, совершившій съ ученою цѣлью экспедицію на сѣверъ Сибири, далъ предварительный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ въ Березовскомъ и Обдорскомъ краѣ (Записки комитета Московскаго музея прикладныхъ знаній). Заслуживаютъ особеннаго вниманія страницы, сообщающія о характерѣ торговли между русскими и инородцами. Вотъ что пишетъ ученый изслѣдователь о состояніи нынѣшняго торга съ инородцами. «Опредѣленныхъ мѣстъ торговли, за исключеніемъ Обдорской ярмарки, происходящей въ декабрѣ и январѣ, не имѣется, а обыкновенно, при наступленіи зимняго пути, торговецъ, снарядивши двое, трое саней, а иногда и однѣ, нагруженныя разными тканями, металлическими издѣліями и, главнымъ образомъ, водкой, отправляется по юртамъ и чумамъ и предлагаетъ свои услуги, которыя въ это время принимаются довольно охотно,

[1]) По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами отъ статистика, командированнаго въ Тобольскую губернію, видно, что число остяковъ въ Тобольскомъ округѣ было:

Въ 1858 г.	Въ 1887 г.
1.425 м. 1.450 ж.	1.275 м. 1.233 ж.
2.875 обоего пола.	2.508 обоего пола.

т. е. произошло явное уменьшеніе. Въ Нарымскомъ округѣ Томской губерніи по оффиціальной статистикѣ 1888 года видно, что въ 6 лѣтъ изъ общаго числа остяковъ убыло 224 человѣка. Посѣщеніе Сѣвернаго края этнографами и путешественниками только подтверждаетъ день за днемъ ухудшеніе быта инородцевъ и ихъ вымираніе. Сошлемся на послѣднія изслѣдованія гг. Адріанова, Гондатти, Швецова и мн. др.

особенно, если лѣто было удачно и рыбная ловля шла хорошо; затѣмъ второй объѣздъ совершается въ декабрѣ, когда инородцы-охотники вышли изъ лѣсовъ со своей добычей, а оленеводы уже пришли съ отдаленнаго сѣвера или съ далекихъ горъ, и наконецъ, послѣдній разъ—весною, когда наступаетъ пора поста, когда охотятся за лосями и дикими оленями, шкуры которыхъ и приманиваютъ торговцевъ. Лѣтомъ очень нерѣдко по рѣкамъ и рѣчкамъ завозятся барки съ мукой, солью, чтобы зимою было удобнѣе производить торговлю этими насущными теперь для инородца припасами. У каждаго торговца есть свои кліенты, съ которыми онъ постоянно ведетъ дѣло, у которыхъ онъ пріобрѣтаетъ всю ихъ добычу и которыхъ онъ снабжаетъ всѣмъ, что имъ необходимо; такіе кліенты обыкновенно всегда въ долгу у своихъ благодѣтелей, которые употребляютъ всѣ усилія (особенно часто это практиковалось прежде), чтобы завлечь еще свободнаго отъ долговъ въ долги; и разъ это удается—вырваться попавшему почти невозможно: по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ уплачивать старые долги, на него будутъ наростать новые, и такъ до конца жизни, при чемъ долги отцовъ переходятъ и на дѣтей, большею частью безпрекословно ихъ выплачивающихъ изъ боязни причинить иначе мученія своимъ родителямъ въ загробной жизни; только въ послѣднее время, когда инородцы сдѣлались болѣе опытными, они стали отказываться отъ долговъ отцовъ и дѣдовъ и освобождаться отъ опеки своихъ благодѣтелей, забирая въ долгъ у однихъ и продавая свою добычу потихоньку другимъ; при той разрозненности и недовѣріи, которое существуетъ между торговцами, это практикуется довольно успѣшно, тѣмъ болѣе, что они сами часто подбиваютъ инородцевъ обмануть своего довѣрителя, не показавши всей добычи, а только часть, съ тѣмъ, чтобы остальное продать имъ; результатомъ этого является то, что инородцы стали обманывать всѣхъ торговцевъ, а послѣдніе—другъ друга. Съ одной стороны это обстоятельство, съ другой—уменьшеніе пушнаго звѣря и увеличеніе числа торгующихъ вполнѣ объясняютъ жалобы торговцевъ на упадокъ торговли и на ихъ сравнительное разореніе, тѣмъ болѣе, что обороты, совершаемые въ краѣ, вообще довольно незначительны: хотя барыши на товары берутся громадные—до 100 и до 200%, но при рѣдкости населенія (до 10 и даже менѣе человѣкъ на квадратную милю), при его малыхъ потребностяхъ обороты торговца, если только онъ не занимается рыбной ловлей (а это ужъ дѣло другое), обыкновенно исчисляются рублей въ 200—300, и рѣдко достигаютъ 500 р. въ годъ. Поэтому, дѣйствительно, заработки не особенно велики».

Въ изложеніи путешественника необыкновенно ярко рисуются способы нашей торговли на сѣверѣ Сибири, и что́ важнѣе еще, обнаружившіеся результаты ея. Мы знали до сихъ поръ, что инородецъ эксплуатировался торговцами, что торговцы пользовались и пользуются его простодушіемъ и наивностью. Мы знали, по ученымъ путешествіямъ и отзывамъ этнографовъ, что инородцы честны, что всякія обязательства для нихъ священны. Какъ видно, это даже обусловливалось ихъ вѣрованіемъ, шаманизмомъ и страхомъ предъ тѣнями умершихъ. Все это знали наши сѣверные торговцы лучше всякихъ этнографовъ и антропологовъ. Счастливое, кажется, дѣло было торговать съ такими младенцами, которые, сколько ни насчитывай на нихъ и на предковъ ихъ, все снесутъ. Выгоды торговли предвидѣлись неисчислимыя; предполагалось, что инородцы вѣчно будутъ невинными и сохранятъ первобытную нравственность и довѣріе къ своимъ благодѣтелямъ на многіе годы. Однако, какъ оказывается, надежды эти были весьма обманчивы. Инородецъ явился умудреннымъ опытомъ и искусился. И вотъ мы теперь присутствуемъ при новомъ явленіи изъ инородческой жизни. Прежнія воззрѣнія измѣнились, старая честность и довѣріе исчезли. Русскій торговецъ не только потерялъ нравственный кредитъ, но жалуется, что его обманываютъ инородцы, что торгъ пересталъ быть выгоднымъ. Это очень прискорбно, но прискорбнѣе еще то, что племена, обладавшія свойствами непосредственной, безукоризненной нравственности, потеряли свою дѣтскую чистоту и явились нынѣ деморализованными. Чего можно ожидать теперь отъ нихъ въ ихъ отношеніяхъ къ русскимъ торговцамъ? И можно-ли ждать отъ нихъ довѣрія къ русскому населенію вообще? Вѣдь эта деморализація отразится во всѣхъ функціяхъ жизни и, конечно, сильнѣе всего въ области нашихъ экономическихъ разсчетовъ на Сѣверѣ. Торговцы потеряли, но потеряло и государство. Подобныя послѣдствія, однако, могли быть предвидимы при той системѣ обмановъ, кабалы и недобросовѣстности, которая практиковалась по отношенію къ инородцу: ясно, здѣсь былъ невѣрный и ложный разсчетъ на простоту человѣка, обманъ породилъ обманъ, зло могло создать только зло. Не приходится-ли пожать горькіе плоды этой системы? Разореніе инородцевъ уже отражается на Сѣверѣ. Вотъ еще факты, сообщаемые г. Гондатти.

«Нѣкоторые изъ торговцевъ и промышленниковъ, видя, что промыслы всѣ болѣе и болѣе падаютъ, что инородцы стали обманывать не хуже, чѣмъ ихъ прежде обманывали, готовы были бы прекратить всѣ торговыя сношенія съ ними и заняться только

рыбопромышленностью, но боязнь окончательно потерять тогда всѣ долги удерживаетъ ихъ отъ этого и заставляетъ, къ сожалѣнію, продолжать оставаться опекунами надъ мѣстнымъ населеніемъ, которое до того, впрочемъ, къ этому привыкло, что предоставленное теперь самому себѣ оно навѣрно впродолженіи многихъ лѣтъ стало бы терпѣть сильную нужду».

Здѣсь уже ясно рисуется такая дилемма: торговцы готовы прекратить торгъ, ибо инородцы обѣднѣли и разорились; торговецъ, однако, еще разсчитываетъ на какіе-то «долги», то-есть, пробуетъ еще удержаться съ прежней системой, хотя она и не даетъ прежней выгоды; съ другой, стороны инородецъ развилъ свои потребности: онъ привыкъ, напр., къ хлѣбу (до 100.000 ковригъ хлѣба заготовляется въ Обдорскѣ для снабженія остяковъ и самоѣдовъ). Что они, спрашивается, будутъ дѣлать, если торговля прекратится? Умирать съ голоду? Путешественникъ свидѣтельствуетъ, что инородецъ такъ привыкъ къ опекѣ торговца, что, предоставленный самому себѣ, едва-ли можетъ вернуться къ самостоятельнымъ промысламъ и будетъ терпѣть нужду. Стало быть, выхода нѣтъ! Или кабала и коврига хлѣба, торговля и разореніе, или предоставленіе инородца самому себѣ, т. е. положеніе безпомощности и въ результатѣ—вымираніе. Конечно, предъ подобными фактами можно было бы придти въ отчаяніе, но мы полагаемъ, что прежде этого надо надъ ними задуматься и поискать выхода. Населеніе бѣднѣетъ, уменьшается, разоряется, но оно еще не погибло. Видя результаты старой системы, старыхъ пріемовъ торговли, не пора-ли подумать о томъ, чтобы измѣнить эти отношенія и самую систему торговли? Не пора-ли оставить недобросовѣстную эксплуатацію инородца, невыгодную, губительную для обѣихъ сторонъ, для русскаго и инородческаго населенія, и не пора-ли создать болѣе человѣчныя отношенія. Не наступило-ли время въ дѣлѣ обмѣна съ сибирскими племенами внести болѣе здравый экономическій смыслъ и разсчетъ, при чемъ не на разореніи и гибели низшихъ племенъ должно создаваться богатство господствующей расы, а на поднятіи культуры и содѣйствіи экономическому развитію опекаемыхъ низшихъ племенъ. Какъ видимъ, инородецъ, обобранный и разоренный, не даетъ болѣе выгоды: ему нечѣмъ платить долговъ. Еще хуже, если нашъ Сѣверъ совершенно обезлюдѣетъ.

Въ X книжкѣ «Записокъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества» помѣщена статья г. С. Швецова: «Очерки Сургутскаго края», которая знакомитъ, между прочимъ, съ жалкимъ положеніемъ остяцкаго племени. Авторъ старается избѣ-

жать упрека въ обличеніяхъ; повидимому, онъ старается быть черезчуръ осторожнымъ, онъ боится упрековъ—и не приводитъ частныхъ случаевъ и подробностей грубой эксплуатаціи остяковъ; рисуетъ общими чертами, безпрестанно оговариваясь: «объ ихъ бѣдствіяхъ писали уже много разъ и мы подробно останавливаться на этомъ не будемъ» или «не будемъ объ этомъ разсказывать, потому что объ этомъ уже много писалось». И при всемъ этомъ стараніи автора избѣгать позорныхъ фактовъ, картина, нарисованная имъ, производитъ тягостное впечатлѣніе.

Вотъ какими чертами описываетъ г. Швецовъ бытъ остяцкаго народа. Нищета, говоритъ онъ, представляетъ рѣзкій контрастъ съ зажиточностью русскаго населенія. «Остякъ, занимаясь всѣми тѣми же промыслами, какъ и крестьянинъ, работаетъ ничуть не меньше, пожалуй даже больше послѣдняго, а между тѣмъ едва-едва влачитъ свое жалкое существованіе». О томъ, что природа края можетъ давать населенію безбѣдное существованіе, достаточно свидѣтельствуетъ зажиточность русскаго населенія; бѣдность же остяковъ происходитъ не отъ бѣдности мѣстной природы, а отъ общественнаго положенія этого несчастнаго племени. Коренной житель края, его природный сынъ — остякъ, терпитъ злую судьбу сказочной падчерицы, которую злая мачиха заваливаетъ непосильными работами. Когда-то полновластный хозяинъ края, остякъ въ настоящее время устраненъ отъ участія при дѣлежѣ даровъ природы или, по крайней мѣрѣ, ему достаются при этомъ дѣлежѣ однѣ крохи. «Съ давнихъ поръ—разсказываетъ г. Швецовъ—всѣ лучшіе, самые удобные и богатые пески (т. е. рыболовныя угодья) перешли изъ рукъ остяковъ, ихъ настоящихъ владѣльцевъ, къ нѣсколькимъ богатымъ рыбопромышленникамъ. Какъ это случилось, мы—говоритъ г. Швецовъ—разсказывать не будемъ, какъ потому, что объ этомъ уже много разъ писалось, такъ и потому, что цѣль настоящей работы далека отъ всякихъ обличеній. Замѣтимъ только, что при этомъ систематически обходился законъ объ арендахъ рыболовныхъ песковъ, запрещающій заключать условія на срокъ свыше четырехъ-лѣтняго, а потомъ сослужили свою службу, какъ служатъ ее и теперь, водка, система долговыхъ обязательствъ, закабаляющая совершенно инородца и ставящая его въ положеніе хуже крѣпостнаго, и, наконецъ, система подкупа. Какъ бы тамъ ни было, въ данное время всѣ лучшіе пески фактически принадлежатъ нѣсколькимъ русскимъ рыбопромышленникамъ, принадлежатъ до такой степени, что иногда передаются по наслѣдству отъ отца къ сыну наравнѣ съ прочимъ имуществомъ». Другой родъ мѣстныхъ угодій, кедровники, также

изъ рукъ остяковъ начинаютъ переходить въ руки русскихъ. Нѣкоторые купцы и крестьяне Тобольскаго округа, также и мѣстные (т. е. сургутскіе) торговцы арендуютъ кедровые острова у остяковъ, иногда прямо захватываютъ ихъ, не взирая на протесты мѣстныхъ жителей, и наемными рабочими ведутъ промыселъ отъ себя; рабочими въ такомъ случаѣ являются тѣ же остяки. Этотъ переходъ изъ рукъ остяковъ въ руки кулаковъ совершился, конечно, не безъ содѣйствія земской власти. Г. Швецовъ разсказываетъ такой случай: въ 1886 году одинъ сургутскій купецъ въ надеждѣ на большія выгоды отправилъ партію рыбаковъ въ Тазовскую губу, но тамошніе инородцы заявили рыбакамъ, что ловить рыбу они не препятствуютъ, вывезти же съ мѣста не позволятъ ни одного воза. Сургутяне должны были уступить и ушли ни съ чѣмъ, понесши, говорятъ, убытокъ до 10 тысячъ. Этотъ случай показываетъ, что въ дальнихъ углахъ Сибири, гдѣ нѣтъ никакой земской власти, остяки сохранили какую-то общественную организацію, которая даетъ имъ возможность дать отпоръ непрошеннымъ обираламъ. Въ Сургутскомъ же краѣ, гдѣ губернская власть имѣетъ всѣ шансы вмѣшиваться въ дѣло въ интересахъ защиты остяковъ, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ на Тазѣ.

Что осталось дѣлать остяку послѣ того, какъ у него обобрали всѣ угодья? ему осталось идти въ работники къ тѣмъ же самымъ лицамъ, которыя его обобрали. И дѣйствительно, «главный контингентъ рабочихъ на (рыбные) промыслы поставляютъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, тѣ самые остяки, которые сдаютъ свои пески въ аренду. Второе мѣсто занимаютъ ссыльные изъ разныхъ округовъ губерніи». Рабочая плата остяку менѣе, чѣмъ русскому.

«Русскій рабочій—сообщаетъ г. Швецовъ —получаетъ нѣсколько больше остяка, хотя они и исполняютъ рядомъ одну и ту же работу». Итакъ, самъ авторъ отмѣчаетъ, что работа ихъ одна и та же, за что же русскій получаетъ больше? развѣ за превосходство въ искусствѣ? Но что касается искусства въ ловлѣ рыбы, тутъ остякъ, конечно, собаку съѣлъ, и едва-ли русскій превосходитъ его въ этомъ отношеніи. Слѣдовательно, излишекъ платы русскому просто рента за расу. Такимъ образомъ выходитъ, что ссыльный русскій ни за что, ни про что получаетъ преимущество надъ туземцемъ-остякомъ.

Далѣе г. Швецовъ говоритъ, что остяки почти никогда не получаютъ своего заработка по условію, такъ какъ часть его выдается товаромъ по произвольнымъ цѣнамъ. Выдача эта запутываетъ остяка и ставитъ его въ вѣчное кабальное положеніе, ко-

торое съ отцовъ переходитъ по наслѣдству на его сыновей. Остякъ теряетъ на этихъ промыслахъ не только свой трудъ, но и здоровье. «Трудно—говоритъ г. Швецовъ—представить себѣ болѣе гибельную обстановку, чѣмъ та, въ которой живутъ рабочіе. Въ продолженіи пяти съ половиной мѣсяцевъ рабочій во всякую погоду, въ холода, вѣтеръ и дождь, находится по колѣно въ водѣ; одеженка на немъ рваная; просушиться негдѣ, кромѣ шалаша, сплетеннаго изъ тальника». Къ сожалѣнію, ни оффиціальная статистика, ни газетныя сообщенія не даютъ возможности, хотя бы приблизительно, опредѣлить цифру ежегодно гибнущихъ на этихъ промыслахъ рабочихъ. Мы думаемъ, говоритъ г. Швецовъ, что ихъ надо считать не сотнями, а тысячами. Въ торговлѣ продолжается та же эксплуатація, «каждый торговецъ имѣетъ своихъ самоѣдовъ и остяковъ, которые сдаютъ ему свои товары, знаютъ только его одного и къ друголу торговцу уже не обращаются, да если бы они и захотѣли завернуть къ кому другому, это имъ никогда не удалось бы, потому что торговцы высылаютъ на встрѣчу инородцамъ подручныхъ, которые зорко слѣдятъ, чтобы никто изъ инородцевъ не увильнулъ въ чужія ворота. Такимъ образомъ каждый торговецъ имѣетъ извѣстное число инородческихъ семействъ, состоящихъ его постоянными покупателями и въ то же время неоплатными должниками». Цѣны на товаръ для остяка другія, чѣмъ для русскаго. Тутъ практикуется самое безцеремонное обмѣриванье и обвѣшиванье, спаиванье водкой, сбываніе гнилья и всякаго рода. Какіе же результаты достигаются подобнымъ положеніемъ вещей?

Все это, говоритъ въ заключеніе авторъ, ставитъ остяка въ положеніе по истинѣ худшее, чѣмъ крѣпостная зависимость, такъ какъ владѣлецъ крѣпостныхъ все-таки былъ заинтересованъ въ сохраненіи жизни крѣпостныхъ, а что за дѣло рыбопромышленнику, если остякъ умретъ отъ чрезмѣрнаго труда. Умретъ одинъ, явится другой. «И остяки умираютъ тысячами отъ голода и лишеній». Къ болѣзнямъ отъ непосильныхъ работъ присоединяются періодическія общія голодовки, во время которыхъ безпомощность населенія достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Такъ, въ послѣдній голодъ, бывшій нѣсколько лѣтъ назадъ, остяки буквально сотнями мерли съ голоду; встрѣчались юрты, вымершія поголовно и въ избахъ валялись непогребенные трупы. «Вымираніе остяковъ—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію; оно идетъ быстро, неуклонно». Если вѣрить автору,—а не вѣрить нельзя, потому что и другіе очевидцы сообщаютъ то же,—то, пожалуй, лѣтъ черезъ пять, десять отъ остяцкаго племени не останется человѣка.

У г. Швецова есть замѣтки и о «господствующемъ племени». По словамъ сургутянъ, говоритъ авторъ, остякъ «очень ужъ простъ», т. е. черезчуръ ужъ честенъ и довѣрчивъ; онъ не украдетъ и не обманетъ ни своего брата, ни русскаго торговца, у котораго находится въ кабалѣ; работящъ, предупредителенъ, всегда дѣлится съ нуждающимся и оказываетъ помощь ближнему. За эти качества сургутянинъ считаетъ остяка существомъ низшимъ, «собакой»; имъ всѣ гнушаются и считаютъ поганымъ. Самый жестокій и безобразный поступокъ съ остякомъ считается дозволительнымъ. Мальчишки издѣваются надъ остяками на улицахъ, запуская въ нихъ льдины, травя собаками и пр.; взрослые иногда безцѣльно бьютъ ихъ, ради доставленія удовольствія толпѣ. «Даже смерть остяка не сдерживаетъ сургутянина, и онъ продолжаетъ смотрѣть на остяка, какъ на тварь—только теперь эта тварь стала еще падалью». Авторъ приводитъ примѣръ публичнаго издѣвательства надъ трупомъ остяка. Христіанская идея, обобщившая все человѣчество во всемірное братство, все еще чужда и нашему сердцу, и нашему уму; выше мы привели свидѣтельство автора, что ссыльный русскій ни за что, ни про что получаетъ рабочую плату на пескахъ выше, чѣмъ остякъ; ошельмованный судомъ и часто дѣйствительно порочный человѣкъ своего племени намъ милѣе, чѣмъ честный и добрый инородецъ.

Въ 1890 г. обрисовано подобное же печальное положеніе инородцевъ въ «Каз. Бирж. Л.» однимъ туристомъ, ѣздившимъ по Оби: «Самоѣдскія семейства живутъ зимою особыми селеніями въ юртахъ — срубахъ или землянкахъ безъ печей. Избави Богъ свѣжему человѣку пробыть въ ихъ юртѣ хоть часъ. Грязь, сажа, зловоніе, чадъ отъ углей, тьма паразитовъ. Помимо того, видъ отдѣльныхъ членовъ семейства производитъ отталкивающее впечатлѣніе. На большинствѣ взрослыхъ видишь разрушительные слѣды сифилиса, нагія дѣтишки покрыты накожными болячками. Очень часто эти отвратительныя жилища посѣщаетъ тифъ, повальная оспа... Медицинской помощи въ этихъ забытыхъ Богомъ и людьми трущобахъ—никакой!..»

«Всѣ самоѣды и вотяки, живущіе въ районѣ миссіонерскихъ церквей, православнаго исповѣданія. Но незнаніе русскаго языка, отдаленность ихъ отъ церкви является причиной того, что инородцы совершенно чужды православія и ограничиваются только выполненіемъ тѣхъ обрядовъ и таинствъ православія, за неисполненіе которыхъ могутъ подвергнуться взысканію. На самомъ же дѣлѣ всѣ, за исключеніемъ крайне немногихъ, имѣющихъ наиболѣе тѣсныя сношенія съ русскими, остаются идолопоклонниками,

устраиваютъ капища, ставятъ идоловъ, а также поклоняются священнымъ камнямъ. Идолопоклонство имъ строго воспрещено, почему они устраиваютъ кумирни въ сокровенныхъ мѣстахъ, глухихъ урманахъ, отдаленныхъ отъ русскихъ поселеній. Одни идолы олицетворяютъ добро, другіе, въ наибольшемъ количествѣ, зло въ его разнообразныхъ проявленіяхъ. Добраться до капища трудно, особенно властямъ, но русскимъ торговцамъ, шныряющимъ за добычей по всѣмъ самоѣдскимъ захолустьямъ, случается нападать на кумирни. Нѣкоторые даже съ недобросовѣстною цѣлью розыскиваютъ ихъ, чтобы поживиться жертвоприношеніями—звѣриными шкурами и деньгами. Одинъ изъ торговцевъ разсказывалъ мнѣ, что его навелъ на капище самоѣдъ-рабочій, достаточно отщепившійся отъ своихъ. Капище представляло полусгнившій срубъ съ низенькой дверью, у которой стояло грубо вытесанное изъ дерева изображеніе женщины.

— Оспенна свояченица, пояснилъ самоѣдъ.

Промышленники безпощадно эксплоатируютъ въ свою пользу этихъ невѣжественныхъ дѣтей природы.

— Однако, вы-таки изрядно прижимаете инородцевъ, говорю одному изъ т—скихъ промышленниковъ.

— Это изъ чего вы заключаете? спросилъ тотъ обидчиво.

— Да какъ же: звѣрь вашъ, рыба ваша, наконецъ, даже лѣсъ вашъ, а инородцу ничего не остается.

— А что же дикарю нужно?

— Да вы хотя бы больницу завели или фельдшера содержали... Посмотрите, вѣдь они мрутъ, какъ мухи. Вамъ же будетъ хуже, если они всѣ переведутся...

— А, на нашъ вѣкъ хватитъ!

Такой цинизмъ меня взорвалъ и я сказалъ нѣсколько неприкрашенныхъ словъ, назвавъ вещи настоящимъ именемъ.

— Правда-съ! въ коммерческомъ дѣлѣ какъ подгонишь всякое лыко въ строку; тоже и мы должны соблюдать свой интересъ.

— Да какое же у васъ коммерческое дѣло, это просто...

Я не договорилъ и ушелъ, и мнѣ стало невыносимо въ этомъ чистенькомъ, вѣчно зеленомъ уголкѣ, «на краю Божьяго міра».

Приведя эти отзывы и современную картину быта инородцевъ, мы естественно должны спросить въ концѣ-концовъ: дѣйствительно-ли причины вымиранія инородцевъ коренятся въ нихъ самихъ, въ ихъ расѣ, характерѣ, и не заключаются-ли эти причины въ массѣ накопившихся неблагопріятныхъ условій, въ самомъ отношеніи къ инородцу, или возмутительномъ, или безсердечно-равнодушномъ? Что причины вымиранія не въ расѣ, это доказывается

тѣмъ, что проявленія смертности различны. Одни и тѣ же племена, финскія и тюркскія, процвѣтаютъ и увеличиваются при другихъ условіяхъ. Ученые признали родство остяковъ и вогуловъ съ финнами Россіи и финляндцами. Посмотрите же и сравните судьбу тѣхъ и другихъ. Среди остяковъ и вогуловъ смертность распредѣляется неравномѣрно. Тамъ, гдѣ условія лучше, вымираніе слабѣе или совсѣмъ прекращается, а начинается приростъ населенія.

Такимъ образомъ нужно придти къ заключенію, что измѣнить это ненормальное явленіе въ человѣческихъ рукахъ и въ рукахъ цивилизаціи. Напрасно эту цивилизацію предоставляютъ драконамъ, пожирающимъ инородца, напрасно отдаютъ его на жертву хищникамъ, торговцамъ, кулакамъ, которые являются не столько представителями цивилизаціи, сколько подонками и обратной стороной ея. Цѣли и задачи человѣческой цивилизаціи другія, это—спасеніе человѣческой жизни, гуманизмъ, милосердіе, улучшеніе быта, поднятіе человѣческой личности и озареніе ея свѣтомъ разума—просвѣщеніемъ.

Мы не можемъ поэтому прикрываться неизбѣжностью гибели указанныхъ племенъ, но должны каждый разъ испытывать муки совѣсти объ ихъ бѣдственномъ положеніи и поставить вопросъ наканунѣ наступающаго XX столѣтія о сохраненіи тѣхъ остатковъ и потомковъ инородческихъ племенъ, которые сохранило еще время, человѣческія бури и человѣческое жестокосердіе.

Мы должны задаться вопросомъ: выгодна-ли погибель на Сѣверѣ десятковъ тысячъ людей. Всѣхъ остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ на сѣверѣ Сибири можетъ насчитываться еще до 50.000. Имѣйте въ виду, что это населеніе составляетъ донынѣ почти единственное и главное населеніе среди тундръ, среди негостепріимной природы и полярной стужи Сѣвера, близъ береговъ недоступнаго океана. Вымрутъ они, и опустѣетъ Сѣверъ, ибо русское населеніе здѣсь съ Обдорскомъ, Березовымъ, Туруханскомъ является скорѣе торговыми факторіями. Куда бы ни слѣдовалъ европеецъ или русскій человѣкъ на Сѣверѣ, онъ обязанъ услугамъ, руководительству и указаніямъ инородца; безъ него онъ бы погибъ. Мы ссылаемся на свидѣтельство полярныхъ путешественниковъ. Кто спасалъ корабли на водахъ, кто спасалъ команды, кто въ пургу и непогоду ведетъ торговцевъ, кто везетъ засѣдателя для сбора ясака и т. п.?

Инородческое населеніе въ Тобольскомъ, Березовскомъ, Нарымскомъ округахъ составляетъ станціи, и остяки перешли къ полуосѣдлости, строятъ избы и проч. Поэтому мы должны смотрѣть

на нихъ, какъ на помощниковъ нашихъ въ дѣлѣ культуры и сношеній. Среди этихъ инородцевъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ находится 28.207 душъ *крещеныхъ.* Можно-ли такимъ образомъ хладнокровно приговаривать къ гибели даже крещеныхъ людей? Не можемъ же мы брать примѣра съ испанцевъ, которые, окрестивъ индѣйцевъ, приговорили ихъ тотчасъ же къ смерти.

Такимъ образомъ все рѣзче и яснѣе выступаетъ вопросъ о попеченіи и сохраненіи инородческаго населенія, что должно явиться обязанностью цивилизаторовъ. Снабженіе Сѣвера больницами, миссіями, школами для инородцевъ становится настоятельнымъ. Наконецъ, для содѣйствія и облегченія помощи инородцу пора основать общество, къ которому привлечь образованныхъ людей, изслѣдователей инородческаго быта и лицъ, могущихъ сочувствовать просвѣщенію инородца. Это общество покровительства просвѣщенію инородца будетъ не менѣе полезно, чѣмъ общество спасанія на водахъ, общества филантропическія и общества покровительства животнымъ. Здѣсь дѣло идетъ о людяхъ. У русскаго общества, полагаемъ, нашлось бы достаточно филантропическихъ чувствъ для этой цѣли.

Заканчиваемъ статью слѣдующимъ замѣчаніемъ одной газетной статьи: «Тридцать лѣтъ назадъ уже описывались въ литературѣ порядки въ остяцкой землѣ совершенно тѣми же чертами, какъ описываются и теперь. Та же кабала, та же эксплуатація торговцами, то же вымираніе, съ тою разницей, что гибельная сторона этихъ порядковъ для остяковъ еще болѣе съ того времени усилилась. Въ тридцать лѣтъ, кромѣ ламентацій о бѣдствіяхъ инородцевъ, въ литературѣ ничего не сдѣлано для исправленія ихъ положенія. Не возникло для остяковъ никакого покровительственнаго органа, ни частнаго, ни административнаго; не явилось лицъ, подобно филантропамъ, самоотверженнымъ врачамъ, друзьямъ бѣдныхъ и несчастныхъ, какіе являются въ Европѣ на помощь человѣчеству, которые бы посвятили жизнь свою страдающимъ и умирающимъ инородцамъ. Ученыя общества и университеты не поставили доселѣ этого вопроса на очередь, какъ достойнаго самаго внимательнаго изученія!» [1]). Международные конгрессы, со-

[1]) Обратимъ вниманіе по этому поводу на статьи профессора Э. Ю. Петри, научныя доказательства котораго на защиту инородческихъ племенъ и обязанности по отношенію къ нимъ высшей культурной расы изложены нынѣ въ его «Антропологіи» (Спб. 1889 г.), гл. VI: «Дикарь и культурный человѣкъ», стр. 108, и гл. VII: «Вымираніе дикарей», стр. 137—163.

бирающіеся для обсужденія самыхъ разнообразныхъ вопросовъ общественной жизни и культуры въ Европѣ, еще не выдвинули вопроса о спасеніи отъ гибели инородческихъ племенъ.

Много лѣтъ назадъ, Палласъ, Георги, Кастренъ и другіе знаменитые ученые путешественники представили печальную картину быта сибирскихъ инородцевъ. Съ грустью и стѣсненнымъ сердцемъ намъ приходится нынѣ фотографически повторить ее, такъ какъ время не прибавило къ ней ни одной смягчающей свѣтлой черты.

Алтайскіе тюрки или калмыки.

На ряду съ татарами и финнами Западной Сибири заслуживаетъ вниманія многочисленная алтайская народность. Число алтайскихъ инородцевъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, равняется 51.064 душамъ, причемъ они раздѣляются: на телеутовъ въ числѣ 5.731 души, расположенныхъ въ телеутскихъ управахъ Кузнецкаго и Томскаго округовъ, а также въ кумышскихъ управахъ Томской, Кузнецкой и Барнаульской, и 225 душъ въ Бійскомъ округѣ (потомки этихъ телеутовъ въ большинствѣ выродились и смѣшались съ русскими), далѣе черневыхъ татаръ, составляющихъ 23.594 д. и 17.018 д. алтайскихъ калмыковъ и теленгитовъ [1]). Всѣ они расположены въ Томской губерніи въ Томскомъ, Барнаульскомъ, Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ. Часть этихъ инородцевъ приняла христіанство и смѣшивается съ русскими, другая восприняла магометанство и живетъ, подобно другимъ татарамъ, въ Томскомъ округѣ и, наконецъ, большая часть остается язычниками и населяетъ Бійскій и Кузнецкій округи. Маріинскіе татары также могутъ быть причтены къ родственнымъ племенамъ алтайцевъ. Часть алтайскихъ тюрковъ весьма давно подчинилась русскимъ. Такъ, телеуты съ княземъ Абакомъ приняли подданство въ 1607 году и затѣмъ были покорены кузнецкіе татары въ 1618 году. Въ 1633 году русскіе заложили Бійскъ и въ томъ же году была предпринята экспедиція для покоренія телесовъ на берегу Телецкаго озера, подъ начальствомъ Собанскаго. Алтайскія народности, однако, весьма долго были поддерживаемы калмыками, киргизами и саянцами, вели борьбу съ русскими, нарушали договоры и нападали на русскія крѣпости. Калмыковъ

[1]) Къ этимъ же инородцамъ должны быть отнесены потомки алтайцевъ, смѣшавшіеся съ русскими въ четырехъ осѣдлыхъ управахъ Бійскаго округа и составляющіе 4.661 д.

на югѣ поддерживалъ могущественный ойротскій союзъ и Джунгарія. Съ распаденіемъ его въ 1740 г. южные калмыцкіе роды, или буруты, также просили принять ихъ въ подданство, но теленгиты на Чуѣ и Аргутѣ, извѣстные подъ именемъ уряпхайцевъ, однако, еще долго оставались двоеданцами, внося подать и китайскому, и нашему правительству, и только въ 1865 году окончательно приняли присягу, составивъ нынѣ двѣ чуйскихъ волости. Горные калмыки или теленгиты присоединились въ половинѣ XVIII стол., въ числѣ 12 зайсанствъ, и до сихъ поръ сохраняютъ память о своихъ поколѣніяхъ. Инородцы, однако, весьма долго жили отчужденно. Алтай весьма туго заселялся, такъ какъ Бійская линія была продолжительное время запретною гранью, за которую русская колонизація не должна была проникать. На границѣ Кузнецкой и Бійской линій расположены были казачьи станицы, которыя, имѣя военный характеръ, смотрѣли на инородческое населеніе, какъ на непріятельское, поэтому культурное вліяніе и сближеніе съ русскими было слабо, а инородцы жили изолированною жизнью, не смотря на то, что обложены были ясакомъ и съ ними велась изрѣдка торговля заѣзжими купцами. Восточная часть Кузнецкаго и Бійскаго округовъ отъ Телецкаго озера на сѣверѣ, по рр. Лебедѣ, Мрасѣ и Кондомѣ, до сихъ поръ весьма мало доступна русскимъ, такъ какъ покрыта лѣсами и весьма трудна для сообщенія; инородцы живутъ здѣсь, по прежнему, полудикою жизнью. Наиболѣе поддались культурному вліянію и сближенію кузнецкіе инородцы, извѣстные подъ именемъ телеутовъ и черневыхъ татаръ. Въ Кузнецкомъ округѣ считается наибольшее число осѣдлыхъ. Эти осѣдлые инородцы составляютъ 12 инородныхъ управъ съ 24 улусами. Улусы и деревни инородцевъ расположены между крестьянскими волостями, поэтому здѣсь весьма быстро идетъ обрусѣніе и заимствованіе отъ русскихъ. Кузнецкихъ осѣдлыхъ татаръ считается 3.640 душъ муж. пола и 3.726 жен.; изъ нихъ шаманистовъ только около $^1/_8$ части, остальные же всѣ—православные, причемъ обращеніе произошло просто, благодаря жизни около русскихъ. Всѣ эти инородцы живутъ домами, хорошо говорятъ по русски и занимаются земледѣліемъ. Типы ихъ, одежда ихъ скорѣе напоминаютъ финновъ и чухонцевъ. Около Кузнецка есть уже весьма зажиточныя татарскія селенія и даже богачи изъ татаръ, усвоившіе русскій комфортъ. Свои состоянія они пріобрѣли благодаря торговлѣ и посредничеству съ отдаленными и болѣе чуждыми инородцами лѣсовъ. Въ накопленіи этихъ богатствъ, однако, участвовала значительная доля торговой эксплуатаціи своихъ собратій. Въ Кузнец-

комъ округѣ эти торговые татары, крещеные и некрещеные, замѣняютъ русскихъ торговцевъ, какъ и въ осѣдлыхъ селеніяхъ Бійскаго округа, не уступая, по жадности и безцеремонности наживы, самымъ отчаяннымъ кулакамъ; поэтому культурныя черты, пріобрѣтенныя этими инородцами, доселѣ не служатъ въ пользу собратій. На алтайскихъ племенахъ можно видѣть, какъ подъ вліяніемъ различныхъ условій проявляла себя одна и та же раса, а также, какъ эти условія отражались на ея бытѣ.

Алтайскіе инородцы, распространившись отъ Алтая до Иртыша и далѣе, были подчинены магометанскому и русскому вліянію на сѣверѣ, тогда какъ монгольское и китайское отразилось на нихъ съ юга; точно также на нихъ отразилось и физіологическое вліяніе соприкасавшихся съ ними племенъ. Принадлежа, по типу и физическимъ свойствамъ, къ довольно сильной расѣ, это населеніе выражаетъ различные типы культуры, начиная отъ кочевниковъ и номадовъ и кончая не только полуосѣдлымъ состояніемъ, но и совершенно осѣдлымъ и земледѣльческимъ бытомъ при полномъ слитіи и смѣшеніи съ русскими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ метисація, смѣшеніе съ русскимъ населеніемъ и переходъ къ высшей культурѣ при нормальныхъ условіяхъ отразились на этихъ народностяхъ весьма благопріятно. Такой образецъ перехода къ высшей культурѣ и обрусѣнію представляютъ, напримѣръ, инородцы выродившейся Кумышской управы, Барнаульскаго округа, Быстрянской управы, Бійскаго округа, и нѣкоторые кузнецкіе инородцы.

Мы имѣли возможность видѣть нынѣшнее положеніе кумышскихъ инородцевъ второй половины управы въ Барнаульскомъ округѣ и могли убѣдиться, что это населеніе нисколько не уступаетъ русскому; оно совершенно слилось съ нимъ, сформировалось въ цѣльный типъ и окончательно утеряло инородческія черты; собственно оно остается инородческимъ только по названію. Наростаніе и развитіе благосостоянія его представляютъ замѣчательные успѣхи, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго: указомъ императрицы Екатерины II въ 1764 г., какъ видно изъ дарственной записки, крещенымъ телеутамъ Кумышской управы, въ числѣ 6 семей, дозволено было переселиться на рр. Бурлу и Карасукъ. Занимаясь сначала охотой, они основали скоро деревню Хабары и начали смѣшиваться съ русскими. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія эти фамиліи инородцевъ уже составляли 4 деревни съ 26 семьями, изъ 6 первоначальныхъ, и 201 д. мужскаго населенія. По ревизіи 1816 года въ 4-хъ деревняхъ считалось 70 семей и 482 д. обоего пола. По X ревизіи 1858 г. здѣсь было уже 104

семьи и 6 деревень съ 1.022 душами населенія; въ 1880 г. было 7 деревень [1]) съ 1.236 д. населенія. Приростъ замѣчательный. Надо замѣтить, что въ числѣ этихъ душъ сохраняются всѣ первоначальныя фамиліи инородцевъ, а именно: Холкины, Мальцевы, Малышевы, Пискуновы, Миловановы и прибывшіе послѣ инородцы Сыгаковы, Балагановы, Парфеновы, Мурашкины и Калачиковы. Такимъ образомъ, 10 родоначальниковъ съ семьями народили 7 деревень съ 1.236 д. населенія. Въ тѣхъ же деревняхъ проживаетъ нынѣ независимо отъ инородцевъ до 406 д. государственныхъ крестьянъ, 78 мѣщанъ, купцовъ и солдатъ. Инородцы Кумышской управы—крупное, здоровое населеніе съ преобладающимъ русскимъ типомъ. Всѣ они занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, засѣвая до 2.027 дес. земли. Дома щеголеваты; населеніе зажиточное; въ сел. Хабарахъ—ярмарка, гдѣ покупается на 15.000 рублей привозной мануфактуры. Нынѣ основана школа, гдѣ учатся до 12 мальчиковъ. Благосостоянію этого населенія способствовало свободное распоряженіе землями, браки съ русскими, усвоеніе высшей культуры, богатые урожаи, отсутствіе рекрутской повинности и льготное положеніе инородцевъ съ половиннымъ крестьянскимъ окладомъ. Поэтому это населеніе, чувствуя доселѣ благодѣтельныя послѣдствія своего льготнаго положенія, какъ они выражаются, «благословляютъ матушку Екатерину II», давшую имъ дарственную грамоту на земли и льготныя права. Не смотря на то, что земли ихъ не считаются болѣе ихъ собственностью, а отошли къ кабинетскимъ, но достигнутая этимъ населеніемъ степень благосостоянія, а также свобода пользованія окружающими землями, не уронили ихъ быта. Образчики подобной же зажиточности и развитія населенія мы находимъ также въ Бійскомъ округѣ въ 4-хъ осѣдлыхъ управахъ гдѣ считается нынѣ 4.661 д. осѣдлыхъ инородцевъ, до 4.700 лошадей, 5.296 коровъ, 8.207 овецъ; они засѣваютъ нѣсколько тысячъ пудовъ хлѣба и занимаются пчеловодствомъ.

Такіе результаты осѣдлости однако не вездѣ. Бытъ другихъ осѣдлыхъ инородцевъ гораздо ниже. Это зависитъ какъ отъ ограниченія свободы располагать угодьями, отнятія этихъ угодій русскими, такъ и отъ способа перехода къ осѣдлому быту и земледѣльческой культурѣ. Другой характеръ представляютъ, напримѣръ, осѣдлыя деревни алтайской миссіи новокрещеныхъ инородцевъ. Переходъ этотъ совершается у нихъ искусственно

[1]) Деревни эти: Хабары, Потемная, Осиновая, Половинская, Ново-Усть-Курьинская и Вележанинъ логъ.

и нѣсколько принудительно, такъ какъ крещеный инородецъ долженъ жить обязательно осѣдло. Но для кочевника и звѣролова, безъ всякой подготовки и привычки, такой образъ жизни весьма труденъ. Бросая свой промыселъ, онъ бѣднѣетъ и далеко не усвоиваетъ земледѣльческаго труда. Переходъ этотъ для инородца является сразу почти непреодолимымъ и тѣмъ труднѣе онъ для номада, который не привыкъ къ физическимъ усиліямъ. Свойство его промысловъ—отсутствіе упражненій физической силы—создаетъ особый организмъ, неспособный къ большимъ напряженіямъ мускуловъ и продолжительной дѣятельности; словомъ, переходъ къ земледѣльческой культурѣ ему является непосильнымъ, а разсчеты земледѣльческаго хозяйства—непонятными. Мы не говоримъ уже, что онъ не воспиталъ никакихъ техническихъ знаній, доступныхъ крестьянину. Точно также новокрещеный не можетъ примириться сразу и съ осѣдлымъ жилищемъ. Органическая потребность воздуха и привычка передвиженія не позволяютъ ему примириться съ избой. Отъ этого новокрещеные не могутъ сразу жить въ избахъ; даже даваемыя имъ избы отъ миссіи запущены и грязны, а живутъ они въ большинствѣ въ берестяныхъ шалашахъ. Привыкши въ кочевомъ и лѣсномъ бытѣ къ самому первобытному земледѣлію и обработкѣ ячменя, они не идутъ далѣе, и земледѣліе ихъ является крайне ничтожнымъ. Въ самомъ главномъ миссіонерскомъ селеніи встрѣчаются бѣднѣйшія хижины и шалаши. Вотъ одна изъ нихъ по описанію очевидца. «Длина и ширина избы въ 2 сажени, безъ сѣней, съ одною дверью и двумя маленькими окнами (одно выбито и заложено грязной подушкой); покривившаяся печь, двѣ скамейки самой грубой работы и такой же миніатюрный столъ, самой грубѣйшей работы, кровать, и на ней въ двухъ рваныхъ шубенкахъ валяется грязный ребенокъ. Въ маленькомъ шкафикѣ, прибитомъ къ стѣнѣ, ничтожное количество плохой посуды, горшокъ и чашки. На полу 4 грязныхъ не покрытыхъ крынки съ молокомъ, ухватъ, два ведра, два маленькихъ сундучка, оборванный, безъ наметки, хомутъ. На стѣнахъ деревянные и бумажные образа». Вотъ обстановка новокрещенаго, причемъ, какъ они выражались, дома у нихъ были «казенные», миссіонерскіе. Во всей деревнѣ никто не засѣвалъ болѣе 10 десятинъ, а между тѣмъ это были привольнѣйшія для земледѣлія мѣста Алтая. Остальные миссіонерскіе пункты представляютъ собраніе шалашей въ большинствѣ и крайне ограниченнаго числа хижинъ; при этомъ надо замѣтить, что хижины эти построены на подобіе зимовокъ. Большинство крещеныхъ инородцевъ не знаютъ русскаго языка. Изъ 58 миссіонерскихъ пунк-

товъ только Улала, Кебезень, Ангудай и Уймонъ заслуживаютъ вниманія, но и то потому, что сюда проникло отчасти осѣдлое русское население. Новокрещеныхъ осѣдлыхъ инородцевъ поэтому считается на огромномъ пространствѣ 130.000 кв. м. всего 1.843 человѣка, остальные же остаются при кочевомъ образѣ жизни. И это почти при 50-лѣтней дѣятельности миссіи! Начало первымъ селеніямъ миссіи положено не мѣстными крещеными инородцами, но пришедшими уже осѣдлыми телеутами изъ Бачата, Кузнецкаго округа. По отзыву всѣхъ путешественниковъ, не смотря на нѣкоторые образчики культуры въ главномъ селеніи Улалѣ, въ общемъ, бытъ новокрещеныхъ алтайцевъ крайне жалокъ и бѣденъ. Значительная часть лучшихъ земель инородцевъ притомъ, къ сожалѣнію, монополизируется миссіей для своихъ спеціальныхъ учрежденій. Такъ напримѣръ, близь Улалы, на р. Наймѣ, миссія испросила для женской монастырской общины 6.500 дес. лучшей земли, а на Чулышманѣ взяла также подъ монастырь, который долго не былъ выстроенъ, пространство въ 30 верстъ въ длину, единственное, удобное для земледѣлія, мѣсто. Все это далеко не служитъ къ выгодамъ инородцевъ, даже новокрещеныхъ. Изъ этого видно, что завоеваніе культуры и осѣдлости среди инородцевъ гораздо болѣе сдѣлало успѣховъ, гдѣ инородческое населеніе соприкасалось съ плотною массою русскаго крестьянства, но при единственномъ условіи, когда угодья инородцевъ, какъ источникъ жизни, не отходили совершенно къ русскимъ.

Дальнѣйшіе представители алтайской народности ведутъ полудикарскій образъ жизни въ лѣсахъ и горныхъ мѣстностяхъ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ. Поэтому они считаются кочевымъ населеніемъ. Къ такимъ принадлежатъ черневые татары Кузнецкаго и Бійскаго округовъ. Въ Кузнецкомъ округѣ они составляютъ 23 волости съ 6.739 д. муж. пола и 6.510 жен., т.-е. 13.249 душъ населенія. Къ 1880 г. въ Бійскомъ округѣ въ 7 волостяхъ считается 2.937 д. муж. п. 2.854 жен. Всѣ они живутъ въ гористой и лѣсной мѣстности, кузнецкіе инородцы преимущественно по рр. Мрасѣ и Кондомѣ, а бійскіе—по рр. Лебедю, Біи и ея южнымъ притокамъ до прибрежій Телецкаго озера. Инородцы эти далеко не всѣ принадлежатъ къ кочевникамъ и звѣроловамъ. Самый бытъ лѣсныхъ кочевниковъ нѣсколько особенный и относится ближе къ осѣдлому, чѣмъ къ кочевому; поэтому переходъ къ полной осѣдлости здѣсь совершается скорѣе. Считающіеся кочевыми, инородцы и нынѣ живутъ уже улусами и деревнями, только временно отлучаясь на промыслы. Занятія ихъ:

Bayerische Staatsbibliothek München

охота на звѣря, добыча дикихъ пчелъ, кедровыхъ орѣховъ, рыболовство, а также и хлѣбопашество, причемъ сосѣднія съ русскими деревни уже усвоили русское хлѣбопашество, а болѣе отдаленныя первобытнымъ способомъ обрабатываютъ ячмень. Нынѣ среди кузнецкихъ инородцевъ въ сосѣдствѣ русскихъ распространяются и другіе промыслы.

Жилище черневыхъ татаръ составляютъ первобытныя зимовки, срубы и избы. Вообще жизнь, бытъ и культура этого населенія весьма мало изслѣдованы; но они, какъ мы убѣдились при личномъ изслѣдованіи, представляютъ весьма много интереснаго, какъ населеніе, имѣющее всѣ задатки къ осѣдлости. По типу черневые татары, какъ кузнецкіе, такъ и бійскіе, весьма отличаются отъ алтайцевъ и теленгитовъ и причисляются къ финскимъ народностямъ, когда-то смѣшавшимся съ алтайскими тюрками; но типъ ихъ еще достаточно не выясненъ. При своихъ изслѣдованіяхъ въ Алтаѣ, мы убѣдились также, что типъ черневыхъ татаръ весьма отличается отъ алтайцевъ и что это совершенно особое племя, а по своимъ способностямъ и культурѣ они стоятъ гораздо выше номадовъ; нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ первобытнаго земледѣлія и умѣнья дѣлать зимовки съ глинобитными печами—чувалами, обладаютъ еще выдѣлкой холста, шьютъ льняную одежду, умѣютъ дѣлать невода и т. д.; у нихъ сохраняется и кузнечное мастерство [1]). Способности такого племени, конечно, могли бы лучше развернуться въ сосѣдствѣ съ русскимъ населеніемъ. Дѣйствительно, въ Кузнецкомъ округѣ это населеніе показало замѣчательную воспріимчивость къ культурѣ. На востокъ и на югъ въ глухихъ мѣстахъ вліяніе это, однако, доселѣ не проявлялось и черневые татары живутъ прежнею жизнью, по которой можно изучить первобытную культуру. Не смотря, однако, на отчужденность въ лѣсахъ, они составляютъ притягательную силу для спекуляторовъ и торговцевъ; поэтому экономическое тяготѣніе, русская торговля и вліяніе сосѣднихъ инородцевъ не могли не коснуться ихъ строя жизни. Торговцы изъ русскихъ и кузнецкихъ осѣдлыхъ татаръ заѣзжаютъ въ Чернь и стараются эксплуатировать дикарей всѣми способами, выжимая и пріобрѣтая отъ нихъ предметы охоты и промысловъ. Какъ кн. Костровъ, такъ и миссіонеръ о. Вербицкій свидѣтельствуютъ объ обманахъ и эксплуатаціи, которымъ подвергаются алтайскіе инородцы («Ал-

[1]) Наоборотъ, бытъ звѣролововъ и рыболововъ крайне бѣденъ. Они часто голодаютъ, потому что состоятъ въ зависимости отъ торговцевъ, снабжающихъ ихъ мукой и припасами.

тайцы» Вербицкаго и «Обычное право алтайскихъ инородцевъ» кн. Кострова).

Точно на такихъ же условіяхъ задатка и огромнаго взысканія процентовъ за долгъ производится и торговля орѣхомъ. Цѣна орѣха безъ полученія денегъ впередъ 1 руб. и 1 руб. 10 к. въ ближайшихъ мѣстахъ за пудовку, съ полученіемъ же денегъ впередъ цѣна за пудовку въ 50—60 коп. Всякій недоборъ, или неисполненіе подряда, накладываетъ обязательство доставить продукта вдвое, или по рыночной цѣнѣ, бывшей на ярмаркѣ, т.-е. со всѣми барышами, которые беретъ купецъ. Такія взысканія дѣлаютъ неоплатнымъ должникомъ инородца.

Насколько охотно дѣлаются предложенія товара, на сколько соблазняютъ имъ инородцы и навязываютъ товаръ, на столько же безпощадно является взысканіе долга впослѣдствіи, когда купецъ или торгашъ является и исполнителемъ взысканія и беретъ съ инородца что́ хочетъ. Въ этомъ состоитъ все искусство торговли. Наивность дикаря, его довѣрчивость, обольщеніе блестящими бездѣлушками и произвольныя цѣны, благодаря монополіи въ глухихъ мѣстахъ, благопріятствуютъ выгодѣ хозяина и продавца и невыгодѣ покупателя. При этомъ надо принять во вниманіе грубость и жадность торговца, а съ другой стороны—беззащитность и невѣжество дикаря. При такихъ условіяхъ обмѣнъ продуктовъ и самая торговля превращаются въ наглое хищничество. Торговля и спекуляція съ дикарями являются самымъ соблазнительнымъ занятіемъ окружающаго осѣдлаго населенія, а потому въ торговлю съ дикаремъ кинулись и русскіе зажиточные крестьяне, и кузнецкіе осѣдлые инородцы, нажившіе богатства; быстрое обогащеніе однихъ ведетъ къ обѣдненію другихъ, и эта эксплуатація отражается тѣмъ бѣдственнѣе, чѣмъ бѣднѣе и ниже по развитію дикарь. Постоянно возростающія потребности дикаря, благодаря соблазнамъ торговли и ознакомленію съ новыми произведеніями, обусловливаютъ его зависимость. Торговля и сношеніе съ русскими не создали пока въ лѣсахъ культуры, не придали силы дикарямъ, но, оставивъ ихъ при прежнемъ положеніи, создали въ инородцѣ потребности, которыя удовлетворить онъ не можетъ при своихъ силахъ, и оплачиваніе этихъ потребностей, при возвышающейся все болѣе цѣнѣ на продукты, поглощаетъ все его имущество и заставляетъ его истощать свои силы. Разъ онъ не въ состояніи оплатить торговцу чрезмѣрныя его требованія за продукты необходимости, онъ обрекается на нужду, голодъ и вымираніе. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, развитіе культуры, основывающееся на увеличеніи благосостоянія, является невозможнымъ,

и бытъ дикаря отодвигается еще въ худшее положеніе, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ. Такія явленія обѣдненія и истощенія лѣсниковъ тѣмъ печальнѣе, что по своему развитію и культурѣ они стояли весьма близко къ переходу на высшую степень хозяйства; но здѣсь, при столкновеніи съ русскими, мы не можемъ не замѣтить иногда обратнаго: отступленія инородца въ развитіи и изъ первобытнаго земледѣльца и рыболова превращенія въ дѣйствительнаго звѣролова и кочующаго пролетарія. Тѣ же явленія, какія мы видимъ въ Кузнецкомъ округѣ, повторяются и въ Бійскомъ. При этомъ мѣста глухія и отдаленныя менѣе подвергаются эксплуатаціи, а инородческія волости, столкнувшіяся вплоть съ русскимъ населеніемъ, испытываютъ болѣе настойчивое и усиленное давленіе, отражающееся и на отнятіи угодьевъ.

Изслѣдуя бытъ черневыхъ инородцевъ Бійскаго округа, мы прежде всего столкнулись съ жизнью кумандинцевъ, живущихъ по лѣвую и правую стороны р. Біи. Это населеніе, родственное черневымъ татарамъ, иногда путешественниками принималось за телеутовъ. На самомъ дѣлѣ кумандинцы представляютъ наиболѣе развитое и чистое по типу населеніе изъ всѣхъ алтайскихъ инородцевъ. Оно давно оставило кочевой образъ жизни. Гельмерсенъ въ 1842 году встрѣтилъ здѣсь уже хижины и населеніе, напоминавшее ему чухонъ Финляндіи. Нынѣ здѣсь находится нѣсколько ауловъ, которые походятъ на осѣдлыя деревни, зимовки превратились въ избы, всѣ занимаются земледѣліемъ, при чемъ первобытная мотыга (обылъ) замѣняется сохою. На 438 рев. душъ здѣсь приходится 1.124 головы лошадей, 959 коровъ и 687 овецъ. Населеніе, числомъ въ 2.634 души, усвоиваетъ совершенно русскій образъ жизни. Такимъ образомъ все благопріятствовало переходу этого населенія къ осѣдлости самымъ естественнымъ путемъ и оно легко могло быть записано уже въ число осѣдлыхъ волостей. Къ сожалѣнію, отсутствіе размежеванія и надѣловъ повело къ вторженію русскихъ деревень сосѣднихъ волостей на инородческія земли и отнятію лучшихъ угодій у инородцевъ-земледѣльцевъ. По крайней мѣрѣ мы встрѣтили такую запутанность въ поземельномъ владѣніи въ одной такой волости, какую представить трудно. Крестьяне трехъ русскихъ волостей вторглись и построились на земляхъ этой кочевой волости; сюда же являются переселенцы изъ Россіи и такимъ образомъ осѣдлое инородческое населеніе поставлено въ самое безвыходное положеніе и легко можетъ удалиться въ лѣса. Бытъ остальныхъ черневыхъ татаръ Бійскаго округа, живущихъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ и едва проходимой черни,

представляетъ болѣе первобытную культуру. Они принадлежатъ скорѣе къ полукочевымъ лѣсникамъ, звѣроловамъ; скотоводство ихъ ничтожно, бытъ бѣднѣе, они болѣе дикари, чѣмъ кумандинцы, и, вслѣдствіе отчужденности отъ русскихъ, поддались болѣе вліянію южныхъ кочевниковъ алтайцевъ, заимствуя ихъ костюмъ и привычки. На нихъ даже болѣе отразилась китайская и монгольская культура, такъ, они носятъ косы, китайскія шапочки и получаютъ нѣкоторыя произведенія изъ Монголіи. Тѣмъ не менѣе, по топографическимъ условіямъ и образу жизни, они болѣе кочевниковъ способны въ осѣдлый бытъ. Эта естественная наклонность, однако, задерживается пугливостью и опасеніемъ русскаго населенія, которое своими поступками произвело здѣсь самое неблагопріятное впечатлѣніе. Вторгшіеся въ чернь пасечники начали отнимать у лѣсниковъ лучшія земли, нужныя имъ для земледѣлія.

Южныя алтайскія племена относятся болѣе къ номадамъ и скотоводамъ, чему способствуетъ самый характеръ мѣстности: альпійскіе луга, травянистые склоны горъ, долины рѣкъ и альпійскія плоскія возвышенности. Инородцы эти носятъ различныя названія по мѣстностямъ: телесы, теленгиты, алтайскіе калмыки, элюты и чуйскіе теленгиты, или уренхайцы. Послѣднее названіе имъ придается неосновательно, такъ какъ подъ именемъ уренхайцевъ извѣстны жители Саянскихъ горъ и часть тюркскихъ племенъ, живущихъ около озера Косогола. Собственно алтайскіе калмыки, не смотря на различныя названія, имѣютъ весьма много общаго и могутъ быть названы «горными кочевниками», какъ ихъ называетъ Риттеръ. Они имѣютъ нѣсколько поколѣній или сюоковъ; всѣ говорятъ, по изслѣдованіямъ В. В. Радлова, твердо-татарскимъ языкомъ. Изъ нарѣчій теленгитскій языкъ ближе всего къ кайбальскому; монгольское вліяніе мало замѣтно и только обогатило языкъ въ лексикологическомъ отношеніи; исламъ не проникъ къ теленгитамъ и потому языкъ ихъ остается безъ примѣсей персидскаго и арабскаго. Грамотности и своей письменности теленгиты не имѣютъ. Типъ теленгитовъ болѣе носитъ отпечатокъ монгольской расы: сдавленный лобъ, узкіе глаза, выдающіяся скулы, широкій сплюснутый носъ, вздутыя губы, рѣдкая борода; но типы эти не вездѣ одинаковы. Въ общемъ эта народность не подвергалась еще точнымъ антропологическимъ наблюденіямъ.

По образу жизни, какъ мы сказали, они принадлежатъ къ горнымъ кочевникамъ, причемъ значительно отличаются отъ кочевниковъ степей; перекочевки ихъ менѣе значительны и, такъ ска-

зать, замкнуты горами; они перекочевываютъ изъ долинъ на сосѣднія горы и обратно. Жилищами ихъ, въ противоположность лѣсникамъ, по преимуществу служатъ шалаши или войлочныя юрты, а средствами пропитанія, по преимуществу, скотоводство, хотя у нихъ существуетъ также первобытное землѣдѣліе и они занимаются охотой. Бытъ ихъ можно назвать переходною ступенью отъ степныхъ номадовъ къ лѣснымъ кочевникамъ. Въ то время, когда у черневыхъ татаръ приходится скота на сто душъ: лошадей по 150, коровъ по 110 и овецъ по 100, у алтайцевъ по 300 головъ лошадей, 200 рогат. скота и 430 овецъ. У лѣсниковъ, преимущественно, коровы и лошади, у алтайцевъ, кромѣ того, еще богатое овцеводство.

Кочевья теленгитовъ были когда-то гораздо многочисленнѣе. Они занимали долины Бухтармы, Нарыма и Кокъ-Су; въ прошломъ столѣтіи они ежегодно появлялись на лѣвомъ берегу Иртыша противъ Усть-Каменогорска, точно также они занимали часть Кулундинской степи и располагались около Колыванскаго завода. Внутренній Алтай съ его плодоносными долинами принадлежалъ имъ всецѣло. Площадь инородческаго района еще недавно простиралась до 109.000 кв. верстъ, но съ начала нынѣшняго столѣтія кочевья алтайцевъ все болѣе ограничиваются и они оттѣсняются все далѣе. Русская колонизація проникла съ сѣвера далеко за бійскую линію, основавъ въ сѣверныхъ предгорьяхъ нѣсколько волостей, гдѣ нынѣ 50.000 русскаго населенія. Поэтому съ сѣвера кочевья калмыковъ сильно урѣзаны. Точно также Бійскій горный округъ началъ заниматься русскимъ населеніемъ съ запада и юга, русское населеніе тянется по Чарышу, Бухтарма совсѣмъ занята русскими и вообще въ Бійскомъ округѣ 22 русскихъ волости съ 190.475 душ. населенія. Районъ калмыцкій при этомъ довольно значительно съузился: калмыки занимаютъ пространство еще по Урсулу, Кану, Чарышу, по Чуѣ и по правую сторону Катуни; небольшая часть ихъ живетъ по Улагану. Высокіе хребты и лѣсная полоса, начинающаяся за Катунью къ Телецкому озеру, не позволяетъ занять имъ другія пространства.

Поэтому кочевья алтайскихъ теленгитовъ, въ настоящее время, замкнулись въ самое незначительное, сравнительно съ прежнимъ, протяженіе, которое съузилось, можетъ быть, въ 10 разъ противъ прежняго. Мало того, и въ средину Алтая, то-есть, въ кочевой калмыцкій районъ, такъ или иначе, вторгается русское населеніе. Крестьяне группируются около миссіонерскихъ становъ, не смотря на запрещеніе. Подзаводскія селенія и рудники обладаютъ полнымъ правомъ располагаться гдѣ угодно. Бухтармин-

ская и Уймонская инородныя управы, состоящія изъ бывшихъ бѣглыхъ русскихъ крестьянъ, находятся какъ разъ около калмыцкихъ земель и занимаются промысломъ на калмыцкихъ земляхъ. Купцы арендуютъ земли для заимокъ и, наконецъ, съ сѣвера наступаютъ на калмыковъ пасечники. Все это вызываетъ нынѣ жалобы у теленгитовъ на стѣсненіе въ пастбищахъ. И дѣйствительно, если на долю инородцевъ и остаются еще земли, то будущее и настоящее нисколько имъ не обезпечиваютъ ихъ пользованіе и лучшія угодья безпрестанно захватываются. Эти захваты начались весьма давно.

Наши колонисты не разъ отнимали у инородцевъ лучшія мѣста для скотоводства и звѣроловства, отгоняли цѣлыя табуны ихъ скота, грабили и сожигали ихъ юрты. «Оные ясачные—писалъ въ 1814 году начальникъ Томской губерніи сибирскому генералъ-губернатору—у коихъ отобраны земли горными крестьянами, требуютъ особеннаго вниманія, ибо нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть, видя, какую бѣдность нынѣ терпятъ кочующіе кумандинцы, къ которымъ съ 1801 по 1802 годъ вдираются крестьяне и захватываютъ ихъ земли. Теперь много кочуютъ семействъ безъ всякихъ юртъ, въ полушалашахъ, при разложенномъ огнѣ, полунагіе и питаются по большей части кореньями саремы».

Въ 1883 году калмыки первой, второй, пятой, шестой и седьмой дючинъ просили избавить ихъ отъ притѣсненій заводскихъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ, самовольно поселившихся на земляхъ, принадлежащихъ упомянутымъ дючинамъ. Ясачная коммисія, разсмотрѣвъ эту жалобу, нашла, что просьба калмыковъ вполнѣ справедлива. Крестьяне заводскаго вѣдомства и люди другихъ сословій самовольно селились на ихъ землю. Нѣкоторые изъ этихъ колонистовъ имѣли тамъ только временныя заведенія для хлѣбопашества, пчеловодства и скотоводства, другіе же заводили цѣлыя деревни. Сосѣдство тѣхъ и другихъ съ калмыками вредно дѣйствовало на промышленность послѣднихъ. Колонисты вылавливали въ инородческихъ угодьяхъ звѣрей, рыбу, предупреждали калмыковъ въ сборѣ ягодъ, орѣховъ и дикаго меда. Мало того, колонисты разоряли инородцевъ своимъ воровствомъ и грабежами. Такъ, напримѣръ, въ сентябрѣ 1829 года одинъ калмыкъ былъ ограбленъ на 1.800 руб. и затѣмъ убитъ; подобныя преступленія были *вовсе неизвѣстны* калмыкамъ до приближенія къ ихъ кочевьямъ русскихъ колоній. Ясачная коммисія нашла, что «выманивать у калмыковъ добычу разными средствами за безцѣнокъ сдѣлалось уже обыкновеннымъ дѣломъ между поселенцами. Но есть еще другія средства отнимать у нихъ собственность, это—

штрафы за потоптанные калмыцкими стадами посѣвы крестьянъ. Штрафы эти калмыки считаютъ несправедливыми, потому что крестьяне не имѣютъ права производить хлѣбопашество на самыхъ ихъ пастбищахъ. Извѣстно, что скотоводство у калмыковъ весьма обширно и пастбища ихъ не могутъ быть опредѣлены въ точности, ибо стада ихъ, въ теченіе всего года оставаясь на подножномъ корму, необходимо должны постоянно переходить на новыя, изобильныя кормомъ, мѣста. Слѣдовательно, подобныя заведенія крестьянъ на калмыцкихъ земляхъ есть ничто иное, какъ новыя вѣрныя средства къ насильственнымъ поборамъ съ этихъ беззащитныхъ дикарей [1]).

Къ этому надо прибавить, что русская торговля вторглась къ кочевникамъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ распоряжается ихъ стадами и имуществомъ. Торговля эта возникла съ начала нынѣшняго столѣтія и понемногу пріобрѣла вліяніе. Торговля эта производится скотомъ. Въ настоящее время въ Алтаѣ закупается скотъ для золотыхъ пріисковъ, гонится въ Томскую, Енисейскую губерніи и даже въ Иркутскъ чрезъ Монголію. Явившіеся въ Алтай русскіе торговцы, пользуясь простодушіемъ кочевниковъ, употребляли, въ первое время, самые безцеремонные способы обмана. За долги они отгоняли цѣлыя стада инородцевъ, совершали всевозможныя насилія, грабежи и даже убійства. Обманы и начеты до сихъ поръ практикуются, а для ввозимыхъ товаровъ и произведеній не существуетъ никакой справедливой и опредѣленной цѣны. Когда-то алтайскіе калмыки и чуйскіе теленгиты пользовались китайскою мануфактурой. Богатые одѣвались въ китайскій шелкъ, носили щегольской поясъ, огниво и ножъ въ дорогой оправѣ. Чуйскія женщины, по словамъ В. В. Радлова, одѣвались въ платья, вышитыя серебромъ, косы украшали серебряными монетами и серебряными пуговицами. Объѣхавъ Алтай, мы сами имѣли возможность убѣдиться, что китайская даба и матеріи, а также трубки, китайскія мѣдныя пряжки и монгольскія сѣдла, огниво и посуда, какъ и другіе предметы роскоши болѣе распространены среди алтайцевъ, чѣмъ русскія произведенія, и цѣнятся дороже. Въ чемъ же заключается культурное вліяніе русской торговли? Оно почти не замѣтно, а между тѣмъ въ Алтаѣ уже слышатся жалобы на разореніе. Обѣдненіе и упадокъ скотоводства свидѣтельствуются всѣми путешественниками, посѣщающими Алтай. Между теленги-

[1]) Кн. Костровъ. «Юридическій бытъ алтайскихъ инородцевъ». Шашковъ. «Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи». Историческіе этюды, т. II, стр. 251 и 252.

тами были не очень давно владѣльцы, обладавшіе огромными табунами. В. В. Радловъ въ долинѣ Урсула встрѣтилъ теленгита, имѣвшаго 6.000 головъ скота. На Чуѣ было скотоводство еще обширнѣе; здѣсь встрѣчались богачи, имѣвшіе до 8.000 лошадей, 1.000 головъ рогат. скота и 2.000 верблюдовъ. Люди, путешествовавшіе нѣсколько лѣтъ назадъ, увѣряли Радлова, что прежде теленгиты, владѣвшіе 50—100 лошадей, считались бѣдными, и это понятно при скотоводческомъ хозяйствѣ, гдѣ средства пропитанія должны пріобрѣтаться съ значительнаго количества скота. Нынѣ обѣдненіе, по словамъ уважаемаго ученаго, нѣсколько лѣтъ посѣщавшаго Алтай, идетъ такъ быстро, что онъ въ послѣднее время не узнавалъ тѣхъ мѣстностей, которыя посѣщалъ еще въ 1860 и 1865 годахъ. Скота на дорогѣ нигдѣ не было видно; даже прекрасная Урсульская долина была пуста, а гдѣ и попадался скотъ, то на вопросъ путешественника: «чей онъ?» — получался отвѣтъ «купеческій». Переходъ скота изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ совершается при помощи слѣдующей операціи. Торговецъ даетъ задатки и покупаетъ молодой скотъ, оставляя его у продавца для прокормленія. Если онъ купитъ 80 годовалыхъ телятъ, которыхъ оставитъ у продавца, то черезъ три года онъ получаетъ 80 штукъ взрослаго скота. Барыши являются огромные; но этого мало: торговецъ переводитъ всѣ счеты на скотъ, при чемъ неуплата долга растетъ вдвое, такъ какъ неотданный теленокъ черезъ три года равняется быку. Оттого сформировалась пословица: «отдалъ торбака, а получилъ быка». Благодаря монополіи торговцевъ въ глухомъ Алтаѣ и безнаказанности злоупотребленій, скотъ началъ переходить въ руки русскихъ, основавшихъ здѣсь заимки и нанявшихъ тѣхъ обѣднѣвшихъ калмыковъ пасти скотъ. Многіе новокрещеные инородцы явились приказчиками и помощниками купцовъ. «Современный характеръ торговли скотомъ въ Алтаѣ заключаетъ въ себѣ и то еще зло — говоритъ одинъ авторъ — что, обративъ теленгитовъ въ должниковъ, онъ предоставляетъ купцу право выбирать лучшія головы въ стадахъ должника, что должно понижать породу скота въ Алтаѣ» [1]). Проѣхавъ по калмыцкому району, по Улагану и Чуѣ, мы сами убѣдились, что прежнихъ стадъ уже не видно у алтайцевъ даже въ глухихъ мѣстахъ. Самые богатые изъ теленгитовъ имѣютъ до 2.000 лошадей, до 1.000 головъ рогатаго скота и 3.000 барановъ. Таково богатство, напримѣръ, чуйскихъ теленгитовъ, которые прежде не могли сосчитать стадъ. Въ одной дючинѣ (волости), по моему изслѣ-

[1]) Дополненіе къ IV т. «Риттерова землевѣдѣнія Азіи» Семенова и Потанина, стр. 389.

дованію, оказалось изъ 667 юртъ только 15 состоятельныхъ калмыковъ. Вмѣсто этого заводится обширное скотоводство русскими богатыми торговцами, крестьянами и даже проворными торгующими новокрещеными, какъ Яковъ Хабаровъ въ Ангудаѣ, имѣющій до 1.000 лошадей, которыхъ онъ пріобрѣталъ обманами, захватомъ и плутовскою торговлей. Множество обширныхъ хозяйствъ раскинуто нынѣ въ Алтаѣ. Рядомъ съ разореніемъ калмыковъ, среди нихъ появился пролетаріатъ, лишившійся скота, похожій на киргизскихъ джатаковъ. Наконецъ, въ послѣднее время развилось въ Алтаѣ конокрадство, какъ результатъ, съ одной стороны, нищеты и бездомности, а съ другой—по наущенію русскихъ спекуляторовъ, привыкшихъ пріобрѣтать чужой скотъ, не заботясь о его принадлежности. Между тѣмъ до этого въ Алтаѣ никогда не было привычки воровать скотъ и они были лишены этой особенности кочевыхъ народовъ, какъ, напримѣръ, киргизы, у коихъ существовала традиціонная баранта.

Такова судьба прекраснаго, плодоноснаго и царственнаго Алтая, лучшаго уголка въ Сибири по климату и роскошной флорѣ. Чего ожидать ему въ будущемъ, если обѣдненіе продлится и не придутъ на помощь ему настоящія культурныя и просвѣтительныя вліянія, и откуда ждать ихъ? Мы видимъ, что южные алтайцы, какъ кочевники и скотоводы, стоятъ на гораздо низшей степени развитія, чѣмъ сѣверные; они менѣе расположены къ осѣдлости, болѣе дики, они являются болѣе отчужденными и замкнутыми, поэтому для ихъ развитія потребуется болѣе усилій и умѣнья. Наконецъ, надо обратить вниманіе, что теленгиты и калмыки весьма долго жили подъ китайскимъ и монгольскимъ владычествомъ, весьма мало ознакомились еще съ русскими обычаями и пріемами, а потому расположить ихъ весьма важно. Съ присоединеніемъ алтайскихъ дючинъ, правительство и русскіе государи стремились именно къ этой цѣли. Алтайскіе зайсанги сохраняютъ до сихъ поръ свидѣтельство этого благоволенія и весьма дорожатъ имъ. Къ сожалѣнію, мѣстные администраторы и уѣздныя власти не усвоили этихъ началъ и прежней мудрой политики. На присоединенныхъ теленгитовъ смотрѣли, какъ на покоренныхъ, а не какъ на отдавшихся въ подданство. Казаки и уѣздныя власти оказывали имъ всевозможныя притѣсненія и дѣлали съ нихъ поборы. Еще во время путешествія Чихачева имя «казакъ» наводило ужасъ на запуганныхъ теленгитовъ. По поводу начетовъ ясака инородцы Алтая подавали жалобы въ ясачныя коммисіи. Множество засѣдателей и исправниковъ составили состоянія въ Алтаѣ. Самовластіе и произволъ сибирской земской

полиціи въ отдаленномъ Алтаѣ проявлялись болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Про управленіе засѣдателей (становыхъ) на Алтаѣ сложилась пѣсня:

«Какъ на Чую завалится
Никого онъ не боится».

Самоуправленіе, предоставленное уставомъ Сперанскаго, и родовые начальники, оставленные инородцамъ, далеко не облегчили ихъ положенія, такъ какъ уѣздная полиція стремилась парализовать всякую самостоятельность инородцевъ и внесла безусловное распоряженіе участью теленгита. Зайсанги и родовые начальники, пробовавшіе защитить свои роды, почувствовали свое безсиліе въ борьбѣ и кончили тѣмъ, что соединились съ засѣдателями для обиранія своихъ подчиненныхъ. Самые алтайскія дючины мѣстнымъ начальствомъ передѣланы на манеръ волостей, гдѣ сталъ руководить общественными дѣлами волостной писарь, часто пройдоха и пьяница. Поэтому инородцы, кромѣ своекорыстія и злоупотребленій, ничего не видѣли отъ такого порядка волостнаго и засѣдательскаго правленія. Сборовъ и поборовъ, дѣлаемыхъ съ нихъ, они не могли усчитать. Злоупотребленія при сборѣ ясака являются громадныя. Не смотря на то, что сборы съ инородцевъ превосходили назначенные, что у нихъ безпрестанно браковали ясакъ и заставляли вносить лучшіе мѣха, въ кабинетъ Его Величества никогда не доходили собранные, но всегда подмѣнивались худшими, благодаря злоупотребленіямъ чиновниковъ. Когда изъ Петербурга являлось указаніе, что мѣха доставляются худшаго качества, чиновники начинали переписку, какъ будто не зная причины этого, и еще болѣе начинали налегать на невинныхъ и обобранныхъ инородцевъ, прикрываясь строгими требованіями начальства. До послѣдняго времени, при неурожаѣ звѣря, лучшіе мѣха, какъ соболя, инородцы покупаютъ у купцовъ, что увеличиваетъ взносъ. При этихъ сборахъ волость складывается на проѣздъ зайсанга, подарки при пріемѣ ясака и т. д., почему поборы представляютъ полный произволъ и не подлежатъ никакому контролю. Усиленные же сборы съ бѣднаго кочеваго населенія, конечно, отражаются еще тяжелѣе на его незавидномъ бытѣ. Въ послѣднее время инородцы облагаются и другими повинностями. Къ поборамъ должно присоединить грубое обхожденіе земскихъ властей съ инородцами, жестокія наказанія, обусловленныя грубымъ и низкимъ нравственнымъ уровнемъ полицейскихъ властей, не понимающихъ никакихъ человѣческихъ внушеній, кромѣ нагайки. Еще въ 1880 г. во время проведенія дороги на Чую и на Абай, Алтай былъ свидѣтелемъ возмутительныхъ кровавыхъ сценъ, производимыхъ ретивыми по-

лицейскими властями. Изъ этого видно, что надъ алтайскими инородцами скопилось весьма много неблагопріятныхъ условій, угрожающихъ ихъ будущему существованію. Настоящее просвѣтительное вліяніе еще не коснулось этихъ инородцевъ, какъ и всѣхъ прочихъ. Это дало поводъ произнести слѣдующій приговоръ ученому составителю дополненій къ Риттеровой Азіи: «Ни купецъ и ни миссіонеръ не послужили доселѣ въ Алтаѣ къ распространенію осѣдлости и культуры»; гораздо болѣе сдѣлало крестьянство своимъ сосѣдствомъ и вліяніемъ, хотя столновеніе и съ крестьянами не дешево обходилось инородцамъ. Въ концѣ-концовъ получилось, что сѣверные, барнаульскіе и кузнецкіе инородцы въ большинствѣ сдѣлались осѣдлыми и даже православными безъ всякихъ насильственныхъ и обязательныхъ мѣръ. Такъ, изъ 20.624 кузнецкихъ инородцевъ до 14.600 совершенно осѣдлые, да и остальные полуосѣдлы. Изъ 7.375 вполнѣ осѣдлыхъ только $^1/_8$ часть язычниковъ, а изъ остальныхъ $^2/_3$ приняли православіе. Наоборотъ, въ Бійскомъ округѣ изъ 27.475 инородцевъ только до 8.000 можетъ быть признано осѣдлыми, а 4.666 потомками инородцевъ въ осѣдлыхъ управахъ, до 2.000 черн. татаръ и 1.800 новокрещеныхъ. Миссіей въ 50 лѣтъ крещено было 5.000 человѣкъ.

Замѣчательное размноженіе населенія, какъ мы сказали, происходитъ въ волостяхъ смѣшанныхъ, какъ, напримѣръ, Кумышской управѣ, Быстрянской и т. д. Кормѣ того прибыль осѣдлыхъ инородцевъ Кузнецкаго округа замѣтнѣе, чѣмъ Бійскаго: въ 1868 г. по спискамъ населенныхъ мѣстъ ихъ считалось 6.995, а нынѣ болѣе чѣмъ вдвое; но кочевое населеніе уменьшилось. На все инородческое населеніе съ 1868 по 1880 годъ прибыль не очень значительна, а именно вмѣсто 18.839 д.—20.624. Если мы выдѣлимъ приростъ осѣдлыхъ управъ, то на долю кочевника придется весьма ничтожный приростъ.

Въ Бійскомъ округѣ осѣдлыхъ инородцевъ въ 1868 г. считалось 4.978 душъ; нынѣ въ 4-хъ осѣдлыхъ управахъ, исключая Бухтарминской, находится 4.666 душъ. Если прибавимъ къ этому 1.000 человѣкъ вновь присоединенныхъ новокрещеныхъ, то осѣдлое населеніе все-таки увеличилось очень немного. Въ общемъ на Бійскій округъ съ 25.502 душъ въ 1868 г. при самомъ тщательномъ разсчетѣ въ 1881 г. оно достигло только 27.475 душъ. Прибыль весьма ничтожная сравнительно съ крестьянскимъ населеніемъ Сибири, увеличивающимся на привольныхъ мѣстахъ.

Въ общемъ число кочевниковъ теленгитовъ нѣсколько увеличивалось съ ихъ присоединеніемъ къ Россіи. До 1763 г., по переписи

Щербачева, считалось въ 5 принявшихъ подданство дючинахъ 417 душъ муж. пола, а въ 1763 г. оказалось при переписи 475 душъ.

	М. п.	Ж. п.	Всего.
Въ 1804 г. . . .	1.203	—	—
» 1816 г. . . .	2.556	2.233	4.789
» 1823 г. . . .	2.277	—	—
» 1836 г. . . .	6.086	5.354	11.439

Въ 1866 году по спискамъ населенныхъ мѣстъ всѣхъ кочевыхъ съ черневыми было 18.620 душъ, въ 1875 г. съ двумя чуйскими волостями—15.655 душъ, въ 1880 г.—17.016 душъ.

До сихъ поръ расположенію и жизни южныхъ кочевниковъ благопріятствовали обширныя свободныя угодья, прекрасный климатъ Алтая, богатое скотоводство. У кочевниковъ теленгитовъ и калмыковъ считается нынѣ въ 9 дючинахъ 51.751 лошадь, 35.539 коровъ и 70.960 овецъ; кромѣ того, они обладаютъ верблюдами и сарлыками, монгольскими быками. Но какъ видимъ, условія для этой первобытной кочевой жизни сильно измѣнились. Не смотря на то, что алтайскій кочевникъ ни на шагъ не подвинулся въ культурѣ, не смотря на то, что по привычкамъ и натурѣ онъ остается номадомъ, не расположеннымъ измѣнять быта, средства къ жизни его все болѣе съуживаются, ограничиваются, а съ уменьшеніемъ пастбищъ уменьшается и скотоводство; между тѣмъ, подъ вліяніемъ сближенія и экономическаго обмѣна, бытъ его уже тронутъ и потребности его не могутъ не развиваться. Поэтому для населенія этого наступаетъ тяжелый экономическій кризисъ, который и начинаетъ уже переживаться имъ. Кризисъ этотъ тѣмъ опаснѣе, что прежде, чѣмъ населеніе перейдетъ къ лучшей жизни, онъ можетъ подорвать его производительныя силы и отразиться на немъ весьма губительно. Тѣмъ болѣе вниманія и осторожности нужно при устанавленіи въ данную минуту отношеній къ инородцу. Прежде всего необходимо огражденіе и охраненіе его жизни, защита отъ обидъ, насилій, обмановъ, а затѣмъ, при установленіи правильныхъ человѣческихъ и правовыхъ юридическихъ отношеній, должно наступить время культурнаго сближенія и подготовленія инородцевъ къ воспріятію цивилизаціи.

Изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ.

Складъ, образъ жизни и культура каждаго народа обусловлены климатическими, физическими и топографическими условіями природы, среди которыхъ человѣкъ обитаетъ, и естественными произведеніями, которыми снискиваетъ пропитаніе. Такъ какъ низшія расы и инородцы болѣе зависятъ отъ природы, чѣмъ расы цивилизованныя, то онѣ должны быть изучаемы именно въ связи съ окружающею природою и ея производительностью.

Если интересно прослѣдить жизнь извѣстнаго племени, или расы, его способности и развитіе въ извѣстныхъ условіяхъ, при постоянной обстановкѣ, то еще интереснѣе видѣть жизнь того же племени, переносимую изъ одной полосы въ другую, изъ одного климата въ другой, и постепенно совершающіяся въ немъ измѣненія. Мы открываемъ тогда здѣсь весьма виднаго двигателя въ жизни дикаря—природу, и стоимъ у самаго зародыша и колыбели образованія самой культуры и у причинъ самыхъ перемѣнъ въ образѣ жизни. Мы встрѣчаемъ и изучаемъ обыкновенно дикарей въ однихъ условіяхъ тамъ, гдѣ застаемъ, и предполагаемъ измѣненіе культуры по мѣрѣ продолжительности жизни племени и его собственнаго совершенствованія, но представимъ себѣ то же племя, переносимое изъ одной обстановки въ другую, и наблюденія будутъ интереснѣе и разнообразнѣе. Не отъ насъ зависитъ выяснить разомъ историческую картину культурнаго развитія народовъ. Доисторическое время скрыло отъ насъ многое. Намъ приходится медленно изучать всѣ совершающіеся фазисы историческаго развитія и дѣлать свои выводы на основаніи сравненія жизни разныхъ племенъ и народовъ въ различныхъ степеняхъ развитія. Но разстоянія, отдѣляющія эти народы, часто бываютъ слишкомъ велики, чтобы уелѣдить постепенность переходовъ. Мы видимъ только отдѣльныя, разрозненныя проявленія разновремен-

ныхъ культуръ, разорванныя звенья исторіи, изъ которыхъ нашему воображенію предстоитъ создать нѣчто цѣльное. Мы имѣемъ понятіе о бродячемъ, кочевомъ, пастушескомъ и земледѣльческомъ бытѣ народовъ, но не знаемъ весьма многихъ промежуточныхъ степеней и переходовъ. Изученіе промысловъ и занятій различныхъ дикарей вноситъ намъ понемногу новыя свѣдѣнія въ исторію культуры, но, безъ сомнѣнія, мы чувствуемъ еще много пробѣловъ. Самымъ счастливымъ и удобнымъ матеріаломъ для подобнаго изученія могло бы быть изученіе полудикихъ племенъ, сохраняющихъ всѣ переходныя стадіи развитія и поставленныхъ въ разнообразныя условія жизни, которыя напоминаютъ намъ доисторическое существованіе. Съ такими народами мы имѣемъ дѣло на сѣверѣ Азіи и въ Сибири.

Здѣсь среди жизни дикарей-инородцевъ въ степяхъ, тундрахъ, горахъ и лѣсахъ мы можемъ прослѣдить многія переходныя стадіи культуры при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ природы.

Занимаясь исторіей инородческой культуры, мы обратили особенное вниманіе на переходныя ступени ея къ осѣдлости. Формы быта, которыя мы изслѣдовали въ лѣсной полосѣ, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, особаго вниманія этнографовъ и историковъ культуры. Кто можетъ сказать, какимъ путемъ, отъ какой формы хозяйства, рядомъ какихъ степеней и переходовъ человѣчество перешло къ осѣдлости? Тропы этихъ переходовъ потеряны во мракѣ доисторическаго времени. Какъ въ біологическомъ и зоологическомъ мірѣ исчезла масса переходныхъ видовъ и типовъ, такъ исчезли и многія переходныя формы жизни въ типахъ хозяйства и быта, но тѣмъ болѣе приходится дорожить уцѣлѣвшими.

Лѣса и зарожденіе въ нихъ осѣдлости.

Алтайскій районъ представляетъ особенный интересъ въ смыслѣ изученія первобытной культуры, по разнообразію условій, гдѣ формировалась жизнь, по тѣмъ типамъ хозяйства, которые здѣсь создались, и по промысламъ, которые зарождались.

Съ юга къ Алтаю подходитъ Монголія и ея степи, въ самыхъ горахъ есть значительныя плоскія возвышенности и широкія долины. Съ одной стороны мѣстности, мало лѣсистыя, покрытыя тучными травами и лугами, создали благопріятныя условія для скотоводства, и мы встрѣчаемъ здѣсь кочевое хозяйство, весьма близкое къ монгольскому, киргизскому и кочевниковъ Средней

Азіи, но горы не могли не повліять нѣсколько на его особый складъ. Въ Алтаѣ мы имѣемъ дѣло такимъ образомъ съ горными кочевниками. Далѣе вся восточная часть Алтая до Телецкаго озера и Кузнецкій Алатау до верховьевъ рѣкъ Мрассы и Кондомы покрыты лѣсами—преддверіе лѣсной Сибири. Здѣшніе жители лѣсовъ сложили опять особый образъ жизни и типъ хозяйства. Что это за типъ, мы постараемся характеризовать; ближе всего его можно назвать типомъ *лѣсныхъ кочевниковъ*. Первобытная культура этого народа слишкомъ своеобразна, чтобы пока подводить ее подъ типъ скотоводовъ, звѣролововъ или охотниковъ. Доселѣ инородцы, обитающіе въ лѣсной полосѣ Сибири, какъ кузецкіе, бійскіе татары, Томской губ., енисейскіе инородцы, такъ и вогулы Тобольской губ. считались звѣроловами, охотниками и ставились ниже кочевниковъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы подробно изучить ихъ бытъ и хозяйство, прежде чѣмъ причислять его къ тому или другому типу.

Въ культурѣ и образѣ жизни сибирскихъ лѣсниковъ видны формы нѣсколькихъ промысловъ и занятій, такъ что трудно причислять ихъ къ звѣроловамъ, скотоводамъ или земледѣльцамъ: отъ первыхъ двухъ они уже ушли, съ послѣднею формою не соединились. Мы видимъ среди этихъ кочевниковъ занятія одновременно какъ скотоводствомъ, такъ и охотой, рыболовствомъ и земледѣліемъ, мало того—у нихъ есть уже зачатки ремеслъ; конечно, все это въ довольно первобытной формѣ. Несомнѣнно, что они перенесли многія занятія изъ предшествовавшаго состоянія и предъидущей стадіи своего быта. Извѣстно, что кочевники, скотоводы или номады, также весьма часто занимаются охотой и у нихъ есть начало земледѣлія (киргизы и монголы), хотя главное пропитаніе составляютъ стада. У лѣсниковъ всѣ эти занятія болѣе уравновѣшиваются, потому что природа далеко не даетъ простора для скотоводческаго хозяйства, зачатки послѣдняго не позволяютъ въ свою очередь спуститься до преобладанія болѣе низшаго звѣроловнаго быта; здѣсь существуетъ и земледѣліе, но въ то же время далеко не является преобладающимъ и только составляетъ зародышъ высшей культуры. Жизнь лѣсниковъ-инородцевъ поэтому представляетъ особенный интересъ, какъ выраженіе одной изъ переходныхъ и среднихъ культуръ, на которыя у насъ весьма мало обращалось вниманія какъ экономистами, такъ и историками культуры и антропологами. Типы хозяйства лѣсниковъ не остаются однообразными, неподвижными, какъ и состояніе промысловъ; въ этой формѣ быта мы можемъ встрѣтить также нѣсколько историческихъ переходовъ, приближающихъ

или отдаляющихъ ихъ изъ высшей культуры или осѣдлости. По этимъ типамъ можно видѣть, что самая осѣдлость установляется не сразу. Точно также какъ среди степной кочевой культуры номадовъ, мы видимъ разнообразныя формы и переходы въ самомъ способѣ кочевьевъ [1]).

Мы наблюдали и открыли нѣсколько типовъ этого переходнаго хозяйства лѣсниковъ. Обратимъ вниманіе прежде всего на степень ихъ передвиженій и кочевокъ. Уже горы, куда обстоятельствами когда-то вдвинулось кочевое населеніе, заставили ограничить и съузить перекочевки. Долины далеко не представляли того простора, какъ равнины и степи Средней Азіи. Алтайцы и горные калмыки, располагаясь въ долинахъ, перекочевываютъ или на склоны горъ, на альпійскія плато, а затѣмъ спускаются въ долины (на рѣкахъ Урсулѣ, Канѣ, Башкаусѣ, Чулышманѣ, Аргутѣ), или переваливаютъ изъ одной долины въ другую верстъ за 50, не болѣе, и затѣмъ возвращаются. Природа сокращаетъ розмахъ кочеваго маятника. Если горы ставятъ уже препятствія для перекочевокъ, то еще болѣе превращеній совершается въ условіяхъ лѣснаго кочевья. Лѣса ставятъ уже рѣшительную преграду къ большимъ передвиженіямъ со стадами. Блужданіе по лѣсамъ и безпрестанныя перемѣны мѣста были подъ силу только одинокому дикарю-охотнику безъ стадъ. У лѣсныхъ же кочевниковъ мы находимъ лошадей, коровъ и овецъ, хотя и меньше, чѣмъ у номадовъ. Лѣсной кочевникъ живетъ обыкновенно въ долинахъ рѣкъ, гдѣ есть луговыя мѣста и пастбища, лежащія полосками около лѣсовъ. Но такъ какъ скотъ, все-таки, требуетъ перемѣны мѣста, то онъ переходитъ съ зимника на лѣтовку и обратно, причемъ разстояніе и розмахъ его движенія еще менѣе, чѣмъ у горнаго кочевника, лѣтовка отъ зимовки у него лежитъ иногда не болѣе 10 или 15 верстъ, а иногда менѣе. Жилища или стойбища его болѣе разрозненны и напоминаютъ раскиданность звѣролова. Лѣсники и черневые татары (іишъ кижи), которыхъ мы наблюдали, никогда не живутъ нѣсколькими семьями, аулами; ихъ *аилъ*—это одинъ, много два, три шалаша съ семьями вмѣстѣ; большею же частію по одному. Этому способствуетъ бѣдность пастбищъ въ лѣсахъ и стремленіе каждому имѣть шире право

[1]) Кочевой бытъ номадовъ не былъ одинаковъ во всѣ времена. Мы выпустили здѣсь описаніе, чтобы не обременять читателя подробностями о переходахъ кочеваго быта. Когда-то кочевники передвигались на огромныхъ пространствахъ, но кочевья постепенно съуживались и замыкались; появленіе лѣтовокъ и зимовокъ у киргизовъ уже новая форма быта. Киргизы нынѣ кочуютъ только 5 мѣсяцевъ, остальное время они осѣдлы на зимовкахъ.

на охотничьи угодья. Скотоводческая ассоціація здѣсь какъ бы распадается, хозяйство является болѣе индивидуальнымъ. Лѣсной просторъ не можетъ быть сравниваемъ съ просторомъ степнымъ. Тамъ цѣлые роды, цѣлыя группы населенія двигаются вкупѣ по широкимъ степямъ съ цѣлыми роями стадъ; передвиженіе даетъ кормъ на открытыхъ мѣстахъ на цѣлыя сотни и тысячи верстъ. Лѣсной просторъ ничего не даетъ для пастбищъ, онъ препятствуетъ имъ; угодья въ лѣсахъ начинаютъ цѣниться какъ для скотоводства, такъ и для начинающагося первобытнаго земледѣлія. Лѣса же создаютъ страсть къ охотѣ и къ уединенію. Борьба за существованіе въ лѣсахъ поэтому, не смотря на просторъ, проявляется рѣзче и хозяйство интенсивнѣе. Эта раскиданность лѣснаго кочевника, однако, создавала иллюзію и заставляла ставить его въ разрядъ звѣролова, хотя онъ давно пережилъ эту стадію и перешелъ къ скотоводству и земледѣлію. Умѣнье обходиться съ животными и воспитывать ихъ было перенесено лѣсниками изъ степей. Они, такъ сказать, приносятъ въ лѣса пережитую скотоводческую культуру и примѣняютъ къ другимъ условіямъ [1]). Собственно уходъ за скотомъ въ переходахъ разныхъ стадій хозяйства совершенствуется и видоизмѣняется. Охота хотя и составляетъ зимнее занятіе лѣсника, но она идетъ рядомъ съ другими промыслами и пріобрѣтаетъ свою манеру, отличную отъ настоящаго звѣровщика. Кочевой лѣсникъ есть уже охотникъ осѣдлый. Онъ дѣлаетъ изъ своего постояннаго жилища-зимовки только экскурсіи на промыслы; уходя въ лѣса иногда на мѣсяцъ, на два, онъ возвращается въ постоянное свое жилье, а не бродитъ по лѣсамъ круглый годъ. Этимъ онъ отличается рѣзко отъ блуждающаго дикаря и бродячаго инородца самой превобытной стадіи. Осѣдлые рыболовы и осѣдлые охотники, какъ ихъ называютъ въ Сибири, чаще живутъ даже деревнями. У нихъ уже видна извѣстная форма осѣдлости, выражающаяся въ постоянствѣ жизни на мѣстѣ и въ самомъ жилищѣ-зимовкѣ.

Наклонность къ осѣдлости пріобрѣтается постепенно и естественно заставляетъ дорожить мѣстомъ и жилищемъ. Даже въ глухихъ лѣсахъ и въ самой грубой формѣ жизни лѣсника мы видимъ настоящую зимовку, которую онъ не ломаетъ, но постоянно совершенствуетъ. Въ особой главѣ нашего сочиненія мы представили всевозможныя переходныя формы жилищъ и зимовокъ,

[1]) Исторія прирученія животныхъ относится, конечно, къ отдаленнѣйшимъ временамъ, хотя замѣчательный примѣръ прирученія дикаго оленя, марала, мы видимъ и нынѣ въ Алтаѣ у русскихъ. Они приручаютъ это животное, взятое въ горахъ, съ цѣлью снимать рога съ него, весьма цѣнящіеся въ Китаѣ.

встрѣчающихся у инородцевъ Сибири, какъ образецъ первобытной культуры. Эти жилища состоятъ изъ шалашей, покрытыхъ вѣтвями, корою, наконецъ, берестой (финскіе *кота*), они еще существуютъ у горныхъ и лѣсныхъ жителей Алтая (аланчекъ, оодагъ). Войлочная юрта есть признакъ высшей кочевой культуры; нынѣшнюю юрту мы видимъ уже усовершенствованной. Кромѣ войлочной юрты, въ лѣсной полосѣ есть юрта шестиугольная, бревенчатая, съ конусомъ на верху (она встрѣчается у бурятъ, енисейскихъ татаръ и въ Алтаѣ). Наконецъ, встрѣчаются формы жилищъ въ видѣ палатки (яйлу) изъ досокъ, покрытой берестой. Берестяная юрта также играетъ видную роль въ лѣсной полосѣ. Досчатая яйлу есть лѣтовка, и она составляетъ переходъ къ четырехугольнымъ жилищамъ-избамъ. Даже въ кочевомъ быту мы видимъ различнаго вида *зимовки*. Это также жилища, какъ и яйлу, обложенныя землей, наконецъ, просто землянки. Остяцкія землянки и «*карамо̀*» представляютъ такой же типъ; карамо притомъ часто дѣлается и въ пещерѣ, и въ горѣ [1]). Кумандинская зимовка есть типъ усовершенствованной лѣтовки и первообразъ избы. Наконецъ, у остяковъ и алтайскихъ тюрковъ въ лѣсахъ появляется четырехугольная изба съ чуваломъ—каминомъ, съ окномъ и дверью. Эти жилища встрѣчаются въ мѣстахъ, куда не проникла русская культура, они существуютъ въ кузнецкихъ лѣсахъ, у шорцевъ, у минусинскихъ татаръ, у остяковъ, вогуловъ, изба (юй) переходитъ къ башкирамъ, она существовала и у древнихъ сибирскихъ татаръ. Въ превосходной этнографической книгѣ В. В. Радлова «Aus Sibirien» есть образецъ телеутской избы изъ плетня. Всѣ эти жилища напоминаютъ постепенный переходъ къ осѣдлости и подробно нами описаны вмѣстѣ съ первобытными печами—чувалами, или каминами (О древнихъ тюркскихъ жилищахъ по филологическимъ изслѣдованіямъ см. Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes Herman Vambéry. Haus und Hof, 73). Вамбери названіе жилища, дома воспроизводитъ отъ слова ôj или ev, что значитъ долина, углубленіе, яма; отъ того же корня Вамбери производитъ atak, jurti. Оставляя на долю лингвистовъ объяснять происхожденіе названій, мы остановились на культурной градаціи жилищъ, изъ которыхъ шалашъ (оду, одагъ, сююльты) составляетъ простую форму, далѣе идетъ юрта войлочная, юрта деревянная (кереге), лѣтовка изъ досокъ, родъ палатки, лѣтовка, покрытая землей, наконецъ, зимовка, зем-

[1]) См. описаніе Васъюганской тундры, М. Григоровскаго. «Записки» Западно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Геогр. Общества, кн. VI, изд. 1884 г., стр. 47.

*

лянка и первообразъ избы, лѣтовки и зимовки, существующія одновременно у киргизовъ, бурятъ, у всѣхъ лѣсниковъ, енисейцевъ и алтайцевъ, у вогуловъ, башкировъ и якутовъ. Какъ видно по описанію Ибнъ-фодланда, булгары, бургасы и хазары имѣли такія же зимовки и лѣтовки, «зимой жили въ деревянныхъ избахъ, по городамъ и селеніямъ, и лѣтомъ удалялись въ юрты» (Григорьевъ). Такова переходная форма къ осѣдлости всѣхъ народовъ. Зимовки и четырехугольныя избы инородцевъ описаны у Палласа, Гельмерсена, Радлова, Адріанова, Григоровскаго и др. путешественниковъ среди алтайскихъ и енисейскихъ татарскимъ племенъ, а также у финновъ, вогуловъ и башкировъ. На употребленіе деревянныхъ жилищъ, крытыхъ берестой, какъ и землянокъ, ямъ, у сѣверныхъ народовъ указываютъ и китайскіе историки, описывающіе различныя племена.

Рядомъ съ жилищемъ и сокращеніемъ передвиженія мы видимъ также проявленіе высшей хозяйственной культуры, которая начинается еще на грани перехода отъ кочеваго быта. Въ области скотоводческаго хозяйства мы видимъ покосъ и заготовленіе сѣна на зиму. Правда, и это тоже въ особой формѣ. Каждый, заготовивъ сѣно, ставитъ его въ небольшіе стога тамъ, гдѣ оно скошено, и никогда не свозитъ къ зимовкѣ, а скотъ постепенно подпускается къ стогамъ для корма.

У алтайцевъ въ горахъ и долинахъ мы видѣли иной способъ заготовки сѣна. А именно, они, собирая его, обвиваютъ веревками и развѣшиваютъ на деревья; такой способъ удобнѣе и примѣнимѣе къ перевозкѣ его, особенно верхомъ. Это напоминаетъ веревки и прессовку сѣна кавалеристами. Хозяйство горныхъ кочевниковъ составляетъ первый шагъ къ осѣдлому хозяйству и стоитъ ближе по пути къ нему, чѣмъ къ кочевому.

Земледѣліе, которое далѣе будетъ описано, у лѣсниковъ также способствуетъ привязанности къ мѣсту, какъ и покосъ. Расчистка въ лѣсу, сдѣланная на нынѣшній годъ, заставляетъ дорожить ею и требуетъ часто примѣненія труда здѣсь же на слѣдующій годъ.

Снявъ посѣвъ, инородецъ долженъ, положимъ, по способу переложной, подсѣчной системы, избрать новину, но не можетъ же онъ располагать такъ временемъ, чтобы переселиться за десятки верстъ, а долженъ отыскать такое мѣсто по близости. Такъ какъ мы у этого лѣснаго кочевника видимъ, однако, и другія занятія рядомъ съ задатками земледѣлія: охоту, рыболовство, копаніе корней и т. п., то не можемъ сказать, что земледѣліе является у него преобладающимъ промысломъ, точно также, какъ приписать, что земледѣліе въ его первобытной формѣ обусловливаетъ осѣд-

лость. Мы видимъ земледѣліе и у кочевника алтайца, и у киргиза, и у монгола. Первые способы земледѣльческаго хозяйства также кочевые по новинамъ. Это можно видѣть на хозяйствѣ сибирскихъ крестьянъ (захватный способъ). Промыселъ здѣсь является даже, такъ сказать, болѣе кочевымъ, чѣмъ человѣкъ; онъ сохраняетъ кочевой характеръ послѣ того, какъ человѣкъ поселился окончательно на мѣстѣ и сдѣлался осѣдлымъ; онъ уже живетъ въ деревнѣ, а хозяйство его кочуетъ. Сибирскіе крестьяне строятъ балаганы на пашняхъ и переселяются сюда на лѣто. Зимовка въ общемъ образѣ жизни перетянула къ себѣ человѣка, но лѣтовка временами притягиваетъ его къ себѣ въ силу естественной необходимости.

Что можно замѣтить—это то, что лѣса замедляютъ и ставятъ много непреодолимыхъ препятствій въ свободѣ передвиженій хозяйства сравнительно съ степными условіями. Лѣсникъ не имѣетъ простора, онъ не выжигаетъ лѣса, какъ нашъ крестьянинъ; во-первыхъ, потому, что пожаръ для первобытнаго человѣка въ лѣсу страшенъ и можетъ повести къ бѣдствіямъ и для него, и для другихъ; во-вторыхъ, онъ привыкъ дорожить лѣсомъ, какъ звѣроловъ. Лѣсъ сдерживаетъ передвиженія человѣка, кромѣ того, и въ области другихъ промысловъ, кромѣ земледѣлія. Лѣсной охотникъ, пѣшеходъ на лыжахъ, хотя и дѣлаетъ огромныя разстоянія, но не такія, какъ степнякъ верхомъ и горный охотникъ, который переѣзжаетъ долины на сотни верстъ (это видно на алтайскихъ промышленникахъ). Охотничьи угодья въ лѣсахъ между родами волостями почти размежеваны; примѣры этого мы видѣли часто въ горномъ Алтаѣ и даже въ такихъ пустыняхъ, какъ на Чулышманѣ и на Телецкомъ озерѣ, гдѣ инородцы жаловались намъ на то, что къ нимъ заходитъ другая волость. Рыбные промыслы хотя и побуждаютъ отлучаться отъ постоянныхъ мѣстъ и жилищъ, въ то же самое время заставляютъ держаться вблизи богатыхъ рыбалокъ и рѣкъ, иначе ими завладѣютъ другіе. Постоянство жилищъ и зимовокъ такимъ образомъ одинаково наблюдается у звѣролововъ-охотниковъ и рыболововъ, живущихъ въ лѣсахъ; отсюда названіе—*«осѣдлые охотники»* и *«осѣдлые рыболовы»*, хотя бы они земледѣліемъ и не занимались.

Мы имѣемъ полное основаніе думать, что лѣса имѣли огромное значеніе на остановку передвиженія и кочеваніе первобытныхъ народовъ, на ихъ культуру и образъ жизни. Можно сказать, что *осѣдлость зародилась въ лѣсахъ и благодаря лѣсамъ.* Въ самомъ дѣлѣ, лѣса имѣли огромное значеніе въ жизни человѣка, какъ доставляя матеріалъ для жилищъ, такъ и вліяя на остановку пе-

редвиженій и открывая первые удобренные перегноемъ клочки почвы для земледѣльческаго хозяйства.

Разсматривая жилища, обстановку, утварь и одежду лѣсниковъ, мы замѣчаемъ, что лѣсная культура положила рѣзкую разницу сравнительно съ другими инородцами предварительныхъ стадій. Въ главѣ объ обстановкѣ и утвари мы указываемъ особенность хозяйства, господство деревянной посуды и совершенство ея выдѣлки. Здѣсь, между прочимъ, играетъ значительную роль и посуда берестяная (представителемъ ея являются туясы, бураки огромныхъ размѣровъ). Еще важнѣе здѣсь совершенствованіе ремеслъ. У лѣсниковъ появляется впервые, взамѣнъ шерстяной одежды, холстъ, кендырь—дикая конопля и въ иныхъ мѣстахъ крапивный холстъ. У нихъ же видимъ и первый ткацкій станокъ-красна. Станокъ этотъ Палласъ встрѣчаетъ у вотяковъ, онъ же находится и у лѣсныхъ татаръ Енисейской губерніи. Холстяная одежда изъ кендыря у кумандинцевъ совершенно напоминаетъ одежду русскихъ крестьянъ. Кромѣ того, самый войлокъ и шерсть особо утилизируются у лѣсниковъ. Они дѣлаютъ войлочныя пальто и въ нихъ ужасно напоминаютъ чухонъ. Они дѣлаютъ также шерстяныя одежды и ткутъ сукно. У нихъ появляются шерстяные чулки и крашеніе ткани. Признаки бѣлья собственнаго произведенія отличаютъ ихъ рѣзко отъ кочевниковъ, одежда у которыхъ нерѣдко шелковая, щегольская, но вся покупная. Лѣсникъ уже самъ кустарь. Но что еще болѣе выдвинуло культуру лѣсника—это выдѣлка металла и кузнечное мастерство, существовавшее въ зародышѣ и у кочевниковъ. Лѣсники имѣютъ весьма давно также кузнецовъ. Русскіе застали населеніе татаръ въ Кузнецкомъ округѣ и шорцевъ, умѣвшихъ выдѣлывать оружіе, котлы и проч., которыми они платили дань китайцамъ. Археологическія находки показываютъ намъ высоту искусства въ древнее время, и выдѣлкѣ металла у насъ посвящена особая глава. Такимъ образомъ у лѣсниковъ мы открываемъ всѣ зачатки высшей осѣдлой культуры. Самый типъ лѣсныхъ жителей и полукочевниковъ, какъ мы замѣчали, измѣняется; черты лица, мускулы, цвѣтъ кожи здѣсь иные. «Кто будетъ имѣть случай жить продолжительное время между различными народами и основательно познакомиться съ ихъ духовными и физическими особенностями,—пишетъ Вамбери въ своей исторіи первобытной культуры,—кто обратитъ свое вниманіе на тѣ явленія, какія имѣютъ мѣсто при перемѣнѣ человѣкомъ отечества, климата, образа жизни, тотъ скоро придетъ къ убѣжденію, до какой степени человѣческое тѣло подвергается, да и должно подвергаться, внутреннимъ перемѣнамъ, тѣмъ же самымъ,

какимъ подвергаются растенія и животныя, при ихъ переселеніи съ родной почвы въ чуждый климатъ, подъ чуждое небо». Нигдѣ это нагляднѣе не подтверждается, какъ на лѣсникахъ и начинающихъ жить въ осѣдлыхъ жилищахъ. Наблюденія надъ измѣненіемъ племенъ въ лѣсахъ и при осѣдлой жизни поэтому представляютъ любопытнѣйшій матеріалъ для будущей антропологіи. Нравы и характеръ лѣсниковъ уже непохожи на кочевниковъ. Если кочевникъ болѣе развязенъ, рѣзвъ, игривъ, остроуменъ, веселъ, если у него преобладаетъ фантазія, то лѣсника мы встрѣчаемъ угрюмымъ, серьезнымъ, что̀ придаетъ ему при первомъ взглядѣ видъ туповатости, дикарской пугливости, отчужденности; черты эти обманываютъ наблюдателя и заставляютъ дѣлать опять обратное заключеніе. На самомъ дѣлѣ эта серьезность, озабоченность, есть плодъ уже переживаемыхъ заботъ и начало той разсудочности и признака мысли, которая у безпечнаго кочевника отсутствовала. Нашъ крестьянинъ также угрюмъ сравнительно съ живымъ и веселымъ пастухомъ инородцемъ. Онъ какъ бы подавленъ, обстановка его бѣдна, костюмъ жалокъ, онъ оченъ бѣденъ и въ зажиточности уступаетъ кочевнику, но онъ уже живетъ на иной ладъ. Въ немъ есть внутренняя культурная сила. Словомъ, въ этой переходной стадіи при перемѣнѣ занятій и образа жизни мы сталкиваемся съ оригинальнымъ явленіемъ изъ культурной жизни человѣчества. Мы видимъ человѣка какъ бы безсильнымъ, подавленнымъ новой природой и физической обстановкой. Онъ какъ бы потерялъ преимущества предъидущей кочевой культуры, давшей ему извѣстное довольство. Ничего мы не видимъ того, что придаетъ богатство, силу и гордость кочевнику скотоводу. Киргизъ обыкновенно насмѣхается надъ принявшимъ осѣдлость, онъ сочиняетъ на него даже сатиры. Нѣтъ ничего въ этой новой метаморфозѣ привлекательнаго, эффектнаго, напротивъ—прежнее рыцарство и воля исчезли. Это уже не «батырь» (богатырь), воспѣваемый въ пѣсняхъ кочевника. Осѣдлаго человѣка на первомъ шагу жизни встрѣчаетъ только нищета. Мы застаемъ его какъ ребенка безсильнаго и слабаго въ тотъ моментъ, когда онъ бросилъ одну обстановку и не воспиталъ еще силъ, не научился крѣпко держаться на ногахъ въ другой.

Но это только видимая слабость и, такъ сказать, моментъ неокрѣпшей культуры и культурной борьбы. Достаточно немного присмотрѣться, чтобы увидѣть, что здѣсь произошелъ переворотъ въ способѣ жизни, въ наблюденіяхъ, въ примѣненіи жизненныхъ условій, въ самой логикѣ, и переворотъ столь важный, что онъ даетъ новый толчокъ всей исторіи человѣчества.

Такимъ образомъ, лѣсники оказываются по культурѣ и высотѣ ея гораздо ближе къ намъ, чѣмъ мы думаемъ. Въ заблужденіе здѣсь вводитъ только та первобытная форма хозяйства и разныхъ занятій, которой мы доселѣ не знали и не изучали.

Близость лѣснаго хозяйства и культуры кочевыхъ лѣсниковъ къ осѣдлому быту доказывается нынѣ и даетъ себя чувствовать явленіями, въ высшей степени реальными и внушительными. Въ то время, какъ никакія усилія и никакіе принудительные способы, употреблявшіеся доселѣ искусственно, не могли кочевниковъ-номадовъ и скотоводовъ побудить къ первому шагу осѣдлости и направить къ ней; въ то время, когда привычки, занятія, самый организмъ скотовода-кочевника оказываютъ рѣшительное сопротивленіе осѣдлому образу жизни; когда кочевникъ, взятый въ осѣдлую обстановку, хирѣетъ, заражается чахоткой, оказывается лѣнивъ, малосиленъ и неспособенъ для осѣдлаго труда и, напротивъ, здоровѣетъ и размножается у себя среди кочеваго образа жизни въ степяхъ; когда киргизъ и бурятъ, принимая русскія привычки и обстановку жизни, только развращается и превращается въ жалкаго батрака,—переходъ лѣсника къ культурѣ представляетъ иныя поразительныя явленія. Мы видимъ необыкновенную воспріимчивость ихъ къ осѣдлой жизни и культурѣ безъ всякихъ насильственныхъ способовъ, безъ всякихъ принужденій, но совершенно естественно. Одно сосѣдство русскихъ деревень и самыя простыя сношенія съ крестьянствомъ, обмѣнъ и торговля здѣсь дѣлаютъ мгновенное почти превращеніе. Лѣсные кочевники быстро русѣютъ, строятъ избы, дѣлаются окончательно осѣдлыми, принимаютъ русскія орудія, пріемы хозяйства, русскій костюмъ, обстановку, обычаи, и затѣмъ сливаются съ крестьянами и по образу жизни и этнологически, при посредствѣ метисаціи. Мы это видѣли на кумандинцахъ, племени алтайскихъ лѣсниковъ, гдѣ съ трудомъ уже находятся слѣды прежняго образа жизни и жилищъ. Далѣе это видно на кузнецкихъ черневыхъ татарахъ, принявшихъ русскую осѣдлость и живущихъ деревнями, на жителяхъ Кумышской управы, Барнаульскаго округа, въ нѣсколько лѣтъ переродившихся совершенно въ русскихъ; на осѣдлыхъ волостяхъ телеутовъ около Томска; на барабинскихъ татарахъ, еще въ прошломъ столѣтіи ведшихъ кочевую, полуосѣдлую звѣроловную жизнь; на тарскихъ татарахъ, также живущихъ въ лѣсахъ и занимающихся скотоводствомъ; на чулымскихъ инородцахъ, живущихъ въ Маріинскомъ округѣ; на енисейскихъ инородцахъ, близкихъ къ быту черневыхъ татаръ, исключая сагайскихъ и другихъ кочевниковъ, живущихъ въ степяхъ; на вогу-

лахъ, почти перешедшихъ къ осѣдлости и занимающихся хлѣбопашествомъ; на тобольскихъ и томскихъ остякахъ-рыболовахъ, живущихъ въ лѣсной полосѣ по Оби, на притокахъ Оби въ Нарымскомъ округѣ,—всѣ они усвоили избы и чувалы сначала отъ осѣдлыхъ татаръ, а потомъ заимствовали и русскія избы. Даже въ глухихъ мѣстахъ по Мрасѣ, Кондомѣ, Лебедю, а въ послѣднее время, какъ сообщаетъ молодой путешественникъ, г. Адріановъ, инородцы въ черни, жившіе при томъ образѣ жизни, какой мы указали, необыкновенно быстро принимаютъ заимствованія отъ русскихъ. Черневые татары носятъ русскую прическу, появились рамы въ избахъ, вошелъ въ употребленіе топоръ и т. д. Среди многихъ енисейскихъ и томскихъ инородцевъ уже трудно отыскать ихъ происхожденіе. «Немного лѣтъ еще,—пишетъ путешественникъ съ грустью этнографа,—и мы потеряемъ уже возможность найти оригинальныя черты когда-то обитавшихъ народовъ!»

Обрусеніе и окончательная осѣдлость среди лѣсныхъ кочевниковъ дѣлаютъ такимъ образомъ успѣхи быстрѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ кочевниковъ. Ясно, что здѣсь жизнь, исторія, культура подготовили почву для самаго естественнаго перехода.

Но еще поучительнѣе этихъ современныхъ измѣненій и способности лѣсниковъ перенимать культуру является историко-культурный выводъ о переходахъ къ осѣдлости. Его мы можемъ прослѣдить у всѣхъ племенъ и народовъ, обитавшихъ въ лѣсахъ. Лѣсные финны, алтайскіе тюрки, вогулы, башкиры, черемисы и другіе народы представляютъ однообразную осѣдлую культуру въ зачаточномъ видѣ. Такова же была лѣсная жизнь древнихъ германцевъ по Тациту и славянъ. Вотъ тотъ путь, та тропа, по которой выбрался человѣкъ изъ первобытой стадіи на дорогу европейской осѣдлости и цивилизаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ путемъ развивалась осѣдлость на сѣверѣ Азіи. До сихъ поръ въ различныхъ частяхъ южной Сибири мы видимъ остатки какой-то осѣдлости и культурныхъ центровъ. Такіе признаки мы видимъ на Орхонѣ, въ Забайкальѣ, въ Минусинскомъ округѣ, въ Алтаѣ и Семирѣчьѣ. Лѣсная полоса Сибири въ древнія времена служила, какъ видно, также мѣстомъ осѣдлости. Въ китайской исторіи мы находимъ немало указаній на пребываніе осѣдлыхъ земледѣльческихъ народовъ къ сѣверу отъ Китая и монгольскихъ степей. Самый союзъ *Ойратовъ*, вѣроятно, былъ союзъ лѣсниковъ отъ натиска и завоеваній кочевыхъ монголовъ. Царство хакасовъ, несомнѣнно культурное, оставило множество памятниковъ, какъ и

царство усуней и киданей. Остатки этой древней осѣдлости и цивилизаціи предстоитъ еще воскресить въ Сибири.

На слѣды осѣдлости указываютъ въ Сибири многіе остатки валовъ, городищъ, монастырей и крѣпостей, о которыхъ у насъ говорится въ особой главѣ о «древнихъ памятникахъ». Болгары и Казанское царство были не единственными осѣдлыми государствами въ древнее время. Русскіе застаютъ татарскую осѣдлость и татарскіе городки въ Сибири. Городокъ Сибирь упоминается Шильбергеромъ въ началѣ XV столѣтія (путешествіе его 1394 и 1427 гг.). Марко-Поло (1254—1295 гг.) говоритъ о странѣ Iorsa и Боргу, населенной татарами; въ равнинѣ Боргу находился, по его показанію, городъ Кара-Коранъ (Кара-Корумъ на Орхонѣ?). Въ космографіи Мюнстера въ 1514 г. явилась карта Сибири, гдѣ означены два города: одинъ «Sybir», а другой безъ имени, по догадкѣ Миддендорфа Пелымскъ, хотя это вѣрнѣе Ченги-Тура или Тюмень. На картѣ Герберштейна нѣтъ города Сибирь, но зато на ней есть Tumen (Тюмень-Ченги-Тура) и Terom, по Лерберту Верхотурье. Но здѣсь едва-ли нужны догадки, такъ какъ въ вершинѣ Туры русскіе застали татарскій городокъ *Нероммъ-Карра* или *Теромъ*, который вошелъ въ карту Герберштейна. На той же картѣ къ сѣверу лежитъ еще городокъ вправо отъ Сосвы Obeacus. Въ Rerum Moscovitorum Commentarii упоминается о Ляпинѣ городкѣ и объ обской крѣпости. Русскіе застаютъ нѣсколько татарскихъ городковъ и крѣпостцей, а именно на Турѣ Нероммъ-Карра, Епанчинъ городокъ, Чинги-Тура (Тюмень), Явлу-Тура (Ялуторовскъ), Тарханъ-Калга. Около Тобольска городъ Искеръ (Сибирь), Бицикъ, Атика, городокъ Карачи, далѣе по Иртышу вверхъ Куллара и Ялымъ или Аялы, на Ишимѣ также давно былъ городокъ, даже у остяковъ были городки или родъ крѣпостей, по крайней мѣрѣ упоминаются Нимьянскій городокъ, Самаровъ городокъ, Уки, Аримзанъ и др. Сохранились также слѣды городищъ и крѣпостцей по Барабѣ, на Оби у Кучума было хлѣбопашество, стало быть, и жилища. На татарскихъ городищахъ мы сами видѣли остатки жилищъ и кирпичей или остатки чуваловъ. Затѣмъ русскіе, по пришествіи въ Сибирь, встрѣчаютъ признаки осѣдлости у кузнецкихъ татаръ и телеутовъ. Многіе изъ нихъ имѣли постоянныя жилища (Полож. инородц. Сѣверо-Восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ, соч. Фирсова, стр. 45). Въ Енисейской губерніи также встрѣчаются городки и развалины. Землемѣръ Лосевъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что русскіе завладѣли какимъ-то городомъ качинскихъ татаръ. Въ описаніи енисейскихъ древностей Поповымъ приводится нѣсколько городищъ и валовъ,

и въ томъ числѣ около Красноярска на р. Базаихѣ. Гмелинъ и Фишеръ застаютъ городки съ валами и рвами. Такіе же остатки укрѣпленій и городковъ видны въ Минусинскомъ округѣ. Поповъ упоминаетъ о городкѣ Садынскомъ на берегу Енисея; повыше р. Сыды находилась старинная татарская нагорная крѣпость [1]). Въ Иркутской губерніи нынѣ изслѣдовано до 16 городковъ съ валами (Агапитовъ). На Амурѣ упоминается о городкахъ или жилищахъ, обнесенныхъ валами. Древній народъ муки или мо-хо на Амурѣ, по указаніямъ китайцевъ, окружалъ свои жилища земляными валами и, скрываясь въ подземныхъ защитахъ, выходилъ наружу посредствомъ лѣстницъ (Klaprote. Tableaux Historiques de l'Asie, p. 85). Въ Алтаѣ сохраняются еще загороды и укрѣпленія *шибе* (эти шибе, крѣпостцы, идутъ по всей Монголіи). На берегу Телецкаго озера на древней картѣ Ремезова означена крѣпость и т. д. Несомнѣнно, что въ этихъ городкахъ были и постоянныя жилища. Въ Дауріи Ерофей Хабаровъ встрѣчаетъ настоящую осѣдлость, аборигены имѣли, по его описанію, города, башни и укрѣпленія съ глубокими рвами, свѣтлицы устроены съ большими холодными окнами, а окончины—бумажныя. Петлинъ, проѣзжая Монголію въ 1620 г., говоритъ: а земля мунгальская велика, долга и широка, и города въ мунгальской землѣ дѣланы на четыре угла, по угламъ башни великія съ раскаты. То же самое говоритъ Байковъ при путешествіи въ Джунгарію и описывая Контайшинъ городокъ, гдѣ онъ видитъ каменныя палаты. Онъ показываетъ, что отъ рѣки Бески, гдѣ находится Аблайкитъ (буддійскій монастырь) до аблаевыхъ пашенныхъ бухарцевъ, гдѣ Байковъ зимовалъ, ходу 10 дней, а подъ тараномъ онъ стоялъ два дня. Подъ именемъ тарановъ разумѣлись поселенія хлѣбопашцевъ около стойбищъ князей. Такимъ образомъ, крѣпости и городки усѣвали Монголію, степи, такъ и сѣверную полосу Сибири даже по пришествіи русскихъ. Но еще любопытнѣе свѣдѣнія о древнѣйшей осѣдлости въ Монголіи и у народовъ, обитавшихъ въ Сибири, по китайскимъ лѣтописямъ и указаніямъ. Городки и поселенія, какъ видно, существовали и въ степныхъ мѣстахъ, они основывались завоевателями, служили часто укрѣпленіемъ. Извѣстны столица Чингизъ-Хана Коракорумъ и другія осѣдлыя мѣста, куда стягивались плѣнные, ремесленники и пр. Древніе китайскіе географы указываютъ, хотя и смутно, на многіе города и поселенія у народовъ Азіи до Р. Х. на сѣверъ отъ Монголіи и

[1]) Въ Исторіи завоеваній Чингизъ-Хана указывается, что онъ бралъ татарскія укрѣпленія (Комментаріи Палладія къ Исторіи Чингиза).

Китая. Даже кочевники, какъ икюйскіе жуны, имѣли городки. Въ исторіи Хань сказано, что икюйцы строили для огражденія себя города. Хай-ванъ взялъ у икюйцевъ 25 такихъ городковъ. У усуней былъ городъ Чи-гу на озерѣ Иссыкъ-Куль. Кидани были положительно осѣдлымъ народомъ. До своего передвиженія на западъ они имѣли въ своихъ владѣніяхъ, которыя достигали Орхона и Сибири, 5 столицъ, 6 провинцій и 156 крѣпостей (Ист. и древн. восточной части Средн. Азіи, Васильева). Въ предѣлахъ Сибири указывались китайцами города Кянь-Чжоу и Иланъ-Чжоу (показанія эти относятся къ 1280—1368 по Р. Х.). Городъ Кянь-Чжоу получилъ свое названіе отъ р. Кянь, былъ въ юго-восточной части земли хакасовъ, отъ Пекина въ 9.000 ли, на юго-западъ отъ Кянь къ сѣверу отъ горы Тянь-лу. Мѣстоположеніе города Иланъ-Чжоу (Змѣиный городъ) неизвѣстно. Поповъ, въ описаніи городищъ Енисейской губ., полагаетъ, что городъ этотъ находился близь Красноярска. Клапротъ намѣчалъ его въ Алтаѣ, сближая названіе съ даннымъ Змѣиногорску. Однако, въ Сибири такъ много городищъ, что трудно доказать, которое изъ нихъ принадлежитъ Иланъ-Чжоу. Есть указанія и на другіе города. Для самихъ китайцевъ и киданей на сѣверѣ открывались иногда новыя страны. Кидане нѣкогда во время своего могущества, по разсказамъ китайца Ху-цяо въ 953 году, посылали 10-ть человѣкъ на сѣверъ съ 20-ю лошадьми и запасомъ. Эти путешественники выѣхали, по сказанію исторіи, изъ земель Хэй-чэ-цзы и миновавъ землю Юй-жи, въ продолженіи года идя на сѣверъ, проѣхали чрезъ 43 города (чэнь). Тамъ дѣлались жилища изъ древесной коры, языка этого народа никто не понималъ, и поэтому не могли знать названій рѣкъ и племенъ. Посѣтивъ 33-й городъ, они достали одного человѣка, который зналъ тѣ-дянь-скій (татарскій) языкъ, и тотъ сказалъ, что названіе земли есть Цзе-ли-у-юй (или Гань-сѣ-янь). (Ист. древн. восточной части Средн. Азіи, Васильева, стр. 40).

Поселеніе и жилища существовали у многихъ сѣверныхъ народовъ, по сказаніямъ китайцевъ. Распространеніе осѣдлости, кромѣ того, могло переноситься и эмиграціями при движеніи народовъ осѣдлыхъ съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ; кидане, хакасы, нечжи, усуни подъ давленіемъ гунновъ передвигаются по югу Сибири отъ Енисея къ Или. На югѣ Сибири мы видимъ пребываніе даже арійскихъ племенъ. Извѣстно, кромѣ того, что въ различныхъ мѣстахъ Средней Азіи, въ Персіи и въ Туркестанѣ, давно существовала цивилизація, точно также извѣстны съ этими странами сношенія Сибири. Сколько извѣстно,

изъ сосѣднихъ народовъ Сибири имѣли города усуни; шу-ле или кинъ-ча, жившіе въ Кашгарѣ, по описанію Клапрота, имѣли до 12 большихъ городовъ и нѣсколько десятковъ маленькихъ (Tableaux Historiques, p. 166). Аланы или янъ-тзай, жившіе близь Каспійскаго моря, подчиненные Согдіанѣ, жили также въ городахъ (Клапротъ, T. H. de l'Asie, p. 175). Юечжи или, по догадкамъ нѣкоторыхъ, геты, завоевавшіе Кабулъ, имѣли столицею Кіанъ-чи-чжингъ, къ сѣверу отъ Оксуса. Миссагеты, жившіе на западъ отъ Каспія, имѣли земледѣліе и жили въ городахъ (Клапротъ, стр. 181). Александръ, вступивъ въ Бактріану, Гирканію и Согдіану, застаетъ многочисленное населеніе и города (Григорьевъ, стр. 70—74). Буддійскіе монастыри и буддійская цивилизація въ глубокой древности находились въ Хотанѣ (Абель Ремюза и Клапротъ). По Страбону саки могутъ быть причислены къ осѣдлому племени; такого же мнѣнія и Григорьевъ. Что касается Трансоксіаны и странъ отъ Эльбурза до Гиндукуша, то господствующими здѣсь осѣдлыми народами были въ древности бактрійцы, согдійцы и харазмійцы. Подчиненные Бактріанѣ, они были отчасти пастушескимъ народомъ, отчасти кочевымъ. Это дало поводъ Григорьеву нарисовать картину смѣшаннаго быта Средней Азіи.

Въ древнихъ сказаніяхъ, конечно, не опредѣленъ и не описанъ характеръ многихъ указываемыхъ азіатскихъ поселеній и городковъ, но и въ нихъ, какъ видно, была потребность. Въ Сибири не только у татаръ, но и у остяковъ были городки [1]). Вся разница, конечно, была въ ихъ характерѣ. Несомнѣнно, что у номадовъ и бродячихъ инородцевъ эти городки были только станами и временными мѣстами укрѣпленій. Для завоевателей, какъ для Чингизъ-Хана, они были фортами въ завоеванной странѣ, столицами, гдѣ стягивались плѣнные. Завоевательное основаніе города въ степяхъ отличаетъ его, конечно, нѣсколько отъ города, выростающаго въ условіяхъ постоянной осѣдлости, въ силу промышленнаго развитія. Эти города и столицы возникаютъ въ Средней Азіи независимо отъ деревень, они скорѣе полны гарнизонами и плѣнниками-хлѣбопашцами. Такія столицы были полны блеска, богатства, но держались силою; образцомъ ихъ служитъ Кара-Корумъ и Сарай Золотой Орды. Другой характеръ осѣдлости въ лѣсной и горной полосѣ, гдѣ жители оставили кочевье и пріу-

[1]) Абрамовъ, въ описаніи Березовскаго округа, приводитъ до 43 названій остяцкихъ городковъ, заимствованныхъ имъ изъ дѣлъ березовскаго архива земскаго суда 1797 г.

чаются жить въ постоянныхъ деревянныхъ жилищахъ. Эта осѣдлость была бѣднѣе, раскиданнѣе, но она была прочнѣе. У подобныхъ племенъ всегда указывалось извѣстное развитіе ремеслъ и выдѣлка металла. Это и подтвердилось на лѣсникахъ Сибири, какъ шорцы, телеуты, кузнецкіе татары и татары Средней Сибири, обладавшіе культурой, которая далеко отличаетъ ихъ отъ первобытнаго состоянія.

Первобытное земледѣліе и распространеніе его на сѣверѣ Азіи.

Въ долинахъ Саянскаго хребта, а также въ долинахъ Алтая, и въ сосѣднихъ степяхъ и лѣсахъ, мы встрѣчаемъ зачатокъ земледѣлія, хотя и съ первобытными пріемами. Самое распространенное здѣсь культурное растеніе, которое мы находимъ изъ хлѣбовъ — это ячмень, употребляемый въ Алтаѣ и въ лѣсахъ. Этотъ ячмень шестирядный; онъ растетъ на значительныхъ высотахъ до 3—4.000 ф. [1]). Первое простѣйшее орудіе, которое мы находимъ у кочевниковъ, скотоводовъ и лѣсниковъ—это мотыга, «*обылъ*», какъ его называютъ въ Алтаѣ и въ лѣсахъ. Мотыга алтайца отличается нѣсколько отъ нашей садовой мотыги съ загнутой металлической ручкой для черня съ заостреннымъ концомъ; первобытная мотыга похожа на закругленную лопатку; лопатка эта полукруглая, овальная отъ 10 до 19 сантиметровъ въ діаметрѣ; въ эту лопатку вкладывается палка, черень, или деревянная ручка изъ согнутаго дерева или корня. Вмѣсто того, чтобъ отогнуть только металлическую ручку для вставленія рукоятки, первобытный работникъ предпочелъ согнуть дерево. Ручка или черень обыла доходитъ до 90—100 сант.; имъ вспахиваетъ землю первобытный земледѣлецъ. Обылъ этотъ, какъ орудіе земледѣлія, извѣстенъ отъ Саянскихъ горъ, гдѣ его употребляютъ соёны, или уренхайцы, затѣмъ въ Восточномъ Алтаѣ, въ Кузнецкомъ Алатау и въ Минусинскомъ округѣ; онъ же господствующее орудіе у всѣхъ лѣсниковъ-кочевниковъ. Обылъ, или мотыга, есть первобытное орудіе, употреблявшееся для земледѣлія у всѣхъ народовъ, начиная отъ Индіи и Египта до древней Греціи. На еги-

[1]) По Плутарху, ячмень первый зерновой хлѣбъ, который употреблялся народами. Онъ находился въ гробницахъ фараоновъ. По китайскимъ показаніямъ, онъ извѣстенъ за 2.000 лѣтъ до Р. Х. въ числѣ 5 злаковъ. Зерна ячменя находились въ свайныхъ постройкахъ Европы. Берозъ (Вост. Истор.) полагаетъ, что въ дикомъ состояніи онъ произросталъ на берегу Евфрата; Кунтъ (Kunth) увѣрялъ, что этотъ злакъ туземенъ въ Татаріи и Сициліи. Отечество ржи также предполагалось въ Дауріи.

петскихъ барельефахъ мы видимъ земледѣльцевъ съ подобіемъ мотыги.

Кромѣ обыла, мы встрѣчаемъ у лѣсныхъ инородцевъ алтайскихъ и енисейскихъ еще болѣе древнее орудіе, это *озупъ*, лопатку, подобно заступу, насаженную на изогнутую ручку и иногда съ поперечникомъ. Лопатка, похожая на озупъ, попадается даже среди древностей бронзоваго вѣка. Это орудіе для рытья кореньевъ кондыка, сараны и проч., которые и доселѣ употребляются алтайцами въ пищу. Такіе корни предшествовали, вѣроятно, хлѣбнымъ растеніямъ у инородцевъ. Питаніе дикими кореньями сохраняется доселѣ у инородцевъ и примѣненіе этихъ кореньевъ къ питанію представляетъ немалый интересъ [1]).

Но у кочевниковъ алтайцевъ при земледѣліи мы встрѣчаемъ уже и другое орудіе, подобіе плуга; это «андазынъ» (андтосынъ), съ сошникомъ и лемехомъ, совершенно схожее съ монгольскимъ плугомъ и *омачемъ* туркестанскихъ земледѣльцевъ, несомнѣнно вынесенное изъ Средней Азіи. Андазынъ или плугъ этотъ можетъ употребляться только въ степныхъ мѣстностяхъ и въ безлѣсныхъ

[1]) О кондыкѣ (erythronium), копаемомъ сагайцами, см. Палласъ, ч. III, т. I, стр. 489. Кондыкъ копается здѣсь въ маѣ, и мѣсяцъ этотъ прозванъ бесъ-ай. Самые крупные и хорошіе корни добываются на Мрасѣ и Кондомѣ. Орудіе и лопатка, которою добываютъ корень, называютъ *осупъ* (озыпъ въ Бійскомъ округѣ). Кондыкъ для пищи варятъ съ молокомъ (Палласъ, ч. III, т. I, стр. 490). Тутъ же упоминается сарана lilium mathragon, также употребляемая въ пищу, и Lilium pomponium, по татарски сыры-шепъ и анъ-шепъ. Мѣсяцъ сбора называется анъ-чепъ-ай. Сарану ѣдятъ печеную, какъ каштаны, или варятъ въ водѣ съ молокомъ и масломъ (ibid.); она вынимается часто изъ норъ мышей. Кромѣ того, копаютъ коренья травы чейны, или хлебенки, campanula lilifolia, по-татарски зондъ-еласъ, carduus ferratuloides, pyligonum vuiparum и коренья водяной травы (сасахъ). Далѣе упоминается о корнѣ ускулъ, котораго Палласъ не видалъ. Гречиха собирается у качинскихъ татаръ. Это растеніе fogopirum tataricum. Названіе его карлыхъ, у бурятъ хорлушъ.

Смородину, барбарисъ и другія растенія, употребляемыя въ пищу, шиповникъ, молодыя поросли варятъ и пьютъ, какъ чай (ibid.). Баданъ отнесенъ Палласомъ къ лекарственнымъ травамъ. Белтиры и кайболы собираютъ по правую сторону Енисея на поляхъ дикорастущую сибирскую крупу «кырлыкъ». Кашинцы жнутъ ее на русскихъ пашняхъ. Собранныя сѣмена всыпаютъ въ ступу, которую наливаютъ водой и полощутъ; легкія зерна всплываютъ и выбрасываются, остальныя отмачиваютъ; затѣмъ ихъ жарятъ на сковородѣ, отшелушиваютъ и толкутъ. Крупа получаетъ желтый прозрачный цвѣтъ и пріятный вкусъ. Изъ нея дѣлаютъ молочную кашу, называемую «бохту» (Палласъ, ч. III, т. I, стр. 492). Кырлыкъ, наконецъ, нѣкоторые татары сѣютъ (Палласъ, стр. 559). Въ этихъ переходахъ и суррогатахъ пищи можно замѣтить переходъ отъ дикихъ кореньевъ и ягодъ къ хлѣбной пищѣ. Ячмень составилъ продолженіе этой культуры.

долинахъ, но не въ лѣсу. Поэтому у лѣсныхъ кочевниковъ онъ не употребляется. Андазынъ имѣетъ дышло и впрягаются въ него у алтайцевъ не быки, а лошади, а такъ какъ у наѣздниковъ сбруя и хомутъ еще не созданы, то дышло это, какъ намъ передавали, прикрѣпляется между двухъ сѣделъ. Сѣютъ хлѣбъ алтайцы руками, а въ лѣсахъ сѣялкой, «соргышъ», употребляемой и дома для очищенія зеренъ—это берестяная коробка, съ одной стороны открытая. Вмѣсто бороны употребляется кусокъ или стволъ вѣтвистаго сухаго дерева. Запахивается всегда небольшое пространство, въ одну треть или четверть десятины, загонъ-два. Сѣютъ ячмень. По мѣрѣ созрѣванія, его жнутъ. Мы видѣли на рр. Чуѣ и Аргутѣ способы жатвы руками: колосья просто рвали и клали въ мѣшки, рвали конецъ колоса безъ соломы. На Аргутѣ у теленгитовъ въ употребленіи ножъ, къ которому вертикально привязывается ручка изъ дерева. Это первообразъ серпа или горбуши. Серпъ находится и среди древнихъ желѣзныхъ и бронзовыхъ орудій. Для молотьбы еще сохранился отъ прежняго времени способъ у нѣкоторыхъ татаръ и соёнцевъ молотить скотомъ, т. е. пускать лошадей по сжатымъ колосьямъ, которые они и обмолачиваютъ. Въ кузнецкихъ лѣсахъ при молотьбѣ солома отжигается. Для этого очищается мѣсто. Сжатый хлѣбъ кладется перевязанными пучками, затѣмъ его берутъ на палочку (называемую шишъ) и палятъ надъ костромъ [1]). У тѣхъ же лѣсниковъ мы видѣли и первообразъ цѣпа «такбокъ»—простой кривой стволъ дерева съ болѣе толстымъ удлиненіемъ. Кромѣ того, для очищенія и толченія зерна въ домахъ повсемѣстно употребляется деревянная ступа «сохо», ручная маленькая и большая съ приводомъ и рычагомъ. Она весьма употребительна и имѣетъ широкое распространеніе у сибирскихъ татаръ [2]). У кочевыхъ алтайцевъ нѣтъ

[1]) О способѣ отжиганія колосьевъ, существовавшемъ 2—3 столѣтія назадъ въ Ирландіи, упоминаетъ Тейлоръ; онъ же былъ присущъ и кельтамъ.

[2]) Деревянныя ступы сохо имѣютъ своихъ предшественниковъ въ каменномъ вѣкѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Алтая и около Байкала находятся около скалъ въ камняхъ долбленыя цилиндрическія углубленія. Они извѣстны подъ именемъ китайскихъ ступокъ, въ которыхъ, будто бы, китайцы толкли просо. Большое сходство онѣ имѣютъ, пишетъ г. Агапитовъ, съ употребляемыми нынѣ бурятами деревянными ступами для толченія высушенныхъ хлѣбныхъ зеренъ. Одну изъ этихъ ступокъ близъ Булусинскаго улуса Кудинскаго вѣдомства г. Агапитовъ описываетъ такимъ образомъ: «Въ выдающемся обнаженіи крупно-зернистаго песчаника было выдолблено коническое углубленіе въ 40 сантиметровъ глубины при 23 сантим. діаметра устья, на верхней половинѣ окружности при трехъ точкахъ косвенно выдолблены углубленія, изъ которыхъ одно сквозное, какъ будто для вставленія какихъ-либо стержней» (Изв. Вост.-Спб. Отдѣл. Им-

жерновов, а есть «*пасмак*», камень для растиранія зерна, но у лѣсников мы видим небольшіе жерновки и даже с приводом. Жернова составили предмет особых наших изысканій; они не попадаются у кочевых алтайцев и мы видѣли вездѣ взамѣн их двѣ плоских плиты. Но жерновки попадаются у монголов и у лѣсников татар, причем они ставятся в избах и для облегченія вращенія придѣлывается палка, укрѣпленная в потолкѣ и идущая к ободу жернова. Древніе жернова находятся под землею в различных мѣстах в Минусинском округѣ и в степях Сибири. Они отличаются тремя, четырьмя углубленіями на поверхности для вращенія. На Усть-Башкаусѣ, в Алтаѣ, близь Телецкаго озера, мы видѣли остатки древних жерновов, однако, значительной величины, из гранита, в 78 сантиметров в діаметрѣ.

Способы земледѣлія разнятся нѣсколько в степях, широких долинах, в ущельях гор и лѣсах.

В степях растительный слой чернозема дает готовую пашню, которую приходится разрыхлять плугом; в лѣсах и черни ее приходится отыскивать на удобных прогалинах, менѣе заваленных и заросших. В горах пашни идут к вершинѣ рѣчек по берегам, при этом, как на всем югѣ Алтая, на юго-востокѣ, так и в степях, земледѣлец знаком с ирригаціей и орошеніем. Обыкновенно отводится горный ручей и идет по нѣскольким пашням, канавки неглубокія и постоянно перегороженныя в разных мѣстах камнями или шлюзами. Смотря по надобности, вода пускается и направляется на ту или другую пашню. Эти канавки мы встрѣтили по Чулышману от Телецкаго озера, по рр. Урсулу, Чуѣ, Аргуту и Бухтармѣ, гдѣ такого же оросительнаго способа держатся киргизы. Несомнѣнно, что этот способ *сугаков* перенесен из Монголіи или из Китая; он общій киргизам и туркестанцам [1]). Древность его доказывается тѣм, что всѣ нынѣшніе каналы, или сугаки, прово-

ператорскаго Русск. Геогр. Общества, т. XII, №№ 4 и 5, изд. 1882, «Прибайкальскія древности», стр. 14). Мы должны напомнить, что деревянныя ступы встрѣчаются в Алтаѣ и у татар телеутскаго происхожденія, мы видим часто их в средней Сибири. Встрѣчаются эти ступы, врытыя в землю и с приводом—рычагом, в котором укрѣплен пестик для толченія. Нетрудно, таким образом, отгадать назначеніе стержня близь каменных булусунских ступ.

[1]) Описаніе киргизскаго орошенія, «Описаніе Киргизской степи», Красовскаго; о способѣ киргизскаго орошенія см. «Aus Sibirien», В. В. Радлова, т. I, стр. 464, табл. 14. Туркестанское орошеніе—см. Миддендорфа «Очерки Ферганской области», «Искусственное орошеніе и его примѣненіе на Кавказѣ и Средней Азіи», А. Воейкова, Москва. 1884.

дятся по готовымъ древнимъ оросительнымъ каналамъ, которые были несравненно шире и совершеннѣе—это мы видимъ въ Алтаѣ. Близь р. Чуи есть плато, которое все составляло громадную пашню, изборожденную глубокими каналами, которымъ давалъ пищу сосѣдній горный ручей, теперь изсякшій. Мѣстность эта совершенно заброшена [1]). Въ Минусинскомъ округѣ, на мѣстѣ жительства бывшихъ хакасовъ, находятся огромныя канавы съ развѣтвленіями на 40 верстъ. Площадь, или районъ, гдѣ земледѣліе извѣстно инородческому міру, такимъ образомъ, весьма обширенъ; онъ охватываетъ всѣ алтайскія народности, идетъ отъ Монголіи, по р. Кемчику, съ вершинъ Енисея и Иртыша, простирается отъ Забайкалья и кончается Семирѣчьемъ; земледѣліе въ первобытной формѣ сохраняется кузнецкими, бійскими татарами и телеутами, существуетъ у бухтарминскихъ киргизовъ и алтайскихъ кочевниковъ. Область эта сливается съ русскою и осѣдлою инородческою культурою средней Сибири. На инородческое земледѣліе мало обращалось вниманія, но оно существовало издавна какъ у степныхъ кочевниковъ [2]), такъ и у горныхъ и лѣсныхъ жителей. Оно существовало въ Алтаѣ, въ Сагайской степи, у тубинцевъ, качинцевъ, у бельтировъ, что отмѣтили путешественники прошлаго столѣтія. Палласъ описываетъ то, что онъ встрѣтилъ у бельтирцевъ: «Многіе между ними богаты крупнымъ скотомъ и овцами, но большіе имѣютъ у себя нѣсколько пашни, которую засѣваютъ и собираютъ сами; итакъ, сколько имъ потребно муки и крупъ, имѣютъ собственныя. Сниманіе хлѣба бываетъ у нихъ въ сентябрѣ, а потому они называютъ этотъ мѣсяцъ оргокъ-ай. Молотятъ также на полѣ, солому всю сжигаютъ, и потому октябрь они называютъ уртюнъ-ай. Они сѣютъ по большей части яровое (арышь), ячмень (ашь), изъ коего мелютъ крупу; землю вспахиваютъ многіе между ними такъ, какъ и кобынцы (кабинцы), какъ плуга или не знаютъ, или не имѣютъ, то на старинный манеръ сошникомъ, похожимъ на садовничій полольный топоръ, который они называютъ «обылъ».

[1]) Подобные же остатки каналовъ и ирригаціи находятся на Бухтармѣ, въ Семирѣченскомъ краѣ и въ бывшей Джунгаріи, въ Забайкальѣ, около Баргузина. Въ Монголіи также находятся слѣды каналовъ.

[2]) «Даже чистые кочевники представляются занимающими далеко не эту низкую степень гражданственности и культурности, которую имъ обыкновенно отводятъ. Едва-ли существовалъ когда-нибудь кочевой народъ, который, при удобствахъ мѣстностей, ему принадлежащихъ къ воздѣлыванію, оставался бы чуждъ земледѣлію», говоритъ извѣстный ученый Григорьевъ, приводя свои наблюденія надъ киргизами въ своей монографіи «О Сакахъ» (стр. 64—67).

Однако, нѣкоторые принимаются уже и за плугъ, который именуютъ «салдою» (Палласъ, т. III, ч. 1, стр. 497).

Обращаясь къ сравненію орудій земледѣлія въ Азіи, мы встрѣчаемъ подобное же первобытное орудіе, подобно «обылу» въ Туркестанѣ и Ферганѣ; оно тамъ носитъ названіе «кетмень» и представляетъ упрощенную форму въ видѣ лопатки, съ сквознымъ отверстіемъ у верхняго края. Употребленіе его описано у Миддендорфа; оно особенно удобно для лёса. Въ той же Ферганѣ мы встрѣчаемъ соху, весьма похожую на алтайскую; она называется омачъ. У нея металлическій лемехъ самой простой формы, похожій на башмакъ [1]). Описаніе монгольской сохи мы находимъ въ путешествіи Потанина. «Монгольская соха состоитъ изъ чугуннаго сошника «антысынъ» (алтайскій андазынъ), пріобрѣтаемаго у китайцевъ, деревяги, бойтыкъ, которая своею формой напоминаетъ человѣческую ногу; сошникъ на нее насаживается, какъ башмакъ на ногу. Въ верхнемъ концѣ деревяги есть отверстіе, въ которое вставляется дышло, котыльвыръ, за которое соху тащатъ два быка» (Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи, Г. Н. Потанина, 1876—1877 гг., т. II, стр. 111). Соха эта представляетъ близкое сходство и даже тождество съ алтайскимъ андазыномъ.

Находимыя древнія земледѣльческія орудія въ Сибири показываютъ, что земледѣльческая инородческая культура на югѣ и въ средней Сибири процвѣтала давно. Близь р. Луказы, на правой сторонѣ Енисея, Гмелинъ и Палласъ встрѣтили множество древнихъ плавилень и печей; древность ихъ выражалась уже тѣмъ, что между камнями печей проросли корни огромныхъ сосенъ, и вотъ у одной изъ такихъ плавилень незадолго до Палласа найденъ былъ въ первый разъ «древній желѣзный сошникъ особенной формы» (ein alter eisener Pflugschur von besondrer Gestalt). Эта находка была долго единственнымъ доказательствомъ древняго земледѣлія. Археологическія изысканія въ недавній періодъ были еще такъ слабы, что лучшій сибирскій археологъ Н. И. Поповъ сомнѣвался въ томъ, что сошникъ принадлежалъ древнимъ земледѣльцамъ, хотя Палласъ призналъ его такимъ.

Въ замѣчательномъ археологическомъ альбомѣ В. В. Радлова, состоящемъ изъ алтайскихъ и минусинскихъ древностей, мы находимъ не мало древнихъ земледѣльческихъ орудій, въ томъ числѣ серповъ, какъ не можемъ не замѣтить ихъ въ атласѣ Аспелина (Antiquités du Nord. Finno-Ougrien), гдѣ находятся орудія на подобіе лопатокъ, абыловъ и озуповъ бронзоваго и желѣзнаго

[1]) Очерки Ферганской долины Миддендорфа, перев. Ковалевскаго, стр. 227.

періода. Сошники находятся, какъ и жернова, а также серпы, въ Минусинскомъ округѣ по р. Абакану (см. описаніе Минусинскаго музея. Копалки для корней и сошники. №№ 4—17, стр. 121) [1]. Кромѣ того, мы открываемъ ихъ также во всей средней Сибири. Въ археологической коллекціи г. Лопатина, собранной въ Енисейской губ., находится также нѣсколько сошниковъ желѣзныхъ и чугунныхъ въ формѣ башмака, близко напоминающей ферганскую форму; чугунный сошникъ, какъ видно, позднѣйшаго происхожденія и тождественный съ китайскимъ. Далѣе, при раскопкахъ древняго татарскаго городка Искера, близъ Тобольска, столицы Маметкула, сдѣланныхъ въ послѣднее время М. С. Знаменскимъ, на рисункѣ въ его альбомѣ, пріобрѣтенномъ Ин. Мих. Сибиряковымъ для Сибирскаго университета, мы находимъ сошникъ татарскаго типа. Онъ представляетъ изъ себя листообразную фигуру, концы его загнуты, средина протерта отъ долгаго употребленія и спаяна. Въ тотъ же альбомъ г. Знаменскаго занесены найденные обломки жерновыхъ камней и серпы, доказывающіе существованіе земледѣлія въ татарскомъ городкѣ [2].

Перейдемъ теперь къ историческимъ изысканіямъ. Исторія указываетъ, что уже Казанское царство представляло осѣдлое земледѣльческое государство. Но Казань усвоила земледѣліе отъ древнихъ булгаръ. Татары любили земледѣліе,—говоритъ г. Ѳирсовъ въ своей монографіи о сѣверо-восточныхъ инородцахъ Московскаго государства [3],—цѣнили ремесла; иностранные писатели съ большою похвалою отзываются о торговлѣ казанцевъ (Герберштейнъ Hist. ruth. script. etc.). Татары также славились выдѣлкой кожъ. Они не только сами унаслѣдовали осѣдлость, культуру и земледѣліе, но и распространяли ее на сосѣднія финскія племена. Герберштейнъ упоминаетъ о мордвѣ, которая усвоивала себѣ земледѣліе отъ татаръ (Ѳирс., с. 18). Въ Астраханскомъ царствѣ также были зачатки осѣдлости въ XVI ст. (ibid., с. 20). На сѣверѣ, въ Пермскомъ краѣ, или древней Біарміи, кромѣ скандинавскихъ преданій, указываютъ на существованіе древней земле-

[1] Намъ присланы рисунки найденныхъ сошниковъ въ Минусинскомъ округѣ. Они попались съ отвалами, досками, сдѣланными изъ чугуна, на которыхъ находятся китайскія литеры.

[2] Какъ на слѣдъ древняго земледѣлія въ Сибири, должно указать также на находимые жерновки во всей средней Сибири, въ Кулундинской степи, близъ Барнаула, въ Минусинскомъ округѣ. Мы нашли огромные жернова въ Алтаѣ по Чулышману, гдѣ находятся древнія могилы, но гдѣ не было никогда русскихъ поселеній и земледѣлія.

[3] Положеніе инородцевъ Сѣверо-Восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ, соч. Н. Ѳирсова. Казань. 1866.

дѣльческой осѣдлой культуры много археологическихъ остатковъ (Пермск. сборн., т. I, примѣч. къ статьѣ Крупенина, Замѣтки о пермскихъ древностяхъ Ешевскаго). Татарское движеніе изъ Азіи въ Европу,—говоритъ г. Ѳирсовъ,—коснувшееся предѣловъ и этой страны, безъ сомнѣнія, подвинуло впередъ дѣло разложенія этой *цивилизаціи* (с. 28). Населеніе отодвинулось отъ береговъ Камы и Двины въ лѣса на сѣверъ и востокъ. Москва, подчинившая эти племена въ XV и XVI ст., нашла ихъ не совсѣмъ дикими; имъ была знакома осѣдлая жизнь; у всѣхъ этихъ племенъ были постоянныя жилища и даже города. Зыряне, кромѣ того, занимались земледѣліемъ (стр. 28). Таковы были границы распространенія инородческой культуры въ Европейской Россіи. Тѣ же слѣды культуры мы встрѣчаемъ, по указаніямъ историковъ, и въ Сибири.

Сибирское татарское царство основано было въ XV столѣтіи на берегахъ Иртыша, вслѣдствіе нѣкоторыхъ раздоровъ у ногаевъ; въ составъ его вошли остяцкія и туземныя татарскія поколѣнія, а также нѣкоторыя башкирскія волости. Царство Кучума носило характеръ, подобный Казанскому царству; здѣсь были аристократія, духовенство и черные люди; у него происходили сношенія и съ Казанью и съ Бухарою. Русскіе застаютъ татарскіе городки, татары обладали искусствомъ выдѣлки металловъ, а также земледѣліемъ. Что Кучумъ и его татары занимались хлѣбопашествомъ, это видно изъ грамоты тарскаго воеводы: «И въ распросѣ мнѣ, холопу твоему, сказали лутчіе люди про Кучюма царя, пошолъ де Кучюмъ царь съ Черныхъ водъ на Обь рѣку съ дѣтьми и со всѣми людьми, *гдѣ у него хлѣбъ сѣянъ*, а имъ де велѣлъ жити всѣмъ на Уби озерѣ» (Отписка царю тарскаго воеводы Воейкова 1598 г., Акты истор., т. II, № 1). Доказательствомъ, что татары, завоеванные русскими, умѣли пахать и были тотчасъ же посажены на казенную пашню, служитъ грамата пелымскому воеводѣ Богдану Полеву объ оказаніи Табаракской волости татарамъ и вогуличамъ льготы въ государевой пашнѣ, 1496 года, іюня 20-го (Русск. Ист. Библіот., изд. Арх. Комм., т. II, № 58). При занятіи русскими татарскихъ городковъ въ нихъ находятъ всегда запасы хлѣба (см. «Сибир. Лѣтописи»).

Далѣе на Барабѣ въ Томской губ. и на Енисеѣ русскіе хотя и встрѣтили финскія бродячія племена, но преданія о чуди и памятники, оставшіеся отъ нея, доказали существованіе здѣсь древней культуры. Остатки осѣдлости и искусства добыванія металловъ русскіе застаютъ у кузнецкихъ татаръ, телеутовъ, тунгусовъ и енисейскихъ остяковъ. Русскіе познакомились съ телеу-

тами въ 1604 г. Они жили по Оби. У телеутскаго князя было до 1.000 ч. подданныхъ. Русскіе завоеватели застали у нихъ *земледѣліе* и кузнечное дѣло, многіе изъ нихъ имѣли постоянное жилище (стр. 45, Ѳирсовъ). На югѣ Енисейской губ., по показаніямъ китайскихъ историковъ, въ IX вѣкѣ существовало могущественное государство хакасовъ (которыхъ причисляютъ къ предкамъ киргизовъ), ведшее сношенія съ Китаемъ и Средней Азіей; по оставшимся описаніямъ видно, что хакасы имѣли высокую гражданственность, сѣяли рожь, ячмень, просо; у нихъ были ручныя мельницы [1]). Русскіе не застали этого царства, и енисейскіе такъ называемые киргизы далеко не носили слѣда этой культурности. Видно, что царство хакасовъ было стерто какимъ-то средне-азіатскимъ завоеваніемъ. Сѣверные инородцы Иркутской и Енисейской губ. не могли заниматься земледѣліемъ, но относительно бурятъ мы встрѣчаемъ опредѣленныя указанія въ описаніяхъ 1640—1641 г. Въ отчетѣ о нихъ говорится: «а на устьѣ Онга живутъ (а не кочуютъ) брацкіе люди, а *хлѣбъ у нихъ родится просо*, и мы то просо у князца Межеуля видѣли» (Доп. къ акт. ист., II, 89). То же самое говорится о бурятахъ, которые жили на берегахъ Байкала (Ѳирсовъ, 52). Наконецъ, на Амурѣ опытовщикъ Ерофей Хабаровъ, въ 1650 г., встрѣчаетъ дауровъ, которые имѣли города, башни и укрѣпленія съ глубокими рвами, свѣтлицы устроены съ большими холодными окнами, а окончины бумажныя; «и въ городахъ тѣхъ и въ улусахъ луга великіе и *пашни есть*». Такой же бытъ найденъ Хабаровымъ и у дючеровъ; они жили большими улусами по 70—80 юртъ, и все то мѣсто было пахатное и скотное [2]) (Ѳирсовъ, 55).

Что касается распространенія земледѣлія и культуры въ Монголіи и Джунгаріи, то мы находимъ слѣдующее указаніе его въ XVII вѣкѣ. Посольства къ Алтынъ-хану рисуютъ намъ страну и бытъ жителей. Между прочимъ, сибирскій казакъ Петлинъ, проѣзжавшій Монголію въ 1620 г. (Сиб. истор. Фишера) говоритъ: «А земля Мунгольская велика, долга и широка, а городы въ Мунгольской землѣ дѣланы на четыре угла, по угламъ башни великія съ раскаты». Описавъ храмы ламайскіе и богослуженіе ихъ, онъ прибавляетъ. «а хлѣбъ въ Мунгольской землѣ родится всякой: просо, пшеница, рожь и ярица, и ячмень и овесъ и иныхъ

[1]) Собр. свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена Іоакинфа, ч. I; 2 отдѣл., 7 отдѣл. (с. 442). Über die ächten Kirgisen von Wilhelm Schott. Berlin. 1865. Klaprot. Tableaux Histor. de L'Asie, p. 170, 171.

[2]) О земледѣліи у дауровъ, первыхъ аборигеновъ Амура, говорится у Избранда-Идеса и въ примѣч. къ путешествію Спаѳарія.

сѣменъ много, только мы не знаемъ; а овощи въ Мунгольской землѣ и сады всякія есть: яблоки, дыни, арбузы, тыквы, вишни, лимоны (?), огурцы, лукъ, чеснокъ и иныя всякія овощи». «А вино курятъ въ Мунгольской землѣ изъ хлѣба безъ хмѣлю, а орютъ плугомъ и сохами, что у *тобольскихъ татаръ*, а бороны узки и долги» («Сибирск. Вѣстн.» 1818 г. и путешествіе въ Китай сибирскаго казака Ивана Петлина, ibid. Ѳирсовъ, стр. 49).

Изъ этого видно, что монголы также не чужды были культурѣ; здѣсь же указывается на сходство ихъ пріемовъ земледѣлія съ сѣверными сибирскими татарами. Въ путешествіи Байкова въ 1654—1658 г. изъ Тобольска въ Пекинъ мы находимъ, въ описаніи калмыцкаго ханства при Аблаѣ, указанія на земледѣліе на западномъ степномъ оазисѣ. Байковъ пишетъ, что отъ р. Бески, гдѣ находится Аблайкитъ (буддійскій монастырь), до аблаевыхъ пашенныхъ бухарцевъ, гдѣ Байковъ зимовалъ, ходу 10 дней, а подъ тараномъ онъ стоялъ два дня. «Таранами» назывались у джунгаровъ поселенія хлѣбопашцевъ около стойбищъ князей.

«По рѣчкѣ Темиръ-Чергѣ, гдѣ зимовалъ Аблай, живутъ бухарцы пашенные ханъ-тайшиныхъ дѣтей: а родится у нихъ пшеница, ячмень, просо и горохъ и скота всякаго много» (Дневникъ Байкова, Сибирск. Вѣстн., 1820 г., XI, стр. 113—136). Рѣка Темиръ-Черга есть Джаты Аралъ, вытекающая изъ котловины Кызылъ-чиликъ въ Зайсанскую равнину. На Бугазу дѣйствительно и нынѣ существуетъ земледѣліе и остатки древнихъ пашенъ и арыковъ (см. примѣч. къ IV тому «Землевѣдѣнія Азіи» Риттера, с. 219). Здѣсь было расположено земледѣльческое населеніе Аблая. Далѣе Байковъ уже во владѣніяхъ Канъ-Тайши, джунгарскаго князя Батура, отца знаменитаго Галдона, встрѣчаетъ тѣ же признаки земледѣлія. Въ Контайшиномъ городкѣ онъ видитъ «каменныя палаты, а живутъ въ томъ городѣ ламы да *пашенные* бухарцы». Затѣмъ, описывая монгольскихъ калмыковъ, прибавляетъ: «а отъ тѣхъ мунгольскихъ до китайскихъ пашенъ ходу—день, гдѣ бывали прежнія ихъ пашни; а на тѣхъ пашняхъ ставлены хоромы глиняные и т. д.».

Распространеніе земледѣлія во всемъ илійскомъ оазисѣ не представляетъ сомнѣнія по остаткамъ ирригаціи и историческимъ свидѣтельствамъ. На картѣ атамана Волошанина XVIII ст., открытой нами въ архивѣ Главнаго Штаба, пашни означены по р. Или до древняго города Боинду, т.-е. Кульджи. Въ 36 году правленія Канси (1697 г.) манджуры, однако, въ войнѣ уничтожили войска Галдона, и р. Или на нѣсколько тысячъ ли была опустошена. Извѣстно, что до войнъ Галдона джунгары занимали своими ко-

чевьями мѣста вплоть до низовьевъ р. Хобдо и далѣе до Улангома, по Кэму и Кэмчику, гдѣ жили смѣшанно съ халхасами (монголами); по пораженіи Галдона, халхасскія кочевья раздвинулись на западъ, на ту сторону Алтая и до Иртыша. Когда Джунгарію заняли китайскія войска для обезпеченія, ихъ императоръ приказалъ хану Вонгжиль-Дорчжи изслѣдовать земли и опредѣлить удобныя для земледѣлія мѣста. По сему наказу Вонгжиль-Дорчжи произвелъ дознаніе и отвѣчалъ, что урочища Сухо-ту, Хары-усу, Минд-хай, Цагань-герь и Хурхиху, принадлежащія рр. Толѣ и Орхану, а также урочища по Щыбханъ-голу, Цагань-суль, Булгань-ансаръ, Уланъ-гумъ и около десятка мѣстностей, лежащихъ у монастыря Эрдени-Щу — все это мѣста, которыя могутъ быть засѣяны хлѣбомъ. Тогда императоръ высочайшимъ указомъ поручилъ Гуну-Фурдоню набрать людей, опытныхъ въ земледѣліи, и обрабатывать пашни въ означенныхъ мѣстахъ (матерьялы для исторіи Халхи съ 1636—1736 г. и монгольскія лѣтописи «Эрденійнъ-Эрихе» Позднѣева. С.-Петерб., 1883 г., стр. 278). Съ этого времени древняя джунгарская культура смѣняется позднѣйшею китайской. (Относительно водворенія китайскаго земледѣлія въ г. Кобдо, для чего вызвано было 400 семей халхасскихъ монголовъ, см. «Города сѣверной Монголіи», стр. 92, того же автора).

Еще любопытны показанія о существованіи земледѣлія въ древнѣйшія времена въ Сибири, встрѣчаемыя въ различныхъ китайскихъ источникахъ. Въ дневникѣ даосскаго монаха Чанъ-Чуна, путешествовавшаго при Чингизъ Ханѣ, въ описаніи его орды на Орхонѣ и Тала сказано: «здѣсь за 50 ланъ можно купить только 80 чановъ муки, ибо мука приходитъ сюда изъ-за сѣверныхъ горъ, болѣе чѣмъ за 2.000 ли. Палладій дѣлаетъ поясненіе, что здѣсь должна разумѣться Сибирь. Торгующіе варвары западныхъ странъ доставляютъ ее вьюками на верблюдахъ. Проѣзжая далѣе, путешественники вступили въ землю Хой-хэ (уйгуровъ и наймановъ), которые орошали пшеницу посредствомъ водопроводовъ. Остановившись въ городкѣ Чжинь-хань-чэнъ, поселеніи, основанномъ Чингизъ-Ханомъ на Алу-Хуанѣ, даосскій монахъ находитъ осѣдлое населеніе мастеровыхъ, ремесленниковъ, ткачей. Въ городѣ Болгосунѣ были хлѣбные магазины, цанъ-тоу. Чанъ-чунь, утомленный ѣздой по степямъ Монголіи, передаетъ здѣсь свои новыя впечатлѣнія ханшѣ-китаянкѣ: «въ Шамо не занимаются земледѣліемъ, поэтому я обрадовался, увидя здѣсь зрѣлыя жнитвы». «Въ 8-й лунѣ выпалъ иней, и жители спѣшили убрать пшеницу», говорится далѣе въ дневникѣ. Послѣ переправы черезъ Орхонъ, на окраинѣ прекрасной равнины тотъ же путе-

шественникъ видѣлъ развалины древняго киданьскаго города, можно было распознать улицы и переулки. Это былъ городъ киданьскихъ эмигрантовъ. Это указывало на слѣды еще болѣе древнѣйшей осѣдлости. Урюмчи, Алмалекъ (лежавшій на берегу Или) [1]) и другіе города, путешественникъ нашелъ заселенными и съ прекрасной южной культурой винограда и плодовъ, разводился хлопокъ, земледѣліе было съ орошеніемъ. Китайскій Туркестанъ былъ уже тогда въ цвѣтущемъ состояніи [2]). Во время возвращенія изъ Туркестана даосцу говорили: «на сѣверо-востокъ за 1.000 слишкомъ ли находится страна Кянь-кен-чжау (вѣроятно, отъ рѣкъ Кянь, Кень, Кемь), гдѣ добывается много желѣза и водится много бѣлокъ, тамъ же *сѣютъ пшеницу*, китайскіе ремесленники живутъ во множествѣ, занимаясь тканьемъ шелковыхъ матерій, флера, парчи и цвѣтныхъ матерій». Ясно, что здѣсь дѣло идетъ о сѣверной странѣ въ предѣлахъ Сибири. «По Юань-ши эту страну надо искать по Енисею», прибавляетъ Палладій. Что въ южной лѣсной полосѣ Сибири были свои культурные центры и было распространено земледѣліе, видно изъ китайскаго описанія государства хакасовъ, въ нынѣшнемъ Минусинскомъ округѣ, которые сѣяли просо, ячмень и пшеницу. Но и кромѣ показаній о хакасахъ въ китайской исторіи и географіи во многихъ мѣстахъ раскиданы указанія на существованіе земледѣлія и культуры на сѣверѣ Азіи и въ Сибири въ древнѣйшія времена [3]). Распростране-

[1]) О городахъ Алмалыкъ и Алмату (см. 5 примѣч. соч. Фергана по «Запискамъ» Султана Бабура, Н. Н. Пантусова. С.-Петерб. 1884 г. 27 и 28).

[2]) Самаркандъ былъ на берегу каналовъ; жители провели двѣ рѣки и распредѣлили по улицамъ.

[3]) Въ Исторіи Киданей говорится, что при Амбаганѣ при посредствѣ китайцевъ строились города и поощрялось земледѣліе (см. Истор. и древности восточн. части Средней Азіи отъ X до XIII в. В. П. Васильева). Въ прибавленіи къ Исторіи Киданей упоминается о *Мохесцахъ*, подчиненныхъ Киданямъ, жившимъ на сѣверо-востокѣ отъ нихъ; «они занимались земледѣліемъ, весной и лѣтомъ жили въ домахъ, а зимой въ ямахъ» (ibid., стр. 27). За Мо-хэ на сѣверовостокѣ жилъ народъ *Тѣ-ли*, скрываясь въ горахъ и лѣсахъ, на юго-востокъ отъ Тѣ-ли лежали земли народовъ *Алимѣй*, *У-ни*, *По-гу-лу*. Въ каждомъ изъ этихъ народовъ считалось до 10.000 семей, отличались они отъ Нюйчженей платьемъ, языкомъ, жилищами, *хлѣбопашествомъ*. Ньючжейцы, упоминается тамъ же, разсѣянные по горамъ и лѣсамъ, были отличные охотники, *но занимались и хлѣбопашествомъ* (28).

Сѣверные роды Киданей носили названіе *Шивей* или *Шигай*; они обитали въ Дауріи и Забайкальской области. На востокъ отъ шивейцевъ жило племя *Оoумолу* или *Домолу*, страна находилась на сѣверѣ отъ Уги или Мохэ въ 1.000 миляхъ. Они имѣли города и селенія, *занимались хлѣбопашествомъ* и питались горохомъ (ibid., 33). Западное поколѣніе народа Си, сосѣди тукюэсцевъ, жили въ юртахъ, но занимались также и земледѣліемъ (35). Гелючи или Биле,

ніе земледѣлія и культуры на сѣверѣ, въ лѣсной полосѣ, не представляетъ ничего удивительнаго въ древнѣйшее время. Они не могли не перенестись сюда хотя бы изъ Китая или культурнаго Туркестана при древнемъ передвиженіи народовъ и эмиграціи киданей, усуней и другихъ племенъ. О воспріятіи культуры сѣверными варварами упоминаютъ и китайскіе историки, говоря о племени дада, и дѣлятъ ихъ на бѣлыхъ, черныхъ и дикихъ. *Бѣлыми* разумѣлись *дада*, окитаившіеся и принявшіе культуру. Изъ превосходнаго изслѣдованія о китайскомъ земледѣліи г. Захарова видно, что земледѣліе было извѣстно въ Китаѣ 7.000 лѣтъ назадъ, и въ 2205 г. до Р. Хр. происходитъ аграрный переворотъ и новое законодательство. Монголы нѣсколько разъ пробовали обратить Китай въ степь и водворить кочевую культуру, но не могли совершить этого и сами принимали высшую культуру завоеванныхъ. То же было и съ манчжурами. Съ древнѣйшихъ временъ императоры Китая считаютъ священною обязанностью покровительствовать земледѣлію. Въ исторіи династіи Хань говорится, что послѣ великаго, извѣстнаго въ Китаѣ, наводненія, князь Ги, сотрудникъ князя Юй за возстановленіе земледѣлія получилъ въ 2277 г. до Р. Хр. наслѣдственную должность *главнаго попечителя земледѣлія*, подъ названіемъ хэу-ги (Іоакинфъ).

На сколько центръ Китая и Туркестанъ благопріятствовали культурѣ, какъ и сѣверная лѣсная полоса, на столько степи Монголіи были разсадникомъ кочевниковъ и обращали въ нихъ даже культурныхъ эмигрантовъ. Изъ исторіи первой китайской династіи видно, что сынъ Цзи-кхай, послѣдняго государя въ 1764 г. до Р. Хр., Шунь-вэй со всѣмъ семействомъ и подданными ушелъ въ сѣверныя степи и *принялъ кочевой образъ жизни* (Іоакинфъ).

При упадкѣ закона въ Китаѣ въ домѣ Хя, Гунъ-лю лишенъ

жившіе на сѣверѣ отъ Тукюе въ средней Сибири и около озеръ Чановъ и Кулундинской степи и въ Алтаѣ (по Радлову), обрабатывали землю лошадьми, жили въ хижинахъ (Іоакинфъ). Эмигрировавшіе кидане и китайцы повсюду обучали сосѣдніе народы культурѣ. «Исторія постоянно упоминаетъ о множествѣ китайскихъ выходцевъ и плѣнныхъ, увлеченныхъ въ внутренность Монголіи во всѣ времена, начиная отъ нашествія гунновъ до поселеній, заведенныхъ киданями и продолжавшихся долѣе при всей династіи Юаньской», говоритъ знатокъ Китая П. В. Васильевъ.

Клапротъ на основаніи китайскихъ источниковъ говоритъ о племенахъ тунгусскихъ или манджурскихъ, въ древнія времена имѣвшихъ уже земледѣліе; Су-тчинъ или Джурджени (Giorza по Марко-Поло) имѣли лошадей, быковъ и сѣяли пять сортовъ хлѣба. Народъ Му-ки или Мо-хо, жившій къ сѣверо-востоку отъ Кореи, сѣялъ пшеницу и другіе сорты; женщины носили платье изо льна (Tableaux Historiques de l'Asie, p. 84—86).

былъ должности главнаго попечителя земледѣлія. Онъ претворился (превратился) въ западнаго жуна (особое сѣверное кочевое племя) и построилъ городъ Бань. Гунъ-лю, потомокъ Хэу-ги въ десятомъ колѣнѣ, лишенный сей должности, удалился въ страну Бань, гдѣ поселился въ сосѣдствѣ Жунъ-ди, перемѣнилъ осѣдлую жизнь на кочевую. Это было, по словамъ китайскаго историка, въ 1797 г. до Р. Хр. Изъ этого видно, что въ тотъ періодъ кочевой бытъ еще боролся съ земледѣльческимъ, и кочевники обращали въ своихъ являвшихся цивилизаторовъ съ юга.

Но скоро времена перемѣнились. Окрѣпшій культурный Китай началъ образовывать въ степяхъ и на сѣверѣ земледѣльческія поселенія и колоніи. Основаніе этихъ колоній является даже стратегическимъ средствомъ Китая. Въ 105—100 г. до Р. Хр. китайскій дворъ на западѣ, говоритъ китайская исторія, открылъ сообщеніе съ Юечжы и Дахя и выдалъ царевну за усуньскаго владѣтеля [1]), чтобъ отдѣлить отъ хунновъ союзныя государства на западѣ, распространилъ казенное хлѣбопашество до Джянь-люй. Въ Хань-шу-инь-и сказано: Чжянь-люй (Кянь?) есть названіе страны, лежащей отъ Усуни на сѣверъ (т.-е. Семипалатинская область и Западная Сибирь). Позднѣе эти казенныя земледѣльческія населенія въ Монголіи и Джунгаріи составляли главную заботу китайцевъ. Распространеніе Китая на сѣверъ достигало Иртыша, Оби, чему служитъ доказательствомъ масса находимыхъ китайскихъ древностей въ Сибири. Но кромѣ Китая, и тюркское владычество въ Сибири, выдвинувшееся изъ средины Азіи древнѣе переселенія осѣдлыхъ киданей, индо-скиѳовъ, саковъ и т. д., не могло остаться безъ наслѣдства для Сибири.

Такія историческія свидѣтельства наводятъ на мысль, что сѣверъ Сибири не могъ не усвоить нѣкоторой культуры, переносимой съ юга сношеніями и завоеваніями, и существованіе когда-то осѣдлыхъ культурныхъ центровъ здѣсь—внѣ сомнѣнія.

Есть свидѣтельства, что сама Монголія и ея степи представляли въ древнія времена иной видъ. Онѣ были болѣе обитаемы. Во многихъ мѣстахъ видны слѣды орошенія, каналовъ и городовъ. Ясно, что здѣсь были когда-то условія, болѣе благопріятныя для жизни. Но если даже представить себѣ степь какъ пустыню, отдѣлявшую сѣверъ Азіи, мы все-таки можемъ представить себѣ, какъ съ юга по оазисамъ переносится земледѣліе на сѣверъ и среди предгорій и на плодородной почвѣ юга Сибири водворяется въ весьма древнее время. Самый родъ хлѣба куль-

[1]) Усуни жили въ Джунгаріи по р. Или около Иссыкъ-Куля; столица ихъ была Чи-Гу.

тивировался наиболѣе устойчивый, могъ быть перенесеннымъ съ предгорій Тибета. Исторія указываетъ, какъ и археологія, что Амуръ, Забайкалье, вершины Енисея, Минусинскій округъ, алтайскія долины и Семирѣченская область были обитаемы осѣдлыми и культурными племенами. То же подтверждаетъ и этнографія. Нѣсколько разъ эта культура могла уничтожаться и стираться въ продолженіе тысячелѣтій при движеніяхъ дикихъ ордъ кочевниковъ, но слабые зачатки ея, какъ мы видимъ, не изгладились, а памятники и свидѣтельства историковъ напоминаютъ о существованіи здѣсь культурнаго міра. Самыя многолюдныя государства Азіи подвергались той же участи; и отличіе ихъ отъ европейскихъ въ томъ и заключается, что бушующее море кочевыхъ народовъ безпрестанно подмывало и потопляло уединенные острова раждающейся цивилизаціи. Иная судьба выпала на долю Европы, воспріемницы древней осѣдлости.

Настоящая статья составляетъ извлеченіе немногихъ главъ изъ этнографическаго сочиненія, посвященнаго очеркамъ исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ. Самый трудъ расположенъ во многихъ главахъ и состоитъ въ описаніи топографическихъ и физическихъ условій на сѣверѣ Азіи между Алтаемъ и Ураломъ, расположеніе инородцевъ, въ описаніи ихъ быта, промысловъ, жилищъ и обстановки, въ указаніяхъ на зачатки земледѣлія, выдѣлку ткани, первобытную разработку рудъ, выдѣлку металла, и т. п. Изложивъ культуру и переходныя стадіи въ современной жизни степняковъ и лѣсниковъ, авторъ не могъ упустить изъ виду, что эта культура тѣсно связана съ предшествовавшею исторіей и культурою инородческихъ племенъ на сѣверѣ Азіи, весьма мало доселѣ изслѣдованной. Сводъ археологическихъ изысканій въ связи съ этнографическими обнаруживаетъ существованіе въ Сибири весьма древней культуры, принадлежавшей многимъ народамъ, въ числѣ которыхъ такъ называемая чудь или финскіе аборигены составляли только часть многихъ племенъ [1]). Въ числѣ

[1]) Собственно о культурѣ чуди пока ничего неизвѣстно; сказанія о «чуди бѣлоглазой» есть преданіе, перешедшее къ русскимъ, вѣроятно, отъ татаръ. Въ китайскихъ источникахъ встрѣчается народъ чи-ди, или красные, сѣверные кочевые. Они упоминаются въ началѣ 2-го вѣка до Р. Хр. У сибирскихъ татаръ есть сказка о «урсассахъ», которыхъ называли акъ-корокъ, бѣлыми и бѣлоглазыми; они были первоначальными жителями края до пришествія киргизовъ. Китайцы также упоминаютъ о бѣлокурыхъ племенахъ къ сѣверу отъ Танну. Связь сѣверныхъ европейскихъ финскихъ племенъ съ азіатскими прослѣжена уже Кастреномъ до глубины Азіи; у китайцевъ, кромѣ чи-ди, встрѣчается указаніе на народъ вейке, на народъ по-гу-лу, Шивей Хуанъ-Тау или желтоголовые. Диньлини, вѣроятно, тоже были финны. О пребываніи финскихъ

племенъ, обитавшихъ въ Монголіи и Сибири, по китайской исторіи, были гунны (хунну), предки монголовъ, шивейцы, дада, сяньбійцы, кидани, усуни, хакасы, уйгуры (угры), жунь-жанцы, вытѣсненные въ Европу подъ именемъ аваровъ, свевы, по Витерсгейму [1]), обитавшіе въ ишимской степи, саки или скиѳы, обитавшіе въ Семирѣченской области, юечжи или юеты, они же геты и массагеты, по объясненіямъ оріенталистовъ, наконецъ, позднѣйшія, монгольскія и тюркскія племена, составлявшія имперію Чингизъ-Хана, всѣ они не могли не оставить слѣда, и дѣйствительно находки и древности свидѣтельствуютъ, что здѣсь существовали государства, осѣдлость, земледѣліе, добываніе металловъ, а предметы, находимые здѣсь, въ видѣ оружія, шлемовъ, панцырей, чашъ, зеркалъ и другихъ принадлежностей, указываютъ на извѣстное искусство этихъ народовъ. Могильные памятники, монументы въ видѣ каменныхъ бабъ, обнимающіе весь югъ Сибири отъ Монголіи до озера Иссыкъ-Куля и дальше до южной Россіи, показываютъ на переселеніе однихъ племенъ или существованіе одинаковой культуры и обычая у многихъ. Изслѣдованіе этой древней культуры въ связи съ современной инородческой представляетъ огромный интересъ. Въ современномъ инородческомъ бытѣ мы находимъ намеки на прошлое, а древность получаетъ объясненіе въ остаткахъ современной культуры. Сравнительныя изысканія привели насъ къ заключенію, что въ древнія времена инородческая культура въ Сибири имѣла болѣе совершенное развитіе и достигала высшей степени, но позднѣйшіе перевороты и завоеванія стерли ее, и нынѣшній инородческій бытъ отступилъ и сохраняетъ лишь отчасти древнее искусство народовъ. Въ дополненіе къ археологическимъ изысканіямъ весьма опредѣленныя указанія на древніе народы въ Сибири дѣлаетъ китайская исторія, на сношенія народовъ сѣвера съ Китаемъ, съ центромъ Азіи, съ Туркестаномъ, Аравіей и Тибетомъ указываютъ многіе восточные писатели. Въ богатыхъ изысканіяхъ Френа и поясне-

племенъ въ центрѣ Азіи существуютъ различныя теоріи. Григорьевъ допускаетъ, что чудь, изобрѣтшая клинопись, пробралась съ сѣвера на югъ Азіи во времена, предшествовавшія не только арійцамъ, но и семитамъ, отрасль, которую индѣйцы обозначаютъ именемъ дравидовъ, спустилась съ Гималаевъ въ долины Джемны и Ганга и затѣмъ населила Деканскій полуостровъ (см. о скиѳскомъ народѣ сакахъ, Григорьевъ, стр. 200). По археологическимъ изслѣдованіямъ В. В. Радлова, въ Алтаѣ тюркской культурѣ предшествовала угро-самоѣдская. Родство съ алтайскими, переселеніе самоѣдскаго племени на сѣверъ и остатки этихъ племенъ въ лицѣ кайбаловъ и соёнцевъ на югѣ вполнѣ доказаны нынѣ филологическими изысканіями.

[1]) Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig. 1859. I, 272.

ніяхъ В. В. Григорьева о куфическихъ монетахъ разъяснено сношеніе Востока съ Западомъ съ VIII до XI в. чрезъ Хазаръ; уральскіе болгары также сносились съ Аравіей, стало быть, тѣмъ болѣе сибирскія царства. Буддизмъ проникалъ далеко на сѣверъ Азіи. Китайскіе и киданскіе города были близъ Орхона и можетъ быть въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири. Древняя китайская географія, къ сожалѣнію, мало разработанная, дастъ впослѣдствіи богатыя указанія для сибирской археологіи. Сношеніе Сибири съ Китаемъ въ древнія времена все болѣе подтверждается находками, въ различныхъ мѣстностяхъ Сибири все чаще открываются пайзе, дощечки съ повелѣніями древнихъ китайскихъ и монгольскихъ императоровъ. Китайскими предметами наполнены были могилы Минусинскаго округа, земледѣльческія орудія иногда носятъ слѣдъ китайскихъ клеймъ.

Сѣверъ Азіи, Сибирь, какъ и степи Монголіи въ древнѣйшія времена, начиная съ 2000 л. до Р. Хр., извергалъ народовъ на югъ и западъ. Эти народы поочередно завоевывали Китай, какъ гунны, кидани, монголы, уйгуры, Чингизъ-Ханъ, манчжуры. Эти народы, наступая и отступая, переливались на всемъ пространствѣ между Тибетомъ и Сибирью. Собственно Монголія является какимъ-то кратеромъ и лабораторіей, откуда выходило то одно, то другое кочевое племя. Обмѣнъ культуръ между завоевателями и завоеванными былъ неизбѣженъ. Обыкновенно принято думать, что варвары кочевники, какъ гунны и монголы, лишь уничтожили высшую культуру, но исторія востока показываетъ, что они и воспринимали ея у побѣжденныхъ культурныхъ народовъ, какъ китайцевъ и туркестанцевъ. Здѣсь повторялось то же, что случалось и въ Европѣ. Двигавшіеся варвары ассимилировались и сливались съ другими племенами. Съ другой стороны сѣверъ Сибири, имѣя также народовъ совершенно другаго характера, чѣмъ кочевники, монголы и гунны, пробовалъ защититься отъ нашествія кочевыхъ варваровъ и составлялъ свои союзы; такъ, основался союзъ ойратовъ, или лѣсныхъ жителей. Если нашествія народовъ сѣвера на югъ имѣли огромное значеніе въ судьбахъ Китая и Азіи, то гораздо болѣе важное культурное значеніе имѣли для всего сѣвера Азіи передвиженія съ юга на сѣверъ, а затѣмъ съ востока на западъ, сказавшіяся въ переселеніи киданей, усуней въ Туркестанъ, и т. п. Несомнѣнно, въ этихъ переселеніяхъ и миграціяхъ играли роль не одни варвары, но и культурные народы, захваченные или вытѣсненные варварами. Эти передвиженія и переселенія вліяли на судьбу и исторію, какъ извѣстно, не одной Азіи.

Тѣ же народы, жившіе и передвигавшіеся въ степяхъ Азіи, двинулись торной дорогой, равнинами Сибири, и въ Европу. Путемъ для населенія Европы былъ, конечно, не одинъ Кавказъ. Часть этихъ передвиженій сохраняется въ новѣйшей исторіи Европы, но множество предшествовавшихъ переселеній, положившихъ начало европейскимъ поселеніямъ, происходило въ доисторическія времена. Такимъ образомъ самая европейская исторія и культура не могли обойтись безъ вліянія этихъ народностей. Арійскія племена также не миновали сѣвера Азіи и Сибири.

Уже изслѣдованія Клапрота, показали существованіе на сѣверѣ Азіи племенъ не только финскаго, но и арійскаго происхожденія [1]); слѣды бѣлокурыхъ и голубоглазыхъ замѣтны и нынѣ среди алтайскихъ племенъ. Антропологическія изслѣдованія должны еще болѣе освѣтить этотъ расовый вопросъ.

Филологическія изысканія сдѣлали уже важные шаги въ изслѣдованіи алтайскихъ тюркскихъ нарѣчій. Языкъ, народная поэзія и преданія представляютъ здѣсь богатый матеріалъ. Открытія въ клинообразныхъ ассирійскихъ надписяхъ урало-алтайскаго языка и изслѣдованіе туранской-акадійской цивилизаціи, предшественницы ассирійской, проливаетъ свѣтъ на связь сѣвероазіатскихъ племенъ съ древними центрами цивилизаціи. Многіе древніе народы оставили на скалахъ Сибири памятники письменности, таковы, напр., минусинскія надписи. Надписи эти собраны и помѣщены въ изданіи Финляндскаго Археологич. Общества «Inscriptions de L'Ienisei», возбудили живое любопытство европейскихъ ученыхъ. По типу они напоминаютъ надписи скандинавскія. Байеръ и Тихзенъ видѣли въ нихъ сходство съ древними кельтскими и готфскими письменами. Раммель признаетъ ихъ скиѳскими или грекоготфскими. Клапротъ находилъ, что эти надписи скорѣе имѣютъ

[1]) На существованіе бѣлокурыхъ племенъ въ Алтаѣ и въ Сибири указываютъ многія этнографическія свидѣтельства. Среди киргизовъ, саянцевъ, татаръ, алтайцевъ встрѣчаются постоянно смѣшанные типы, означаемые *кара* и *сары* въ отличіе монгольскаго брюнетизма отъ свѣтловолосыхъ и рыжеволосыхъ. Уже Клапротъ указываетъ на слѣды индо-европейскихъ расъ на сѣверѣ Азіи и смѣшенія ихъ съ монгольскими и тюркскими расами. Въ исторіи китайцевъ въ предѣлахъ Сибири указаны многія обитавшія племена бѣлокурыя и съ голубыми глазами; таковы усуни, хакасы, юечжи или юеты, аланы и диньлини, (Іоакинфъ, Шотъ и Клапротъ) По поводу хакасовъ въ Енисейской губ. Клапротъ говоритъ: Ce fait curieux, joint ici la certitude que nous avons que le Kian-Kuen, ancêtres de Hakas, avaient les yeux bleus, la peau très blanche et la chevelure blonde, fait soupçonner que les relations qui existaient jadis entre le Nord de l'Asie et celui de l'Europe étaient plus frequentes et plus intimes qu'on ne l'a pensé jusqu'à present (Tableaux Historiques de l'Asie. Peuples de Race Blonde, p. 171).

видъ европейскій, чѣмъ азіатскій. Абель Ремюза приписываетъ татарамъ письмо, сходное съ сѣверными рунами и бывшее въ употребленіи у того поколѣнія индо-готфовъ, которое извѣстно подъ именемъ у-суней и которое обитало за 100 лѣтъ до Р. X. къ западу отъ Иртыша и оз. Зайсана. Риттеръ и Эйхвальдъ въ минусинскихъ письменахъ видятъ сходство съ дулгасскими тамгами. Риттеръ приписываетъ это письмо хакасамъ Енисейской губ., также индо-европейскому племени; по Клапроту это подтверждается и изысканіями Висдэлу. Письмена эти предполагались также древними уйгурскими (см. о руническихъ письменахъ въ Минусинскомъ округѣ Н. Попова, т. V, № 2 «Извѣст. Сиб. Отдѣла Императ. Географическаго Общества»). Въ послѣднее наше путешествіе мы открыли ихъ въ Монголіи на р. Орхонѣ близь Каркорума, и есть основаніе думать, что они тукюэзскія.

Алтайскіе народы въ вѣрованіяхъ сохраняютъ древнѣйшій культъ шаманизма, вѣроятно, предшествовавшаго буддизму и когда-то имѣвшаго обширныя распространенія отъ Индіи по всей Азіи. Богатое собраніе легендъ въ Монголіи и Алтаѣ, собранное Г. Н. Потанинымъ въ обширный томъ, снабженное сравненіемъ этихъ легендъ съ европейскимъ и азіатскимъ миѳомъ, открываетъ любопытнѣйшую сторону древнѣйшихъ вѣрованій. Первобытный миѳъ, потерянный для человѣчества, сохраняется здѣсь во всей своей чистотѣ. Среди алтайскихъ племенъ мы видимъ древнѣйшіе обычаи западныхъ скиѳовъ, выражающіеся въ жертвоприношеніяхъ и обычаяхъ при погребеніи. По многимъ предметамъ мы можемъ прослѣдить древнія сношенія народовъ [1]).

Съ передвиженіемъ народовъ и племенъ въ Азіи и изъ Азіи въ Европу неизбѣжно должна была слѣдовать и преемственность культуры, преданій, обычаевъ и вѣрованій. Изъ всего этого видно, какой огромный научный интересъ получаетъ историческое, археологическое, антропологическое и этнографическое изученіе въ Азіи. Наша этнографическая литература также должна сдѣлать шагъ въ этомъ отношеніи.

Считая слишкомъ обширною и непосильною задачею связать исторію сибирскихъ племенъ, какъ остатковъ древнихъ азіатскихъ народовъ, вообще съ древней исторіей Востока и Азіи [2]),

[1]) Доселѣ археологи еще не имѣли времени сравнивать пермскія и болгарскія древности съ алтайскими, между тѣмъ какъ есть основаніе предполагать по нѣкоторымъ предметамъ сходство и родство. Мы имѣли возможность сличать нѣкоторыя болгарскія находки съ орнаментами алтайской культуры.

[2]) Китайская исторія, также какъ персидскіе и арабскіе источники, облегчаютъ разобраться съ исторіей инородческихъ сибирскихъ племенъ. Въ названіяхъ угро-алтайскихъ племенъ сохраняются еще слѣды ихъ происхожденія.

авторъ настоящаго труда ограничился болѣе тѣсными рамками «очерковъ» чисто внѣшней первобытной культуры этихъ народовъ съ ихъ обстановкой и занятіями, причемъ поставилъ цѣлью освѣтить ихъ только нѣкоторыми историческими и археологическими указаніями. Бытъ и жизнь лѣсниковъ дали ему основаніе прослѣдить такъ называемыя переходныя культуры и зачатки осѣдлости. Изученіе началъ этой первобытной осѣдлости и послѣдующихъ съ нею измѣненій, не только въ матеріальной обстановкѣ, но въ складѣ характера и міросозерцанія и методѣ мышленія (по нашему мнѣнію, здѣсь начинается методъ индуктивнаго мышленія и начало положительныхъ знаній), можетъ дать нѣкоторую разгадку къ исторіи цивилизаціи, какъ и въ различіи древняго азіатскаго міра отъ новаго европейскаго [1]).

Алтайскіе телесы, телеуты, теленгиты, ясно носятъ происхожденіе отъ телесскихъ или телевскихъ поколѣній, являвшихся по Іоакинфу въ 629 году къ китайскому двору. Могущественный народъ Тиле, Чиле и Дили упоминаются китайцами въ VI вѣкѣ. Названіе Туба или Тува, которыя носятъ одинаково лѣсные татары Алтая, соёнцы и самоѣды, какъ и тубинцы, встрѣчается въ китайской географіи и исторіи подъ именемъ народа *Дубо*, жившаго южнѣе саяновъ и отодвинутаго вмѣстѣ съ лѣсными самоѣдами къ сѣверу. Народъ и поколѣніе Тоба ведетъ древній родъ въ Китаѣ и цѣлую династію, а какъ видно изъ указанія Клапрота, названіе Тоба присваиваютъ арабы своимъ королямъ, связывая ихъ съ исторіей Тибета (Tubet, Tobat). Географическое названіе Тюбе распространяется отъ Енисея до оз. Иссыкъ-Куля. Потомки хакасовъ не могли исчезнуть безслѣдно, какъ и усуни, и остатки ихъ сохраняются среди бурутовъ и киргизовъ. Меркиты и кирситы сохраняются въ родовыхъ названіяхъ киргизовъ и телеутовъ. Алтайцы доселѣ носятъ имя, показывающее ихъ принадлежность къ Ойратскому союзу; народныя преданія о Чингизъ-Ханѣ еще свѣжи. Древніе Хіенъ-ну, Тукюе, жунжанцы, уйгуры и кидане, также какъ юечжи, геты и массагенты, индо-аланы и индо-скиѳы въ своихъ переселеніяхъ не могли не оставить слѣда среди сибирскихъ племенъ, а китайскіе Шиве, диньлини, гелютчи и Биле были несомнѣнно названія племенъ Сибири. Нашимъ оріенталистамъ, подобно Клапроту, предстоитъ открыть эту историческую картину народовъ сѣверной Сибири, хотя и теперь мы встрѣчаемъ уже у Іоакинфа Бичурина, Палладія, Григорьева, Васильева, Захарова, Радлова и Позднѣева уже многія драгоцѣнныя указанія.

[1]) Сочиненіе мое по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ содержитъ слѣдующія главы: 1) Распредѣленіе Алтая и алтайскихъ племенъ, современное ихъ положеніе, ихъ историческая связь и родство съ древними народами Средней Азіи. 2) Бытъ алтайскихъ племенъ въ связи съ историческими условіями мѣстности. Степняки, горные кочевники и лѣсники. Перекочевки и начало осѣдлости. 3) Типы первобытныхъ жилищъ, лѣтовки и зимовки, шалаши, юрты и избы. 4) Занятіе алтайскихъ племенъ и начало земледѣлія. Площадь распространенія древняго земледѣлія на сѣверѣ Азіи. 5) Домашній бытъ, обстановка и развитіе ремеслъ у алтайскихъ племенъ. 6) Добыча металла и исторія обработки его по образцамъ сибирскихъ древностей. 7) Одежда алтайскихъ племенъ и измѣненіе ея въ переходныхъ культурахъ. 8) Древнія могилы и кладбища, каменныя бабы въ связи съ древними обрядами погребенія. 9) Остатки различныхъ памятниковъ, городищъ, развалинъ, буддійскихъ храмовъ, башень и проч., въ связи съ историческими показаніями о древней осѣдлости въ Сибири по литературѣ Востока.

Причины вымиранія инородцевъ и способность ихъ къ культурѣ.

Сводя общіе итоги современнаго положенія инородцевъ въ средѣ изслѣдованныхъ нами племенъ, мы должны придти къ заключенію, что бытъ инородцевъ далеко не находится въ удовлетворительномъ состояніи. Множество историческихъ данныхъ свидѣтельствуютъ, какъ безутѣшенъ былъ бытъ инородцевъ, сколько несчастій окружало ихъ, какія потери они несли при завоеваніи и какія эпидеміи губили цѣлыя племена. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ ученые и путешественники Крашенниковъ, Палласъ, Гмелинъ, Миллеръ, Георги, Кастренъ; множество фактовъ о вымираніи инородцевъ приведено въ послѣднее время у Миддендорфа, Полякова, Неймана, Радлова, Щапова, Шашкова, посвятившаго особую монографію инородцамъ въ Сибири въ XIX ст. и очерку Россійско-американской компаніи [1]).

Мы привели на основаніи послѣднихъ изслѣдованій данныя, показывающія ухудшеніе быта инородцевъ въ разныхъ районахъ Западной Сибири и вмѣстѣ съ этимъ уменьшеніе населенія. Если мы примемъ во вниманіе многія неблагопріятныя условія въ обстановкѣ инородца, историческія обстоятельства, намъ станетъ понятна причина обѣдненія и затѣмъ уменьшенія инородческихъ племенъ.

Къ сожалѣнію, многіе теоретики и ученые старались разсмотрѣть инородческій вопросъ и самое вымираніе инородцевъ совер-

[1]) Палласъ, Путешествіе по Россіи и Сибири; Георги, Описаніе народовъ Россійскаго государства; Гмелинъ и Миллеръ, Путешествіе по Сибири; Крашенинниковъ, Описаніе Камчатки; Щаповъ, Русское Слов. 1865 г.; Шашковъ, Историческіе этюды, т. II; Поляковъ, Письма о путешествіи въ долину Оби, 74—76; Нейманъ, Истор. обзоръ дѣйств. Чукотской экспедиціи, Извѣстія Вост.-Сибирск. Отдѣла Геогр. Общества. 1871. №№ 4, 5; Миддендорфъ, Путешествіе на сѣверо-востокъ; Aus Sibirien, В. Радлова; Кастренъ, Путешеств. въ Сибирь; О болѣзняхъ въ Березовскомъ округѣ д-ра Соколова, Арх. Судебн. Медиц. 1867 и др.

шенно съ особой точки зрѣнія. Они унаслѣдовали то предубѣжденіе, которое существовало въ древнія времена, что «варвары» должны подвергнуться истребленію и что они—существа низшія. Пагубная теорія о различіи расъ и раздѣленіе ихъ на низшія и высшія содѣйствовала этому заблужденію. Особенно выразился этотъ предразсудокъ по отношенію къ несчастнымъ миграмъ. Такіе ученые, какъ Бурмейстеръ, Карусъ, Гобино, Чуди, Агассисъ, Карлъ Фогтъ, Гекель и Ф. Миллеръ, старались отнять у нихъ общія человѣческія свойства и способности. И тѣмъ не менѣе, наперекоръ предразсудку, мы видимъ побѣду справедливости и человѣколюбія, выразившуюся въ эмансипаціи негровъ и въ американской войнѣ за освобожденіе чернаго. Съ такимъ же предубѣжденіемъ европейцы отнеслись къ австралійскимъ дикарямъ, истребивъ многія племена; таково же отношеніе было къ индѣйцамъ, и недавно еще американцы, освободившіе негровъ, не переставали истреблять индѣйцевъ, чтобы воспользоваться легче ихъ территоріей. Нечего говорить, что въ кровожадныхъ и звѣрскихъ поступкахъ, а также въ подвигахъ истребленія не могло быть ничего, оправдывающаго ихъ. Убійство всегда останется убійствомъ, чѣмъ бы оно ни было мотивировано. Множество фактовъ и антропологическихъ данныхъ опровергли прежніе предразсудки, а новая историческая жизнь въ Америкѣ на островахъ и въ Австраліи доказала, что прежде считавшіяся низшими расы, по своимъ способностямъ, сдѣлали значительные успѣхи въ культурѣ. Негры получаютъ образованіе, издаютъ газеты, выдвигаютъ талантливыхъ людей; индѣйцы, какъ доказалъ Герландъ, при благопріятныхъ условіяхъ не обнаруживаютъ ни малѣйшей наклонности къ вымиранію. Тѣмъ менѣе можно приравнивать къ племенамъ, осужденнымъ на вымираніе, *расы переходныя,* расы, которыя весьма близки къ арійскому и кавказскому племени, близкія до того, что мы съ трудомъ иногда подмѣчаемъ переходныя ступени; такою расою является желтая монголовидная раса, а затѣмъ саянскія, финскія и тюркскія племена Азіи [1]).

Тѣмъ не менѣе, твердо укоренившійся предразсудокъ, перешедшій отъ варварскихъ племенъ и занесенный къ нимъ съ почвы, гдѣ развивалось рабство и всякое насиліе, пережилъ свое время и мѣшаетъ установленію болѣе вѣрныхъ научныхъ взглядовъ и болѣе справедливому человѣчному отношенію къ другимъ племенамъ. Ихъ

[1]) Въ этомъ отношеніи замѣчательны наблюденія Миддендорфа и Кастрена, знаменитыхъ ученыхъ и наблюдателей инородцевъ Азіи, которые не могли найти рѣзкихъ отличій монголовидной и кавказской расы.

первобытная стадія, ихъ дикарство, ихъ дѣтскій возрастъ объясняются, какъ состояніе косности и постояннаго застоя, ихъ бытъ, привычки, способы пропитанія, обусловленные особенностями страны, объясняются неспособностью перейти къ высшей культурѣ, ихъ сопротивленіе насилію и принужденію измѣнить образъ жизни ставится имъ въ вину, а недостатокъ знанія и отсутствіе культурныхъ познаній признается за врожденныя качества и отсутствіе способностей. Словомъ, здѣсь временный моментъ и извѣстный возрастъ въ исторіи культуры принимаются за постоянное и, конечно, выраженное явленіе. Всѣ бѣдствія и несчастія инородцевъ, порождаемыя внѣшними историческими обстоятельствами, объясняются «слабостью расы» и оправдываются желѣзнымъ закономъ «борьбы за существованіе», «естественнымъ подборомъ», законнымъ торжествомъ физической силы и тому подобными «законами человѣческой природы», которые, не имѣя на самомъ дѣлѣ свойства непрележныхъ законовъ, тѣмъ менѣе могутъ имѣть мѣста въ человѣческомъ обществѣ, гдѣ разумъ, знаніе, умѣнье предотвратить бѣдствіе и зло такъ же, какъ идеалъ правды и справедливости, долженъ составить противовѣсъ и цѣль человѣческаго существованія. Точно также неблагопріятныя естественныя условія, въ которыя поставленъ инородецъ случайностью и невозможностью бороться съ непреодолимыми силами природы, вслѣдствіе мало накопленныхъ знаній, а также гибель его отъ разныхъ бѣдствій и болѣзней, объяснятся, какъ расовое безсиліе. Съ этой точки зрѣнія оправдывается истребленіе инородца и фактъ вымиранія. Вредныя культурныя вліянія, грѣхи цивилизаторовъ, эксплоатація инородца, недобросовѣстная торговля европейцевъ, соблазны, окружающіе дикарей, распространеніе среди нихъ вина и спирта, дѣйствующихъ на нихъ гибельно, объясняются «натурой дикаря», не обладающаго силой воли и способностью противостоять соблазну, т. е. опять «слабостью расы». Занесенныя болѣзни и опустошительное ихъ дѣйствіе на дикарей приписываются также организму дикарей, воспріимчивости его, а не тому, что инородецъ, при своей убогой обстановкѣ, лишенъ возможности ограждать себя отъ болѣзни и находиться внѣ всякой медицинской помощи. Занесеніе болѣзней и многихъ бѣдствій признается, какъ *неизбѣжное явленіе* при столкновеніи дикарей съ культурными племенами, и съ этимъ фактомъ готовы также многіе примириться. Наконецъ вымираніе племенъ, явившееся какъ послѣдствіе бѣдности и ухудшившагося быта, слѣдствіе голодовъ, объясняется *потерею плодовитости* при утратѣ прежней дикарской независимости. Масса придуманныхъ

словъ *«неустойчивость»*, *«слабость»*, *«безсиліе»* расы и т. д., стали разрѣшать вопросъ метафизически, когда онъ имѣлъ простыя и сложныя, но очевидныя причины, коренящіяся не въ природѣ дикаря и инородца, а во внѣшнихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, измѣнившихъ жизнь его.

Не вступая въ споръ съ этими теоріями, пробовавшими оправдать истребленіе и вымираніе инородческихъ племенъ и желающихъ представить это явленіемъ *«неизбѣжнымъ»*, какъ бы закономъ соціологическимъ и антропологическимъ, мы поставили цѣлью на основаніи собранныхъ данныхъ выяснить, дѣйствительно-ли въ этихъ явленіяхъ коренится *неизбѣжность*, точно также и насколько подтверждается указанная теорія о слабости, неустойчивости расъ и неспособности ихъ сдѣлать шаги въ культурѣ? Намъ казалось, что безъ изученія причинъ явленія, а также самого факта во всѣхъ его подробностяхъ невозможны никакіе выводы.

Въ нашей монографіи, обозрѣвъ современный бытъ различныхъ инородцевъ угро-алтайскаго племени, мы можемъ распознать и отличить главныя причины вымиранія или уменьшенія въ числѣ инородцевъ.

Эти причины заключаются въ ухудшеніи быта, въ обѣдненіи инородцевъ съ лишеніемъ прежнихъ угодій, въ оскуденіи промысловъ рядомъ съ расширеніемъ ихъ потребностей, какъ послѣдствій сближенія съ народами культурными. Мы видимъ, что инородческія племена переживаютъ какой-то экономическій кризисъ и что условія ихъ существованія измѣнились. Предшествовавшее же ихъ положенія хотя и не было выше въ культурномъ отношеніи, но давало имъ сносное существованіе и обезпечивало плодовитость, чему служитъ доказательствомъ ростъ и существованіе этихъ племенъ до пришествія завоевателей.

Останавливаясь на фактѣ вымиранія и уменьшенія въ числѣ инородцевъ, мы должны, однако, провѣрить, насколько свойство расы имѣетъ здѣсь значеніе; иначе мы должны задаться вопросомъ: «какія племена могутъ считаться приговоренными къ вымиранію судьбою и какія нѣтъ», гдѣ этотъ «законъ» дѣйствуетъ постоянно, непреложно и гдѣ случайно, наконецъ, насколько онъ неизбѣженъ самъ по себѣ, иначе—насколько онъ «законъ»?

Прежде всего мы видимъ въ Сибири довольно разнородное инородческое населеніе. По составленнымъ таблицамъ въ Западной Сибири оно состоитъ изъ бухарцевъ татаръ, алтайскихъ тюрковъ, киргизовъ, изъ *финновъ*: вогуловъ и остяковъ, и изъ самоѣдовъ саянскаго происхожденія. Среди какихъ же племенъ дѣйствуетъ вымираніе и уменьшеніе? Можно-ли, наприм., указать, что должны

вымереть татары, тюркское племя, или финское, или монгольское, или всѣ они одинаково обречены на вымираніе?

Прежде всего мы не имѣемъ никакихъ данныхъ и свидѣтельствъ вымиранія цѣлаго племени, но мы имѣемъ дѣло съ частными явленіями. Въ то время, когда часть племени финновъ, вогуловъ и остяковъ, какъ и самоѣдовъ, находясь въ печальныхъ условіяхъ, обнаруживаетъ уменьшеніе въ числѣ, другая часть продолжаетъ умножаться. Точно тоже мы видимъ у тюрковъ и татаръ. Вымираніе и уменьшеніе замѣтно у тобольскихъ татаръ, тарскихъ, барабинскихъ, но оно проявляется не во всѣхъ волостяхъ и управахъ одинаково; другіе тюрки, алтайцы, телеуты, черневые татары и кочевники киргизы продолжаютъ плодиться и множиться. Монголовъ, то-есть, племени по физическимъ признакамъ болѣе низшаго типа, чѣмъ тюрки и финны, совсѣмъ не коснулось вымираніе. Что касается образа жизни и культурной стадіи, то она здѣсь опять не имѣетъ никакого значенія. Мы видимъ, что вымираніе и уменьшеніе въ числѣ происходитъ среди осѣдлыхъ татаръ Тобольской губерніи и бухарцевъ—фактъ поразительный, принимая во вниманіе, что это осѣдлое земледѣльческое населеніе подобно казанскимъ татарамъ, бухарцы же сибирскіе родственны бухарцамъ Туркестана; тѣ и другіе при обѣдненіи выказываютъ наклонность къ уменьшенію въ числѣ. Напротивъ, среди кочевниковъ киргизовъ, которые стоятъ на низшей степени культуры, чѣмъ осѣдлые татары, видна прибыль населенія, какъ и у алтайцевъ. Такимъ образомъ, убыль населенія и вымираніе далеко не преслѣдуютъ всѣ инородческія племена; напротивъ, нѣкоторыя племена не только живутъ, но и множатся. Народности эти представляютъ компактную массу, которая достигла значительной численности. Киргизы, кочевники Оренбургской степи, въ Акмолинской и Семипалатинской области представляютъ $2^1/_2$ милліона человѣкъ, якуты около 200.000 человѣкъ, численность бурятовъ въ Восточной Сибири опредѣляется въ 250.000 чел., и среди этихъ народностей тюркскаго и монгольскаго племени не видно никакихъ признаковъ вымиранія. Значительная часть кочевыхъ племенъ наклонна, напротивъ, распложаться; такимъ образомъ, мы не видимъ здѣсь какого-то постоянно дѣйствующаго закона, онъ не прилагается, не пріурочивается къ какому-либо данному племени, часть племени можетъ существовать и плодиться, другая часть уменьшается въ числѣ. Ясно, что здѣсь причины частныя, мѣстныя. Вымираніе и различная плодовитость замѣчается въ отдѣльныхъ мелкихъ группахъ. При подробномъ анализѣ и изслѣдованіи мы видимъ: чѣмъ бѣднѣе группа, чѣмъ хуже ея экономическое поло-

женіе, чѣмъ она обездоленнѣе, разореннѣе, тѣмъ больше здѣсь смертности, и тѣмъ слабѣе плодовитость. Причина, содѣйствующая вымиранію, значитъ, чисто экономическая.

Изъ статистическихъ данныхъ мы видимъ, что положеніе волостей инородческихъ до безконечности различно. Нѣтъ такой группы, гдѣ бы самое явленіе вымиранія было загадочно и необъяснимо; разсматривая условія быта, мы открываемъ и его причины. Все это приводитъ къ заключенію, что вымираніе и уменьшеніе инородцевъ въ разныхъ группахъ случайное, локальное, но не постоянное, неизбѣжное и непредотвратимое. Тѣ же племена въ другіе моменты существованія, при другихъ условіяхъ и при всякой перемѣнѣ къ лучшему обнаруживаютъ всѣ задатки жизненности. Обратимъ вниманіе, напр., на эпидеміи среди инородцевъ.

Вотъ что напечатано было въ статьѣ «Инородческій вопросъ и оспа въ Сибири» въ № 17 «Вост. Обозр.» 1883 г.: «Недавно мѣстныя сибирскія газеты принесли неутѣшительныя вѣсти изъ Сибири. По всей нашей восточной окраинѣ ходитъ оспа. «Въ Нарымѣ, пишутъ, появилась непрошеная гостья, оспа; ранѣе она гостила по селеніямъ Парабельской волости и унесла много дѣтей». Изъ Якутска пишутъ: «Уже мѣсяца три, какъ въ Якутскомъ округѣ и въ городѣ появилась оспа. Кто помнитъ, какъ эта «бабушка», какъ называютъ ее якуты, свирѣпствовала здѣсь въ 1873 году, тѣ со страхомъ наблюдаютъ теперь за ея развитіемъ. Жители города осаждаютъ оспопрививателя ежедневными приглашеніями, и онъ, застигнутый врасплохъ, не имѣя хорошей оспенной лимфы, долженъ только теперь выработывать ее на здоровыхъ дѣтяхъ, предлагая желающимъ ждать очереди отъ одного ребенка до другаго. Открыто отдѣльное помѣщеніе для оспенныхъ больныхъ, городъ раздѣленъ на участки по числу наличныхъ врачей и на болѣе мелкіе участки по числу санитарныхъ надзирателей, выбранныхъ изъ горожанъ. На обязанности послѣднихъ лежитъ возможно чаще осматривать и опрашивать свой небольшой участокъ и, буде гдѣ появятся больные, извѣщать о томъ врача, въ вѣдѣніи котораго находится участокъ. Послѣднее сдѣлано на тотъ конецъ, чтобы якуты, живущіе въ самыхъ дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ и не особенно расположенные къ медицинской помощи, не ускользали отъ медицинскаго надзора или не уѣзжали за городъ, да и русскіе не стѣснялись бы приглашеніемъ врача только потому, что у нихъ достатковъ нѣтъ или просто по небрежности». Наконецъ, та же печаль и въ Туруханскомъ краѣ: «Положеніе Туруханскаго края въ нынѣшнюю зиму крайне печально, благодаря, во-первыхъ,

оспенной эпидеміи, во-вторыхъ, плохому улову рыбы и пушнины и, въ-третьихъ, недостаточному ввозу хлѣба, такъ что еще въ сентябрѣ прошлаго года многіе изъ жителей, ниже Туруханска, были уже безъ хлѣба. Положеніе безвыходное, въ особенности при той силѣ эпидеміи оспы, которая гонитъ инородцевъ въ глубь тундры, въ тайгу, подальше отъ жилыхъ мѣстъ. Плохая добыча рыбы и пушнины лишаетъ жителя нашего суроваго Сѣвера послѣдняго зимняго заработка, результатомъ чего является полная кабала, при отсутствіи всякой помощи, и неизбѣжное вымираніе». Доносились и изъ другихъ мѣстъ извѣстія объ оспѣ: изъ Омска, Оренбурга и Казани; одинъ изъ трехъ алтайскихъ зайсанговъ, ѣхавшихъ въ Петербургъ ходатайствовать объ удовлетвореніи народныхъ нуждъ алтайскаго кочеваго населенія, на переднемъ пути въ Челябѣ умеръ отъ оспы. Большіе города, можетъ быть, отдѣлаются ничтожными жертвами, но отдаленные, глухіе уѣздные городишки пострадаютъ прежде, чѣмъ администрація успѣетъ что-нибудь для нихъ сдѣлать. Просимъ читателя обратить вниманіе на то, что всѣ три корреспондента указываютъ, какъ на первоначальную почву болѣзни, на мѣстныхъ инородцевъ; якутскій корреспондентъ говоритъ о якутахъ, туруханскій о туруханскихъ инородцахъ, нарымскій о Парабельской волости, т.-е. волости, исключительно населенной остяками. Эти жертвы, падающія теперь отъ занесенной въ города оспы изъ инородческихъ стойбищъ, есть такимъ образомъ отплата за наше равнодушіе къ экономическимъ невзгодамъ, въ которыхъ постоянно живутъ наши инородцы. Въ той же газетѣ нумерами двумя ранѣе была помѣщена статейка о вогулахъ, производящая тяжелое впечатлѣніе на читателя сообщаемыми въ ней фактами. Авторъ ея, г. М. М. М. набрасываетъ одну за другой нѣсколько маленькихъ картинокъ. Вотъ первая: «Небо, лѣсъ, глубокій снѣгъ и ничего болѣе!.. Только вотъ на небольшомъ возвышеніи нѣсколько почернѣлыхъ, полуразвалившихся, небольшихъ срубовъ, изъ которыхъ только одинъ своею правильной крышей и окнами напоминаетъ нѣчто похожее на человѣческое жилище. Это паулъ, состоящій изъ 3 домовъ. Въ первомъ ѣдятъ мелкую, въ полвершка длиною, рыбицу и жуютъ какія-то лепешки, въ другомъ переваривають кости, подсыпаютъ толченый уракъ и крошатъ картофель. Въ этихъ обоихъ домахъ только женщины и дѣти; ихъ воодушевляетъ надежда: мужики уѣхали въ лѣсъ и привезутъ скоро оставленныя тамъ двѣ, три туши лося. Войдемъ въ третью избу. У чувала (родъ печи), согнувшись, сидитъ одѣтый въ длинную женскую рубаху вогулъ лѣтъ сорока; онъ какъ-то уныло, тупо

смотритъ на колеблющееся пламя; щеки впалыя; кости локтей и плечъ острыми углами обрисовываются подъ грязной рубахой. Въ углу спятъ двое дѣтей. Посреди избы на полу лежитъ распростертая шкура лося съ обгрызенными и изжеванными краями. Знаете-ли, кто жевалъ и грызъ эту твердую, покрытую грубой шерстью, кожу? Эти бѣдныя спящія дѣти и ихъ несчастный отецъ? Мать (семьи) умерла въ прошломъ году, потому-то отецъ и нарядился въ ея рубаху; у него другой нѣтъ. Онъ проболѣлъ осень. Одна надежда семьи на эту изгрызенную лосину»! Другая картинка: «Вхожу... Самъ—старикъ; никого у него, ни бабы, ни дѣтей... Вижу, поставилъ на таганъ половину разбитаго чугуннаго котелка, налилъ туда воды и варитъ оленьи рога... Говорю: что же, молъ, изъ роговъ-то наварится? Вода водою и будетъ!.. Молчитъ. Замахнулъ было рукою, хотѣлъ будто что-то сказать, да такъ... ничего... наклонился опять къ тагану и сталъ ложкой помѣшивать свое варево»... Страхъ беретъ, когда подумаешь, что такія картины возможны въ христіанскомъ государствѣ, на глазахъ у народа, который считается самымъ добродушнѣйшимъ въ свѣтѣ. Правда, картины подобной бѣдности могутъ встрѣчаться и въ русской средѣ, но тамъ онѣ случайны; здѣсь же не то: здѣсь онѣ обыкновенное, повсемѣстное явленіе: это конецъ, къ которому поздно или рано долженъ придти каждый отдѣльный родъ. О томъ, что это явленіе общее у вогуловъ, свидѣтельствуетъ вымираніе племени. Тотъ же авторъ пишетъ: «Всѣ пелымскіе жители утверждаютъ, что племя вогуловъ замѣтно и быстро вырождается и вымираетъ; печальными и достовѣрными свидѣтелями этого факта являются пустыя, то заколоченныя, то полуразвалившіяся избы, которыхъ въ иномъ паулѣ встрѣчается болѣе, чѣмъ жилыхъ домовъ. Недалеко отъ села Троицкаго есть паулъ вогуловъ, состоящій изъ 30—35 домовъ, изъ которыхъ въ настоящее время обитаемы 6—9, точно чума или повальный моръ какой опустошилъ ихъ; около Пелыма было нѣсколько пауловъ, отъ которыхъ осталось всего нѣсколько семей. Если условія жизни не измѣнятся, то не безъ основанія можно утверждать, что черезъ какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ останутся только смутныя воспоминанія объ этихъ инородцахъ». Авторъ разсказываетъ далѣе, какъ на счетъ этихъ бѣдняковъ наживается окрестное русское населеніе. «Во владѣніи вогуловъ,—говоритъ онъ,—находятся прекраснѣйшія лѣсныя вотчины для охоты за соболемъ, бѣлкой, лосемъ, обильнѣйшія рыбныя угодья, богатѣйшіе кедровники». Но вогулы продаютъ свою богатую добычу русскимъ торговцамъ за ничтожныя цѣны; задаромъ же они отдаютъ свои угодья и въ кортомъ.

Напримѣръ, за пользованіе однимъ кедровникомъ русская артель платитъ вогуламъ за три урожайныхъ года всего 12 рублей, а въ одномъ прошломъ году за одинъ сборъ эта артель промыслила орѣховъ на двѣ тысячи рублей. «При наймѣ вино сдѣлало свое дѣло», прибавляетъ авторъ. То же вино всегда фигурируетъ и въ остальной торговлѣ съ вогулами, отчего и получаются такія цѣны: вино въ сосѣднемъ городѣ Пелымѣ 35 коп. бутылка, въ землѣ вогуловъ 1 р., мѣшокъ ячменя въ Пелымѣ 1 р. 80 к., у вогуловъ 4—5 руб., 1 фунтъ дроби въ Пелымѣ 15 коп., у вогуловъ 36—84 коп. Желать, чтобъ русское сосѣднее крестьянское населеніе относилось къ вогуламъ иначе, безъ спаиванія, обвѣшиванія и прижимокъ, конечно, слѣдуетъ, но винить его за это никто не будетъ; это такая же темная масса, какъ и вогулы. Но кому непростительно равнодушіе къ судьбѣ несчастныхъ инородцевъ, такъ это образованному обществу, кичащемуся своей цивилизаціей. Изъ его среды не вышло ни одного человѣка, который поразился бы положеніемъ этихъ медленно, трагически умирающихъ людей, умирающихъ иногда разомъ цѣлой семьей отъ голода, и посвятилъ бы свою жизнь на служеніе имъ! Ни одного крупнаго акта милосердія со стороны общества въ пользу этихъ несчастныхъ, никакого коллективнаго усилія, чтобы прекратить такое положеніе дѣла, которое служитъ упрекомъ для христіанскаго общества и XIX вѣка. Нѣсколько лѣтъ назадъ была помѣщена прекрасная статья въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», «Вымирающія племена»: № 46, 1883 г., которую можно было рекомендовать духовенству, завѣдующему инородцами. У нашихъ же, даже лучшихъ людей гуманность исчерпывается однимъ вопросомъ о крестьянахъ. Отчего же обязательна забота объ одномъ крестьянинѣ, а не вообще о человѣкѣ, мы говоримъ о человѣкѣ, живущемъ не въ Африкѣ или Америкѣ, а въ предѣлахъ той же Россіи, притомъ платящемъ подати, слѣдовательно доставляющемъ деньги на удовлетвореніе высшихъ потребностей образованнаго общества? Наша литература почти не касалась вопроса объ инородцахъ, часть ея даже проводила теорію, которая была на руку безпечному обществу и лѣнивой администраціи. Теорія эта гласила о расахъ, которымъ было предопредѣлено продолжать цивилизацію, «плодиться и множиться и населять землю», и о расахъ, роковая судьба которыхъ заключалась въ медленномъ вымираніи. Эта теорія освобождала сибирскую администрацію отъ всякихъ заботъ объ инородцахъ. Прировняй инородцевъ къ крестьянскому населенію въ дѣлѣ административной заботливости — случится оспа, голодъ, надо посылать курьеровъ, докторовъ, чиновниковъ

особыхъ порученій, устроивать больницы, передвигать запасы хлѣба. А съ этой теоріей отлично. Начали умирать сотнями, ну, значитъ ближе къ концу, котораго будто бы никакими мѣрами не отвратишь.

«У нашего христіанскаго общества есть спеціальное «общество для покровительства животнымъ», и нѣтъ «общества для покровительства умирающимъ людямъ», которое бы прекращало такія раздирающія картины, какъ умирающій отецъ, оставляющій одинокихъ дѣтей съ мыслью, что черезъ сутки и они будутъ умирать тою же смертью. Справедливо могутъ замѣтить, что для бѣдныхъ людей естъ болѣе могущественный покровитель, чѣмъ частное общество—государство и его представители, а для инородцевъ спеціально христіанскія миссіи. Но мы уже говорили, какъ относятся къ вопросу о вымираніи инородцевъ представители сибирской администраціи. Бывали въ Сибири ясачныя коммисіи или коммисіи для устройства быта инородцевъ, заводились многотомныя дѣла о томъ же, но подъ этимъ «устройствомъ быта» разумѣлось изобрѣтеніе мѣръ къ увеличенію поступленій съ инородцевъ въ казну платежей, а не о мѣрахъ къ прекращенію вымиранія; много-много, если говорилось о равномѣрномъ разложеніи податей, да и то въ видахъ все того же увеличенія поступленій. Миссіи наши устраиваютъ мѣстами больницы, пріюты, богадѣльни, но только для инородцевъ крещеныхъ, для обрусѣлыхъ или полуобрусѣлыхъ, а отнюдь не для язычниковъ. Случаи же голодной смерти бываютъ только у послѣднихъ. Въ утѣшеніе мы говоримъ бѣдствующему язычнику-инородцу: обрусѣй, и тогда мы будемъ на тебя смотрѣть, какъ на предметъ, подлежащій равной заботѣ съ другими! крестись, и тогда мы тебѣ окажемъ милосердіе! Но развѣ это говоримъ мы не вопреки великому Учителю, сказавшему притчу о самарянинѣ? Возьмите епархіальныя вѣдомости или другіе органы журналистики, въ которыхъ печатались письма и труды нашихъ миссіонеровъ: много-ли мы найдемъ статей здѣсь, въ которыхъ заключался бы призывъ къ обществу противодѣйствовать этимъ голоднымъ смертямъ? Отчего бы нашимъ миссіямъ не заводить убѣжища для осиротѣлыхъ и обезсилѣвшихъ стариковъ-язычниковъ и пріюты для ихъ дѣтей, вмѣсто свѣчныхъ заводовъ и тому подобныхъ заведеній? Такое милосердіе могло бы пріучать языческую массу къ мнѣнію, что ученіе Христа есть дѣйствительно проповѣдь о любви къ людямъ. Сибирскимъ отдѣламъ Географическаго Общества мы рекомендовали бы направить свои силы къ изученію экономическаго быта инородцевъ и къ изслѣдованію причинъ ихъ вымиранія, эпи-

демій и случаевъ голодной смерти. Кромѣ того необходима правительственная коммисія, назначенная изъ Петербурга съ цѣлью описанія экономическаго быта инородцевъ, которая въ заключеніе своихъ работъ выработала бы обязанности для мѣстной высшей администраціи на случай катастрофъ съ инородцами, вмѣсто нынѣшняго безучастнаго отношенія ея къ ихъ бѣдствіямъ.

«Поэтому фраза: «Пусть вымираютъ! тѣмъ лучше! мѣсто очистятъ для болѣе здоровой, культурной русской расы!»—выраженія необдуманныя и вредныя съ точки зрѣнія общаго благополучія въ государствѣ, мало того, они безнравственны. Случаи оспы въ Омскѣ, Оренбургѣ и Казани показываютъ, какъ далеко могутъ простираться послѣдствія отъ невниманія къ нуждамъ бѣдныхъ обитателей нашихъ тундръ; они внушительно предостерегаютъ, что это невниманіе и небрежность сибирскихъ властей можетъ отражаться и на благополучіи русскихъ обитателей отдаленныхъ отъ тундры областей. Далѣе—это невниманіе властей, общественныхъ благотворительныхъ и ученыхъ учрежденій, журналистики и литературы къ инородческому вопросу невыгодно можетъ отражаться и на духовной жизни русскихъ. Русскіе, живущіе по окраинамъ, прилегающимъ къ инородческимъ стойбищамъ, относительно добродушія замѣтно уступаютъ тѣмъ крестьянскимъ населеніямъ, которыя залегаютъ подальше отъ окраинъ. Эти сосѣди инородцевъ, избалованные легкой наживой отъ торговли и сдѣлокъ съ послѣдними, являются въ большинствѣ случаевъ народомъ праздннымъ, любящимъ пожить на счетъ простоты посторонняго человѣка; въ этомъ родѣ г. М. М. М. рисуетъ русское населеніе Пелымскаго края, которое грѣется около простоватыхъ вогуличей. Наконецъ, какіе высокіе идеалы можетъ выработать изъ своей внутренней жизни общество, которое въ дѣлѣ милосердія различаетъ расу, что было свойственно только до-христіанскимъ обществамъ, но неприлично обществу, которое называется христіанскимъ? Соціальное, нравственное и воспитательное значеніе инородческаго вопроса огромно. Народъ, питающій жестокосердіе къ инымъ племенамъ и расамъ, едва-ли способенъ внести и въ свою среду гуманныя отношенія».

Рядомъ съ вопросомъ о вымираніи инородцевъ и оставленіи ими исторической сцены стоитъ вопросъ о культурныхъ способностяхъ инородческихъ племенъ и способности воспринять общечеловѣческую цивилизацію. Съ этимъ вопросомъ теоретики и культуртрегеры соединяли также приговоръ инородческому существованію. Всѣ бѣдствія инородцевъ и лишенія объяснялись ихъ упрямствомъ, нежеланіемъ или неспособностью перейти къ высшей куль-

турѣ, когда условія жизни измѣнились. А разъ инородческое населеніе неспособно сдѣлать этотъ шагъ, по мнѣнію культуртрегеровъ, приговоръ его подписанъ. На этомъ же основывались разныя побужденія и искусственныя мѣры заставить инородцевъ перейти къ высшей культурѣ, на этомъ основаніи всѣ проекты «осѣдленія», обрусенія, обращенія инородцевъ отъ кочеваго быта къ земледѣлію и т. п. Подобными опытами задавались многіе администраторы; хозяйственный бытъ инородцевъ при этомъ разсматривался, какъ бытъ дикарей, достойный пренебреженія, инородческіе промыслы считались неэкономными, низкими, недостойными поддержки и покровительства и самое уничтоженіе этихъ прежнихъ промысловъ должно было содѣйствовать къ переходу инородцевъ въ высшую культурную стадію.

Вопросъ этотъ, разрѣшаемый въ области теоретическихъ соображеній, точно также не имѣлъ почвы и повелъ ко многимъ заблужденіямъ и предразсудкамъ.

О самой культурѣ инородцевъ, объ ихъ хозяйственномъ бытѣ, промыслахъ и способахъ существованія мы имѣли слабое понятіе, а тѣмъ менѣе знали о происходящихъ измѣненіяхъ въ ихъ жизни, между тѣмъ измѣненія эти происходили какъ въ прошлой ихъ жизни, такъ происходятъ и теперь. Представленный нами въ особой главѣ очеркъ культуры показываетъ то движеніе и то постепенное измѣненіе быта, которое совершалось и совершается въ инородческомъ мірѣ. Это переходное движеніе и развитіе культуры, постепенные шаги отъ первобытной стадіи къ болѣе высшей, переходы отъ охотничьей жизни къ кочевой и отъ кочевой къ полуосѣдлой происходитъ совершенно естественно, безъ всякаго побужденія; они совершались издавна, и русскіе, придя въ Сибирь, застаютъ уже инородческія племена полуосѣдлыми. Нечего говорить, что кочевники, лѣсники, многіе охотники, звѣроловы, рыболовы далеко ушли отъ первобытнаго положенія дикаря и отъ періода каменнаго вѣка, хотя остатки и привычки отъ пережитыхъ эпохъ и могли сохранять. Во всякомъ случаѣ, наши инородцы и алтайскія племена не могутъ сравниваться съ дикарями Австраліи и Полинезіи. Это тюркскія и финскія племена, представляющія уже извѣстную стадію развитія и культуры. Поэтому нѣтъ никакого основанія отрицать среди инородцевъ извѣстнаго культурнаго прогресса даже въ предшествовавшей жизни. Все дѣло въ томъ, что этотъ прогрессъ и переходъ отъ одного занятія къ другому совершается очень медленно.

Обращаясь къ современной картинѣ инородческаго быта, мы видимъ, что по образу жизни и занятіямъ они раздѣляются на бро-

дячихъ охотниковъ, типъ ихъ на сѣверѣ Сибири, они же оленеводы; таковы самоѣды и остяки, часть ихъ рыболовы, остяки по Оби и въ Нарымскомъ округѣ; къ охотникамъ и рыболовамъ мы должны причислить и вогуловъ. Въ Восточной Сибири къ этой группѣ относятся самоѣды, тунгусы, юраки, камчадалы и многіе гиперборейцы, какъ манджурскія племена Амура. Въ этой охотничьей группѣ мы, однако, видимъ уже разныя стадіи и формы быта. Жизнь самоѣда крайняго Сѣвера нельзя сравнивать съ жизнью вогула и нарымскаго остяка. Послѣдніе представляютъ типъ полуосѣдлаго охотника и рыболова. Точно также огромную разницу представляетъ отъ самоѣда лѣсной житель Алтая и Кузнецкаго Алатау. Эти инородцы носятъ всѣ задатки лѣсной полуосѣдлой культуры, не смотря на свой охотничій промыселъ, и представляютъ весьма близкую стадію къ осѣдлому быту. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ охотниковъ Сибири мы видимъ, кромѣ переносныхъ шалашей, зимовки, землянки, «корамо» остяцкіе, «яйлу» въ Алтаѣ, наконецъ срубы, подобіе избъ и т. п. Что касается кочевниковъ, номадовъ или скотоводовъ, раскинувшихся въ южныхъ степяхъ, то и здѣсь мы видимъ различные переходы и ступени кочеваго быта. Нечего говорить, что самое кочевое хозяйство, основанное на эксплуатаціи прирученнаго домашняго скота—овцы, лошади, коровы и верблюда, представляетъ уже высшую стадію культуры, сравнительно съ охотникомъ, и услуги, оказанныя кочевымъ хозяйствомъ въ исторіи человѣчества, несомнѣнны; безъ этой стадіи не могло быть поступательнаго движенія впередъ. Полуосѣдлые лѣсники, приблизившіеся почти къ осѣдлому быту, принесли изъ кочеваго быта домашнее животное въ свои лѣса, а это животное явилось помощникомъ и новою силою въ культурѣ. Сами кочевники и номады не находятся въ застоѣ, бытъ ихъ съ вѣками и съ перемѣной мѣста измѣняется. Кочеваніе среди привольныхъ степей центральной Азіи въ древнія времена представляло болѣе раздолья и было болѣе подвижно. На Сѣверѣ, близь границъ Сибири, оно должно было измѣниться по климатическимъ условіямъ и потребовало зимняго перерыва; точно также кочевки и перекочевки измѣняются въ горахъ и предѣлы кочеванія измѣняются, съуживаются; еще болѣе перемѣнъ мы видимъ въ лѣсахъ. Киргизы и буряты нынѣ представляютъ особыя формы кочеваго быта; они строятъ зимовки, останавливаются на зиму и могутъ считаться полукочевымъ племенемъ. Еще болѣе задатковъ осѣдлости представляютъ якуты-скотоводы, имѣющіе зимнія жилища, избы, и, наконецъ, еще ближе къ осѣдлому быту башкиры, живущіе деревнями.

Далѣе, разсматривая занятія инородцевъ, мы видимъ, что каждый промыселъ въ отдѣльности совершенствуется съ теченіемъ времени: у охотника мы видимъ переходы отъ лука къ ружью, винтовкѣ, у кочевниковъ лучшіе способы ухода за скотомъ, заготовку сѣна, чего прежде не было, у бурятовъ, якутовъ, алтайцевъ. Мало того, въ самой ранней стадіи у кочевниковъ и лѣсниковъ мы находимъ задатки земледѣлія и хлѣбопашества. Многіе народы до пришествія русскихъ умѣли пахать хлѣбъ. Въ лѣсахъ Алтая и у кочевыхъ алтайцевъ-скотоводовъ мы нашли первобытное земледѣліе и первобытныя земледѣльческія орудія. Киргизамъ также было давно извѣстно земледѣліе, какъ минусинскимъ инородцамъ и бурятамъ; оно существовало рядомъ съ скотоводствомъ. На древнее земледѣліе указываютъ остатки ирригаціи въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Канавы въ Алтаѣ, видѣнныя нами, канавы и арыки въ Минусинскомъ округѣ, по изслѣдованіямъ Клеменца, остатки ирригаціи за Байкаломъ, близь Баргузина, указанные Палласомъ. Обычай ирригаціи остался доселѣ въ Алтаѣ, на Бухтармѣ, у киргизовъ Семипалатинской области, гдѣ земледѣліе весьма значительно; у лѣсныхъ татаръ Алтая и Минусинскаго округа также существуетъ земледѣліе. Стало быть, наши представленія о томъ, что инородческія племена, скотоводы и кочевники, не знаютъ земледѣлія—было совершенно невѣрно; они давно знаютъ способы посѣва, но заняться земледѣліемъ имъ не позволяли физическія условія: степи, безводныя пространства, солонцеватыя мѣстности (напр., въ Акмолинской области), наконецъ, они предпочитали скотоводство, какъ господствующій промыселъ, потому что онъ въ данную минуту болѣе выгоденъ и даетъ болѣе средствъ къ обезпеченію жизни. Каждое занятіе инородца и его промыселъ были обусловлены климатомъ, физическими условіями страны, естественными произведеніями и свойствами, благопріятствовавшими развитію той или другой формы хозяйства. Культурный прогрессъ стоялъ, поэтому, въ зависимости отъ этихъ условій. Мы видимъ, что инородцы во многихъ мѣстахъ приблизились къ формѣ осѣдлаго хозяйства помимо всякаго внѣшняго принудительнаго вліянія, и это доказываетъ вполнѣ ихъ способность къ развитію высшихъ формъ культуры. Обращая вниманіе только на низшія формы быта, видя полудикихъ звѣроловъ или кочевниковъ, постоянно перемѣнявшихъ мѣста, мы составили себѣ самое ложное представленіе о бытѣ инородцевъ, признали, что формы эти постоянны, неподвижны изъ вѣка въ вѣкъ, обвиняли инородца въ косности, въ упрямствѣ, въ неспособности дѣлать культурные шаги и стали придумывать, какими бы на-

сильственными и искусственными способами заставить его перейти къ осѣдлости и земледѣлію. Когда мы придумывали разные способы для побужденія инородцевъ къ другимъ занятіямъ и стѣсненію или ограниченію ихъ пастбищъ (проекты ограниченія перекочевокъ), мы игнорировали весьма важный фактъ въ инородческомъ мірѣ, мы не замѣчали, что въ другой полосѣ, на границѣ лѣсовъ въ Алтаѣ, въ кузнецкикъ лѣсахъ, въ Минусинскомъ округѣ, въ средней полосѣ Сибири у прежнихъ сибирскихъ татаръ совершились уже переходы къ осѣдлости и земледѣлію совершенно естественно и что надобно было только внимательно относиться къ этимъ культурнымъ переходамъ у другихъ племенъ, облегчая имъ переступить эту стадію, но не насилуя ихъ. А между тѣмъ здѣсь-то и не оказывалось помощи. Помощь эта, между тѣмъ, необходима только тамъ, гдѣ жизнь совершила свое дѣло, гдѣ культурный переходъ начатъ, гдѣ онъ вызванъ естественными условіями и необходимостью и гдѣ инородческое *полуосѣдлое* населеніе тѣсно сблизилось съ русскимъ населеніемъ; таковы инородческія управы и кочевыя лѣсныя волости Бійскаго, Кузнецкаго округа Томской губерніи, вогульскія волости, селенія полуосѣдлыхъ остяковъ, поселенія полуосѣдлыхъ якутовъ, башкировъ. Мы видимъ, что даже киргизы на границахъ съ русскими начинаютъ заниматься земледѣліемъ, какъ и бурята; такимъ образомъ, всякое принужденіе здѣсь излишне.

Значительная часть сибирскихъ племенъ уже перешла къ осѣдлости, и это видно на распредѣленіи населенія, особенно въ Западной Сибири.

По образу жизни, мы подраздѣлили инородцевъ Тобольской и Томской губерній въ особой таблицѣ на три группы осѣдлыхъ: полукочевыхъ и кочевыхъ и бродячихъ.

Осѣдлыхъ инородцевъ въ Тобольской губерніи насчитывалось нынѣ	39.632	чел.
Въ Томской губерніи	38.889	»
Полуосѣдлыхъ инородцевъ въ Тобольской губерніи	20.729	»
Въ Томской губерніи	5.791	»
Затѣмъ кочевниковъ и звѣролововъ въ Тобольской губерніи	13.839	»
Въ Томской губерніи	40.766	»

Изъ этого мы видимъ, во-первыхъ, что осѣдлыхъ инородцевъ въ Тобольской губерніи болѣе, чѣмъ въ Томской, точно также болѣе въ Тобольской губерніи и полуосѣдлыхъ, чѣмъ въ Томской. Кочевыя и бродячія племена, въ числѣ 40.766 чел., преобладаютъ въ Томской губ. Въ сущности кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ

въ двухъ губерніяхъ, однако, менѣе, чѣмъ осѣдлыхъ. Осѣдлыхъ 78.521, кочевыхъ и бродячихъ — 114.605. Картина эта, однако, не будетъ полна, если мы не примемъ во вниманіе примыкающія къ Тобольской губерніи съ юга степи, населенныя киргизами, номадами и находящіяся въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ, а также Семирѣченской. Въ двухъ областяхъ это населеніе равнялось 700.000 человѣкамъ, а во всѣхъ степяхъ до 2.000.000.

Разсматривая осѣдлое населеніе по племенамъ, мы видимъ, что культурное развитіе доступно одинаково всей алтайской расѣ и всѣмъ племенамъ тюркскаго, финскаго и монгольскаго происхожденія. Въ числѣ осѣдлыхъ инородцевъ Томской и Тобольской губерній мы видимъ сибирскихъ татаръ алтайскаго происхожденія; когда-то они были *полукочевыми*, какъ и *барабинцы*, нынѣ они вполнѣ осѣдлы. Мы видимъ нѣсколько осѣдлыхъ управъ въ Бійскомъ округѣ и въ Кузнецкомъ Томской губ., наконецъ, полуосѣдлыя племена вогуловъ, остяковъ въ Тобольской губерніи, лѣсныхъ татаръ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ. Замѣтимъ, что алтайскіе татары монголообразны и поэтому составляютъ смѣсь тюркской расы съ монгольской, какъ и якуты. Буряты же чисто монгольское племя, а между тѣмъ, мы видимъ у нихъ ту же наклонность къ полуосѣдлому быту. Якуты вполнѣ осѣдлы, хотя остаются скотоводами.

Рядомъ съ переходами къ культурѣ мы видимъ у инородцевъ вообще поступательные шаги въ занятіяхъ и ремеслахъ, при чемъ часто выражаются ихъ оригинальныя способности. Въ самомъ охотничьемъ и рыболовномъ быту мы видимъ много изобрѣтательности и усовершенствованій, напр., при устройствѣ ловушекъ, сѣтей, далѣе, въ кочевомъ быту умѣнье сохранять и распложать скотъ. На извѣстной ступени развитія появляются ремесла; выдѣлка кожи и замши поражала Миддендорфа, точно такъ же, какъ и искусство приноровлять мѣха и звѣриныя шкуры для одежды.

Вообще населеніе даже полярныхъ дикарей выказало множество способностей приноровляться къ природѣ, ограждать себя, сохранять свою жизнь и пользоваться окружающей обстановкой и продуктами, утилизируя ихъ и совершенствуя. Не можемъ не привести въ этомъ случаѣ слова глубокаго знатока Сѣвера, Миддендорфа, объ инородческой культурѣ:

«Европеецъ, надѣющійся, что въ глуши самаго безпріютнаго Сѣвера ему наконецъ удастся отдохнуть отъ повелительницы міра, моды, вскорѣ разочаровывается въ своей надеждѣ, видя, что мода властвуетъ вездѣ, куда только успѣлъ проникнуть человѣкъ на

земномъ шарѣ. Само собою разумѣется, что я не говорю тутъ о разнообразіи нарядовъ и о томъ, на сколько покрой ихъ приспособленъ къ различнымъ условіямъ жизни, при которыхъ каждый народъ ведетъ свое хозяйство. Въ этомъ отношеніи разсудительный путешественникъ научается со дня на день правильнѣе судить о томъ, что сначала ему казалось страннымъ, или, пожалуй, смѣшнымъ. И даже, чѣмъ онъ разсудительнѣе, тѣмъ чаще онъ ловитъ самого себя на усвоенныхъ привычкою, а потому одностороннихъ и предвзятыхъ сужденіяхъ, которыми запасся у себя дома. Очень трудно относиться къ дѣлу совершенно объективно. Тамъ только мы научаемся понимать, сколько рутиннаго въ нашихъ жизненныхъ привычкахъ и какъ мало онѣ соотвѣтствуютъ полнѣйшей практичной сущности.

«Существуютъ только два средства, чтобы вникнуть въ эти условія безъ всякаго предубѣжденія: или нужно всмотрѣться какъ можно ближе въ наши высшія европейскія положенія съ ихъ волшебною обстановкою всяческаго приличія и всяческой мнимой важности, или необходимо цѣликомъ влѣзть въ шкуру кочевника: одѣваться, укрываться, питаться и жить какъ кочевникъ, и стараться, такъ-ли или не такъ, дѣлать то, что онъ дѣлаетъ. Не успѣешь оглянуться, какъ чувствуешь себя разбитымъ на всѣхъ пунктахъ, какъ въ надменномъ европейцѣ не останется слѣда спѣси, и ему станетъ ясно, какъ день, что въ первобытныхъ условіяхъ жизни заключаются своего рода совершенства, которыя развиваются посредствомъ тысячелѣтнихъ усовершенствованій до тѣхъ поръ, пока они въ данномъ направленіи становятся недоступными для дальнѣйшаго совершенствованія и вступаютъ въ періодъ оцѣпененія. Спѣсивый европеецъ, не упускающій случая сначала устраивать все по своему, лучше глупыхъ туземцевъ сѣверной Азіи, вскорѣ, послѣ жестокихъ уроковъ (которые своеобразность природы и жизненныя условія неминуемо даютъ ему, изолированно стоящему культурному человѣку), отказывается отъ всякаго умничанья, и если не хочетъ погибнуть, можетъ сохранить себя только тѣмъ, что самъ превращается въ кочующаго азіатца. Онъ ежечасно начинаетъ сознавать, что все его европейское житье-бытье кроется только въ обмѣнѣ промышленныхъ, торговыхъ и подобныхъ выгодъ соціальнаго хозяйства. Но вѣдь какъ скоро истощается запасъ пороха, портится курокъ или дуло, изнашиваются привезенное бѣлье и верхнее платье и т. д.!..

«Да, переходы отъ лука и стрѣлы къ огнестрѣльному оружію, отъ мѣховой къ тканой одеждѣ, составляли скачки, повергавшіе человѣка въ новый міръ. Я живо припоминаю чувство сожалѣнія,

которое я испыталъ, когда, вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, прочелъ въ Динглеровомъ «Polytechnischer Journal» подробное описаніе и громкое восхваленіе необыкновенныхъ преимуществъ новаго изобрѣтенія по части отдѣлки замши при помощи мозговъ и яичнаго желтка. Это было ничто иное, какъ способъ, искони мастерски употребляемый полярными народами Сибири, но болѣе усовершенствованный ими сначала посредствомъ разныхъ мелкихъ уловокъ, а въ заключеніе посредствомъ прокапчиванія, и позволяющій дѣйствительно превосходно выдѣланную замшевую шкуру подвергать сырости безъ малѣйшаго вреда. Дѣло въ томъ, что мягкость (вопреки сильнѣйшей стужѣ) и сухость мѣховой одежды составляютъ необходимыя условія для того, чтобы человѣкъ могъ переносить сильнѣйшую степень мороза. Чтобы правильно понять чрезвычайную важность этихъ свойствъ, нужно только вдуматься въ противуположную крайность. Охотникъ, который захотѣлъ бы лучше уберечь себя отъ мороза при помощи свѣже-содранныхъ шкуръ сѣверныхъ оленей, заснулъ бы, закутавшись, пожалуй, прекрасно, но на слѣдующее утро увидѣлъ бы, что безъ чужой помощи безвыходно замерзъ бы въ самыхъ тѣсныхъ оковахъ. Вотъ почему всѣ сѣверяне тщательно снимаютъ все съ себя на ночь, что тѣмъ необходимѣе, чѣмъ сильнѣе морозъ, которому они намѣрены противостать подъ открытымъ небомъ или въ шалашѣ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 322) я уже коснулся этого предмета. Такъ просто разрѣшается непонятное для непосвященнаго въ дѣло извѣстіе старика Витсена, что самоѣды «werpen harekleideren des nachts buiten de tente».

«Этимъ-то и объясняется превосходная отдѣлка замши у полярныхъ народовъ.

«Я нашелъ даже, что чѣмъ болѣе я удалялся отъ центровъ цивилизаціи въ Сибири, тѣмъ техника дубленія была болѣе развита. Ближе къ нимъ, у остяковъ, тунгусовъ и самоѣдовъ, встрѣчались, правда, еще тѣ же самые болѣе усовершенствованные инструменты, которые употребляются и русскими въ Сибири».

Такимъ образомъ, философъ европеецъ долженъ отнестись не съ пренебреженіемъ къ способностямъ и первобытной культурѣ этихъ племенъ, но съ почтеніемъ и удивленіемъ. Мы рекомендуемъ также прочесть прекрасную страницу изъ Оскара Пешеля объ эскимосахъ. «Конечно, эскимосы не вывели по извѣстнымъ отклоненіямъ въ движеніи луны заключенія о приплюснутой формѣ земли, они не разложили воды на два составные газа, не создали міровой религіи, но за то они первые своими собственными силами и собственнымъ искусствомъ проложили себѣ пути къ тѣмъ

поясамъ земли, гдѣ зима сковываетъ землю на десять мѣсяцевъ, гдѣ не растетъ ни одного дерева, гдѣ даже моремъ не приносится столько лѣсу, чтобы можно было сдѣлать изъ него древко копья». Они, однако, научились дѣлать сани, копья, стрѣлы, они дѣлаютъ хижины, возводятъ своды изъ камня, о чемъ не думали народы Мехики, они приручили собаку и употребляютъ ее въ хозяйствѣ. Одно уже заселеніе крайняго Сѣвера должно быть признано культурнымъ подвигомъ. Эти эскимосы завоевали себѣ жизнь на Сѣверѣ и помогли другимъ сдѣлать географическія открытія, они спасали и руководили здѣсь европейцемъ. Когда раздается на кораблѣ, затертомъ льдами, крикъ «Эскимосы пришли!», какъ будто бы рука друга растворила двери арктической темницы, говоритъ знаменитый мыслитель антропологъ (Народовѣдѣніе. Оскара Пешеля, вып. III, ст. 405—406). Если мы видимъ среди полярныхъ дикарей искусства и изобрѣтательность, то другія племена еще болѣе обнаружили ихъ и оказали услуги человѣческой культурѣ. Въ лѣсахъ Сибири мы видимъ образцы плетенія и выдѣлку первой ткани изъ крапивы, изъ дикаго льна, конопли или изъ *кендыря* (первобытный ткацкій станокъ извѣстенъ лѣснымъ татарамъ Алтая и финнамъ). Мы знаемъ, что инородческія племена, какъ финны, мордва, черемисы, умѣютъ производить прекрасные узоры на тканяхъ, точно также какъ замѣчательнымъ вкусомъ въ этомъ отношеніи отличаются и тунгусы. У кочевниковъ является умѣнье выдѣлывать сукно изъ верблюжьей шерсти, какъ, напр., у киргизовъ. Монголія когда-то славилась выдѣлкой той же ткани, и у лѣсныхъ инородцевъ кумандинцевъ производятся одежды и чулки изъ овечьей шерсти. Войлокъ былъ утилитарнѣйшимъ продуктомъ кочевника.

Кромѣ выдѣлки изъ кожи посуды (турсуковъ), сбруи, обуви, мы видимъ у инородцевъ искусство обдѣлывать дерево, бересту, наконецъ, кость. Костяныя ажурныя работы особенно славятся у якутовъ. Наконецъ, инородцамъ Сибири съиздавна былъ извѣстенъ металлъ, употребленіе котораго перешло къ нимъ отъ древнихъ народовъ Сибири, обитавшихъ въ Алтаѣ и въ Саянахъ. Самый металлъ и искусство его обработки перенесено изъ Азіи въ Европу, и знаменитая Колхида находилась въ нѣдрахъ Азіи и, по догадкамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, чуть-ли не въ Алтаѣ. Путешественники и геологи обнаружили въ Алтаѣ, въ Саянахъ и въ Нерчинскомъ краѣ, какъ и на Амурѣ, множество заброшенныхъ копей, чудскихъ рудниковъ, гдѣ производилась разработка мѣди, серебра и даже золота, иногда находились даже засыпанные рудокопы (въ Алтаѣ). Всѣ сибирскіе рудники основывались тамъ,

гдѣ уже ранѣе какіе-то народы пробивали шахты. Лучшія мѣсторожденія металла открывали для русскихъ людей въ первое время инородцы: тунгусы, татары, алтайцы, буряты и т. д. Археологи открыли огромное количество металлическихъ орудій въ древнихъ могилахъ Сибири и особенно драгоцѣннѣйшія коллекціи бронзовыхъ орудій, которыя наполняютъ нынѣ сибирскіе музеи (особенно Минусинскій и музей Сибирскаго университета въ Томскѣ). Все это были слѣды какой-то древней культуры предшествовавшихъ инородческихъ племенъ въ Сибири. Историческія показанія китайскихъ историковъ весьма много говорятъ о древнихъ племенахъ Сибири, родоначальникахъ нынѣшнихъ тюрковъ, алтайцевъ, якутовъ, киргизовъ и другихъ. Эти драгоцѣнныя указанія можно найти въ трудахъ Клапрота, отц. Іоакинфа, Палладія, у Абель Ремюза, Станислава Жюльенъ, у Шотта и другихъ оріенталистовъ. Въ VIII и IX вв. въ вершинахъ Енисея и въ Минусинскомъ округѣ жили *хакасы*, келикидзе (киргизы), которые знали выдѣлку желѣза и добывали его. Они сносились съ Китаемъ и сообщали китайцамъ о выдѣлкѣ желѣза. Въ Алтаѣ народъ тукюэ (дулга по Іоакинфу) умѣлъ выдѣлывать металлъ и назывался плавильщиками. На Амурѣ и за Байкаломъ нюэчжи и дауры обладали этимъ же искусствомъ. Выдѣлка металла перешла и къ позднѣйшимъ инородцамъ Сибири. Русскіе въ XVI в. покоряютъ алтайскихъ кузнецкихъ татаръ, которые выдѣлывали изъ мѣди котлы и разныя подѣлки, которыми платили дань въ Китай, отъ того получилось и названіе города Кузнецка. Желѣзное производство существовало у енисейскихъ инородцевъ и поэтому дано названіе Кузнецкой волости; плавка желѣза послѣ перешла къ русскимъ крестьянамъ (см. Палласъ). Желѣзо умѣли выдѣлывать и тунгусы. У алтайцевъ до сихъ поръ существуетъ кузнечное дѣло, какъ мы убѣдились сами и какъ засвидѣтельствовалъ извѣстный оріенталистъ и изслѣдователь Алтая В. В. Радловъ. Алтайцы-кочевники и лѣсники не только умѣютъ добывать изъ руды желѣзо, но закаливаютъ сталь и довели ея производство до извѣстнаго совершенства. Затѣмъ мы видимъ сохранившееся искусство выдѣлывать изъ желѣза и серебра различныя вещи у якутовъ. Замѣчательные образцы украшеній якутскихъ изъ серебра приведены въ рисункахъ въ путешествіи Маака; кромѣ того изящная коллекція ихъ находится въ Иркутскѣ при музеѣ географическаго общества. Замѣчательно, что многія инородческія вещи и ихъ орнаментъ совершенно напоминаютъ курганныя вещи, показывая связь древней культуры съ сохранившимся ремесломъ у инородцевъ. Мы должны сказать, однако, что прежнее искусство и ремесленность у ино-

родцевъ падаютъ и исчезаютъ какъ вслѣдствіе того, что самый бытъ ихъ ухудшился, затѣмъ мѣсторожденіе металла и эксплоатація его перешла въ руки русскихъ и, наконецъ, кузнечное искусство русскихъ и привозъ фабричныхъ металлическихъ издѣлій не позволяютъ конкуррировать мѣстному производству. Но прежде чѣмъ культура завоевателей заняла мѣсто, мы видимъ, что всѣ инородческія племена имѣли самостоятельную культуру, обнаружили свои способности и искусства, что вполнѣ опровергаетъ предразсудокъ и заблужденіе о томъ, что инородческія племена неспособны были совершенствовать бытъ свой и лишены способности совершать культурное развитіе,

Напротивъ, мы должны пожалѣть, что этотъ даръ, эти способности инородцевъ утратились, не имѣли надлежащаго выхода и примѣненія, иначе, мы не воспользовались ими такъ, какъ они принесли бы пользу въ общей культурной работѣ человѣчества.

Взаимодѣйствіе русскаго и инородческаго населенія.

Горсть русскихъ, вторгнувшаяся въ Сибирь въ XVI ст., была, конечно, гораздо малочисленнѣе инородческаго міра, раскинувшагося отъ Амура до Урала и южно-русскихъ степей. Только сплоченная сила, организованное движеніе, необыкновенная отвага съ нѣкоторымъ преимуществомъ огнестрѣльнаго оружія могли оказать здѣсь успѣхи и прорвать инородческую массу, раздѣлить ихъ, разбить по частямъ и обезоружить. Нечего говорить, что завоевателямъ здѣсь благопріятствовало много обстоятельствъ. Впослѣдствіи колонизаціонный потокъ и ринувшаяся эмиграція изъ Россіи подкрѣпили завоеваніе, но, тѣмъ не менѣе, число русскаго населенія все-таки было не велико. Къ началу нынѣшняго столѣтія оно не превышало милліона на всю Сибирь, между тѣмъ какъ инородческое населеніе охватывало со всѣхъ сторонъ русскихъ. Чтобы представить себѣ, какъ уравновѣшивается инородческое населеніе съ русскимъ и объяснить себѣ ихъ взаимодѣйствіе слѣдуетъ обратиться къ таблицамъ и даннымъ, показывающимъ процентное отношеніе инородческаго населенія къ русскому и обратно.

Мы видимъ, что пропорція русскаго населенія къ инородческому въ разныхъ частяхъ Сибири была и есть весьма различна. Прилагаемыя таблицы показываютъ распредѣленіе инородцевъ въ различныхъ округахъ Тобольской и Томской губерній. Въ то время, когда въ болѣе населенныхъ русскими округахъ процентъ инородческаго населенія равняется 3,05% (Ялуторовскій округъ), 6,72%, 7,06%, 9,34%, 16,92%, то-есть, значительно менѣе русскихъ въ сѣверныхъ округахъ, какъ Березовскомъ и Сургутскомъ, инородческое населеніе преобладаетъ надъ русскимъ и процентъ его на русское равенъ 354,67% и 445,90%; въ Томской губерніи число инородцевъ значительно болѣе въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ, а именно: 12,89% и 16,48%, но

въ Каинскомъ округѣ составляетъ 1,83% русскаго населенія. За то въ области Акмолинской и Семипалатинской, т.-е. въ южныхъ степяхъ Сибири, замѣчается опять полное преобладаніе кочевниковъ киргизовъ надъ русскимъ населеніемъ, а именно: въ Акмолинской области 428,04%, сравнительно съ русскимъ, и въ Семипалатинской 854,92%. Вообще же въ степяхъ, принимая во вниманіе Оренбургскую область и Тургайскую, киргизы составляютъ 91% общаго числа жителей. Чѣмъ далѣе мы пойдемъ на востокъ, тѣмъ пропорція инородцевъ является значительнѣе. Въ Енисейской губерніи, на сѣверѣ, въ Туруханскомъ краѣ находится 7.020 бродячихъ инородцевъ, а русскихъ только 9.783; но недавно русскихъ было менѣе инородцевъ. Еще поразительнѣе пропорція инородцевъ въ Якутской области—русскіе, по отчету губернатора, въ 1887 г. составляли 2% всего сельскаго населенія области. Вообще въ области находилось 255.671 жителей, изъ нихъ только 16.551 русскихъ, евреевъ, нѣмцевъ и поляковъ, 239.120 чел. было якутовъ. Въ Иркутской губерніи и въ Забайкальѣ насчитывается 200.000 бурятовъ. Въ Забайкальской области на 539.600 жит. съ войсками приходилось 154.000 туземцевъ, бурятовъ и тунгусовъ. 27 лѣтъ назадъ, въ Амурской и Приморской областяхъ русскаго населенія почти не было, нынѣ на 95.600 русскихъ приходится 66.800 инородцевъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ районахъ, какъ въ сѣверныхъ округахъ Приморской области на 2.800 русскихъ приходится 16.700 инородцевъ, а во Владивостокскомъ губернаторствѣ на 6.500 русскихъ 5.400 корейцевъ и китайцевъ. Такая непропорціональность населенія и преобладаніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ инородцевъ не могла не отразиться на русскомъ населеніи и мы не можемъ игнорировать явленія метисаціи и смѣшенія съ инородцами, выразившейся довольно чувствительно. Въ этомъ отношеніи, вслѣдъ за завоеваніемъ и установленіемъ мирныхъ сношеній, русскіе не могли сохранить чистоту расы; съ другой стороны, нѣкоторая часть инородцевъ при сближеніи съ русскими образовывала помѣси, нѣсколько обрусѣла и мѣстами образовались деревни новокрещеныхъ и обрусѣвшихъ инородцевъ въ Томской губ., въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ, въ Енисейской губ. въ Минусинскомъ округѣ.

Культурное вліяніе русскаго элемента должно было бы также обнаружиться въ Сибири при сношеніяхъ съ инородцами, но при низкомъ уровнѣ умственнаго развитія русское населеніе оказалось менѣе стойко, чѣмъ можно было ожидать, и само отступило отъ культуры и подверглось инородческому вліянію. Мы попробовали сгрупировать многіе факты, обнаруживающіе взаимодѣй-

ствіе русскаго и инородческаго элемента на окраинѣ, а также данныя о совершающейся метисаціи.

Смѣшеніе и перерожденіе русскаго племени на востокѣ совершалось двумя путями: при посредствѣ кровнаго родства и примѣси къ русской народности инородческаго элемента, а также вслѣдствіе воспринятія самими инородцами русскаго языка, образа жизни, смѣшенія съ русскими, а затѣмъ полнаго слитія и исчезновенія среди русской народности. Такое смѣшеніе происходитъ на востокѣ съ очень давняго времени, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ. Оно началось немедленно по завоеваніи Сибири, можетъ быть, потому, что какъ завоеватели, такъ и завоеванные въ ту эпоху стояли на довольно близкомъ уровнѣ культуры и развитія. Происхожденіе большей или меньшей массы такого смѣшаннаго населенія въ Западной Сибиря, по географическимъ и историко-географическимъ условіямъ, было неизбѣжно. Просматривая даже немногіе сибирскіе акты первой половины XVIII вѣка, мы и въ нихъ находимъ довольно указаній на ближайшее и непрерывное бытовое общеніе и физіологическое смѣшеніе русскихъ съ азіатцами, въ особенности съ татарами, киргизами и калмыками. Калмыціе, бухарскіе и киргизскіе купцы постоянно пріѣзжали съ товарами въ Тобольскъ и Ирбитъ, разъѣзжали и проживали по другимъ сибирскимъ городамъ и по деревнямъ партіями человѣкъ по 170 и болѣе, имѣли здѣсь своихъ дружковъ. Многіе изъ нихъ селились въ сибирскихъ городахъ и деревняхъ, принимали русскую вѣру и женились на русскихъ. По словамъ Миллера, «многіе изъ бухарскаго народа поселились въ сибирскихъ городахъ».

Сибирскія казачьи команды нарочно отправляются въ улусы или юрты калмыцкія и киргизскія, чтобы, по словамъ актовъ, захватывать въ полонъ калмыцкихъ и киргизскихъ бабъ, дѣвокъ и ребятъ, и сибирская губернская канцелярія «взятую добычу людей отдавала имъ въ раздѣлъ». Многіе русскіе покупали киргизскихъ и калмыцкихъ дѣвушекъ и мальчиковъ; нерѣдко сами урянхайцы или калмыки дарили русскимъ старшинамъ и сержантамъ близьлежащихъ сибирскихъ крѣпостей «бабъ и дѣвокъ и ребятъ калмыцкихъ, круглыхъ сиротъ», особенно въ голодные годы. Такимъ образомъ, въ составъ населенія западно-сибирскихъ городовъ и деревень непрерывно прибывали калмыки, киргизы и другіе инородцы, которые, принимая русскую вѣру и женясь на русскихъ женщинахъ, постепенно русѣли: одни изъ нихъ находились въ услуженіи и на работахъ у своихъ хозяевъ, другіе обучались разнымъ ремесламъ и записывались въ цехи и т. п.

Такой способъ обрусенія калмыковъ и другихъ племенъ утвержденъ былъ высочайшимъ указомъ отъ 16 ноября 1737 г. Русскіе, въ свою очередь, женились на киргизкахъ, калмычкахъ и друг. Съ другой стороны, и въ самые центры поселеній или кочевьевъ сибирско-азіатскихъ племенъ невольно вносился большій или меньшій контингентъ русскаго племени, и тѣмъ способствовалъ образованію и выдѣленію обрусѣлыхъ поколѣній. Русскіе частью попадались въ плѣнъ, а частью и сами добровольно уходили въ кочевья калмыковъ и киргизовъ, и тамъ нерѣдко женились. Такъ, напримѣръ, въ кошахъ калмыцкихъ находились, между прочимъ, русскіе яицкіе казаки, женатые на калмычкахъ. Иногда бѣглые русскіе солдаты укрывались у киргизовъ и женились на киргизскихъ женщинахъ. У калмыцкихъ родоначальниковъ, зайсановъ или нойоновъ, русскихъ плѣнныхъ находилось человѣкъ по 25; нѣкоторые были мастера, устраивали заводы для плавки серебра, мѣди и литья пушекъ. Еще больше, кажется, было русскихъ женщинъ въ плѣну у калмыковъ и киргизовъ.

Вообще по свидѣтельству историческихъ актовъ, съ начала XVII вѣка славяно-русская народность въ Западной Сибири болѣе или менѣе подвергалась непрерывному и продолжительному смѣшенію съ мѣстными азіатскими племенами и особенно съ вогуличами, остяками, татарами, калмыками и киргизами. Уже въ первой четверти XVII вѣка физіологическое смѣшеніе первыхъ русскихъ колонистовъ съ азіатскими племенами до того усилилось, что московское высшее духовенство находило нужнымъ прекратить или ограничить этотъ естественно-историческій организаціонный процессъ. Точно также въ первой половинѣ XVIII вѣка митрополиты тобольскіе нерѣдко вопіяли противъ такого же беззазорнаго смѣшенія русскихъ съ женщинами вогулицкими, остяцкими, татарскими, калмыцкими и киргизскими. И вотъ, вслѣдствіе такого физіологическаго смѣшенія съ разными сибирскими азіатскими племенами, славяно-русская народность и въ западно-сибирскомъ русскомъ населеніи, естественно, болѣе или менѣе подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ въ самомъ своемъ физическомъ типѣ, усвоила нѣкоторые признаки или оттѣнки физическаго очертанія татарскаго, киргизскаго, калмыцкаго, остяцкаго и вогулицкаго. Эти новопріобрѣтенныя особенности замѣчены были уже въ прошломъ столѣтіи. «Въ нихъ (т.-е. въ жителяхъ Западной Сибири),—писалъ еще Татищевъ,—довольно въ лицѣ смуглыхъ, калмыковатыхъ, и довольно отъ природы смѣшанной калмыцкой, татарской и киргизской». Смѣшеніе съ азіатскими инородцами, конечно, должно было сильнѣе отразиться

на окраинахъ. Въ срединѣ, какъ замѣчаютъ изслѣдователи, русское населенiе еще остается чистымъ, но на сѣверѣ, напримѣръ въ Обдорскомъ или Березовскомъ краяхъ, смѣшенiе русскихъ колонистовъ съ остяками, самоѣдами и татарами доходитъ до того, что русскiе совершенно превращаются въ инородцевъ. Кастренъ нашелъ въ этомъ краѣ русскихъ, совершенно смѣшавшихся съ самоѣдами. Наиболѣе любопытныя данныя въ позднѣйшее время по этому предмету дала туруханская экспедицiя, которая, кромѣ наглядныхъ наблюденiй, дѣлала различныя анатомическiя и краніологическiя измѣренiя. Сѣверъ Сибири когда-то колонизовали казаки и служилые люди, а часто и великорусскiе торговые и промышленные ходаки, вышедшiе преимущественно изъ уѣздовъ Холмогорскаго, Устюжскаго и Вологодскаго. Вмѣстѣ съ русскими поселялись тамъ и зыряне. Впрочемъ, главная масса переселенцевъ состояла изъ русскихъ. Физiологическое смѣшенiе малочисленнаго русскаго населенiя съ разными туземными племенами въ Туруханскомъ краѣ началось съ перваго десятилѣтiя XVII вѣка и болѣе или менѣе продолжается и до сихъ поръ. Въ началѣ русской колонизацiи всѣ инородческiя племена Туруханскаго края были, по выраженiю актовъ, «не мирны», т.-е. возмущались противъ русскихъ служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей. Потомъ, послѣ усмиренiя немирныхъ племенъ, между ними и русскими торговыми и промышленными людьми установились болѣе или менѣе мирныя торгово-промышленныя отношенiя. И вмѣстѣ съ тѣмъ началось болѣе тѣсное бытовое сближенiе и физiологическое смѣшенiе русскихъ и инородцевъ, продолжающееся и теперь. Надобно, правда, замѣтить, что въ Туруханскомъ краѣ физiологическое или брачное смѣшенiе русскаго племени съ инородческими племенами, повидимому, еще не очень сильно. Причиной этому, относительно остяковъ, вѣроятно, слишкомъ низкая степень развитiя въ нихъ домохозяйственныхъ способностей и привычекъ и отталкивающая неопрятность этого племени, а относительно другихъ инородцевъ — ихъ наибольшая изолированность отъ русскихъ, недоступность, вслѣдствiе ихъ уединенности и разбросанности въ тундрахъ и лѣсахъ. При всемъ томъ, хотя и поодиночное и медленное, но неизбѣжное, непрерывное и повсемѣстное смѣшенiе инородцевъ съ русскимъ населенiемъ и въ Туруханскомъ краѣ составляетъ существенный историческiй или этнологическiй фактъ. Начиная съ Верхнеимбацка (63° с. ш.) до Дудинки (69° с. ш.) простирается область племенной метисацiи, сравнительно болѣе слабой или менѣе замѣтной. Съ Дудинки же по низовью Енисея и за Тундрой, по увѣренiю туру-

ханскаго миссіонера, священника Доброхотова, и долго находившихся тамъ казаковъ, представляется настоящая область смѣшенія или, какъ говорятъ туруханскіе казаки, «смѣшицы» племенъ. Какъ ни мало замѣтно смѣшеніе русскихъ съ остяками и другими азіатцами въ имбацкихъ предѣлахъ, но «мы,—говоритъ г. Щаповъ, членъ туруханской экспедиціи, — даже при самомъ скоромъ проѣздѣ отъ Верхнеимбацка до Туруханска (63°—65° с. ш.), еще не задаваясь вопросомъ о смѣшеніи русскихъ съ туземными племенами, видѣли уже нѣсколько примѣровъ русско-инородческой метисаціи, рѣзко бросавшихся въ глаза. Такъ въ Верхнеимбацкѣ одинъ поселенецъ изъ духоборцевъ женился на остячкѣ и до ранней смерти ея прижилъ съ нею пять дѣтей съ смѣшаннымъ русско-остяцкимъ обликомъ». На низу Енисея и за Тундрой русскіе, по недостатку своихъ женщинъ, еще чаще женятся на инородкахъ или, какъ говорятъ туруханцы, на «азіаткахъ». Туруханскіе казаки, долго жившіе тамъ вахтерами при хлѣбныхъ магазинахъ, единогласно утверждали этотъ фактъ. Вотъ слово-въ-слово ихъ разсказъ: «На низу—народъ смѣшица: русскіе берутъ азіатокъ, азіаты берутъ русскихъ женщинъ. За Тундрой тоже; самоѣды женятся на тунгускахъ и долганкахъ, долганы (помѣсь тунгусовъ съ якутами) и тунгусы берутъ и самоѣдокъ, и тунгусокъ, и якутокъ; русскіе всѣхъ берутъ—и самоѣдокъ, и тунгусокъ, и якутокъ, и долганокъ, и юратокъ, и остятокъ. Дальше до Анбары—тоже народъ все смѣшица; долганы, якуты и крестьяне другъ у друга берутъ бабъ». Такъ, по общему наблюденію самихъ туруханскихъ жителей, русское населеніе въ ихъ краѣ довольно сильно смѣшивается съ инородческими племенами. Точныхъ и подробныхъ статистическихъ свѣдѣній объ этой метисаціи, конечно, въ туруханскомъ «отдѣльномъ управленіи» нѣтъ, да и собрать ихъ чрезвычайно трудно. Но и за отсутствіемъ общихъ числовыхъ показаній, представленные нами факты, при всей ихъ отрывочности и неполнотѣ, съ полною достовѣрностью и достаточною убѣдительностью подтверждаютъ то общее заключеніе, что и на сѣверѣ Енисея, и по сторонамъ его славяно-русская народность постоянно болѣе или менѣе смѣшивалась и смѣшивается съ туземными азіатскими племенами.

Такое же смѣшеніе съ инородцами мы находимъ и далѣе на востокѣ. «Если мы взглянемъ на русскую народность въ Якутской области,—сообщаетъ журналъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества,—то увидимъ и тамъ, быть можетъ, еще болѣе поразительный примѣръ ея физическаго и психическаго видоизмѣненія.

Здѣсь въ видоизмѣненіи ея опять дѣйствовали вмѣстѣ физико-географическія и этнологическія условія края. Русскіе колонисты, при ихъ малочисленности въ сравненіи съ туземнымъ якутскимъ населеніемъ, неизбѣжно и невольно должны были утратить свою національную самобытность и устойчивость, и во всемъ, за-одно съ якутами, подчиняться мѣстнымъ физико-географическимъ и этнологическимъ условіямъ. И вотъ они почти совершенно слились съ якутами, объединились съ ними брачнымъ смѣшеніемъ и образовали своеобразную, смѣшанную якутско-русскую народность. Черты лица и всего физическаго строенія русскаго или обрусѣвшаго и смѣшаннаго якутско-русскаго населенія почти вполнѣ усвоили признаки племеннаго типа якутовъ. Природные якутскіе урожденцы, проживающіе въ Иркутскѣ и сами въ своемъ лицѣ довольно замѣтно представляющіе обликъ природныхъ, чистыхъ якутовъ, такъ характеризовали намъ физическій типъ обрусѣлыхъ якутовъ и русскихъ, происшедшихъ отъ смѣшанныхъ якутско-русскихъ браковъ: «Народъ этотъ болѣе сухощавый, какъ и коренные, природные якуты, и смугловатый, но уже не такъ, какъ настоящіе якуты, которые весьма смуглы. Волосы у чистыхъ природныхъ якутовъ черные, даже «свѣтятъ», и жестки, а у обрусѣлыхъ якутовъ или у якутскихъ русскихъ—весьма темнорусы и менѣе жестки, но нерѣдко бываютъ также и очень черны и жестки. Бѣловолосыхъ или рыжеволосыхъ вовсе нѣтъ ни между чистыми якутами, ни между обрусѣлыми. Глаза у обрусѣлыхъ якутовъ и у природныхъ якутскихъ русскихъ жителей больше походятъ на глаза природныхъ чистыхъ якутовъ, чѣмъ на глаза россійскихъ поселенцевъ, но менѣе узки, чѣмъ у китайцевъ или монголовъ. У обрусѣлыхъ якутовъ, равно какъ и у давнишнихъ, природныхъ русскихъ якутскихъ жителей, скулы нѣсколько выпуклы, но менѣе, чѣмъ у природныхъ, чистыхъ якутовъ; носъ плосковатый, но «не чрезвычайно». Якутки красивѣе бурятокъ, и потому русскіе сплошь и рядомъ берутъ ихъ за себя замужъ. Оттого природные якутскіе русскіе жители, представляющіе четвертое, пятое или шестое туземное смѣшанное поколѣніе, по наружности почти нисколько не разнятся отъ якутовъ или весьма мало въ чемъ разнятся».

Но если мы находимъ смѣшавшееся и почти превращающееся въ инородцевъ русское населеніе на сѣверѣ Сибири, поглощеніе котораго могло бы быть объяснено его незначительностью, то подобною же бѣдностью и недостаткомъ русскаго элемента оно не можетъ быть объяснено на югѣ, куда русское населеніе подошло къ инородцамъ, такъ-сказать, сплошною стѣною. А между

тѣмъ здѣсь совершаются тѣ же явленія, какъ на сѣверѣ: русскіе смѣшиваются съ тунгусами, якутами, бурятами. Смѣшеніе населенія здѣсь происходитъ также двумя путями: обрусеніемъ нѣкоторыхъ инородцевъ, браками ихъ съ русскими женщинами и внесеніемъ своихъ національныхъ признаковъ въ среду русскую; точно также и обратно, въ силу брачнаго влеченія русскаго населенія къ инородческому.

Въ Юго-восточной Сибири, говорятъ «Извѣстія» Сибирскаго Отдѣла, въ верховьяхъ Ангары до Братскаго порога, особенно въ верховьяхъ Лены до р. Илги, по р. Иркуту, въ окрестностяхъ Байкала и во всемъ Забайкальѣ до Амура. славяно-русская народность подверглась не менѣе замѣтному и, кажется, еще болѣе типичному видоизмѣненію въ физическомъ строеніи. Здѣсь въ измѣненіи ея главнымъ образомъ дѣйствовали не столько физико-географическія, сколько этнографическія условія, не столько климатъ, почва или вообще физическая экономія края, сколько физіологическое смѣшеніе славяно-русской народности съ монголо-бурятскимъ и отчасти тунгусскимъ племенемъ. Самое характеристическое явленіе въ этнографической организаціи восточно-сибирскаго населенія представляютъ такъ-называемые «ясачные». Это крещеные буряты, женившіеся на русскихъ женщинахъ или иногда на крещеныхъ буряткахъ и живущіе особыми дворами или селеніями, отдѣленными отъ бурятскихъ улусовъ. Они частью поселены въ особыхъ селеніяхъ или деревняхъ, частью разсѣяны по русскимъ селамъ, деревнямъ и даже городамъ. Такъ-называемыя «ясачныя селенія» большею частью цѣликомъ населены одними «ясачными», т.-е. осѣдлыми и обрусѣлыми бурятскими поколѣніями. Такихъ селеній, напримѣръ, въ Галаганскомъ округѣ 13, въ Верхоленскомъ—7; едва-ли не больше всего ихъ въ Забайкальской области. Другіе ясачные водворены вмѣстѣ съ русскими крестьянами въ русскихъ селеніяхъ. Во многихъ русскихъ селеніяхъ половина жителей состоитъ изъ русскихъ крестьянъ, а другая половина изъ обрусѣлыхъ бурятовъ или ясачныхъ.

Вотъ эти-то своеобразные жители юго-восточной части Сибири, такъ-называемые «ясачные» и «осѣдлые инородцы», по всей наглядности представляютъ намъ самый типическій примѣръ видоизмѣненія славяно-русской народности подъ вліяніемъ физическаго смѣшенія ея съ азіатскимъ племенемъ, совершенно другой расы. Достаточно взглянуть на представителя этого ясачнаго, бурятско-русскаго населенія Восточной Сибири и сравнить его съ родоначально-русскимъ типомъ или съ болгаромъ, чехомъ, сербомъ, полякомъ, чтобы увидѣть, до какой степени видоизмѣнился чистый

славянскій типъ въ этомъ восточно-сибирскомъ ясачномъ населеніи, вошедшемъ въ составъ русской народности и годъ отъ году пополняющемся новыми поколѣніями, привходящими въ составъ его изъ бурятскаго и тунгусскаго племенъ. Но и помимо ясачныхъ селеній, вездѣ въ Иркутской губерніи и особенно въ Забайкальской области, постоянно совершается естественно-историческій процессъ мѣстнаго этнологическаго видоизмѣненія русской народности, вслѣдствіе постояннаго сожительно-бытоваго смѣшенія русскаго населенія съ бурятскимъ племенемъ. Вѣроятно, многіе, а мѣстами, быть можетъ, и большая часть крестьянъ, которые, числясь подъ этимъ именемъ въ ревизскихъ сказкахъ и церковныхъ вѣдомостяхъ, живутъ вмѣстѣ съ ясачными въ однихъ селеніяхъ, не что иное, какъ «выродки» (по туземному сибирскому выраженію) или потомки болѣе древнихъ ясачныхъ, жившихъ еще въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, а теперь уже совершенно слившихся съ русскимъ населеніемъ, или мало-по-малу перешедшихъ въ составъ и категорію сословія крестьянъ или же разночинцевъ, купцовъ и мѣщанъ. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить, напримѣръ, такихъ сплошь и рядомъ встрѣчающихся явленій, какъ брацковатый типъ многихъ изъ старинныхъ урожденцевъ такъ-называемыхъ чисто-русскихъ крестьянскихъ селъ и деревень и въ частности, часто встрѣчающійся, особенно въ Нерчинскомъ краѣ, въ духовенствѣ и его потомствѣ. Эрманъ также описываетъ, какъ замѣчательную мѣстную этническую особенность, почти повсемѣстное распространеніе въ русскомъ населеніи города Иркутска и Забайкалья монголо-бурятскаго типа. Въ самомъ городѣ Иркутскѣ, не только въ простонародьѣ, но и въ среднемъ сословіи, онъ встрѣчалъ множество лицъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, которые поражали его своимъ монголо-бурятскимъ обликомъ. А въ Забайкальской области онъ сплошь и рядомъ видѣлъ мѣщанъ, купцовъ и особенно крестьянъ и казаковъ, почти совершенно обурятившихся по наружности, языку и быту [1]). Докторъ медицины Шперкъ, долго занимавшійся медико-топографическими изслѣдованіями и наблюденіями въ Восточной Сибири, въ забайкальскихъ казакахъ также замѣтилъ сильное измѣненіе русской народности подъ вліяніемъ бурятской крови. «Забайкальскій казакъ,—говоритъ онъ,—это смѣсь русскаго выходца съ забайкальскимъ бурятомъ; въ наружности бурятскій типъ даже значительно преобладаетъ: кровная помѣсь съ бурятами имѣла вліяніе и на черты лица, и на все физическое строеніе тѣла, и на

[1]) Ermans, Reise, II, 250.

самую психическую сферу забайкальскихъ казаковъ» [1]). Въ нѣкоторыхъ прибайкальскихъ деревняхъ, напримѣръ, въ Алацахѣ, въ 1801 году водворены были вольные военные поселенцы, служившіе въ Россіи при Суворовѣ. Они, по словамъ Мартоса, переженились здѣсь на буряткахъ и уже имѣли (около 1827 г.) взрослыхъ дѣтей. При первомъ взглядѣ на взрослое поколѣніе тотчасъ видно нѣчто общее съ характеристикою монголовъ. То же замѣчено было уже давно Палласомъ.

Подобное же слитіе съ инородцами мы замѣчаемъ во всей Сибири, какъ въ Восточной, такъ и Западной; но Западная Сибирь до сихъ поръ изслѣдована менѣе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири жители прямо называютъ себя *смѣшицей*, смѣшаннымъ народомъ, выродками. «Изъ обоюдныхъ или взаимныхъ браковъ бурятовъ и русскихъ происходитъ,—пишетъ Палласъ,—*родъ мулатовъ*, которые имѣютъ нѣсколько монгольское обличье и черные или очень темные волосы, но въ то же время правильныя и пріятныя черты лица; они извѣстны подъ именемъ *карымовъ* или *карымокъ*». Такимъ образомъ, потомки, происходящіе отъ подобной помѣси, получили даже областное мѣстное названіе. Мы уже говорили о смѣшанной расѣ, образовавшейся отъ смѣшенія якутовъ съ русскими; обратимся теперь къ остяцкимъ карымамъ.

Вслѣдствіе физіологическаго смѣшенія съ сѣверо-енисейскими азіатскими племенами, преимущественно съ остяками, физическое строеніе русскаго туруханскаго населенія, естественно, болѣе или менѣе подверглось нѣкоторымъ весьма замѣтнымъ измѣненіямъ. Въ физіономіи русскаго туруханскаго населенія сплошь и рядомъ проглядываютъ черты обличья остяцкаго, юрацкаго, тунгусскаго, самоѣдскаго и якутскаго. Дѣти отъ браковъ коренныхъ, природныхъ русскихъ туруханцевъ съ остячками сохраняютъ общія черты остяцкой наружности, большую или меньшую выпуклость скулъ, смуглый цвѣтъ лица, черные, жесткіе волосы, общую сухощавость тѣлосложенія при нѣсколько выдающейся остяцкой неуклюжести, непропорціональность частей въ общей структурѣ тѣла. А дѣти отъ браковъ новоприхожихъ русскихъ поселенцевъ съ остячками болѣе принимаютъ черты русскаго облика, бѣлый цвѣтъ лица, свѣтлые волосы, большую стройность и крѣпость тѣлосложенія, но все-таки нѣсколько разнятся отъ чистокровныхъ русскихъ людей. Здѣсь даже русскіе, не смѣшавшіеся съ инородцами, въ послѣдующихъ поколѣніяхъ измѣняютъ складъ тѣла и

[1]) Медико-топограф. сборн., стр. 66.

становятся нѣсколько похожи на инородцевъ, особенно на остяковъ. У многихъ русскихъ, особенно у мѣщанъ туруханскихъ, цвѣтъ волосъ, лица и всей кожи на тѣлѣ, а также сложеніе костей лицевыхъ, плечевыхъ и ножныхъ почти совершенно такіе же, какъ и у остяковъ. Оттого они, подобно остякамъ, при довольно низкомъ ростѣ, болѣе или менѣе сутуловаты, коренасты, съ плечами широкими, большею частью толстошеи, часто съ замѣтно кривыми и довольно массивными ногами, выглядываютъ, подобно остякамъ, нѣсколько изподлобья.

Такой же новый типъ встрѣчается и въ ясачныхъ селеніяхъ отъ смѣси бурятовъ съ русскими. «Въ большей части ясачныхъ селеній въ настоящее время живутъ уже по преимуществу почти совершенно обрусѣлыя бурятскія поколѣнія. Въ нихъ сначала поселены были крещеные буряты, женатые большею частью на русскихъ женщинахъ. Теперь въ нихъ живутъ ихъ дѣти и внуки, женатые также на русскихъ или ясачныхъ и обрусѣлыхъ изъ бурятокъ женщинахъ. По наружности, при поверхностномъ взглядѣ, эти обрусѣлыя бурятскія поколѣнія часто кажутся уже совершенно русскими крестьянами, хотя съ перваго же взгляда кажутся и отличными, отмѣнными чѣмъ-то отъ нихъ. Цвѣтъ лица и кожи у обрусѣлыхъ потомковъ первоначальной русско-бурятской помѣси становится изсмугла-бѣлымъ или смугловатымъ; у женщинъ, при черныхъ волосахъ и бровяхъ, часто значительно болѣе или ярче окрашенъ, чѣмъ у мужчинъ; волосы дѣлаются болѣе мягкими, по большей части сохраняютъ черный цвѣтъ, но иногда бываютъ и темно-русые; узкость глазъ и выпуклость щекъ или верхней части скулъ, хотя и не вполнѣ, но значительно уменьшается, у мужчинъ является даже борода, хотя большею частью и даже почти всегда небольшая, короткая, рѣдкая. Всѣ эти измѣненія окончательно или наиболѣе выразительно обозначаются во второмъ, но большею частью въ третьемъ поколѣніи. Но, съ другой стороны, нерѣдко въ третьемъ, четвертомъ и даже дальнѣйшихъ колѣнахъ бываетъ хотя и не полная, но весьма замѣтная реверсія или довольно рѣзко бросающееся въ глаза возвращеніе къ признакамъ бурятскаго прародительскаго типа. И вообще, во всѣхъ тѣхъ смѣшанныхъ поколѣніяхъ, которыя первоначально произошли отъ смѣшенія бурятовъ съ русскими женщинами и русскихъ съ женщинами бурятскими или ясачными, и потомъ отъ времени до времени подвергались повторному скрещиванію съ бурятами или ясачными, образовался такой своеобразный народный типъ, который представляетъ болѣе или менѣе однородные характеристическіе признаки, но не вполнѣ или не во всѣхъ

отношеніяхъ сходные съ признаками родоначальныхъ, прародительскихъ типовъ — славяно-русскаго и монголо-бурятскаго. Во всѣхъ этихъ поколѣніяхъ болѣе или менѣе сохраняется черный цвѣтъ волосъ на головѣ, свойственный бурятамъ, большая или меньшая съуженность или какъ бы сшитость глазныхъ вѣкъ съ правой и лѣвой стороны лица, большая или меньшая выпуклость и массивность верхней части скуловой или челюстной кости, часто большая или меньшая кривоногость, или выдающаяся въ разныя стороны изогнутость колѣнной части ногъ, походка съ большимъ или меньшимъ перекачиваніемъ съ боку на бокъ и часто довольно подвижная, живая. Наконецъ, борода большею частью бываетъ, какъ мы сказали, короткая и рѣдкая или жидкая и нерѣдко проявляется даже стремленіе къ безбородости».

Точно такіе же типы образуются отъ помѣси съ тунгусами, коряками около Охотска, съ березовскими остяками, киргизами и т. п. Всѣ эти помѣси носятъ общій характеръ монгольскаго или финскаго типа; въ Западной же Сибири подобный отпечатокъ въ физіономіи называютъ калмыковатостью. Въ казачье войско Западной Сибири входило много различныхъ расъ въ видѣ выкрещенныхъ плѣнниковъ; кромѣ сибирскихъ инородцевъ, на семипалатинскій рынокъ привозились на продажу рабы изъ каракалпаковъ, бухарцевъ, индійцевъ и проч. Поэтому у сибирскихъ казаковъ нѣтъ общаго типа, какъ, напримѣръ, у уральскихъ; въ сибирскомъ войскѣ замѣчается необыкновенное разнообразіе, и, по словамъ одного наблюдателя, можно и теперь еще узнать чисто-русскую кровь по широкому и крутому лбу—таковы фамиліи, происшедшія отъ драгунъ, записавшихся въ казаки, или отъ малолѣтковъ. Есть типы необыкновенно красивые, можетъ быть, происходящіе отъ бухарцевъ; но много широкоскулыхъ физіономій, обличающихъ монгольское происхожденіе; послѣднія, кажется, преобладаютъ. Встрѣчаются иногда странные типы: такъ, одинъ типъ подходилъ вполнѣ подъ описаніе гунна, приведенное Миль-Эдвардсомъ; другой типъ напоминалъ китайца до такой степени, что казаки звали его «чюрчютъ» (по-киргизски—китаецъ). При смѣшеніи русскимъ передаются инородческія черты: узкоглазость, небольшая скуластость, смуглый цвѣтъ лица и волосъ; за то инородцы получаютъ русскія черты, смягчающія рѣзкія отступленія низшей расы.

Смѣшанный типъ такъ распространенъ въ Сибири, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при недостаткѣ великорусскаго чистаго населенія, достигъ даже такого господства, что чистый велико-

русскій типъ считается за нѣчто исключительное и также получилъ мѣстную кличку «маганый». Маганый — это бѣлокурый пришлецъ съ великорусскимъ типомъ, противоположность метису-карыму. Когда хотятъ ихъ отличить, говорятъ: «Это маганый, это—карымъ». Сибирская дѣвушка говоритъ, напримѣръ: «Я не люблю маганаго, я люблю карыма».

Своеобразный, полуинородческій типъ карыма не представляетъ рѣзкаго безобразія; нѣкоторые находятъ его даже красивымъ въ европейскомъ смыслѣ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ Щапова: «Вообще едва-ли мы ошибемся,—говоритъ онъ, — если скажемъ положительно, что въ общемъ составѣ или результатѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, происшедшіе путемъ смѣшенія русскаго племени съ бурятскимъ, представляютъ собой часто довольно красивый физическій типъ или обликъ, нѣсколько похожій на типъ греческій или иногда цыганскій, а по замѣчанію нѣкоторыхъ другихъ наблюдательныхъ лицъ, похожій и на типъ итальянскій». Очень можетъ быть, что такое сходство получается въ силу южнаго отпечатка, который носятъ на себѣ инородцы. Подобные отзывы о помѣси съ инородцами въ крайнихъ своихъ сравненіяхъ съ итальянками и гречанками, можетъ быть, и грѣшатъ нѣкоторою преувеличенностью, но указанія, что типъ этотъ находятъ вообще не непріятнымъ, подтверждается такимъ безпристрастнымъ судьею, какъ Палласъ. Онъ говоритъ, что карымы обладаютъ «правильными и пріятными чертами лица». Типъ этотъ во всякомъ случаѣ можетъ считаться если не особенно красивымъ, то привекательнымъ или, въ крайнемъ случаѣ, не безобразнымъ [1]).

Постепенное смѣшеніе съ инородцами не могло не повліять на привычки, вкусы и влеченія русскаго населенія на востокѣ. Такъ, у мѣстнаго населенія образовалось даже особенное расположеніе къ бракамъ съ инородцами. «Благосостоятельные русскіе сельскіе жители,—говоритъ Палласъ,—а также и многіе горожане съ давнихъ поръ уже имѣютъ обычай выбирать себѣ въ жены бурятскихъ или монгольскихъ женщинъ, кровь которыхъ, по ихъ увѣренію, горячѣе крови русскихъ женщинъ, и буряты,

[1]) При изслѣдованіи инородцевъ въ 1880 г. во время нашей экспедиціи въ Алтай мы видѣли весьма многіе инородческіе типы и нашли, что типы сѣверныхъ алтайцевъ, живущихъ въ лѣсахъ Бійскаго и Кузнецкаго округа, весьма отличаются отъ южнаго монгольскаго типа, а населеніе кумандинцевъ представляетъ очень привлекательный типъ, весьма приближающійся къ кавказскому. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырожденіе произвело то, что невозможно отличить русскихъ отъ потомковъ инородцевъ, смѣшанныхъ съ русскими.

*

побуждаемые временными выгодами или разсчетами, охотно дозволяли своимъ дочерямъ креститься и выходить замужъ за русскихъ. Встрѣчаются и такіе примѣры, что богатые буряты крестятся изъ-за того только, чтобы имѣть возможность взять замужъ за себя русскихъ женщинъ». Расположеніе къ бракамъ съ инородками на восточной окраинѣ замѣчается не у однихъ простолюдиновъ, часто подчиняющихся горькой необходимости; оно встрѣчается и въ болѣе требовательныхъ, насчетъ красоты, сословіяхъ. Вотъ что говорятъ по поводу этого «Извѣстія Сиб. Отдѣла Г. О.»: «Брацковатый или бурятскій типъ и обличье появляются постоянно въ сибирскихъ туземно-урожденныхъ родахъ казачьихъ, мѣщанскихъ, купеческихъ и чиновничьихъ. Все чаще и чаще русскіе женятся на крещеныхъ буряткахъ, а новокрещеные буряты—на русскихъ женщинахъ, — и поколѣнія ихъ опять сливаются съ русскимъ населеніемъ, привнося съ собою въ народный складъ его болѣе или менѣе своеобразныя особенности». И далѣе: «достойно замѣчанія, что даже въ половомъ подборѣ русско-сибирскій вкусъ болѣе или менѣе согласуется съ вкусомъ бурятскимъ и нерѣдко *плѣняется* бурятскимъ идеаломъ женской красоты». Обольщеніе инородческою красотою явилось на востокѣ настолько же чисто-физіологическимъ процессомъ, насколько и проявленіемъ сердечнаго чувства. Забайкальскій поэтъ Баульдауфъ стихами изобразилъ истинную исторію одного русскаго, влюбившагося въ тунгуску. Русскій полюбилъ ее за дикую смѣлость, за своеобразную прелесть дикарки, отдающей беззавѣтно свое сердце. Идеалъ инородческой красоты поэтъ передаетъ слѣдующими стихами:

«...онъ пожираетъ
Очами чудныя красы.
Тунгуски черные власы
Кругомъ повиты оргуланомъ (повязка);
Онъ, разукрашенный маржаномъ,
На стройномъ дѣвственномъ челѣ
Горитъ какъ радуга во мглѣ.
Въ ея устахъ не дышатъ розы,
Но дикій огненный ургуй (сибирскій полевой цвѣтокъ)
Манитъ любовь и поцѣлуй».

Въ другомъ стихотвореніи, посвященномъ буряткѣ, поэтъ вспоминаетъ о бѣдной инородкѣ, подарившей участіемъ его, больнаго и одинокаго, среди пустынной степи; онъ съ признательностью говоритъ о ея самоотверженіи. По всей вѣроятности, не разъ подобныя чувства играли роль въ привязанностяхъ русскаго человѣка, закинутаго на далекій востокъ. Въ одной русской пѣснѣ,

распространенной въ Сибири, поется, какъ добрый молодецъ долго блуждалъ по пустынѣ, пока не нашелъ «полоняночку», т.-е. инородку. Любовь руководитъ фатально красивою буряткою, уходящей изъ семьи, чтобы соединиться съ бѣднымъ русскимъ парнемъ, какъ и чувствами нерѣдко вполнѣ развитаго русскаго и обладающаго тонкимъ эстетическимъ чутьемъ. Таинственный голубой цвѣтокъ любви отыскивается во всѣхъ широтахъ; русскій находилъ этотъ «милый цвѣтъ» также и «въ Дауріи пустынной и угрюмой».

Вкусъ къ инородческому типу сильно развитъ въ современной Сибири. Пріятный типъ, происходящій отъ послѣдовательной метисаціи, великорусская національность на востокѣ даже предпочла своему и отдала ему всѣ свои симпатіи. «Нѣсколько черноватый или смуглый цвѣтъ лица,—говоритъ Щаповъ,—сибирякамъ, повидимому, нравится болѣе, чѣмъ рыжій или красный. По крайней мѣрѣ, во многихъ мѣстахъ Сибири, особенно Восточной, слово «краснорожій» синонимично слову «безобразный», и употребляется какъ бранное слово, тогда какъ слова «черномазый халзанъ, карымъ или карымочка» употребляются, сколько мы слышали, какъ слова ласкательныя или любезно-шутливыя, напримѣръ, относительно дѣтей или дѣвицъ. Блондины, рыжіе и краснолицые великороссы поэтому не въ ходу въ Сибири и мѣстный вкусъ ставитъ идеаломъ красоты брюнетовъ. Это подтверждается, напримѣръ, слѣдующимъ наблюденіемъ. Разъ въ Иркутскѣ, въ одной мѣщанской семьѣ, переселившейся изъ окрестностей Байкала, нѣсколько дѣвушекъ, природныхъ русскихъ сибирячекъ, разсматривали картину, изображавшую преимущественно монгольскія или китайскія лица. Когда онѣ сообщали другъ другу свои мнѣнія о томъ, которыя лица, мужскія и женскія, казались имъ «хорошенькими», то оказалось, что все это были такія лица, которыя по преимуществу или даже съ особенною типичностью выражали собою чисто-азіатскій, монгольскій или китайскій типъ: узкіе глаза, плоскій носъ, широкія и толстыя скулы и проч., только при большей пропорціональности и округленности общаго очертанія лица. Лица, смахивавшія нѣсколько на черкесовъ, татаръ или цыганъ и грековъ, казались имъ «срамными».

При такой склонности сибирскаго русскаго населенія къ сліянію съ инородцами, необходимо заняться изслѣдованіемъ, къ какимъ послѣдствіямъ, какъ физическимъ, такъ и нравственнымъ, приводитъ это сліяніе. Необходимо изслѣдовать, какія дурныя послѣдствія происходятъ отъ смѣси съ расой низшей, болѣе слабосильной и развивавшейся въ крайне скудныхъ естественныхъ

условіяхъ. Таковы измѣненія въ ростѣ, силѣ и въ потерѣ многихъ культурныхъ чертъ и инстинктовъ. Этнографическія наблюденія доказали особенную невыгоду для славяно-русской народности при смѣшеніи съ сѣверными инородцами. Физіологическое смѣшеніе русскаго туруханскаго населенія съ туземными азіатскими племенами весьма замѣтно сопровождалось нѣкоторыми измѣненіями въ его ростѣ. Нѣтъ сомнѣнія, суровый туруханскій климатъ и скудное питаніе составляютъ существенную причину общей малорослости природныхъ туруханскихъ жителей. Но несомнѣнно и то, что и постоянное, изъ поколѣнія въ поколѣніе переходившее смѣшеніе русскихъ съ остяками и другими туземными инородцами оказываетъ не менѣе существенное вліяніе на уменьшеніе роста русскихъ туруханскихъ поколѣній. Въ средней и особенно южной части Енисея и климатъ благопріятнѣе, и русское населеніе, повидимому, болѣе свободно отъ примѣси инородческой крови. Тамъ и населеніе выше ростомъ. Изъ русскихъ жителей Туруханскаго края, туземные урожденцы, казаки и особенно мѣщане, у которыхъ не отцы только, но и дѣды и прадѣды родились въ Туруханскомъ краѣ, ростомъ, съ одной стороны, немного выше туземныхъ остяковъ и тунгусовъ, съ которыми они отъ времени до времени смѣшивались посредствомъ брачныхъ союзовъ, а съ другой стороны ниже южно-сибирскихъ русскихъ жителей и новоприхожихъ изъ Россіи поселенцевъ. Средній ростъ остяковъ енисейскихъ и байхинскихъ— 2 арш. 1 верш.; самые высокіе изъ нихъ достигаютъ до 2 арш. 5 в.; у русскихъ жителей Туруханскаго края средній ростъ 2 арш. 3 вер., высшій—2 арш. $5^1/_2$ верш. Жители южныхъ частей Енисея уже выше ростомъ; даже казаки туруханскіе, у которыхъ отцы или дѣды родились гдѣ-нибудь южнѣе въ Сибири, ростомъ до 2 арш. 6 верш. Точно такое-же вліяніе производитъ смѣшеніе съ сѣверными расами и на пониженіе силы. Физическая, мускульная сила русскаго туруханскаго населенія также, повидимому, нѣсколько понизилась, частью вслѣдствіе неудовлетворительнаго питанія, а частью и вслѣдствіе смѣшенія его съ такими слабосильными инородцами, какъ остяки, тунгусы и проч. У верхнеимбацкихъ остяковъ, по собственному ихъ сознанію, самый сильный человѣкъ легко поднимаетъ только 5 пудовъ. По сознанію байхинскихъ остяковъ, у нихъ самый сильный поднимаетъ 6 пудовъ и весьма рѣдко 7 и 8 пудовъ; средней силы байхинскій остякъ поднимаетъ только 4 пуда, также какъ и юракъ. Русскіе объясняютъ малосиліе остяковъ тѣмъ, что они мало питаются хлѣбомъ, а больше ѣдятъ рыбу, порсу, изрѣдка пробавляясь зимой мясомъ, напримѣръ,

оленьимъ, медвѣжьимъ и больше всего бѣличьимъ. Но и сами русскіе туруханскіе жители большею частью немного сильнѣе остяковъ. Изъ 12 туруханскихъ мѣщанъ и казаковъ, при насъ поднимавшихъ съ возовъ на плечи и переносившихъ въ амбаръ кули съ мукой, на разстояніи не болѣе 2 саженъ, человѣкъ 10, помоложе, могли сами поднять съ воза на плечи и нести въ амбаръ куль пудовъ въ 5 или 6. Нѣкоторые могли поднимать и пудовъ 7 тяжести. Вообще же, почти всѣ эти 12 человѣкъ, хотя въ неодинаковой степени, но съ большимъ или меньшимъ трудомъ и усиленнымъ напряженіемъ поднимами и переносили кули пудовъ въ 5 и 6. Особенно слабѣе силой оказывались, повидимому, тѣ природные русскіе урожденцы Туруханскаго края, у которыхъ и тѣлосложеніе, и обличье наиболѣе представляли оттѣнки остяцкой породы. Вообще, по всей сѣверной долинѣ Енисея, между 61 и 65° с. ш., сколько мы могли разузнать, средней мѣрой силы считается способность поднятія 6 пудовъ, и сами «низовые» енисейскіе жители сознаются, что они малосильнѣе «верховыхъ» русскихъ жителей. Въ селѣ Вороговѣ (61° с. ш.) одинъ 60-лѣтній старикъ намъ говорилъ: «низовой народъ, мы такъ полагаемъ, силой противъ верховаго не будетъ; мы полалагаемъ, говядина силы придаетъ человѣку: вотъ на пріискахъ верховые живутъ на говядинѣ и подымаютъ по 8 пудовъ, а мы, какъ ѣдимъ одну рыбу, то съ трудомъ поднимаемъ и 6 пудовъ». Сами русскіе туруханскіе жители сохраняютъ преданіе, будто прежде, особенно въ началѣ, когда отцы ихъ пришли изъ Россіи, они были сильнѣе, а нынѣшнія поколѣнія совсѣмъ измельчали и обезсилѣли.

Самая невыгодная сторона новой расы, происшедшей отъ смѣшенія, это—уменьшеніе плодовитости. Плодовитость русскаго смѣшаннаго туруханскаго населенія ослабѣла въ сравненіи съ плодовитостью великоруссовъ, частью подъ вліяніемъ суроваго полярнаго климата, недостаточнаго питанія и усиленнаго напряженія рабочей энергіи въ упорной борьбѣ съ дикой природой, а частью и вслѣдствіе унаслѣдованія болѣе слабой плодовитости путемъ смѣшенія русскихъ съ остяками, тунгусами и другими сѣверно-сибирскими инородцами. Русская туруханская женщина нѣсколько плодовитѣе женщины остяцкой, но значительно менѣе плодовита въ сравненіи съ женщиною южно-сибирскою или великорускою (особенно въ зажиточныхъ семьяхъ). По словамъ нижнеимбацкихъ остяковъ, у нихъ женщина никогда не родитъ болѣе восьми дѣтей; такая плодовитость составляетъ рѣдкое исключеніе, обыкновенно же онѣ родятъ не болѣе четырехъ и даже

трехъ дѣтей. Нѣсколько южнѣе, у верхнеимбацкихъ остяковъ женщина родитъ иногда даже девять дѣтей. Байхинскіе остяки-самоѣды увѣряли насъ, что прежде женщина родила у нихъ до десяти дѣтей, и это было самое большое число рожденій; нынѣ же изъ 43 остяковъ только у одного жена родила восемь дѣтей. Русскія туруханскія женщины родятъ больше, чѣмъ инородческія, но меньше, чѣмъ русскія женщины въ болѣе умѣренныхъ и теплыхъ полосахъ Россіи, въ средѣ иной этнической метисаціи и при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ скотоводческаго и земледѣльческаго способа пропитанія. Вообще, производительность русскихъ женщинъ, не только по мѣрѣ удаленія въ сферу суроваго полярнаго климата, но и по мѣрѣ усиленія русско-инородческой метисаціи, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, частью вслѣдствіе климатическаго вліянія, частью вслѣдствіе наибольшаго расхода силы на трудное добываніе пищи и другихъ средствъ жизни, а частью и вслѣдствіе физіологическаго смѣшенія русскаго населенія съ наименѣе плодовитыми племенами, каковы остяки, тунгусы, самоѣды и другія сѣверо-азіатскія племена. Въ частности, отъ браковъ русско-остяцкихъ метисовъ родится всѣхъ дѣтей, сколько мы узнали, шесть, семь и, самое большее, девять. Такія послѣдствія, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ роста и силы, конечно, должны считаться печальною утратою лучшихъ національныхъ и расовыхъ чертъ русской народности; они выражаютъ собою пониженіе и вырожденіе высшей расы. Фактъ этотъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Мы имѣемъ основаніе, однако, думать, что не вездѣ и не со всѣми инородческими племенами метисація производитъ ослабленіе плодовитости. При нашихъ изслѣдованіяхъ мы видѣли примѣры, гдѣ потомки русскихъ, смѣшанныхъ съ инородцами, весьма размножились. Такъ, по ревизскимъ спискамъ мы прослѣдили наростаніе населенія въ Кумышской инородной управѣ, гдѣ было до десяти семей инородцевъ въ прошломъ столѣтіи. Нынѣ же потомки ихъ образовали цѣлыя деревни и представляютъ многочисленное поколѣніе. Инородцы Кумышской инородной управы притомъ совершенно выродились и утеряли инородческій типъ; то же замѣчается на Быстренской управѣ Бійскаго округа.

Любопытно было бы прослѣдить, какія измѣненія происходятъ при смѣшеніи въ отдѣльности съ каждою изъ туземныхъ народностей Сибири національнаго русскаго типа, чтобы судить о тѣхъ или другихъ наслѣдственныхъ послѣдствіяхъ. Какъ мы видимъ, помѣси съ низшими сѣверными инородцами ведутъ къ прямому ущербу, но, можетъ быть, этотъ фактъ имѣетъ мѣсто только при

смѣшеніи съ сѣверными инородцами, а при смѣшеніи съ другими послѣдствія происходятъ другія, не столь опасныя и ведущія къ совершенному вырожденію расы. Затѣмъ необходимо опредѣлить, какія измѣненія въ типѣ потомковъ, происходящихъ отъ метисаціи, можно считать неважными, и какія ведутъ къ ослабленію физической организаціи, силы и способностей. Извѣстно, что уменьшеніе роста не всегда сопровождается уменьшеніемъ силы; извѣстны національности низкорослыя, но приземистыя, коренастыя и плотныя, отличающіяся значительною силой. Точно также инородцы-дикари обладаютъ при низкорослости иногда замѣчательной ловкостью, гибкостью, проворствомъ, напримѣръ, буряты въ борьбѣ, и такъ далѣе. Любопытно поэтому знать, переходятъ-ли къ русскимъ при смѣшеніи подобныя способности. Въ умственномъ и духовномъ отношеніи точно также не всѣ инородческія расы лишены способностей; нерѣдко онѣ отличаются замѣчательнымъ развитіемъ ихъ. Мы чрезвычайно мало знаемъ нашихъ инородцевъ и съ именемъ киргиза, бурята и якута привыкли соединять тупоуміе и относиться къ нимъ презрительно. Но вотъ что сообщаютъ, напримѣръ, русскіе и иностранные путешественники объ якутахъ: «Прекрасно одаренные во всѣхъ отношеніяхъ, искусные во всѣхъ ремеслахъ, которыя быстро перенимаютъ у русскихъ, и при этомъ, какъ кочевники, немного требующіе, якуты производятъ мирныя завоеванія даже русской народности, т.-е. объякучиваютъ русскихъ. Своими склонностями, хитрой ловкостью и безстыдствомъ якуты, особенно городскіе, напомнили Миддендорфу жидовъ. Народъ, который, такимъ образомъ, умѣетъ господствовать, не смотря на чужое владычество, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ нашего вниманія, и какіе бы ни были недостатки этого народа, ему нельзя отказать въ силѣ его народности». Точно также замѣчаютъ, что киргизы обладаютъ развитой фантазіей, замѣчательнымъ поэтическимъ и художественнымъ чувствомъ и самымъ веселымъ юморомъ. Интересно изслѣдовать, насколько подобныя способности отражаются на русскихъ при физіологическомъ сліяніи. При смѣшеніи расъ обыкновенно замѣчается законъ, по которому, при слитіи съ новыми народностями, присоединяются и нѣкоторыя новыя качества, не бывшія въ прежней расѣ. Какъ ни поверхностны этнологическія наблюденія на нашемъ востокѣ, но и здѣсь замѣчается, что нѣкоторыя особенно-изощренныя способности, выработанныя инородцами въ условіяхъ ихъ мѣстнаго быта, передаются и русскимъ. Такъ, тунгусы извѣстны, напримѣръ, своею зоркостью. Когда одинъ путешественникъ въ Сибири слѣдилъ за затмѣніемъ спутниковъ Юпитера при помощи телескопа, иноро-

децъ видѣлъ простымъ глазомъ и объяснялъ, какъ большая звѣзда проглотила и выплюнула маленькую. Георги пишетъ о нихъ: «Тунгусы чрезвычайно зорки и чутки, но тѣмъ тупѣе у нихъ обоняніе. Въ стрѣляніи изъ луковъ они мѣтки. Въ мѣстахъ, гдѣ они кочуютъ, имъ знакомо почти всякое дерево, всякій камень и проч. Слѣды звѣрей узнаютъ на утоптанномъ мхѣ, травѣ или просто по знакамъ на голой землѣ, гдѣ посторонній человѣкъ никакъ не можетъ примѣтить ничего особеннаго. Когда хотятъ имѣть свиданіе въ другихъ мѣстахъ, то мѣсто умѣютъ отыскивать такъ точно, либо дѣлаютъ пальцемъ на снѣгу или на землѣ такіе чертежи, что непремѣнно гдѣ надо сойдутся». И туруханскіе тунгусы обладаютъ такою же зоркостью, остротою и примѣтливостью органа зрѣнія. «Они знаютъ въ лѣсахъ,—говорилъ про чепагирскихъ тунгусовъ одинъ туруханскій казакъ (Кандинъ), ходившій вмѣстѣ съ ними «лѣсовать»,—знаютъ каждый хребетъ, каждый камень, каждое дерево. Имъ запримѣтна всякая узя, всякая чуть замѣтная дорожка въ лѣсу; они узнаютъ слѣдъ всякой лыжи, бѣлки, волка. По слѣду на землѣ или на снѣгу, продавленному ладыжками медвѣдя или волка, узнаютъ сердитый или нѣтъ медвѣдь, опасный или нѣтъ для ихъ оленей, хитрый или нѣтъ волкъ. Своихъ они узнаютъ по разнымъ слѣдамъ лыжъ, по размашкѣ шаговъ, по кругамъ на снѣгу, по заломамъ на деревьяхъ, по сучьямъ, набросаннымъ на дорогу, по обтоптаннымъ на снѣгу слѣдамъ. Каждая баба узнаетъ слѣдъ лыжъ своего мужа. Есть такіе зоркіе тунгусы, что видятъ далеко, съ хребта на хребетъ, съ камня на камень, за 7 верстъ пересчитываютъ стадо дикихъ оленей, стрѣляютъ и никогда не прострѣливаются мимо».

«Русскіе,—сообщаетъ этнографическое изслѣдованіе Щапова,—вслѣдствіе скрещиванія съ остяками и тунгусами, пріобрѣли, хотя и въ слабой степени, тѣ же ихъ особенности. Такъ, они усвоили замѣчательную способность тунгусовъ—особенную утонченность зрѣнія. Точно также и русскіе туруханскіе урожденцы, особенно низовые, «затундренные», отличаются такою же зоркостью и примѣтливостью. Они пріобрѣли эту особенность частью вслѣдствіе усиленнаго употребленія органа зрѣнія, какое необходимо обусловливается у туземныхъ звѣропромышленниковъ блужданіями по лѣсамъ и тундрамъ, а частью, быть можетъ, и вслѣдствіе унаслѣдованія этого свойства отъ тунгусовъ путемъ физіологическаго смѣшенія съ ними. Не смотря на то, что на низу Енисея и за тундрой страшныя пурги и мятели заносятъ и безъ того едва проторенныя, чуть видныя дороги, и нерѣдко случаются тамъ такъ-называемыя галюцинаціи пустыни и снѣжная слѣпота, ка-

кую испыталъ и Миддендорфъ, природные низовые и затундренные жители никогда не сворачиваютъ, не уклоняются съ дороги и не заблуждаются, тогда какъ новоприхожіе поселенцы нерѣдко теряются безъ вѣсти въ тундрѣ, не имѣя возможности никуда убѣжать. Природные низовые и затундренные жители примѣчаютъ и узнаютъ дорогу по такъ-называемымъ ими «кычамъ» или по расположенію куржаковъ и заиндевѣлостей на деревьяхъ, по наклоненію или, какъ тамъ говорятъ, «прилежанію травы» на тундрѣ, по направленію конусообразныхъ сторонъ, застругъ или сугробовъ и суметовъ снѣга и т. п.». Въ доказательство этого приводится слѣдующій примѣръ: «Разъ Кирьянъ Евдокимовъ Іевлевскій, крестьянинъ за Толстымъ Носомъ, съ Толстаго Носа ѣхалъ домой; ниже, въ Коргу, взялъ да нарочно оставилъ дорогой стойку вина, чтобы попробовать сына, можетъ-ли онъ ѣздить въ темную дорогу, въ пургу. Пріѣхалъ домой, да и послалъ сына найти флягу. «А въ которомъ вѣтру ты ее оставилъ, по какому вѣтру ѣхать?» спросилъ сынъ.—«Поѣзжай, какъ знаешь, какъ глаза научатъ». Поѣхалъ сынъ и въ темнотѣ разглядѣлъ и нашелъ фляжку».

Изъ сдѣланныхъ доселѣ наблюденій, такимъ образомъ, оказывается, во-первыхъ, что славянская раса при смѣшеніи своемъ съ инородцами весьма нерѣдко оказывала весьма слабое вліяніе и терпѣла пониженіе въ своихъ качествахъ; отсюда явилось вырожденіе русской народности; но рядомъ съ этимъ нельзя было не замѣтить въ другихъ случаяхъ, что русская народность, ассимилируя инородческія племена, пріобрѣтаетъ не одни отрицательные признаки, но и разнообразитъ свои способности, а также заимствуетъ нѣкоторыя положительныя качества въ изощренныхъ способностяхъ и ощущеніяхъ. Каковы бы ни были новыя положительныя качества, пріобрѣтаемыя расою, другая сторона явленія даетъ, однако, извѣстное предостереженіе и указываетъ на необходимость принять какія-либо мѣры противъ пониженія славянской расы въ Сибири.

Изъ нашихъ личныхъ наблюденій и изслѣдованій по этому предмету мы вывели, что воспріятіе и преобладаніе инородческихъ признаковъ зависитъ отъ числа русскихъ и инородцевъ и численнаго преобладанія того и другаго племени, какъ и процентнаго отношенія въ той или другой мѣстности. Такъ, на сѣверѣ въ Березовскомъ, Туруханскомъ краѣ и на Ленѣ встрѣчается чаще вырожденіе и объинородчиваніе русскихъ и пониженіе расы, чѣмъ въ среднихъ округахъ Сибири. Преобладаніе на сѣверѣ инородцевъ выражается въ 354%—445% надъ русскими, а въ срединѣ Сибири отъ 3% до 16% на русское населеніе.

Далѣе смѣшенiе съ различными племенами и расами даетъ различныя послѣдствiя. Наименѣе выгодныя въ этомъ случаѣ смѣшенiя съ наиболѣе низшими расами, и индифферентны или выгодны съ равными и высшими.

Къ наиболѣе низшимъ инородцамъ въ Сибири по типу, культурѣ и образу жизни могутъ быть отнесены: остяки, самоѣды, кочевые калмыки, киргизы, буряты, тунгусы, коряки, чукчи, камчадалы-гиляки и т. п. Это низшiе представители финской и монгольской расы.

Къ болѣе высшимъ: тюрки, бухарцы и сарты, татары, часть осѣдлыхъ алтайцевъ, какъ кумандинцы, кузнецкiе черневые татары, вогулы, зыряне.

Смѣшенiе съ послѣдними отражается меньшими измѣненiями въ типѣ и пониженiемъ расы, въ качественномъ достоинствѣ. Мы не могли не обратить вниманiе, что культура и образъ жизни, который ведутъ инородцы, весьма способствуетъ расовымъ особенностямъ и различiямъ. Поэтому всѣ племена, переходящiя къ высшей культурѣ, измѣняютъ и свои качественныя способности. Истина, можетъ быть, не вполнѣ доказанная, но подтверждающаяся нѣкоторыми научными соображенiями и отдѣльными наблюденiями. Въ дѣлѣ смѣшенiя культурная сторона инородцевъ даетъ себя чувствовать. Указанные высшiе типы сибирскихъ инородцевъ обладаютъ и болѣе развитой культурой. Очень не мудрено, что по мѣрѣ повышенiя въ культурѣ и образѣ жизни остальныхъ низшихъ племенъ подниметcя нѣсколько самая раса и смѣшенiе будетъ имѣть менѣе невыгодныхъ сторонъ.

Но если славяно-русская нацiональность, при сближенiи и слитiи на востокѣ съ инородцами, была часто безсильна сопротивляться физическимъ и физiологическимъ измѣненiямъ, подчиняющимся законамъ метисацiи, то любопытно взглянуть на сохраненiе ею культурныхъ чертъ и традицiй, принесенныхъ изъ-за Урала, которыми должны измѣряться ея нравственная высота и культурная устойчивость населенiя. Культурное значенiе славяно-русской нацiональности, при сближенiи съ инородцами, должно было обнаруживаться, во-первыхъ, отстаиванiемъ собственныхъ культурныхъ качествъ отъ инородческаго влiянiя, и, во-вторыхъ, влiянiемъ этой культуры на самихъ инородцевъ. Но какъ при всякомъ сближенiи, здѣсь не могло не произойти взаимодѣйствiя и, вмѣстѣ съ передачею инородцамъ кое-чего русскаго, усвоенiя и многаго инородческаго. Способностью этой передачи и степенью заимствованiя отъ инородцевъ можетъ измѣряться только степень нашего культурнаго влiянiя за Ураломъ. Культурныя черты вся-

каго народа выражаются въ его бытовомъ складѣ, занятіяхъ, привычкахъ, обычаяхъ, міросозерцаніи, вѣрованіи и языкѣ. Русскіе принесли съ собою, конечно, то и другое. Культурныя черты русской національности были, безъ сомнѣнія, выше инородческихъ,— вотъ почему она должна была бы, мало того, что отстоять свою культуру, но и привить ее къ средѣ низшей. Вліяніе русской народности на инородцевъ, дѣйствительно, не могло пройти безслѣдно, но точно также произошло и обратное дѣйствіе, т.-е. русскіе сами восприняли многое отъ инородцевъ. Заимствованіе инородческой культуры, обычаевъ и языка русскими на востокѣ составляетъ несомнѣнный фактъ. При этомъ, конечно, игралъ роль тотъ уровень развитія, которымъ обладала русская раса за Ураломъ, точно также, какъ и многія другія внѣшнія условія. Тѣмъ не менѣе этнографическія изслѣдованія убѣждаютъ насъ, что здѣсь русскіе теряли очень часто вмѣстѣ съ типомъ и свои характеристическіе признаки, нравы, обычаи, вѣру и даже языкъ,—словомъ, утрачивали свою національность. Съ кѣмъ бы они ни сталкивались,—остяки, тунгусы, якуты, буряты и киргизы имѣли на нихъ сильное вліяніе и русскіе имъ уступали. Особенно замѣтное объинородченіе русской расы мы замѣчаемъ, конечно, на окраинахъ. Съ самаго момента завоеванія обнаружилась уже склонность русскихъ къ подражанію многимъ инородческимъ обычаямъ. Затѣмъ, при совмѣстной жизни съ инородцами, заимствованныя привычки получили еще большее развитіе.

Многія точныя изысканія свидѣтельствуютъ, что подобное объинородчиваніе происходило уже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Прежде всего, имѣло мѣсто отатаренье русскихъ и полигамія среди русскаго населенія. «Вообще, какъ ясачные, крещеные полуобрусѣлые татары, такъ и смѣшавшіеся съ ними русскіе,— сообщается въ географическомъ журналѣ,—долго сплошь и рядомъ, отличались татарскими полигамическими наклонностями, сладострастною чувственностью и непокорностью православно-церковнымъ русскимъ нравамъ и обычаямъ. По свидѣтельству одного документа 1746 года, какъ русскіе плѣнныхъ киргизовъ крестили, такъ киргизы русскихъ «обасурманивали» [1]). Какъ киргизы и калмыки, принимая русскую вѣру, принимались и за хлѣбопашество, такъ иногда бѣглые солдаты, по свидѣтельству одного рапорта 1748 года, «принимали киргизскую вѣру и стада овечьи пасли». При замѣтной наклонности русскаго сибирскаго населенія подражать азіатцамъ, иногда сами сибирскіе началь-

[1]) Матер. для истор. Сибири, стр. 152.

ники находили необходимымъ или полезнымъ усвоять нѣкоторые азіатскіе обычаи, напримѣръ, калмыцкіе, и вводить ихъ въ бытъ русскаго населенія. Вообще, по примѣру киргизовъ и калмыковъ и сообразно съ мѣстными условіями климата и степей, западно-сибирское и особенно при-алтайское русское населеніе больше сдѣлалось скотоводческимъ, чѣмъ земледѣльческимъ, обзавелось, посредствомъ вымѣна у киргизовъ и калмыковъ, большими табунами лошадей и стадами рогатаго скота, даже большею частью вело полукочевой образъ жизни, постоянно перемѣщаясь изъ одного мѣста поселенія на другое. Въ самомъ земледѣліи русскіе усвоили нѣкоторые пріемы коренныхъ туземныхъ азіатцевъ.

Вслѣдствіе тѣхъ же историческихъ условій русское населеніе до послѣдняго времени обнаруживаетъ подобныя же свойства. И теперь русскіе, въ отношеніи усвоенія ими инородческихъ обычаевъ и отступленія отъ національной культуры, стоятъ почти въ томъ же положеніи, какъ и ихъ предки. Отзывы путешественниковъ, ученыхъ и этнографическіе отчеты, которые даютъ намъ записки ученаго общества, представляютъ картину даже болѣе безотрадную, чѣмъ можно было предполагать. Вотъ, напримѣръ, свидѣтельство Кастрена о русскомъ обдорскомъ населеніи: «Обдорскіе жители, представляющіе разнородную помѣсь, заброшены судьбой на ледяные берега Ледовитаго океана, и духъ ихъ окованъ узами, которые такъ же крѣпки, какъ этотъ ледъ, который оцѣпеняетъ сердце природы въ ихъ теперешнемъ отечествѣ. Оковы эти — грубость, невѣжество и дикость. Правда, эта грубость соединена со многими прекрасными, любви достойными качествами, съ хорошими инстинктами, съ невинными чувствами и добросердечностью; но при этихъ прекрасныхъ, добрыхъ и благородныхъ чертахъ, къ несчастью, встрѣтилъ я у этихъ же людей такъ много отвратительнаго, такъ много звѣриной грубости, что, наконецъ, я ихъ менѣе люблю, чѣмъ соболѣзненно оплакиваю... Русская колонизація началась здѣсь (въ обской тундрѣ) столѣтіе назадъ; большая же часть колонистовъ утвердилась здѣсь въ послѣднія 30 лѣтъ. Коренные жители этой страны — остяки и самоѣды. Какъ у нихъ, такъ и у русскихъ, совершенно имъ уподобившихся, нѣтъ никакихъ умственныхъ интересовъ, хотя сколько-нибудь выходящихъ изъ ряда обыденной остяцко-самоѣдской жизни. Въ своемъ образѣ жизни, даже въ способѣ питанія, русскіе здѣсь уподобились туземнымъ остякамъ и самоѣдамъ. Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Обдорскъ и вошелъ въ домъ одного мѣщанина, переселившагося сюда изъ Тобольска, я нашелъ всю его семью сидящею на полу и пожирающею сырую

рыбу, которую самъ хозяинъ дома разрѣзывалъ на части. Образованнѣйшій житель города хвастался тѣмъ, что въ теченіе цѣлаго полгода ѣлъ одно сырое мясо. Проживавшій тамъ полякъ, хорошій поваръ, жившій прежде въ Петербургѣ, жаловался, что его искусство приноситъ ему мало пользы въ Обдорскѣ, такъ какъ люди здѣсь живутъ по-самоѣдски. Одежда у русскихъ здѣсь такая же, какъ у самоѣдовъ и остяковъ. Многіе изъ нихъ схожи съ самоѣдами и въ томъ, что держатъ болѣе или менѣе многочисленныя оленьи стада. Наконецъ, русскіе жители Обдорскаго края стали такъ же дики, боязливы, какъ туземные остяки и самоѣды. Живетъ здѣсь одна старинная русская фамилія. Ихъ праотецъ во время войны Петра Великаго съ королемъ шведскимъ измѣнилъ царю и бѣжалъ въ этотъ отдаленный уголокъ свѣта, чтобы здѣсь избавиться отъ напасти. Сочлены, сродники этой фамиліи не хотѣли имѣть со мной никакого сообщенія. Встрѣтилъ я ихъ на улицѣ, въ разстояніи на выстрѣлъ, такъ они побѣжали и заперлись у себя дома. Съ такимъ же страхомъ и непріязненностью принимала меня и большая часть прочихъ жителей города, которымъ я казался опаснѣйшимъ пройдохой въ коммерческихъ сдѣлкахъ». Наконецъ, вмѣстѣ съ умонастроеніемъ и понятіями остяковъ, самоѣдовъ и татаръ, березовскіе и обдорскіе русскіе жители усвоили и много словъ остяцкихъ, самоѣдскихъ и отчасти татарскихъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ Березовскомъ краю, изъ 78 мѣстныхъ русскихъ словъ, записанныхъ г. Абрамовымъ, до 28 словъ остяцкихъ и татарскихъ. Подобныя черты приводятся о столкновеніи и взаимодѣйствіи нашемъ съ бурятами: «Сообразно съ большей или меньшей физической ассимиляціей, и умственный складъ русскаго населенія въ дауромонгольской, а равно и въ верхоленской странѣ, во многихъ отношеніяхъ, весьма замѣтно приспособился къ умонастроенію монголо-бурятскаго племени и усвоилъ не мало его умственныхъ и нравственныхъ качествъ». Палласъ, сказавъ о физіологическомъ смѣшеніи забайкальскаго русскаго населенія съ бурятскимъ племенемъ, замѣчаетъ, что «вслѣдствіе этого смѣшенія, русскіе жители усвоили и бурятскій языкъ, такъ что послѣдній сдѣлался почти господствующимъ языкомъ простаго народа» [1]). Шперкъ также замѣчаетъ: «кровная помѣсь забайкальскихъ казаковъ съ бурятами имѣла вліяніе не на однѣ черты лица и физическое строеніе тѣла; она обнаруживается и въ психической сферѣ. Этому, конечно, много способствовали и обстоятельства жизни ка-

[1]) Pallas, Reise, III, S. 275.

зака въ Забайкальи. Въ результатѣ вышло, что казакъ сдѣлался болѣе звѣропромышленникомъ и пастухомъ, чѣмъ домовитымъ человѣкомъ и хлѣбопашцемъ». Вслѣдствіе этого скотоводство нигдѣ въ Восточной Сибири такъ не развито, какъ въ забайкальскихъ степяхъ. Въ домашнихъ дѣлахъ и обычаяхъ русское забайкальское населеніе не мало усвоило издѣлій, обычаевъ, поступковъ и сноровокъ бурятскихъ. Такъ, напримѣръ, русскія бабы, по примѣру буряток, шьютъ по-бурятски «яргачи»—козлиныя или тарбаганьи шубы, у которыхъ на груди нашиваются шелкомъ разные узоры и передняя пола дѣлается шире исподней, при опоясываніи накладывается на верхъ другой полы, застегивается на боку шеи, такъ что пола покрываетъ грудь. У бурятовъ русскіе заимствовали умѣнье или обычай выдѣлывать пуговицы и корольки изъ разныхъ костей. У бурятовъ русскіе переняли обычай и искусство дѣлать у ножей черешки костяные, по бурятскому образцу; по тому же образцу они стали дѣлать разныя вещи, относящіяся къ конской сбруѣ—стреножники, узды и проч. Подражая бурятамъ, русскіе пріучаютъ, посредствомъ стреноживанія, по всѣмъ правиламъ бурятскаго наѣздническаго искусства, самыхъ дикихъ лошадей останавливаться вдругъ, куда пріѣдутъ, и стоять безъ привязи на одномъ мѣстѣ. У бурятовъ они заимствовали и всѣ принадлежности сѣдланія лошадей, удержавъ и названія бурятскія. Подобно бурятамъ, русскіе «сидятъ арака»—вино, только не изъ кобыльяго молока, но по всѣмъ правиламъ бурятскаго винокуренія и со всѣми бурятскими орудіями, усвоивъ при томъ и бурятскія названія этихъ орудій. По примѣру бурятовъ, русскіе приготовляютъ «секшу», т.-е. варятъ кровь животнаго и, смѣшивая кровяной свертокъ съ жиромъ, ѣдятъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и буряты. Подражая бурятамъ, русскіе научились искусно ѣсть полусырое мясо изъ-подъ ножа, разрѣзывая его у самыхъ губъ снизу. Казаки обыкновенно «бросаютъ въ воду цѣлаго барана, въ большой котелъ, скипятятъ кое-какъ и ѣдятъ, сидя кругомъ, поджавъ подъ себя ноги по-бурятски и по-бурятски же разрѣзывая куски мяса ножомъ у самаго рта, подъ нижней губой. Подобно бурятамъ, русскіе, за неимѣніемъ трубки, курятъ изъ земли, выкапывая ямку и вкладывая въ нее какую-нибудь дудку отъ растенія, соломенку и т. п.». Мало того: въ самомъ умонастроеніи, въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ забайкальское русское населеніе значительно ассимилировалось съ бурятами. Напримѣръ, почти всѣ забайкальскіе казаки и крестьяне, и мѣщане, у которыхъ отцы и дѣды родились уже тамъ и многіе предки были бурятско-русскаго смѣ-

шаннаго происхожденія, вполнѣ вѣрятъ въ бурятское шаманство или ламайское прорицательство. Это замѣчено не только въ отдаленной глуши Забайкалья, въ средоточіи монголо-бурятскаго населенія, но и въ окрестностяхъ Байкала, вблизи Иркутска, напримѣръ, въ селеніяхъ Култукѣ, Тункѣ и др., гдѣ, по словамъ одного миссіонера, русскіе держатъ даже и бурятскихъ идоловъ, истукановъ или божковъ на вышкахъ своихъ домовъ и тамъ шаманствуютъ тайкомъ. Въ Нерчинскомъ округѣ русскіе лечатся у шамановъ, къ шаманамъ обращаются съ просьбой пошаманить, когда потеряютъ какую-нибудь вещь. Согласно съ бурятами, русскіе, отправляясь въ путь, на половинѣ дороги кладутъ что-нибудь на дерево—деньги или хоть волосокъ съ головы, въ благодарность за то, что благополучно проѣхали до половины дороги.

Наконецъ, множество словъ монголо-бурятскаго языка вошло въ составъ русскаго языка, которымъ говорятъ казаки и крестьяне; такъ, въ сборникѣ словъ русскаго нарѣчія Нерчинскаго округа, составленномъ однимъ тамошнимъ священникомъ, записано 96 словъ чисто-монгольскихъ или бурятскихъ, совершенно усвоенныхъ мѣстнымъ русскимъ нарѣчіемъ и безсознательно произносимыхъ, какъ коренныя славянскія слова.

Какъ въ Забайкальской области, такъ и въ Верхоленскомъ краѣ русское населеніе значительно ассимилировалось съ туземными бурятами и тунгусами. По рѣкамъ Илгѣ и Тутурѣ, особенно въ селеніяхъ, находящихся въ вершинахъ этихъ рѣкъ, крестьяне, подобно мѣстнымъ тунгусамъ и бурятамъ, болѣе занимаются звѣроловствомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ. Во всѣхъ селеніяхъ Верхоленскаго округа крестьяне, подобно окружающимъ ихъ бурятамъ, завели такъ-называемые по-бурятски «утуги» или особыя загороди за огородами и гуменниками или позади селеній, десятинъ отъ 2 до 4 и болѣе, частью для пастьбы въ немъ телятъ, но главнымъ образомъ для кошенія лучшаго, такъ-называемаго «утужнаго» сѣна, состоящаго преимущественно изъ пырья. Подобно бурятамъ, богатые крестьяне имѣютъ обычай держать, сверхъ надобности, болѣе или менѣе многочисленные табуны лошадей и стада коровъ и овецъ, которые, какъ и у бурятовъ, «ходятъ на волѣ» или пасутся въ степяхъ безъ пастуха. Наконецъ, подобно бурятамъ, многіе русскіе крестьяне, особенно въ прежнее время, имѣли обычай строить хотя на одномъ дворѣ два дома: лѣтній и зимній; зимняя изба называлась «зимовьемъ» и какъ бы соотвѣтствовала зимникамъ или зимнимъ избамъ бурятовъ.

Въ нѣкоторыхъ домашнихъ издѣліяхъ русскіе также усвоили бурятскіе образцы. Напримѣръ, форма колесъ у телѣгъ и осо-

бенно одноколокъ, «крюкъ», устройство трубицъ у нихъ, а также большія деревянныя чашки грубаго издѣлія, халбагаи или большія деревянныя ложки, деревянныя ганзы или трубки, берестяные чуманы и т. п., все это принято отъ бурятовъ и отчасти отъ тунгусовъ. Нѣкоторые русскіе даже нарочно нанимали ясачныхъ изъ бурятовъ работниковъ для дѣланья колесъ по образцу бурятскому и продавали эти колеса русскимъ на телѣги: ихъ хорошо раскупали и расхваливали. Въ обыденной жизни русскихъ крестьянъ Верхоленскаго округа также не мало привычекъ и обычаевъ, схожихъ съ бурятскими. Они, подобно бурятамъ, не брезгаютъ ѣсть мясо вонючее, съ червями; убивая скотину, тутъ же варятъ въ котлѣ начиненныя кровью кишки и ѣдятъ ихъ. Подобно бурятамъ, и крестьяне варятъ «саламатъ» изъ сметаны съ мукой. Подобно бурятамъ, они ѣдятъ большею частью безъ вилокъ и ножей, изъ деревянныхъ чашекъ, подобныхъ бурятскимъ и дѣлаемыхъ нерѣдко бурятами. Въ одеждѣ русскихъ жителей Ленскаго края также кое-что перенято отъ бурятовъ или тунгусовъ. Подобно туземнымъ отдаленнымъ отъ Иркутска бурятамъ, и русскіе ленскіе жители въ значительной степенио тличаются диковатостью и тупостью. При всякомъ внезапномъ и новомъ впечатлѣніи они «дивуются» и какъ бы съ дикарскою рефлективностью, всплескивая руками и разиня ротъ, восклицаютъ: «а-а-а! ахъ! Ой-дивоньки!» или совершенно по-бурятски: «ай-нохой, ай-нохой!». Когда ссыльные поляки стали дѣлать въ верхоленскихъ селахъ колбасы, шить сапоги по европейскому фасону, то мѣстные жители, по словамъ одного ленскаго жителя, «дивовались» всему этому и говорили: «диковинка, калбазы какія-то стали дѣлать, сапоги косые; хитро!». Какъ буряты, по словамъ Болдонова, побывши въ городѣ, съ дикимъ удивленіемъ разсказываютъ какъ о диковинкахъ, о хорошихъ домахъ, о хорошихъ экипажахъ и лошадяхъ, о всемъ, что видѣли на базарѣ, въ лавкахъ и магазинахъ и т. п., такъ и ленскіе крестьяне, изрѣдка бывая въ «Иркутскомъ», какъ они выражаются, тоже всему тамъ «дивуются». При грубости и дикости, русскіе жители Верхоленскаго округа, наравнѣ съ бурятами и тунгусами, отличаются высшею степенью азіатской лѣни и неподвижности. «Говоря о хозяйствѣ верхоленскихъ крестьянъ,— замѣчаетъ Шперкъ,—нужно сознаться, что, при грязи и бѣдности, совершенная апатія къ разумному хозяйству такъ и проглядываетъ на каждомъ шагу, показывая совершенное отсутствіе стремленія къ улучшенію его». Подобно бурятамъ и тунгусамъ, многіе ленскіе мужики, особенно «низовые», сваливаютъ всю тяжелую работу на бабъ. Наконецъ, и въ умственномъ отношеніи

русскіе жители Верхоленскаго округа значительно освоились съ бурятами и тунгусами. И здѣсь многіе крестьяне вѣрятъ въ шаманство и нарочно ѣздятъ въ бурятскіе улусы шаманить по бурятской лопаткѣ, когда кто занеможетъ въ семьѣ или потеряется что-нибудь. Въ русскомъ нарѣчіи ленскихъ жителей также не мало словъ бурятскихъ и тунгусскихъ, какъ и въ забайкальскомъ. Они также говорятъ, напримѣръ: адали (подобно), галахай (крапива), качирикъ (двухгодовалый бычекъ), нохой (собака) или нохъ-нохъ-нохъ! (скликаніе собакъ) и т. п. Въ самомъ русскомъ языкѣ они выговариваютъ нѣкоторыя буквы какъ буряты, напр., букву с какъ ш: вмѣсто «Семенъ» говорятъ «Шеменъ», вмѣсто «все»—«вше» и т. д.

То же явленіе замѣчается и при столкновеніи русской народности съ якутами. Соотносительно съ физическими измѣненіями, и въ умственномъ складѣ якутско-русской народности можно подмѣтить болѣе или менѣе значительныя уклоненія отъ славяно-русскаго умственнаго типа. Воспитаніе молодыхъ поколѣній, происшедшихъ изъ смѣси русскихъ съ якутами, ихъ понятія, нравы и языкъ—все подверглось преобладающему вліянію якутской народности. «О воспитаніи дѣтей здѣсь заботятся мало,—пишетъ Врангель о русскихъ жителяхъ города Якутска;—ребенка съ малолѣтства отдаютъ обыкновенно какой-либо якуткѣ, которая, вскормивъ посильно и по крайнему своему разумѣнію, года черезъ два или три возвращаетъ воспитанника, конечно, уже нѣсколько объякученнаго, родителямъ; дома онъ доростаетъ, и научившись нѣсколько грамотѣ у священника или причетника, посвящается постепенно въ таинства сибирской торговли пушнымъ товаромъ или опредѣляется въ писцы какого-либо присутственнаго мѣста, для достиженія чиновъ, на которые и въ Якутскѣ бываютъ крайне падки. Такимъ первоначальнымъ воспитаніемъ здѣшняго юношества объясняется, съ перваго взгляда страннымъ кажущееся, явленіе, что даже въ нѣсколько высшемъ кругу общества якутскій языкъ играетъ почти столь же главную роль, какую французскій въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Это обстоятельство крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давалъ богатѣйшій изъ здѣшнихъ торговцевъ мѣхами въ имянины своей жены. Общество состояло изъ областнаго начальника, почетнѣйшаго духовенства, чиновниковъ и нѣкотораго числа купцовъ, но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесѣдѣ весьма слабое участіе». Гартвигъ, основываясь на словахъ Миддендорфа и другихъ путешественниковъ, высказываетъ

даже такое замѣчаніе: «якуты представляютъ намъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ,—народа, не только не подвергшагося вліянію завоевателей, но, напротивъ, втянувшаго его въ свою сферу. Такъ, въ Якутскѣ или городѣ якутовъ (этимъ именемъ называютъ себя, не безъ нѣкоторой національной гордости, всѣ тамошніе урожденцы) несравненно болѣе говорятъ по-якутски, чѣмъ по-русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники якуты, всѣ няньки — якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якуткѣ». Не менѣе поразило Миддендорфа, что, вступивъ въ Якутскую область, онъ встрѣтилъ русскихъ только по происхожденію, а по образу жизни совершенно объякутившихся; даже трудно было въ земледѣльческой, первоначально русской колоніи Амгинской найти проводника, говорящаго по-русски. Точно также удивляло Миддендорфа, что въ пустынѣ между Якутскомъ и Охотскомъ не только тунгусы и ихъ жены говорили чисто по-якутски, но и въ самой прислугѣ путешественника находился тунгусъ, не понимавшій другаго языка, кромѣ якутскаго. Ни одинъ русскій не задумается вступить въ бракъ съ якуткою. Въ домашнемъ быту русское якутское населеніе во многомъ ассимилировалось съ туземными природными якутами. Дома въ селахъ строятся «на вкусъ якутскій», какъ выражался одинъ бесѣдовавшій съ нами русскій якутъ, проживающій въ Иркутскѣ. Въ домахъ, на якутскій ладъ, подѣланы сплошныя лавки отъ стѣны до стѣны изъ цѣлыхъ, «четвероугольно» обдѣланныхъ и вмѣстѣ сплоченныхъ бревенъ, на подобіе наръ, съ аршинъ ширины.

Наконецъ, и русскій языкъ въ Якутскомъ краѣ подвергся значительному вліянію языка якутскаго. Большинство окрестнаго населенія Якутска, хотя и знаетъ русскій языкъ, но довольно плохо, и говоритъ по-якутски. Еще болѣе поразительныя данныя представляютъ намъ ученыя изслѣдованія объ одичаніи и объ инородченіи Туруханскаго края. Еще въ 1814 году смотритель туруханскихъ поселенцевъ, Давыдовъ, справедливо замѣтилъ о русскихъ жителяхъ верховыхъ станковъ Туруханскаго края: «по замѣчанію моему, въ 18-ти зимовьяхъ зимовщики поступками своими болѣе походятъ на азіатцевъ». И дѣйствительно, какъ свидѣтельствуютъ «Записки Сибирскаго Отдѣла», туземные или природные русскіе туруханцы и въ психическомъ отношеніи довольно выразительно разнятся не только отъ великоруссовъ, но и отъ другихъ юго-восточныхъ сибиряковъ. Недаромъ они и сами представляютъ Юго-восточную и Юго-западную Сибирь другою, нѣсколько чуждою или этнографически отличною страною и называютъ ее «Русью»:

«мало-ли чего у васъ тамъ на Руси не по-нашему, лучше», говорилъ одинъ туруханскій мѣщанинъ, по виду похожій на остяка, когда у насъ зашла рѣчь объ Южной Сибири. Природные русскіе туруханцы до того чувствуютъ себя чуждыми прочимъ мѣстностямъ Сибири, что запуганные молвой объ упраздненіи города Туруханска и о переселеніи ихъ на югъ, они хотятъ лучше переселиться еще дальше на сѣверъ, на низъ Енисея, чѣмъ, напр., въ Минусинскій край. Какъ остяки, которымъ мы совѣтовали переселиться куда-нибудь въ южные края Сибири и заняться земледѣліемъ, наотрѣзъ отвѣчали намъ: «нѣтъ, душѣ неохотно, сердцу неугода»,—такъ и русскіе туруханскіе мѣщане на тотъ же совѣтъ энергически возражали намъ: «мы неподходячи туда, намъ неохотно оставить свое мѣсто, гдѣ родились, да и не умѣемъ взяться за тамошнія работы». Вообще, при всемъ, замѣтно отличающемъ ихъ добродушіи, простосердечіи и откровенной сообщительности, при ближайшемъ, простомъ и кроткомъ обращеніи съ ними, они обнаруживаютъ, однакожъ, подобно остякамъ и тунгусамъ, нѣкоторую недовѣрчивость, боязливость, скрытность и лукавство въ отношеніи новопріѣзжихъ «изъ Руси»; особенно на людей чиновныхъ они поглядываютъ диковато, какъ бы изподлобья, отвѣчаютъ на вопросы какъ будто нехотя, желая поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ. Далѣе, вслѣдствіе давнишняго смѣшенія и сожительства съ инородческими племенами, коренные русскіе туруханцы, естественно, унаслѣдовали, вмѣстѣ съ инородческою кровью, множество инородческихъ свойствъ и привычекъ. Образъ жизни ихъ во многомъ походитъ на образъ жизни туземныхъ остяковъ, самоѣдовъ, якутовъ.

Подобно остякамъ и другимъ туземнымъ инородцамъ, они любятъ ѣсть сырую рыбу, лѣтомъ, во время рыболовства, живутъ въ чумахъ отдѣльными семьями. Въ домашнемъ употребленіи у нихъ не мало тунгусскихъ и особенно остяцкихъ принадлежностей или издѣлій, въ родѣ «потакуя»—кожанаго саквояжа тунгусскаго, или въ родѣ «ытовъ»—берестяныхъ корзинокъ въ $1^1/_2$ четверти длины и въ четверть ширины, въ родѣ «унтіевъ»—берестяныхъ ведеръ для носки воды, или «бальтій»—изъ бересты согнутыхъ, круглыхъ и низенькихъ шкатулокъ для нитокъ, иголокъ и проч. Подобно бродячимъ инородцамъ, тунгусамъ и затундреннымъ самоѣдамъ или долганамъ, и русскіе поселенцы или посадскіе города Туруханска до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія предпочитали бродячій образъ жизни звѣропромышленника осѣдлой городской жизни. Многіе туруханскіе мѣщане «отходили» на низъ Енисея, за тундру, для звѣроловства и, подобно тамошнимъ инородцамъ, жили разрозненно въ такъ-называемыхъ «отъѣзжихъ зи-

мовьяхъ», похожихъ на тунгусскія «голомы». Въ началѣ нынѣшняго столѣтія за тундрой было до 26 такихъ отъѣзжихъ зимовей. Вообще наклонность къ бродячему быту пересиливала въ туруханскихъ мѣщанахъ великорусскую народную наклонность къ городской, промышленной осѣдлости.

Въ умственномъ складѣ и понятіяхъ природныхъ русскихъ туруханскихъ жителей также много сходнаго съ примитивнымъ міросозерцаніемъ туземныхъ остяковъ, тунгусовъ, юраковъ и самоѣдовъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что природный здравый смыслъ у нихъ, вообще, развитъ достаточно, есть смѣтливость, находчивость въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ разсказахъ своихъ и бесѣдахъ съ нами они обнаруживали довольно смышлености, остроумія и наблюдательности. Но при всемъ томъ и умъ ихъ замѣтно поддался вліянію туземныхъ азіатскихъ понятій. Въ низовьяхъ Енисея русскіе придерживаются даже нѣкоторыхъ инородческихъ суевѣрій: за образами, напримѣръ, на божницахъ держатъ «инородческихъ истуканчиковъ» или божковъ и занимаются, вмѣстѣ съ туземными инородцами, шаманствомъ. Какъ тунгусы туруханскіе, проникнутые фанатическимъ страхомъ таинственныхъ силъ природы, поклоняются, напримѣръ, высокимъ горамъ и приносятъ въ жертву имъ бѣлку, соболя, горностая или лисицу, чтобъ эти высокія горы не задержали ихъ, такъ и русскіе туруханскіе казаки и промышленники нѣкогда со страхомъ проплывали мимо одной высокой горы на Нижней Тунгускѣ, такъназываемой «Цапаниной-Сопки» и боясь, чтобы какое-то горное чудовище—Цапанъ не задержалъ ихъ лодки, клали на берегу у горы нѣсколько соболей, бѣлокъ и проч.

Наконецъ, вслѣдствіе смѣшенія съ разными туземными племенами, русское населеніе Туруханскаго края пріобрѣло и нѣкоторыя лингвистическія особенности. Мѣстное, областное нарѣчіе его усвоило не мало варіацій и отличій подъ вліяніемъ языковъ остяцкаго, тунгусскаго и проч. Въ Туруханскѣ нѣкоторые казаки и мѣщане умѣютъ говорить по-остяцки и по-тунгусски. А на низу Енисея и за тундрой русскіе почти вовсе не употребляютъ русскаго языка, а говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ—на якутскомъ, самоѣдскомъ и тунгусскомъ. Наконецъ, самый выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора или повышенія и пониженія голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ туруханскихъ урожденцевъ отличаются, сколько мы замѣтили, почти тѣми же особенностями, какъ и у остяковъ. Напримѣръ, подобно остякамъ, они вмѣсто буквъ *ч*, *ш*, *ж* и *р* выговариваютъ *с*, *з* и *л*

или *рл* и т. п.; говорятъ: «поселъ осень больсой доздь, въ избѣ сыпко зарко, бѣдняски худо зивутъ, мѣрлой альсинъ» и т. п.

Не менѣе русскіе подвергались инородческому вліянію и въ другихъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Западной Сибири, на границѣ Киргизской степи, гдѣ казаки, мало того, что перешли мѣстами къ скотоводству, но заимствуютъ у киргизовъ одежду, обычаи и языкъ. Нравы эти проникли даже въ среду офицерскаго сословія. Иногда офицеры являются въ города совершенно окиргизившіеся. Крестьянство на Бухтармѣ и южной границѣ Сибири также усвоиваетъ азіатскую одежду и т. п. Подобную же азіатскую окраску пріобрѣтаетъ, какъ говорятъ, и русское населеніе въ Туркестанской области. Что касается вліянія русскихъ на инородцевъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и это обратное вліяніе дѣйствовало довольно ощутительно. Такому обрусѣнію особенно подверглись буряты, которые при смѣшеніи съ русскими усвоиваютъ земледѣліе, начинаютъ жить осѣдло, принимаютъ русскій языкъ и вѣру. Точно также мы видимъ якутское населеніе, не только перешедшее къ русской культурѣ, языку, совершенно обрусѣвшее, но и сдѣлавшееся самымъ промышленнымъ и способнымъ населеніемъ Восточной Сибири. За то нѣкоторыя инородческія національности не только туго поддаются вліянію русской культуры, но рѣшительно подчиняютъ ее себѣ. Въ этомъ случаѣ мы видимъ, такъ сказать, различную упругость и стойкость расъ, которыя замѣчены и во многихъ національностяхъ. Есть національности, которыя способны необыкновенно быстро перейти къ другой культурѣ, вѣрованіямъ, языку, какъ, напримѣръ, зыряне, вогулы, но есть и такія, которыя отстаиваютъ свою національность вѣками, какъ, напримѣръ, евреи. Точно также и въ средѣ азіатскихъ народностей любопытно сдѣлать подобную этнографическую классификацію. Рядомъ съ этимъ, многое въ жизни нашихъ инородцевъ зависитъ отъ ихъ объема, численности, плотности, въ какой они живутъ и соприкасаются съ русскимъ населеніемъ, отъ высоты ихъ культуры, свойствъ религіи и способности сливаться съ другими расами.

Склонность къ смѣшенію и слитію русскихъ въ Сибири обнаруживается, по нашимъ наблюденіямъ, наиболѣе и совершается легче съ финскими племенами и тюркскими, причемъ съ новокрещеными изъ язычества болѣе, чѣмъ съ переходящими изъ магометанства, которыхъ число очень невелико. Скрещиваніе и полное смѣшеніе цѣлыхъ волостей, какъ и вырожденіе инородцевъ, замѣчается среди вогуловъ, алтайскихъ черневыхъ татаръ

въ Кузнецкомъ, Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ, гдѣ находится совершенно выродившаяся кумышская инородная управа.

Помѣси съ киргизами, монголами, тунгусами и т. п. также попадаются, но составляютъ менѣе обычное явленіе.

Опредѣлить въ точности всѣ физіологическія, психическія, какъ и культурныя метаморфозы русскаго населенія, совершающіяся въ различныхъ мѣстностяхъ на нашемъ востокѣ, точно также, какъ и выяснить законы метисаціи, предстоитъ, безъ сомнѣнія, дальнѣйшимъ этнографическимъ изысканіямъ, но и собранныя уже нынѣ данныя даютъ нѣкоторый матеріалъ для нѣкоторыхъ соціологическихъ выводовъ. Первое, къ чему можно придти,—это къ тому, что если русскіе, въ силу своего расоваго и культурнаго превосходства, наконецъ, въ роли завоевателей, хотя и повліяли на инородцевъ поднятіемъ ихъ расы при помощи метисаціи, передачею имъ своей культуры, языка, нѣкоторымъ нравственнымъ и умственнымъ вліяніемъ, то въ то же время не могли и сами перенести подобнаго вліянія безъ потери своихъ расовыхъ чертъ и безъ измѣненія въ своемъ типѣ, физіологическомъ складѣ, способностяхъ и даже бытовыхъ и культурныхъ чертахъ. Пониженіе и отступленіе это было временами въ такой степени сильно, что уподобило ихъ совершенно инородцамъ. Мы видимъ, что смѣшеніе, какъ и бытовое сожительство нашего населенія на востокѣ съ инородцами, отразилось не однимъ физіологическимъ измѣненіемъ, какъ слѣдствіемъ метисаціи, но и выразилось въ духовномъ и нравственномъ родствѣ съ азіатскими племенами, въ перемѣнѣ воззрѣній, нравовъ и образа жизни. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ общемъ русскіе переходятъ къ полигаміи, къ инородческимъ воззрѣніямъ на женщину; они воспринимаютъ фетишизмъ, антропоморфизмъ, шаманизмъ и идолопоклонство, усвояютъ предразсудки, примѣты и суевѣрія инородцевъ, измѣняютъ одежду, переходятъ къ образу жизни и промысламъ инородцевъ, наконецъ, забываютъ русскій языкъ и воспринимаютъ инородческій. Всѣ эти явленія одичанія нашего населенія уже теперь даютъ себя чувствовать. Постоянное заимствованіе отъ инородцевъ входитъ въ обычай вообще русскаго населенія за Ураломъ и вліяетъ на весь его складъ. Многое незамѣтно вошло въ нравы, иное смѣшалось съ предразсудками, съ миѳологіей и деменологіей русской, третье находится въ сыромъ видѣ и путается съ русскими обычаями, какъ часто полуазіатскій костюмъ съ русской рубахой. А это даетъ намъ поводъ заключить, что расовая устойчивость русскихъ на востокѣ далеко не такъ прочна, какъ предполагалось, что русскіе во мно-

гихъ случаяхъ склонны были скорѣе подчиняться инородцамъ, чѣмъ надъ ними господствовать, и что они болѣе заимствовали отъ инородцевъ, чѣмъ передали имъ. Все это наводитъ на вопросы: надо-ли считать наше слитіе и метисацію съ инородцами при настоящихъ условіяхъ выгодными для русской національности? Что будетъ, если на такихъ же условіяхъ она будетъ продолжаться въ будущемъ? И каковы должны быть предприняты мѣры, чтобы избавиться отъ тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, которыя нынѣ обнаруживаются? Подобные вопросы имѣютъ тѣмъ болѣе жизненное значеніе въ нашей исторіи, что метисація съ инородцами на востокѣ далеко не представляетъ явленія отжившаго, законченнаго; она только еще начинается и дальнѣйшій процессъ ея развитія угрожаетъ въ будущемъ охватить большее число русскихъ. Безъ знаній, безъ тѣхъ преимуществъ, какія даетъ цивилизація, колонна русскаго населенія, врѣзавшаяся среди инородцевъ за Ураломъ и идущая совершать завоеваніе, становится похожа на отрядъ піонеровъ, высланныхъ впередъ прочищать дорогу безъ кирокъ, топоровъ, лопатъ и другихъ инструментовъ.

Единственнымъ залогомъ и умственнаго, и соціальнаго преобладанія русскаго населенія должно быть его высшее культурное развитіе. «Чтобы выдержать борьбу,—пишетъ одинъ изъ ученыхъ географическаго общества Нейманъ,—и въ то же время исполнить культурную миссію относительно превосходящаго и поставленнаго въ лучшее положеніе инородческаго населенія, нужно имѣть достаточный запасъ существеннаго развитія, энергіи и вообще нравственной силы» (Извѣст. Сиб. Отдѣла, 1871 г., №№ 4 и 5, стр. 51). «Прогрессъ будетъ еще большій, если вы дадите русскому населенію школу», говоритъ въ другомъ мѣстѣ путешественникъ. Чѣмъ болѣе играетъ роль физіологическое вырожденіе и пониженіе расы, тѣмъ болѣе должно быть гарантировано повышеніе культурное. Если просвѣщеніе и цивилизація составляютъ естественное право человѣчества, то здѣсь оно имѣетъ особое значеніе, какъ единственное спасеніе народности. Понятно, какія заботы и усилія необходимы здѣсь, чтобы поднять населеніе на высшую степень развитія и дать ему, такъ сказать, нравственный перевѣсъ. Надо помнить, что отъ умственныхъ и просвѣтительныхъ средствъ будетъ зависѣть и судьба нашего существованія на востокѣ [1]).

[1]) Любопытныя наблюденія о смѣшеніи вогуловъ съ русскими сдѣланы въ только что вышедшемъ трудѣ: «Экономическій бытъ государств. крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ Туринскаго округа» А. А. Кауфмана. Изд. Мин. Государ. Имуществъ, стр. 43—45.

Вліяніе культуры и просвѣщенія на инородцевъ Сибири.

Когда миновалъ первый періодъ завоеванія инородцевъ, а затѣмъ покоренія и усмиренія ихъ, должно было наступить время мирныхъ отношеній. Къ сожалѣнію, предшествовавшая исторія оставила столько горькихъ воспоминаній, совершено было столько ненужныхъ жестокостей, а позднѣйшая экспуатація инородцевъ и обираніе ихъ такъ опровергали всякія дружественныя и братскія чувства, что между русскимъ и инородческимъ населеніемъ находится доселѣ пропасть и полное недовѣріе со стороны инородца.

Послѣ завоеванія Сибири прошло два вѣка, когда борьба съ инородцами продолжалась въ видѣ усмиренія и подавленія всякаго инородческаго самостоятельнаго движенія. Тутъ было не до культуры и не до просвѣщенія.

Между тѣмъ, въ широкомъ историческомъ значеніи не такъ былъ важенъ этотъ актъ военнаго завоеванія и покоренія, какъ дальнѣйшій шагъ—это водвореніе гражданственности, внесенія въ инородчсскую среду христіанскихъ идей, началъ гуманности и цивилизаціи, иначе--культурное завоеваніе и просвѣщеніе инородческаго міра.

Конечно, подобныя цѣли несогласны были съ воззрѣніями первыхъ русскихъ завоевателей на инородца и также съ позднѣйшими взглядами на нихъ, какъ на расу, обреченную къ вымиранію и гибели. Не будемъ дивиться русскимъ людямъ XVI и XVII вѣка, когда подобные взгляды доживаютъ свой вѣкъ въ Американскихъ Штатахъ и примѣняются къ беззащитному индѣйцу. Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за періодомъ усмиренія и завоеванія такъ или иначе должны были измѣниться отношенія, такъ какъ они измѣняются вслѣдъ за пораженіемъ къ покоренному и плѣннику. Воинственная ярость, негодованіе, чувство мести, насытившись, ослабѣваетъ, въ душѣ появляется чувство жалости къ повержен-

ному непріятелю, страдальческіе глаза его просятъ пощады. Наступаетъ время, когда должно явиться пресыщеніе въ рѣзнѣ, нужно удержать тѣхъ, кто подъ вліяніемъ опьяненія совершаетъ еще расправу надъ беззащитными, покоренными, приходится взять ихъ подъ защиту и положить предѣлъ, чтобы война не перешла въ разбой. Полководецъ даетъ знакъ тогда остановить преслѣдованіе и обращаетъ вниманіе уже на тѣхъ, кто безчинствуетъ и не исполняетъ приказа. Поэтому и въ исторіи Сибири мы видимъ тотъ же расчетъ и поворотъ въ воззрѣніяхъ на инородца, начавшійся вслѣдъ за покореніемъ. Инородецъ съ этого момента является «податной», «ясачной душой» (слово «ясачный» доселѣ характеризуетъ инородца). Эта податная, ясачная душа должна быть ограждена, сохранена, иначе самый доходъ падетъ и не будетъ извлекаться. Вотъ первые утилитарные мотивы явившейся гуманности, пощады и защиты инородца отъ обидъ и злоупотребленій воеводъ и частныхъ лицъ.

Съ момента покоренія указы твердили воеводамъ, чтобы они обращались «*кротко*» съ покорившимися и служилымъ людямъ повелѣвалось «приказывать накрѣпко, чтобы они, ходя за ясакомъ, ясачнымъ людямъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь никому не чинили, а собирали бы съ нихъ ясакъ ласкою и привѣтомъ» [1]). Идея покровительства и заботы объ инородцахъ еще рѣзче выступаетъ въ наказахъ Екатерины II, которая смотритъ на Сибирь, какъ на инородческую колонію и русскую Индію, гдѣ необходима либеральная колоніальная политика. Общечеловѣческіе идеалы XVIII столѣтія заставляютъ ее смотрѣть на міръ, а также и на имперію, какъ на арену, гдѣ должны примириться всѣ племена. Въ это время императрица простираетъ свое вниманіе до вызова инородцевъ-дикарей ко двору, до покровительства бухарцамъ въ Сибири, предоставленія имъ многихъ привилегій, какъ торговому сословію, и водруженію нѣкоторыхъ символовъ инородческаго царства [2]). Въ своихъ указахъ Екатерина II является настоящею защитницею и покровительницею обиженныхъ инородцевъ. Взглядъ этотъ выразился довольно опредѣленно въ указѣ по поводу посылки маіора Щербачева для переписи инородцевъ въ 1763 г. «Монаршимъ нашимъ словомъ обнадеживаемъ,—

[1]) Истор. Соловьева, т. VII, 390, 391, т. IX, 430, 431.

[2]) Въ Екатерининскую коммисію вызывается также депутатъ отъ бурятовъ буддистъ Засевъ; онъ подноситъ Екатеринѣ свое путешествіе въ Тибетъ и получаетъ золотую медаль, онъ же получаетъ титулъ хамбо-ламы всѣхъ бурятскихъ и тунгусскихъ родовъ (Позднѣевъ «Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Археологич. Общества». 1887 г. «Вост. Обозрѣніе» 1887 г. № 12).

говорилось въ этомъ указѣ,—что не только всѣ подвластные подданные наши ясачные, равнымъ образомъ и впредь въ Имперію нашу и въ подданство приходящіе, содержаны будутъ въ желаемомъ спокойствіи, почему мы всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ повелѣваемъ съ оными ясачными обходиться ласково, показывая имъ всякое доброхотство и не чиня имъ не только какихъ-либо притѣсненій, обидъ, грабительствъ, но ниже малѣйшихъ убытковъ; если же кто за симъ нашимъ Монаршимъ повелѣніемъ дерзнетъ чинить ясачнымъ народамъ нашимъ грабительства и раззоренія, а отъ ясачныхъ въ учрежденныхъ отъ насъ правительствахъ принесены будутъ намъ на кого во взяткахъ и въ прочемъ тому подобномъ жалобы, то повелѣваемъ наистрожайше слѣдовать и съ винными поступать по законамъ, а обидимыхъ по справедливости защищать безъ промедленія малѣйшаго времени, о чемъ сей нашъ манифестъ по всей Сибирской губерніи публиковать во всенародное извѣстіе» (Манифестъ 1763 г. іюня 13 дня). Вмѣстѣ съ тѣмъ при Екатеринѣ II за осѣдлыми инородцами было весьма много укрѣплено земель. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ государей не получилъ примѣненія въ Сибири. Въ 1763 г. усчитано было число инородцевъ въ 186.000 человѣкъ и положенъ окладъ 165.000 р. Притѣсненія инородцевъ между тѣмъ не уменьшились, не смотря на внушенія правительства, окладъ продолжаетъ оставаться неизмѣненнымъ до Сперанскаго, т.-е. до 1822 г., или скорѣе до новой ясачной коммисіи; между тѣмъ число инородцевъ во многихъ мѣстахъ измѣнилось. Такъ, въ Туруханскомъ краѣ вымерло отъ голода и болѣзней до $^3/_4$ инородческаго населенія, тогда какъ остальные должны были нести весь окладъ [1]). Уложеніе объ инородцахъ Сперанскаго въ 1822 г. пытается ввести порядокъ въ управленіе инородцевъ, раздѣлить ихъ на разряды по образу жизни и дать имъ нѣкоторыя гарантіи самоуправленія, образовать инородныя думы, управы и т. д. Но и этотъ уставъ, замѣчательно доброжелательный по духу, не могъ осуществиться и повелъ точно также только къ недоразумѣніямъ. Прежде всего едва-ли какая-либо классификація могла быть сдѣлана безъ точнаго изслѣдованія быта инородцевъ однимъ канцелярскимъ путемъ. Еще болѣе явилось произвола при осуществленіи этого устава и зачисленіи инородцевъ въ разряды. Эти недостатки въ регламентаціи были обнаружены въ 1828 г. новою ясачною коммисіею. Ясачная коммисія старалась только поправить разряды и установить новый опредѣленный окладъ. Этотъ окладъ по пе-

[1]) Шашковъ, Положеніе инородцевъ. Ист. этюды, стр. 174.

реписи 1835 года остается неизмѣннымъ и доселѣ, а законодательство для инородцевъ, созданное Сперанскимъ, продолжаетъ существовать болѣе полустолѣтія въ нашемъ сводѣ законовъ. Не смотря на его благія желанія урегулировать управленіе инородцевъ и дать имъ нѣкоторые права и законы, этотъ уставъ рѣшительно не привился на дѣлѣ въ Сибири. Духъ его остался непонятымъ, не усвоеннымъ, а бытъ инородцевъ остается въ томъ же, если не худшемъ, видѣ, чѣмъ до устава Сперанскаго 1828 г. Уступки инородческому обычному праву не оказали никакихъ гарантій. Древнее самоуправленіе исчезало, старый общественный союзъ разрушался, новый не создавался, и инородцы представляли стадо, запуганное земской полиціей. Тамъ, гдѣ инородцы обязывались организовать волости, тамъ все вручалось присланному писарю, который и являлся хозяиномъ и посредникомъ волости съ властью. Распоряженія такихъ писарей инородческою судьбою вели только къ массѣ злоупотребленій и поборамъ. Инородческая волость явилась подчиненною на дѣлѣ однимъ земскимъ засѣдателямъ, власть которыхъ явилась безконтрольною. Это давленіе земской полиціи, ея безцеремонный характеръ, низкое развитіе, ограниченное содержаніе въ Сибири и своекорыстныя стремленія не позволили водворить ни малѣйшаго порядка и справедливости въ волостяхъ, а создали многочисленныя злоупотребленія, безотчетные поборы, практикуемый произволъ, жестокія наказанія, нечеловѣчное обхожденіе съ инородцемъ, уничтожали всякіе слѣды законности. Вдали отъ надзора мелкіе исполнители и земская полиція съ своими правами дискредитировали такимъ образомъ лучшія намѣренія правительства. Сибирскіе засѣдатели и исправники до послѣдняго времени свирѣпствуютъ въ инородческихъ волостяхъ; ни указы государей, ни законодательство, ни гуманный уставъ Сперанскаго, ни страхъ закона, ни внушенія человѣческой совѣсти не могли защитить, оградить инородца и заставить уважать его человѣческія права. При отсутствіи знанія инородческаго быта, распредѣленія инородцевъ и движенія населенія, переписка объ устройствѣ инородческихъ волостей и общественнаго управленія продолжалась нѣсколько десятковъ лѣтъ, но, къ сожалѣнію, отъ неумѣнья организовать это дѣло, не привела ни къ чему. «Въ теченіи 40 лѣтъ дѣло это ограничивалось мертвой канцелярской перепиской и не заключаетъ ничего, чтобы можно было сдѣлать заключеніе о томъ, что и какъ слѣдуетъ учредить между инородцами». Таковъ былъ оффиціальный приговоръ этого дѣла [1]). «Въ основѣ

[1]) Журналъ Томской казенной палаты по 1864 г.

административныхъ началъ,—говоритъ журналъ Томской казенной палаты,—долженъ лежать бытъ народа, т.-е. его нравы, обычаи, образъ жизни, степень развитія, а равно и мѣстныя условія; чтобы безошибочно опредѣлить, какой порядокъ управленія свойственнѣе и полезнѣе для инородцевъ, необходимо знать ихъ прошедшее и настоящее, и для этого необходимъ умъ пытливый, наблюдательный, дѣятели научные и привычные къ такого рода трудамъ; между тѣмъ изъ 40-лѣтней переписки видно, что столь серьезный трудъ возлагался на земскую полицію, на земскихъ засѣдателей, у коихъ не было ни времени, ни умѣнья взяться за это дѣло какъ слѣдуетъ, почему весь трудъ заявлялся въ мертвой канцелярской отпискѣ бумагъ, парализовавшей всѣ распоряженія мѣстной высшей власти». Но вслѣдъ за вопросомъ управленія является не менѣе серьезнымъ и, пожалуй, болѣе важнѣйшимъ вопросъ податнаго обложенія инородцевъ. Ясачные сборы причиняли съиздавна не мало безпорядковъ и служили поводомъ къ ухудшенію быта инородцевъ. Ясачные сборы съ инородцевъ мѣхами стали съ перваго же раза, благодаря недобросовѣстности сборщиковъ, тягостью и разореніемъ для инородцевъ; не смотря на огромные поборы, за инородцами все-таки показывались недоимки. Вслѣдъ за покореніемъ Сибири въ 1596 г., мы находимъ свѣдѣнія объ обремененіи пелымскихъ и нарымскихъ инородцевъ сборами, вслѣдствіе чего уменьшены съ нихъ сборы ясака и прощены недоимки. Тѣ же явленія продолжаются во все послѣдующее время, инородцы жалуются на разореніе, насилія надъ ними; правительство приказываетъ, по возможности, щадить инородцевъ и взыскивать одну только подать, но никакія мѣры и самое прощеніе недоимокъ не помогаетъ. Въ 1763 г. составляется Щербачевымъ перепись инородцевъ и на инородческое населеніе въ 186.000 налагается ясачный окладъ въ 165.000 рублей; окладъ этотъ не могъ быть обременительнымъ, если бы, во-1-хъ, онъ взыскивался только въ опредѣленномъ казною количествѣ, во-вторыхъ, болѣе соотвѣтственно съ количествомъ рабочихъ душъ. Но съ 1763 г. въ бытѣ инородцевъ произошли замѣчательныя потрясенія и измѣненія, а окладъ этотъ оставался тотъ же до 1824 г.

Съ распредѣленіемъ инородцевъ въ новые разряды и съ переводомъ нѣкоторыхъ въ число осѣдлыхъ, соотвѣтственно уставу Сперанскаго, положеніе дѣлъ не только не улучшается, но податная система легла еще тяжелѣе. Многіе изъ инородцевъ, не смотря на осѣдлость, къ этому времени совершенно были разорены. Платя до 1824 г. по 1 р. 50 к. съ души, съ этого года, съ перевода въ

разрядъ осѣдлыхъ поселянъ, съ нихъ послѣдовало обложеніе въ 11 р. съ души, да по стольку же за умершихъ съ ревизіи 1816 года. Все это привело къ тому, что съ инородцевъ тобольскихъ, вмѣсто прежняго оклада въ 127.819 р., съ 1824 по 1832 г. пришлось денежной повинности за 8 лѣтъ взыскать 1.359.845 р. Инородцы смогли уплатить въ счетъ этой громадной суммы всего 735.397 р., слѣдовательно въ недоимкѣ за ними состояло 624.648 р.; въ такомъ же положеніи очутились и другіе осѣдлые инородцы. Хотя ясачныя коммисіи обнаружили всю несоразмѣрность, всю тяжесть обложенія и открыли при этомъ много несправедливостей, тѣмъ не менѣе онѣ не могли улучшить быта инородцевъ и сократить оклады. Напротивъ, послѣ ясачной коммисіи въ общемъ сумма сборовъ возвысилась. Такъ, инородцы съ 1835 г. по обложенію вмѣсто прежнихъ 146.460 р. 55 к. стали платить 525.162 р. 99 к. Злоупотребленія при сборѣ ясака не уменьшались; кромѣ того на нихъ наложены были новыя повинности. Резолюціи и заключенія, къ которымъ пришла ясачная коммисія, были, однако, замѣчательны. Коммисія ходатайствовала о сложеніи недоимокъ, «такъ какъ взыскать ихъ было невозможно, не доведя инородцевъ до совершеннаго разоренія». Недоимки по 1 января 1832 г. были такимъ образомъ прощены «по уваженію разстроеннаго состоянія инородцевъ отъ обременительной экзекуціи и другихъ допущенныхъ злоупотребленій», какъ сказано въ указѣ Сената генералъ-губернатору Западной Сибири. Но и за такимъ важнымъ облегченіемъ осѣдлые инородцы не въ состояніи были платить полнаго крестьянскаго оклада, поэтому предположено было для нихъ въ продолженіи десяти лѣтъ, съ 1840 по 1850, платить $^2/_3$ крестьянскаго оклада, а съ 1-го января 1850 года полный окладъ. Не смотря на сдѣланныя облегченія и льготы, а также не смотря на то, что нѣкоторыя изъ осѣдлыхъ управъ доселѣ обложены податью только въ количествѣ 4 руб. 41 коп. (осѣдлыя волости татаръ Томской губерніи), недоимки не только не уменьшились, но возрасли. Такъ съ 1850 г. по 1860 г. увеличились недоимки у тѣхъ же тобольскихъ осѣдлыхъ татаръ и томскихъ. Недоимки эти въ 1875 г. по 4 округамъ равнялись 480.234 рублямъ. Накопившіяся недоимки взыскиваются обыкновенно самымъ безпощаднымъ образомъ, продажею имущества инородцевъ, отдачею ихъ въ заработки промышленникамъ и только по истощеніи всѣхъ средствъ, онѣ представляются къ сложенію, то-есть, когда разореніе достигло крайнихъ предѣловъ; наконецъ, что еще важнѣе, самые оклады взыскивались всегда не въ положенномъ казною размѣрѣ, но въ гораздо высшемъ; часто суммы, взысканныя съ

инородцевъ, оставались въ рукахъ сборщиковъ и засѣдателей, а на нихъ отмѣчались недоимки. Подобные двойные сборы, какъ причина недоимки, не всегда было удобно объяснять мѣстному начальству; но несомнѣнно они играли значительную роль. Что касается общихъ повинностей, налагаемыхъ на инородцевъ, то они такъ были тяжелы, что инородцы закладывали свои угодья и нанимали для выполненія ихъ русскихъ. Мірскіе расходы ложились на инородцевъ большею тяжестью, чѣмъ самыя подати.

Что касается ясачнаго сбора съ кочевыхъ инородцевъ, то окладъ этотъ могъ быть точно также не обременительнымъ, если бы только онъ не отражался въ увеличенныхъ сборахъ и въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыми сопровождалось внесеніе ясака мѣхами. Правительство, желая облегчить инородцамъ внесеніе подати, въ виду недостатка денежныхъ знаковъ, предоставило имъ вносить мѣха, которые шли въ доходъ Кабинета Его Величества, но сборъ мѣховъ съиздавна былъ поводомъ для злоупотребленій въ Сибири. Не смотря на то, что инородцамъ предоставляется вносить ясакъ въ казначейство деньгами, на практикѣ является, что инородцы, напуганные чиновниками, что ихъ запишутъ въ осѣдлый окладъ, предпочитаютъ вносить мѣхами; между тѣмъ постоянное уменьшеніе звѣря въ Сибири и его «неурожаи» ставятъ инородцевъ въ большое затрудненіе. Самые цѣнные мѣха, въ большинствѣ случаевъ, покупаются у торговцевъ, которые пользуются случаемъ взять съ инородцевъ высшія цѣны; соболь покупается въ 15 и 25 р., когда въ казну сдается по 3 р. Затѣмъ, сборъ въ волости производится обыкновенно звѣриными шкурами съ юрты, причемъ сбираются князьями и зайсанами не по оцѣнкѣ, а произвольно; здѣсь должны войти всѣ расходы по поѣздкѣ сборщиковъ въ городъ, на переводчиковъ, на сношеніе съ властями. При сдачѣ ясака, во избѣжаніе злоупотребленій, законъ предполагалъ для бо̀льшихъ гарантій создать взносъ въ особомъ составномъ присутствіи изъ казначея, исправника, стряпчаго и т. д. Но это повело только къ тому, что въ пріемѣ ясака явилось болѣе лицъ заинтересованныхъ. Удивительно, что при всей требовательности, съ какою относятся пріемщики, при огромной стоимости ясака для инородцевъ, результаты явились совершенно неожиданные. Въ Кабинетъ доставлялись мѣха худшаго качества и вся вина сваливалась на несчастныхъ инородцевъ. По поводу дурнаго взноса ясака не разъ Кабинетомъ начинались переписки; мѣстное начальство изыскивало причины ухудшенія лова звѣря, но истинной причины какъ будто бы не открывало. Такимъ образомъ, не смотря на ничтожный окладъ въ 1 р. и 1 р. 50 коп. съ души,

сборы съ кочевыхъ инородцевъ удесятерялись. Недоимки на кочевыхъ инородцахъ были также часты; а между тѣмъ, земскіе чиновники составляли себѣ состояніе въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Такія злоупотребленія, какъ мы убѣдились обзоромъ инородческаго района, продолжаютъ существовать. Къ этому же присоединилось образованіе волостей, содержаніе писарей въ кочевыхъ районахъ, которые внесли не столько порядка въ управленіе, сколько новые незаконные поборы. Въ такомъ свойствѣ податной системы лежитъ одна изъ видныхъ причинъ инородческаго обѣдненія и разоренія. Податной вопросъ, такимъ образомъ, заслуживаетъ наиболѣе вниманія, тѣмъ болѣе, что оклады инородцевъ остаются неизмѣненными съ 1835 г., а современная платежная способность инородцевъ не выяснена. Система взиманія ясака и преобразованіе его въ денежный сборъ, въ устраненіе существующихъ злоупотребленій, составляетъ также очередную задачу. Какъ попытки введенія правильнаго управленія среди инородцевъ, такъ и опека правительства въ огражденіе инородцевъ отъ притѣсненій, злоупотребленій, а также заботы объ обезпеченіи продовольствія инородцевъ въ моменты тяжкихъ бѣдствій, къ сожалѣнію, не привели къ должному результату. Правительство съиздавна запрещало ввозъ вина въ стойбища инородцевъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Сибирскій комитетъ въ 1830 году запрещаетъ ввозить къ самоѣдамъ даже лекарства, настоянныя на винѣ. Тѣмъ не менѣе, винная продажа вездѣ проникла. Торговлю виномъ практиковали не одни торговцы, съ жаждой барыша, но этимъ занимались священники, засѣдатели-управители инородцевъ и т. д. Въ настоящее время, благодаря проникновенію русскихъ, вино повсюду доставляется инородцамъ и запрещеніе не привело ни къ чему, развѣ только повысило цѣну вина. Являясь какъ запретный плодъ и дѣйствуя на инородцевъ временами, періодически, оно имѣло тѣмъ болѣе губительное вліяніе [1]). Что касается созданія казенныхъ магазиновъ для продовольствія, то они повели только къ накопленію долговъ на инородцахъ, которые взыскивались съ безпощадной строгостью; раздача хлѣба вела, наконецъ, къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ, такъ какъ находилась въ рукахъ казенныхъ вахтеровъ. Г. Шашковъ приводитъ, что долгъ за хлѣбъ въ Туруханскомъ

[1]) Противъ ввоза водки и спирта въ инородческіе районы при стремленіи всего русскаго населенія дѣйствовать наперекоръ, оказались безсильны всѣ распоряженія администраціи и запрещенія закона. До сихъ поръ инородцы снабжаются спиртомъ всякими способами, а въ Якутскую область сталъ ввозиться «одеколонъ», который сбывается какъ суррогатъ водки.

округѣ простирался иногда до 200 р. на человѣка. Въ 1861 г. на 63 инородцахъ считалось 13.000 р. с. хлѣбной недоимки. Въ Березовскомъ краѣ въ 1850 г. хлѣбный долгъ былъ равенъ 12.947 руб. сер., въ 1852 г. 17.000 руб. О накопленіи подобной же недоимки въ Нарымскомъ округѣ въ 50.000 р. и о тѣхъ же злоупотребленіяхъ сообщаетъ очевидецъ въ 1881 г. («Сибирская газета» «Инородцы Нарымскаго округа», 1881 г. №№ 21 и 22). Это снабженіе хлѣбомъ имѣло чисто фиктивный характеръ; вахтера записывали хлѣбъ на инородцевъ, но сами продавали его торговцамъ, которые уже снабжали инородцевъ по двойной цѣнѣ. Наконецъ, эта торговля кончилась разореніемъ инородцевъ и накопленіемъ состоянія у вахтеровъ (см. тоже «Сибирск. газета» о Нарымскомъ краѣ №№ 21 и 22). Магазины эти признается нынѣ своевременнымъ сдать самимъ инородческимъ обществамъ съ завѣдываніемъ ихъ избранными сторожами. Къ тѣмъ же злоупотребленіямъ вела продажа свинца и пороха.

Если, съ одной стороны, въ политикѣ по отношенію къ инородцу господствовали «фискальныя» мѣры и стремленія, съ другой стороны, со стороны русскаго населенія осуществлялись промышленныя цѣли и двигали корыстныя побужденія наживы, то при такихъ условіяхъ нельзя было ожидать установленія добрыхъ отношеній и культурнаго воздѣйствія.

Самый умственный уровень и развитіе мѣстнаго русскаго населенія въ Сибири былъ не высокъ. Мы видимъ, что русское населеніе на востокъ явилось безъ надлежащаго просвѣщенія. Большинство были невѣжественные безграмотные простолюдины и алчный торговый классъ. Просвѣщеніе среди русскаго населенія слабо распространялось въ Сибири, а невѣжественная и темная масса едва-ли что могла привить къ инородцу. Населеніе это, какъ видѣли въ предшествовавшей главѣ, само отступало отъ культуры. Въ области хозяйства оно становилось охотниками и эксплоатировало звѣря, въ степяхъ русскіе переходили къ скотоводству и сами усвояли пастушескія привычки, въ земледѣліи они отступили къ первобытной системѣ «перелоговъ» и кочеваго земледѣльческаго хозяйства. Самый бытъ русскаго крестьянства въ его первобытной культурѣ далеко не былъ устойчивъ, чтобы водворить въ Сибири новые культурные пріемы и предстоитъ еще просвѣщать и распространять агрономическія и техническія знанія среди русскихъ. При эксплоатаціи природы, поэтому, многое было усвоено изъ инородческой среды. Мы видимъ, поэтому, только мѣстами и оазисами, гдѣ русская культура и промышленность распространили среди инородцевъ земледѣльческій промы-

селъ и распространили русскія произведенія. Конечно, и торговля дѣлала свое дѣло, познакомивъ инородца съ желѣзомъ, топоромъ, ружьемъ, порохомъ, мануфактурой; но все это очень дорого обошлось инородцу и не было грани, гдѣ начиналась услуга и кончалась бы форма эксплоатаціи.

При такихъ условіяхъ и инстинктахъ русскаго населенія весьма трудно было думать о цивилизующихъ нравственныхъ вліяніяхъ, о просвѣщеніи и снабженіи инородца лучшими духовными благами.

Что русскіе упустили свою роль въ дѣлѣ вліянія, это можно видѣть на религіозномъ вопросѣ. Среди сибирскихъ инородцевъ распространяется нѣсколько религій. Большинство сибирскихъ инородцевъ были язычниками или шаманистами, въ томъ числѣ даже нынѣшніе магометане и буддисты. Тобольскіе татары приняли магометанство изъ Бухары тотчасъ передъ пришествіемъ русскихъ, и эта религія получила огромное распространеніе уже во время владычества русскихъ; такъ, барабинскіе татары принимаютъ магометанство только въ 1745 г., то-есть, болѣе полутораста лѣтъ находясь подъ русскимъ вліяніемъ. Нынѣ изъ 142.191 инородцевъ Тобольской и Томской губерній 47.326 магометанъ; если мы присоединимъ до 78.800 сибирскихъ киргизовъ, также принявшихъ исламъ, то увидимъ, что магометанство здѣсь совершило наибольшія побѣды. Во все время Средняя Азія снабжала Сибирь своими проповѣдниками ходжами, муллами, которые, ревностно проповѣдуя исламъ среди инородцевъ, уже подвластныхъ русскимъ, обратили значительную частъ ихъ въ свое вѣроисповѣданіе.

Точно также весьма сильное вліяніе имѣлъ на сибирскихъ инородцевъ и буддизмъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1741 г., въ Восточной Сибири оказалось, что большинство бурятовъ держится шаманской вѣры, то-есть, язычники, а у буддистовъ было только 11 дацановъ и 150 ламъ, но въ 1845 г. оказалось буддистовъ 85.060, а ламъ 3.514, въ 1848 г. буддистовъ было уже въ Забайкальи 125.000, а ламъ 4.546. Нынѣ между бурятами совершенно распространился буддизмъ. Вліяніе буддизма видно и на южныхъ алтайскихъ племенахъ. Что касается остальныхъ язычниковъ, то они составляютъ теперь уже меньшинство, по крайней мѣрѣ въ Западной Сибири на 820.191 чел. инородцевъ остается язычниковъ 35.873 чел., то-есть 4,3%.

Русскіе встрѣтили въ Сибири три различныхъ міровоззрѣнія, боровшіеся между собою, изъ коихъ двѣ могучихъ старыхъ религіи, испытавшихъ уже свою силу и вліяніе въ мірѣ; поэтому

христіанство здѣсь должно было встрѣтить гораздо болѣе препятствій къ распространенію своему. Притомъ вліяніе его появляется весьма поздно, когда другія религіи овладѣли полемъ въ народномъ міровоззрѣніи. Первое время русскіе были заняты завоеваніями и пріобрѣтеніями, тогда было не до проповѣди. Весь XVII вѣкъ проходитъ въ усмиреніи инородческихъ бунтовъ. Только въ XVIII вѣкѣ выступаютъ заботы объ обращеніи инородцевъ въ христіанство, но проповѣдь распространяется только на сѣверныхъ инородцевъ, причемъ выдается энергія обращенія остяковъ и вогуловъ Филофеемъ Лещинскимъ съ 1712 по 1714 годъ. Что касается утвердившихся религій — магометанской и буддійской, то здѣсь мы чаще видимъ полное признаніе ихъ и желаніе только, чтобы религіозные центры ихъ находились не внѣ русскихъ владѣній. Въ послѣднее время вопросъ о распространеніи магометанства и буддизма или ламаизма въ Сибири разсматривается съ разныхъ точекъ зрѣнія. Между прочимъ, водвореніе магометанства и ламаизма среди сибирскихъ инородцевъ приписывается винѣ русскихъ и послабленію администраціи, усвоившей ложную точку зрѣнія покровительства магометанству и ламаизму. Но едва-ли, однако, даже сошедшихъ со сцены правителей и администрацію, найдется основаніе заподозрить въ пристрастіи къ магометанству и ламаизму, а также отрицать въ нихъ чистоту христіанскихъ воззрѣній. Причины терпимости лежали въ болѣе глубокихъ историческихъ обстоятельстахъ.

Разсматривая отношенія правительства къ инородческимъ культамъ въ Сибири, мы видимъ, что оно держалось большаго такта и предусмотрительности. Встрѣтивъ магометанскій міръ на западѣ въ Туркестанѣ и Бухарѣ и имѣя въ виду вліяніе его на нашихъ татаръ и пограничныхъ киргизовъ, еще не вполнѣ подвластныхъ русскимъ, правительство старалось обезпечить вѣротерпимость и успокоить инородцевъ, что надъ ними не будетъ совершено насилія. Екатерина II особенно старалась покровительствовать инородцамъ, давая льготы. Когда приходилось «замирять» киргизскую степь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, то принято было за правило, не раздражая магометанскаго духовенства и муллъ, постараться только о томъ, чтобы муллы эти явились не пришлыми изъ Бухары и Ташкента, что было бы крайне невыгодно въ видахъ политическихъ, а выбирались изъ татаръ, татарское же населеніе внутренней Сибири было совершенно покорно и дружественно. Чтобы лучше обезпечить наблюденіе за магометанами, правительство приказало построить мечети въ степи и назначало жалованье опредѣленнымъ мулламъ. Въ Ека-

теринбургѣ былъ созданъ магометанскій муфтій; онъ утверждался правительствомъ и выбирался изъ татаръ, извѣстныхъ преданностью русской власти. Въ Казани печатались магометанскія книги. Такимъ образомъ, центръ магометанства и его іерархіи былъ, такъ сказать, выдѣленъ отъ Средней Азіи и находился подъ нашимъ надзоромъ. Ясно, что если гдѣ сказалась политическая сообразительность и благоразумная тактика, то именно въ этомъ. Всякое другое поведеніе при воинственномъ настроеніи степи, выразившемся въ бунтѣ Кенсары, потрясавшемъ степи еще въ 40-хъ годахъ, конечно, повело бы къ отторженію киргизовъ. И доселѣ еще не прошла паника, наведенная завоеваніемъ, но всего болѣе трепещетъ инородецъ за свою вѣру. Это самое больное мѣсто, до котораго приходилось касаться съ величайшей осторожностью, чтобы не возбудить инородцевъ противъ русскихъ окончательно. Такое же предусмотрительное дѣйствіе мы видимъ у правительства и по отношенію къ буддистамъ и ламаистамъ. Нѣкоторые изслѣдователи отмѣчаютъ фактъ, что буряты въ нашихъ владѣніяхъ когда-то были шаманистами; значительная часть бурятовъ къ сѣверу отъ Байкала и до сихъ поръ еще шаманисты. Но иное дѣло южные буряты, когда-то выдвинувшіеся къ намъ изъ Монголіи. Извѣстно, по изслѣдованіямъ г. Позднѣева, что въ екатерининскую коммисію явился отъ бурятовъ депутатомъ буддистъ и былъ награжденъ медалью. По переписи 1741 г. показано было за Байкаломъ 11 дацановъ и 150 ламъ. Одно это ничтожное количество монаховъ ламъ на 11 монастырей уже сомнительно. На самомъ дѣлѣ буддизмъ и ламаизмъ давно сдѣлали успѣхи среди бурятовъ. Онъ распространился въ Монголіи съ XVI столѣтія и даже ранѣе, множество развалинъ монастырей на нашихъ границахъ, какъ въ Кондуѣ, доказываетъ существованіе древняго буддизма въ Сибири. Джунгарія вся была буддійская. Близъ Семипалатинска русскіе нашли буддійскій монастырь. Все это опровергаетъ то мнѣніе, что буддизмъ проникъ и получилъ развитіе въ 1845 г. Въ этомъ году забайкальскіе ламаисты и буддисты обнаружились только оффиціально и число ихъ оказалось 85.000. Собственно это значило, что ламаисты не боялись болѣе скрываться и выразили свое довѣріе. Въ слѣдующій періодъ въ 1848 г. они показали еще болѣе откровенно число свое въ 125.000 чел. Нечего говорить, что по мѣрѣ увеличенія монастырей развивалась и ламайская грамотность; при монастыряхъ есть школы, всѣ же выучившіеся читать молитвы и жившіе въ монастыряхъ получаютъ званіе ламъ. Что же удивительнаго, что число ламъ уве-

личилось. Въ 1842 году ихъ насчитывалось до 5.545 чел. [1]). Въ каждомъ семействѣ буддисты желаютъ имѣть посвященнаго; это особая честь и доказательство благочестія. Въ Монголіи въ каждой семьѣ есть лама. Обнаруженное число ламъ, однако, возбудило противъ ламаистовъ подозрительность и опасенія. Увеличившееся число ламъ и монаховъ побудило издать положеніе о ламскомъ духовенствѣ въ Восточной Сибири въ 1853 г., которое, однако, не вошло въ сводъ законовъ. Положеніе это имѣло въ виду урегулировать и опредѣлить штатъ ламскаго духовенства [2]). Признавъ главнымъ духовнымъ лицомъ хамбо-ламу за Байкаломъ, правительство желало имѣть оффиціальное лицо, которое несло-бы отвѣтственность въ дѣлахъ буддистовъ. Этому хамбо-ламѣ подчинены всѣ буддисты или ламаисты въ русскихъ предѣлахъ. Утвержденіемъ такого лица высшая власть опятъ-таки имѣла въ виду установленіе іерархіи въ нашихъ владѣніяхъ и предупредить отношеніе нашихъ буддистовъ къ Монголіи и Тибету. Затѣмъ, чтобы ламское духовенство не ложилось тяжестью на остальное населеніе и не было излишнихъ поборовъ, положено было отвести какъ хамбо-ламѣ, такъ и монастырямъ дацанамъ земельный надѣлъ, хамбо-ламѣ до 500 десят. земли, шеритуямъ 200 дес., ламамъ по 60 дес. За Байкаламъ разрѣшено было существовать 34 дацанамъ (монастырямъ) съ извѣстнымъ штатомъ ламъ; сверхъ опредѣленнаго числа посвящать ихъ не позволялось. Это было уже ограниченіе ламства. Далѣе запрещоно было умножать дацаны и молитвенные дома, наконецъ хамбо-ламѣ допущены выѣзды изъ монастыря и прихода лишь каждый разъ съ особаго разрѣшенія. Такимъ образомъ, эти правила хотя и допускали существованіе ламаизма и буддизма, но ограничивали штатами ламъ. Ламаисты не могли не считать до послѣдняго времени это ограниченіе стѣсненіемъ вѣроисповѣданія. Такъ, напримѣръ, высшее духовное лицо ламъ не только не могло выѣзжать безъ разрѣшенія по области, но не можетъ отлучаться и изъ монастыря. Производство въ ламы ограничено, какъ и постройка храмовъ. Но эти правила нѣкоторымъ показались недостаточными. Нѣкій ретивый чиновникъ Гауптъ проектировалъ запретить ламамъ буддистамъ исполнять требы, запретить ламамъ появляться изъ монастырей

[1]) Въ 1845 г. у однихъ хоринцевъ оказалось 4.653 ламы (вѣроятно, занесли всѣхъ грамотныхъ). Въ 1846 г. хамбо-лама показалъ, что у него 34 дацана, 144 храма и 4.509 ламъ.

[2]) По положенію 13 марта 1853 г. установлено штатомъ для бурятовъ имѣть 34 дацана, 280 ламъ и 35 учениковъ вѣры. Нечего говорить, что это было не достижимо.

въ улусы, всякія земли и содержаніе отъ нихъ отобрать, званіе хамбо-ламы уничтожить, *установить* для всѣхъ бурятовъ единоженство, въ тайши (волостные начальники) къ бурятамъ буддистамъ назначать только крещеныхъ и знающихъ русскій языкъ. Проэктъ этотъ былъ такъ нелѣпъ, что не могъ быть осуществленъ; даже меньшія стѣсненія были очень чувствительны и возбуждали ропотъ населенія и сознаніе угнетенности.

Всякія мѣры противъ буддистовъ и ламаистовъ пробуждали опасенія у инородцевъ. Ламаисты, соединенные однимъ языкомъ, вѣрованіями, своей церковной организаціей, представляли сплоченную массу единомышленниковъ, связанныхъ однимъ чувствомъ, весьма осторожную и чуткую. Г. Позднѣевъ, профессоръ и монголистъ, видѣвшій недавно сплоченную организацію бурятовъ, сообщалъ, что они походили на сплоченныя общества, у которыхъ былъ обмѣнъ и пересылались бюллетени и новости относительно распоряженій и мѣръ, угрожающихъ ламаизму. Тревожные слухи о насильственномъ обращеніи бурятовъ въ православіе только волнуютъ ихъ и вызвали циркуляръ забайкальскаго губернатора, который мы здѣсь приводимъ.

«Буряты Агинскаго вѣдомства въ письмѣ ко мнѣ отъ 4-го іюля 1886 года заявляютъ, что статьями, часто появляющимися въ духовныхъ изданіяхъ, а также Забайкальской православной миссіей, ихъ ламы и родоначальники несправедливо и къ общему ихъ безпокойству обвиняются въ преслѣдованіи инородцевъ, принявшихъ православіе, что сами они, буряты, претерпѣваютъ будто бы стѣсненія въ свободномъ исповѣданіи ихъ религіи и проч. Заявленіе это я представлялъ лично г. пріамурскому генералъ-губернатору въ проѣздъ его высокопревосходительства нынѣшнимъ лѣтомъ чрезъ городъ Читу, на что генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ въ письмѣ ко мнѣ, отъ 10-го августа за № 148, выразилъ недоумѣніе, какія причины могли бы послужить поводомъ къ безпокойству бурятовъ, такъ какъ бурятамъ должно бы быть хорошо извѣстно, что дѣйствія русской администраціи клонятся ко благу русскихъ подданныхъ и основаны на строгой законности. Слухи, о которыхъ упоминаютъ они, ясно говорятъ, что они доходятъ до бурятовъ въ искаженномъ видѣ. Что бы и кто бы ни писалъ въ газетахъ и другихъ изданіяхъ, не можетъ служить обвиненіемъ бурятовъ передъ лицомъ администраціи и если они будутъ неуклонно слѣдовать указаніямъ закона, то и опасеніямъ ихъ не можетъ быть мѣста. Съ своей стороны прибавлю, что во время моего управленія областью я оффиціально не получалъ свѣдѣній о преслѣдованіи ламами или родоначальниками крещеныхъ инородцевъ,

иначе виновные въ этомъ были бы наказаны съ безпощадной строгостью, потому что христіанская православная вѣра есть наша государственная религія; благотворное вліяніе ея на людей доказано опытомъ многихъ вѣковъ, почему неприкосновенность ея строжайше охраняется государственными законами. Поэтому-то и распространеніе ея между возможно большимъ числомъ людей болѣе чѣмъ желательно. Но эта благая цѣль достигается у насъ воздѣйствіемъ на сознаніе людей. Принужденіе же и насиліе въ этомъ отношеніи противны духу русскихъ государственныхъ законовъ и самой нашей религіи. И на самомъ дѣлѣ я не имѣю оффиціальныхъ свѣдѣній, что буряты кѣмъ-либо стѣснялись въ свободномъ исповѣданіи ихъ религіи, и жалобы ихъ на это безъ указанія частныхъ случаевъ таковыхъ стѣсненій признаю голословными».

Между тѣмъ нѣкоторые дѣятели изобрѣтаютъ такія мѣры къ обращенію бурятовъ, которые могутъ повести къ обратному. Предлагаютъ поддерживать дѣятельность миссіонеровъ авторитетомъ власти вмѣсто духовнаго кроткаго вліянія. Прибѣгаютъ при этомъ къ земской полиціи, требуя отъ нея того, что не входитъ въ ея прямыя обязанности, а именно «содѣйствія» или воздѣйствія при крещеніи ламаистовъ и шаманистовъ. При проповѣди миссіонера, говорятъ, долженъ стоять полицейскій чинъ и этимъ внушать, что это не только стремленіе духовенства, но и *требованіе* власти. Преслѣдованіе и стѣсненіе ламаистовъ и шаманистовъ и проведеніе въ число выборныхъ старшинъ и тайшей (прежде наслѣдственныхъ) агентовъ и обращенныхъ *только* возбудило у бурятскаго населенія крайній безпорядокъ, недовольство и сопротивленіе въ области гражданскаго и административнаго управленія, весьма дурно отражающееся въ политическомъ отношеніи. Такія мѣры производятъ самое неблагопріятное впечатлѣніе на инородческое населеніе. Отъ грубыхъ и безтактныхъ мѣръ, проникнутыхъ фанатизмомъ и незнаніемъ быта инородцевъ, можно ожидать самыхъ дурныхъ послѣдствій. И крайнія стѣсненія, предлагаемыя «ревнителями не по разуму», должны быть нынѣ сдерживаемы мудрой администраціей. Они могли совершенно возстановить бурятское населеніе противъ русскихъ. Можно желать, чтобы ламаисты и буряты просвѣщались и проникались свѣтомъ истины, но значитъ-ли это, что имъ нужно запретить ихъ собственное вѣроисповѣданіе. Правительство и власть совершенно основательно и благоразумно, положивъ извѣстные предѣлы ламаизму, не прибѣгли еще къ тѣмъ мѣрамъ гоненій и фанатизма, которыя проповѣдуются людьми, не привыкшими уважать чужаго культа, чужихъ святынь и чужой совѣсти. Въ отношеніи

политики, прилагаемой къ инородцамъ въ мѣрахъ обрусенія, какъ и вѣры, весьма важно имѣть въ виду, что крайнія и суровыя мѣры породятъ такія послѣдствія, такую политическую рознь и возбужденіе населенія, которыя едва-ли будутъ исправимы. И государство всегда будетъ право, если будетъ держаться на высотѣ своей точки зрѣнія, а именно полной вѣротерпимости въ видахъ чисто политическихъ.

Неумѣлая проповѣдь въ Сибири скорѣе отталкивала инородцевъ, и неумѣлые проповѣдники часто къ духовнымъ и религіознымъ цѣлямъ примѣшиваютъ другія свѣтскія цѣли, какъ «обрусеніе» и осѣдлость инородца, навязываемыя рядомъ съ крещеніемъ. Миссіонеры, не умѣя убѣдить, часто прибѣгаютъ къ жалобамъ и требованіямъ запретить ламамъ выполнять ихъ требы, прибѣгаютъ къ земской полиціи, словомъ, стараются дѣйствовать средствами, которыя роняютъ только проповѣдь и принципы православія.

Только этими послѣдними грубыми и непослѣдовательными способами можно объяснить существующіе неуспѣхи миссіонерской проповѣди и возбужденіе инородцевъ вообще противъ русской культуры. При историческомъ обзорѣ прошлаго слѣдуетъ не упускать изъ вида и напрасно скрывать тѣ фальшивые взгляды и промахи, которые порождали недоразумѣнія и возстановляли противъ насъ инородцевъ. Нужно сознать, что даже представители культуры и духовнаго просвѣщенія не были на высотѣ своего призванія; напротивъ, въ глухихъ инородческихъ районахъ сами проповѣдники и миссіонеры опускались и не были примѣромъ благочестія и нравственности.

Попытки христіанской проповѣди были дѣлаемы и иностранными миссіонерами. Дѣятельность иностранныхъ миссіонеровъ за Байкаломъ когда-то получила европейскую извѣстность, и мы въ «Землевѣдѣніи» Риттера находимъ о ней довольно подробныя извѣстія. Не можемъ не привести этого прекраснаго отрывка, гдѣ въ то же время рисуется взглядъ самого ученаго Риттера на миссіонерскую дѣятельность. Дѣло идетъ о евангелическо-британской миссіи. Эта миссія ввела свои пріемы, о которыхъ упоминаетъ Риттеръ. Впослѣдствіи, вѣроятно по важнымъ соображеніямъ, ей предложили прекратить дѣятельность, но память о ней осталась въ видѣ перевода на бурятскій языкъ Евангелія.

«Кохренъ и Эрманъ сообщили кое-что объ англійской миссіи, которая поселилась недалеко отъ города для обращенія бурятовъ въ христіанство. Кохренъ (1821) говоритъ, что миссія его земляковъ состояла изъ г. Сталибрасса и Юля, съ многочисленнымъ семей-

ствомъ, и ихъ товарища, г. Свана. На лѣвомъ берегу Селенги, напротивъ города, въ странѣ уединенной, степной, романтической, но не совсѣмъ удобной, на участкѣ, подаренномъ миссіонерскому обществу милостію Государя Александра I, построили они нѣсколько красивыхъ домиковъ и обзавелись огородами. Такимъ образомъ, рѣка отдѣлила ихъ отъ города и затруднила сношеніе съ нимъ. Споспѣшествованіе земледѣлію и промышленности не было въ ихъ планѣ, да и задѣльная плата здѣсь слишкомъ дорога, и покупка хлѣба обходится для нихъ выгоднѣе. Не непосредственное обращеніе въ христіанство, кажется, составляетъ ихъ главную задачу, но приготовленіе къ нему, чрезъ изученіе монгольскаго языка, переводъ Библіи и раздачу христіанскихъ книгъ. Они изучили еще русскій и манджурскій языки, и въ этихъ занятіяхъ провели первые годы; притомъ они предпринимали путешествія во внутренность страны съ цѣлью изучить мѣстность и народъ и завести сношенія съ бурятами и ихъ ламами. Впрочемъ, по увѣренію Эрмана (1829), они еще не обратили ни одного изъ нихъ. Книжки, которыя они раздавали язычникамъ, хотя и были принимаемы сими послѣдними, но едва-ли буряты въ нихъ заглядывали, а находившіеся въ услуженіи у миссіонеровъ, по свидѣтельству Кохрена, еще смѣялись надъ безуміемъ своихъ господъ и оставались у нихъ для того, чтобы менѣе работать и лучше ѣсть. Конечно, эти дурные служители презираются своими земляками, какъ отступники. Кохренъ [1]), который выражаетъ самое глубокое личное уваженіе къ своимъ землякамъ и имѣлъ счастіе во все время своего трехлѣтняго путешествія слышать отъ нихъ въ первый разъ назидательную проповѣдь на родномъ языкѣ, полагаетъ, однако же, что они нашли бы болѣе воспріимчивое и болѣе нуждающееся поле для распространенія евангелическаго ученія вблизи своей родины, въ Ирландіи. Бурятовъ же считаетъ онъ еще мало способными къ принятію христіанскаго ученія; они, говоритъ онъ, слишкомъ недавно сдѣлались ламаитами и получили многочисленное духовенство, которое за 12.000 головъ скота пріобрѣло цѣлую богословскую литературу на 30 возахъ изъ Тибета. Съ другой стороны и *православные священники* крестятъ въ свою вѣру многочисленныхъ прозелитовъ, и все это не благопріятствуетъ миссіонерамъ. Впрочемъ, объ успѣхахъ миссіи нельзя судить схематически. Она имѣетъ свой собственный ходъ развитія, но чтобы можно было надѣяться на успѣхъ, нужно повести дѣло со всею доступною для человѣчества мудростью и надлежащею осмотри-

[1]) Cochrane, Pedestrian Journ. Vol. II, стр. 131, 173.

тельностью. Но если бы дѣло шло и въ этомъ смыслѣ, то и въ такомъ случаѣ успѣхъ проповѣди ученія Христа черезъ посредство слабыхъ орудій можетъ зависѣть отъ Господа; а порицать дѣло истинныхъ апостоловъ Евангелія, переживающее цѣлыя столѣтія, было бы заблужденіемъ или еще болѣе дерзостью. Другое дѣло—указывать на то, что односторонне преподанное ученіе и слишкомъ раннее раскрытіе высокой цѣли человѣчества младенчествующимъ еще народамъ, могутъ быть для нихъ болѣе вредными, чѣмъ полезными. Всякій, кто прочтетъ исторію миссій за послѣднія три столѣтія, почувствуетъ умиленіе, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторую печаль, видя, съ одной стороны, какая благодать была разлита ими между разными народами земнаго шара, а съ другой—что въ иныхъ случаяхъ ими же посѣяно было начало нѣкоторыхъ золъ? Тѣ, которые призваны къ великому дѣлу миссіонерства, должны прежде всего потрудиться надъ самими собою и возвѣщать не одно голое слово Христа, для язычниковъ непонятное, но осуществлять все евангельское ученіе, во всѣхъ его проявленіяхъ, *словомъ* и *дѣломъ*. Пусть это кстати послужитъ отвѣтомъ на упреки, сдѣланные автору землевѣдѣнія за его порицанія нѣкоторыхъ миссіонерскихъ предпріятій [1]). Кто сравнитъ относящіяся къ этому предмету разсужденія, разбросанныя въ нашемъ землевѣдѣніи, тотъ легко убѣдится, что въ немъ нѣтъ ничего направленнаго противъ истиннаго распространенія Евангелія, и что мы не высказываемся противъ миссій, какъ таковыхъ, и даже не желаемъ задѣвать какія бы то ни было личности, а говоримъ только вообще о нѣкоторыхъ печальныхъ явленіяхъ и недостаткахъ, обыкновенно сопутствовавшихъ доселѣ существовавшимъ евангелическимъ миссіямъ, и будемъ и впредь указывать на нихъ вездѣ, гдѣ это относится до нашего землевѣдѣнія, по нашей совѣсти и къ пользѣ самихъ миссій. Эти основные недостатки, въ силу которыхъ уже много силъ растрачено безплодно, заключаются, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ: во-первыхъ, въ слишкомъ одностороннемъ научномъ образованіи миссіонеровъ, особливо же въ недостаточномъ знаніи того языка, на которомъ они передаютъ слово Божіе; далѣе въ презрѣніи къ природѣ и ко всему Божьему міру, какъ будто міръ этотъ есть созданіе дьявола, и наперекоръ тому, что матеріальное благосостояніе народовъ, главнымъ образомъ, основывается на силахъ природы, и что каждый человѣкъ, не смотря ни на какое свое духовное развитіе, не можетъ пре-

[1]) Jahresbericht der Gesellschaft zur Beförderung der Evangelischen Missionen für 1830. Berlin. 1831, p. 93.

небречь познаніемъ этихъ силъ. Къ этимъ существеннымъ недостаткамъ нужно присоединить еще презрѣніе къ цивилизаціи и религіознымъ понятіямъ нехристіанскихъ народовъ, къ ихъ вѣками пріобрѣтенной человѣческой мудрости, которая, конечно, можетъ съ нѣкоторой точки зрѣнія казаться безуміемъ, но во всякомъ случаѣ не бо̀льшимъ, чѣмъ то, которое иногда проявляется въ кажущейся пышности распространенныхъ въ Европѣ человѣческихъ понятій и мудрости. Пренебреженіе къ частнымъ стремленіямъ и индивидуальному развитію порождаетъ вездѣ вмѣсто соглашеній несогласія, возбуждаетъ страсти и вмѣсто христіанской любви порождаетъ ненависть и непримиримую вражду между народами, продолжающуюся цѣлыя столѣтія. Далѣе къ основнымъ недостаткамъ миссіонерства принадлежитъ еще и суевѣріе вновь обращенныхъ, смѣшивающихъ сосудъ съ его содержаніемъ и полагающихъ, что одно только *слово* въ устахъ миссіонеровъ равносильно поученіямъ Спасителя и его апостоловъ и столь же чудотворно; между тѣмъ какъ въ дѣлахъ и нынѣ совершаются чудеса, которыхъ никто не въ состояніи вызвать. Противорѣчія способамъ дѣйствія миссіонеровъ какъ со стороны язычниковъ, такъ и со стороны христіанъ обыкновенно приписываютъ злобѣ противу Христа, между тѣмъ какъ это противорѣчіе есть не что иное, какъ дѣйствіе одной человѣческой слабости противъ другой, и неудачи миссій являются часто слѣдствіемъ собственной ихъ слабости или безумства. Основнымъ недостаткомъ миссіонеровъ остается еще *ложное смиреніе*, которое «паче гордости»; на него слѣдовало бы сдѣлать болѣе частныя указанія, подобныя тѣмъ, какія мы дѣлали, указывая на истинное смиреніе миссіонера Шварца, въ которомъ признавали высшій образецъ миссіонера. Если же мы были сколько-нибудь несправедливы по отношенію къ д-ру фанъ-деръ-Кемпу, то готовы охотно взять назадъ свою ошибку. Мы сами отъ души желаемъ, чтобы прогрессирующій, прекрасный, истинно-евангельскій духъ миссіонеровъ, которому мы глубоко сочувствуемъ, разсѣялъ въ скоромъ будущемъ вездѣ наши критическія замѣчанія, основанныя на безчисленныхъ данныхъ прошлаго времени. Да и замѣчанія эти были бы совершенно излишними, еслибъ вездѣ свѣтили такіе свѣтлые образцы, каковы, напр., *Гансъ-Эгеде*, *Шварцъ*, *Мартинъ*, *Гоберъ*, *Гастингъ*, *Штоббассеръ*, *Гюцлафъ* и др. Если же наше землевѣдѣніе успѣетъ исправить многочисленныя заблужденія европейцевъ о чуждыхъ имъ странахъ и народахъ, достаточно созрѣвшихъ для принятія Евангелія, и если явятся люди, дѣйствительно способные посѣять евангельское ученіе, то высшая наша цѣль будетъ достигнута. Безъ

познанія же почвы, на которой должны произрасти сѣмена, нельзя ожидать успѣховъ отъ самаго посѣва.

«Монголо-англійскій и манджуро-англійскій словари, грамматика на обоихъ языкахъ, руководство къ геометріи и тригонометріи на братскомъ языкѣ и проч., составлены людьми, только начинающими изучать этотъ языкъ и суть весьма похвальные труды, которымъ отдаетъ справедливость и новѣйшій наблюдатель Эрманъ [1]. Но труды эти недостаточны для того, чтобы проложить евангельскому слову путь къ сердцамъ язычниковъ, точно также какъ и распространеніе печатныхъ книжекъ между младенческимъ народомъ еще не можетъ замѣнить живаго слова, одушевленной рѣчи, также какъ дѣла и примѣры истинно-христіанской жизни. Весьма часто европейскій миссіонеръ на востокѣ преграждаетъ самъ себѣ путь къ умамъ и сердцамъ язычниковъ полнымъ незнаніемъ ни ихъ языка, ни ихъ образа мыслей; между тѣмъ какъ они имѣютъ свой собственный, вполнѣ выработанный, языкъ и цѣлую литературу своихъ духовныхъ отцовъ, хотя языческую, но для нихъ священную, которую должно не презирать, а побѣдить, прежде чѣмъ будетъ водруженъ крестъ на ихъ землѣ. Безъ дара слова еще долго не дойдетъ слово Божіе до ушей языческихъ народовъ Азіи. Стоитъ только вспомнить о китайцахъ, браминахъ и магометанахъ, коихъ духъ требуетъ, чтобы золотой напитокъ былъ имъ поданъ въ серебряныхъ чашахъ. Высокое мнѣніе европейца о самомъ себѣ должно быть совершенно уничтожено въ томъ, который хочетъ поучать, и духъ его долженъ сдѣлаться свободнымъ и живымъ. Какихъ огромныхъ успѣховъ можно было бы ожидать, если бы господствующіе двукратно надъ Китаемъ бурятскіе, монгольскіе и манджурскіе народы своимъ обращеніемъ дали опору христіанству въ Китаѣ и Восточной Азіи. Первый свѣтъ такого возможнаго просвѣщенія, благодаря описанной миссіи, замерцалъ уже въ Селенгинскѣ, и эта заслуга остается за миссіей, не смотря на ея несовершенство; о душевныхъ же качествахъ миссіонеровъ мы судить не можемъ» (Риттеръ. Землевѣдѣніе, т. V).

При распространеніи религій, кромѣ факта воспріятія, весьма важно знать, на сколько усвоена религія, понята, и поддерживается-ли религіознымъ воспитаніемъ и примѣромъ культурной расы. Это зависитъ всегда отъ народности, ее прививающей. Въ результатѣ борьбы мы видимъ, судя по числовымъ даннымъ, что господство и преобладаніе далеко не остается за православіемъ; это можетъ объясняться какъ тѣмъ, что инородческія племена

[1]) Erman, Reiseberichte l. c. Annales, 97.

по своему міросозерцанію болѣе тяготѣли къ восточнымъ религіямъ, такъ и родствомъ происхожденія, языка и проч., которое соединяло инородцевъ съ магометанами-татарами и буддистами-монголами. Магометанство и буддизмъ являются поэтому довольно окрѣпшими въ Сибири; православіе же, совершая пріобрѣтеніе въ средѣ низшей, и, какъ мы сказали, языческой, имѣетъ весьма слабое вліяніе на магометанъ и буддистовъ. Съ 1860 по 1869 г. изъ среды татаръ Тобольской губерніи, составляющей 40.000 сплоченнаго фанатическаго магометанскаго населенія, крещено было только 300 человѣкъ, а въ послѣднее время въ 5 лѣтъ 58 человѣкъ. Съ весьма давняго времени (съ 1712 г.), какъ мы видимъ, крещена значительная часть остяковъ и вогуловъ, но время нисколько не укрѣпило ихъ въ православіи; по отзывамъ всѣхъ ученыхъ и путешественниковъ, они признаются христіанами номинально. «Двѣ трети остяковъ, считающихся православными съ первой четверти прошлаго столѣтія, не отрѣшились отъ языческихъ понятій», говоритъ Губаревъ, посѣтившій Березовскій округъ. «Остяки окрещены 150 лѣтъ назадъ,—пишетъ другой очевидецъ,—но руководствуются внѣшними обрядами и иконы лежатъ въ заднемъ углу или подъ лавкой и вынимаются въ рѣдкихъ случаяхъ при пріѣздѣ священника». Начальникъ Тобольской губерніи въ своемъ отчетѣ за 1864 годъ свидѣтельствуетъ то же. Обращенные въ православіе буряты и якуты остаются при прежнихъ суевѣріяхъ и продолжаютъ сноситься съ шаманами (см. Шашковъ. Инородцы въ XIX ст.). «Это наружное принятіе русской вѣры,—по словамъ Щапова,—не приноситъ имъ пользы, не просвѣщаетъ ихъ дѣйствительно и существенно». Весьма часто неумѣлые и неспособные проповѣдники христіанства только вооружаютъ и озлобляютъ инородческія племена своими пріемами; создавъ нѣсколько обращенныхъ, они предпринимаютъ гоненіе на остальную массу язычниковъ, вооружаютъ инородческое населеніе и отталкиваютъ отъ обращенія. Таковъ, между прочимъ, характеръ миссіонерской дѣятельности въ Сибири. Миссіонерскихъ центровъ было весьма немного, но и въ нихъ выразились всѣ недостатки низшаго духовенства и монашества, а также извѣстная деморализація его. Миссіонеръ въ Сибири далеко не былъ человѣкомъ, высоко сознающимъ свои задачи изученія народности и ея духа; прежде чѣмъ приняться измѣнять міросозерцаніе, онъ не былъ даже человѣкомъ образованнымъ. Изолированность и замкнутость самого его доводила до отчаянія, не принося пользы окружающей средѣ.

Привитіе высшаго религіознаго культа и христіанской миро-

любивой религіи требуетъ большой подготовки и высокаго нравственнаго призванія, а главное, терпѣнія и миролюбія. Прежде всего здѣсь необходимо изучить окружающую инородческую среду и поднять ея умственный уровень. Обращеніе язычника, полнаго суевѣрій, миѳологическихъ представленій и фантастическаго міровоззрѣнія, повидимому, кажется легко. Шаманисты весьма легко соглашаются креститься, и потому наиболѣе обращеній сдѣлано среди остяковъ, финновъ, шаманистовъ-алтайцевъ, шаманистовъ-якутовъ, но нужно принять во вниманіе, что эти новообращенные остаются язычниками «двоевѣрами». Миѳологическія представленія и суевѣрія не изглаживаются изъ ума человѣка безслѣдно; это можно видѣть и среди европейскихъ неграмотныхъ массъ. Поэтому формальной стороной обращенія обольщаться не слѣдуетъ.

Жалкая жизнь новокрещеныхъ осѣдлыхъ инородцевъ не разъ обращала вниманіе всѣхъ путешественнниковъ: Радлова въ Алтаѣ, Кастрена среди васъюганскихъ остяковъ, миссіонера Аргентова среди чукчей. Послѣдній приводитъ замѣчательный отзывъ самихъ инородцевъ о результатѣ крещенія при помощи принудительнаго обращенія. Когда миссіонеръ предложилъ одному старику крещеніе, онъ отвѣтилъ: «Я былъ молодъ, русскіе ласкали меня и я окрестился, теперь я гляжу на былое иными, стариковскими глазами. Что принесло намъ крещеніе? Люди бѣднѣютъ, стада ихъ уменьшаются, олени переводятся, да и самые люди переводятся; стариковъ почти вовсе не стало, многіе умерли не по-людски. Нѣтъ, я хочу умереть по-нашему, по-человѣчески!» Этотъ страхъ вымиранія при измѣненіи образа жизни и прежнихъ промысловъ отталкиваетъ инородцевъ отъ православія, гдѣ оно является синонимомъ осѣдлости.

Такимъ образомъ, фактъ непремѣннаго принятія осѣдлости съ крещеніемъ является не всегда въ интересѣ новообращенныхъ, захватъ же земель и хозяйственныя распоряженія еще губительнѣе дѣйствуютъ на остальное необращенное населеніе. Такіе экономическіе эксперименты пріобрѣтенія огромныхъ земель въ пользу миссіонерскихъ монастырей и общинъ подрываютъ окончательно представителей православія въ глазахъ язычниковъ. Только этимъ, а не духомъ религіи, можно объяснить слабые успѣхи обращенія инородцевъ миссіонерами.

Замѣчательно, что тамъ, гдѣ миссіонеровъ не было, но шире распространялась русская колонизація, тамъ инородцевъ перешло въ православіе гораздо болѣе и совершенно добровольно. Сравнивая населеніе Кузнецкаго округа, Томской губерніи, гдѣ коло-

низація уже сдѣлала успѣхи, съ Бійскимъ округомъ, гдѣ переселеніе въ инородческій районъ запрещалось, мы видимъ, что въ первомъ изъ 15.000 инородцевъ уже 7.300 осѣдлыхъ, въ Бійскомъ же округѣ изъ 27.400 едва 4.500 душъ. Православныхъ въ Кузнецкомъ округѣ 13.800 душъ, а въ Бійскомъ не болѣе 5.000. Таково вліяніе русской колонизаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи православія и распространенія культуры были бы гораздо шире, если бы рядомъ шло образованіе и просвѣщеніе инородцевъ; точно также въ этомъ умственномъ развитіи инородцевъ и пробужденіи ихъ духовныхъ силъ мы видимъ могучее средство ихъ спасенія и залоги будущаго существованія. До тѣхъ поръ, пока инородцы будутъ подъ опекой, не съумѣютъ сами заявлять нуждъ своихъ, не укажутъ средствъ для спасенія существованія и сохраненія племени, трудно разсчитывать на постороннія заботы.

Со стороны русской народности въ Сибири, къ сожалѣнію, почти ничего не сдѣлано для инородческаго образованія и пробужденія инородческаго ума. Ни системы инородческихъ школъ, ни ихъ характеръ и задачи воспитанія не разрабатывались въ Сибири. Попытки основанія школъ были случайныя, точно такъ же, какъ и доступъ инородцевъ въ русскія учебныя заведенія. Никакого привлеченія и поощренія здѣсь не дѣлалось и опека надъ инородцами, столь ревностная въ другихъ случаяхъ, здѣсь совершенно устранялась.

Въ 1782—1784 году администрація старалась о распространеніи школъ и обученіи корану татаръ и киргизовъ, но это было чисто магометанское, а не общее образованіе. Въ XVIII столѣтіи были попытки основанія нѣсколькихъ школъ, но онѣ не оставили никакой памяти. Въ XIX столѣтіи началось водвореніе миссіонерскихъ школъ. Такія школы были созданы при кондинской миссіи у остяковъ; ихъ показывалось, въ 1847 г., девять съ 71 чел. учащихся, но, какъ обнаружилось, средства имѣлись всего на 12 мальчиковъ. Школы кондинская и обдорская, по оффиціальному отзыву начальника Тобольской губерніи въ 1864 году, существовали скорѣе на бумагѣ. Прежде брали въ кондинское училище 10 мальчиковъ у остяковъ принудительно, при помощи земской полиціи. Мальчики учились по 3 и 4 года, но преподаваніе было такъ дурно и небрежно, что въ нихъ ничему не выучивались. При церквахъ въ Березовскомъ округѣ хотя и были предположены школы, но не открывались, такъ какъ духовенство не желало учить безъ вознагражденія; въ Березовскомъ уѣздномъ училищѣ учился всего одинъ остякъ. Всѣ создававшіяся

и существовавшія въ весьма маломъ числѣ миссіонерскія школы отличаются вдобавокъ такою односторонностью, что обучившіеся мальчики не получаютъ дальнѣйшаго образованія, а самое большее зачисляются въ причетники и служки миссіи, стало быть, о способностяхъ инородцевъ вообще къ наукѣ здѣсь ничего нельзя сказать. Что касается доступа инородцевъ въ русскія учебныя заведенія, то, конечно, онъ былъ весьма труденъ, и если попадали сюда инородцы, то случайно.

Правительство не разъ пыталось поднять вопросъ объ инородческихъ школахъ; такъ, между прочимъ, въ 1853 г. министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ спрашивалъ объ этомъ сибирскую администрацію, но вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, не получилъ нормальнаго направленія и даже не могъ быть основательно разработанъ.

Бросимъ взглядъ теперь на тѣ попытки образованія и обученія, которыя сдѣланы по отношенію къ инородцамъ Сибири, и на инородческую грамотность. Обратимся по порядку къ татарамъ Западной Сибири.

Изъ прилагаемыхъ нами статистическихъ таблицъ, иллюстрирующихъ бытъ татаръ Тобольской губерніи, мы видимъ, что въ 9 волостяхъ татаръ и бухарцевъ находилось 14 училищъ. Населеніе этихъ волостей имѣло 17.192 чел. жителей, обучалось въ 14 школахъ 340 мальчиковъ и 81 дѣвочка т.-е. 421; грамотныхъ, учившихся въ училищахъ, считалось 761 и дома 153, всего 914; дѣтей, неучившихся нигдѣ 774 мальчика и 833 дѣвушки. Итакъ, процентъ грамотныхъ на 17.192 насел. приходится 1.335 и 1.597 дѣтей неучащихся.

Во всякомъ случаѣ грамотность у осѣдлыхъ татаръ существуетъ и половина дѣтей въ волостяхъ грамотны; это благодаря татарскимъ школамъ, въ которыхъ учителями являются въ большинствѣ муллы. Магометане, какъ видимъ, позаботились о школахъ и грамотность считаютъ необходимой, хотя она служитъ преимущественно для цѣлей религіозныхъ и укорененія магометанскаго закона.

Въ Томской губерніи у городскихъ татаръ существуетъ также магометанское училище, а въ волостяхъ, гдѣ возведены мечети, тамъ мулла учитъ дѣтей грамотѣ. Перейдемъ къ областямъ, гдѣ существуетъ также магометанское населеніе кочевыхъ киргизовъ. Въ Семипалатинской области въ 1876 г. считалось 38 городскихъ школъ и изъ нихъ было 13 татарскихъ магометанскихъ съ 796 учащимися. За то на кочевое населеніе съ 513.833 душ. было 8 школъ съ 183 учащимися. Когда у осѣдлыхъ обучалось

4,6°/₀ всего населенія, у кочевниковъ 0,03°/₀; у русскихъ въ городахъ приходилось учащихся 1 на 20 жителей, а у магометанъ 1 учащ. на 17. И здѣсь мы видимъ магометанское населеніе весьма заинтересованнымъ въ грамотности, хотя на кочевое населеніе выпала печальная доля: число учащихся у осѣдлаго населенія въ 129 разъ превышаетъ учащихся кочевниковъ.

Въ Акмолинской области въ городахъ также есть магометанскія школы, какъ, напр., въ Омскѣ; что касается кочеваго населенія киргизовъ въ 377.250 существовало 23 школы для кочеваго населенія съ 583 учащимися; изъ 23 школъ 12, однако, при мечетяхъ съ 379 учащимися и 10 уѣздныхъ киргизскихъ школъ. Эти 10 русскихъ школъ для киргизовъ была единственная попытка грамотности для инородцевъ. Онѣ были основаны въ 1876—1879 г. подъ именемъ *интернатовъ* для киргизскихъ дѣтей подъ наблюденіемъ уѣздныхъ начальниковъ. Въ нихъ введенъ былъ русскій языкъ; учениковъ должны были доставлять киргизы обязательно; въ щколахъ учили огородничеству, а дѣвочекъ рукодѣлью; они обязательно жили при училищѣ постоянно и были внѣ кочевой сферы. Интернаты были предназначены подготовить киргизскихъ дѣтей къ осѣдлому образу жизни и занятіямъ. Интернаты эти окончательно не удались, не говоря о томъ, что киргизы были предубѣждены противъ нихъ и добровольно никто не отдавалъ. Нынѣ эти интернаты признано было тою же администраціей преобразовать и приноровить къ обученію земледѣлію; едва-ли, однако, и это получитъ успѣхъ. Училища первоначальнаго обученія едва-ли могутъ быть земледѣльческой школой: ни возрастъ дѣтей, ни средства не позволятъ осуществить это. Ясно, что здѣсь слишкомъ большія претензіи помѣшали простому дѣлу. Во всѣхъ интернатахъ было 204 учащихся при обязательномъ доставленіи учениковъ, а въ магометанскихъ школахъ 579; на кочевое же населеніе вообще приходилась 1 школа на 1.468 душъ и въ 15 разъ менѣе, чѣмъ у осѣдлаго населенія.

Но если у татарскаго и магометанскаго населенія существовала какая-нибудь грамотность, то финскія племена: вогулы, остяки и самоѣды были обречены на полную безграмотность, хотя 14.327 остяковъ въ Березовскомъ округѣ и 5.923 въ Сургутскомъ считаются крещеными; мы ровно ничего не знаемъ о школахъ у нихъ. Школы кондинская, обдорская и березовская, куда брали инородцевъ, ничѣмъ не заявили себя. Изъ остяковъ мы не знаемъ ни одного образованнаго инородца, достигшаго гимназическаго курса, хотя Абрамовъ, заправлявшій училищами въ Березовѣ, свидѣтельствовалъ о способностяхъ остяковъ. Въ Нарым-

скомъ округѣ намъ извѣстны попытки обученія остяковъ Григоровскимъ, человѣкомъ, попавшимъ случайно въ Нарымскую глушь, выучившимся остяцкому языку и переводившимъ на остяцкій языкъ священное писаніе. Другой учитель основалъ интернатъ для остяцкихъ дѣтей при русской школѣ. Онъ описывалъ въ корреспонденціяхъ, сколько заботъ нужно было употребить, чтобы хоть немного приручить остяцкихъ мальчиковъ, какой уходъ необходимъ былъ за ними, такъ какъ они походили скорѣе на маленькихъ звѣрковъ; ихъ нужно было пріучать къ чистоплотности; способности ихъ развертывались постепенно. Учитель понималъ свою высокую человѣколюбивую обязанность, достойную подражанія; къ сожалѣнію, онъ прервалъ по какому-то обстоятельству свою дѣятельность. Между тѣмъ, въ этихъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ инородцы и дѣти ихъ обречены часто на голодное существованіе, «интернаты» были бы необходимѣе, чѣмъ у южныхъ кочевниковъ и зажиточныхъ киргизовъ. Финскія племена достаточно обнаружили въ другихъ мѣстахъ свои способности, слѣдовательно, можно было бы ожидать, что вогулы и остяки не лишены ихъ. Поэтому невозможно не проникнуться чувствами Кастрена, изучившаго эти племена, который съ грустью смотрѣлъ на гибель этихъ племенъ, родоначальниковъ западныхъ финновъ и цѣлой серіи угрскихъ племенъ. Еще грустнѣе думать, что русскіе люди въ Нарымѣ, въ Сургутѣ, въ Самаровѣ и въ Березовѣ, скопившіе цѣлыя состоянія насчетъ инородцевъ, не создали ни одного пріюта, ни одной школы для несчастныхъ остяцкихъ дѣтей.

Переходимъ отъ финскихъ племенъ къ алтайской народности на югѣ Томской губерніи, въ предѣлахъ Кабинетскихъ земель, гдѣ находится значительное населеніе монголообразныхъ тюрковъ и татаръ. Населеніе это довольно значительно, а именно: 5.730 чел. телеутовъ, 17.018 калмыковъ или алтайцевъ кочевниковъ и до 23.594 полуосѣдлыхъ и осѣдлыхъ лѣсныхъ татаръ. Въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округахъ считается до 19.433 крещеныхъ. Между тѣмъ, мы не знаемъ ровно ничего о школахъ для этихъ инородцевъ и видѣли, во время нашего обзора въ Алтаѣ крещеныхъ, большинство безграмотныхъ. Выдается только одна дѣятельность алтайской духовной миссіи, о которой мы и сообщаемъ свѣдѣнія изъ послѣднихъ источниковъ.

Миссіонерскія школы алтайской духовной миссіи существуютъ въ Томской губ. съ 1830 г. При первомъ ея начальникѣ, архимандритѣ Макаріѣ, была открыта всего одна школа въ 1838 г. въ Улалѣ, Бійскаго округа.

При его преемникѣ, прот. Ст. Ландышевѣ открыто 4 школы;

при третьемъ начальникѣ, архим. Владимірѣ, впослѣдствіи епископѣ томскомъ, а нынѣ нижегородскомъ, открыто вновь 20 школъ, въ которыхъ къ концу управленія Владиміра было 500 учащихся; въ 1884 г. при настоящемъ начальникѣ миссіи еписк. Макаріѣ открыто вновь 3 школы. Движеніе школьнаго дѣла въ алтайской миссіи въ послѣднее 10-лѣтіе всего лучше видно изъ таблицы.

Въ	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889 гг.
Школъ.	16	16	19	22	25	27	27	30	29
Въ нихъ мальчиковъ.	233	245	294	381	406	479	576	610	582
Въ нихъ дѣвочекъ	120	145	160	183	176	226	192	215	201

Эти школы находятся въ селахъ и улусахъ; кромѣ нихъ, въ Бійскѣ существуетъ катехизаторская школа съ 3-годичнымъ курсомъ и начальная; въ первой было въ 1889 г. 22 ученика, во второй—137 мальч. Первая готовитъ помощниковъ миссіи; въ ея программѣ находятся, за исключеніемъ геометріи, всѣ предметы уѣздныхъ училищъ, но въ объемѣ значительно низшемъ.

Главное вниманіе обращено на преподаваніе Закона Божія и св. писанія. Воспитанники катехизаторскаго училища живутъ въ пансіонѣ.

Свое содержаніе миссіонерскія школы до сихъ поръ получали почти исключительно изъ средствъ миссіи; лишь одна улалинская мужская школа имѣла вспомоществованіе въ 60 руб. отъ сельскаго общества, да городская женская содержится на средства купца Я. А. Сахарова. Отпускаемыя миссіею средства на школы не велики; 11 школъ получали менѣе 100 руб. каждая, а нѣкоторыя получали даже 15, 20 и 30 рублей въ годъ; по 200 руб. и немного болѣе получали лишь 5 школъ. Въ 1889 г. всѣ 27 сельскихъ миссіонерскихъ школъ получили 1.428 руб. изъ земскаго сбора.

Учителями въ школахъ являются исключительно миссіонеры; лишь въ одной изъ нихъ, въ Макарьевской, въ 1888—1889 году была приглашена посторонняя учительница съ гимназическимъ образованіемъ, которая, однако, чрезъ годъ оставила свою школу.

Миссіонерскія школы находятся въ собственныхъ, принадлежащихъ миссіи, помѣщеніяхъ, и хотя не отличаются удобствами, но въ общемъ просторнѣе и свѣтлѣе церковно-приходскихъ школъ; лишь въ четырехъ изъ нихъ помѣщеніе очень убогое, въ 49 куб. аршинъ, другія имѣютъ отъ 171 до 252 и одна въ 587 куб. арш.; почти всѣ построены по одному плану.

Число учебныхъ дней въ году, за небольшими колебаніями, вездѣ было 168; библіотеки имѣлись въ 10 школахъ; въ каждой

изъ нихъ было не болѣе 20—30 учебниковъ и еще меньше книгъ для внѣкласснаго чтенія, которыя состоятъ изъ житій святыхъ и религіозно-поучительныхъ разсказовъ.

По своимъ цѣлямъ миссіонерскія школы, въ которыхъ на половину или болѣе обучаются инородцы—киргизы и калмыки—много отличаются отъ прочихъ школъ. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ религіозное обученіе, знаніе молитвъ, знакомство съ церковной службой, обрядами; нравственное развитіе, или обученіе обязанностямъ человѣка къ человѣку, идетъ уже затѣмъ; грамотность и письмо являются лишь въ качествѣ средствъ для первой цѣли; обученіе инородцевъ разговору на русскомъ языкѣ имѣетъ немаловажное значеніе. Этимъ исчерпывается почти все школьное воспитаніе и обученіе; забота объ остальныхъ знаніяхъ была бы непосильна какъ для учащихъ, такъ и для учащихся, кромѣ русскаго элемента. Само собой разумѣется, что, кромѣ городскихъ миссіонерскихъ школъ, гдѣ преподаваніе ведется особыми учителями, ни одна изъ нихъ не выпускала учащихся со свидѣтельствами на право льготы по воинской повинности.

Таковъ отзывъ изслѣдователя г. Голубева. Мы должны прибавить, что, путешествуя по Алаю, мы видѣли образцовую школу въ Улалѣ, устроенную для цѣлей миссіи. Преподаваніе велось на алтайскомъ тюркскомъ нарѣчіи. Богослуженіе совершалось также на алтайскомъ языкѣ; молитвы переводились. Кромѣ Улалы, мы не видѣли выдающихся школъ. Изъ алтайскихъ школъ инородцу не было никакого другаго выхода, какъ поступить въ служки миссіи. Между тѣмъ, мы видѣли здѣсь людей съ выдающимися способностями, именно братьевъ Чувалковыхъ, изъ которыхъ одинъ достигъ священническаго сана. Отецъ Михаилъ своими познаніями служилъ для многихъ путешественниковъ, а именно для Принца, Потанина, оріенталиста Радлова, снабжая ихъ матеріалами изъ области народнаго творчества алтайцевъ и ихъ миѳологіи. Другой братъ Чувалковъ оказывалъ страсть къ медицинѣ, лечилъ больныхъ, дѣлалъ даже операціи; онъ зналъ много ремеслъ, высказывалъ способность къ музыкѣ. Какъ жаль, что способности подобныхъ людей не имѣли выхода; изъ алтайцевъ и телеутовъ мы не знаемъ ни одного, достигшаго даже уѣзднаго училища, нѣтъ ни одного образованнаго телеута, хотя многіе изъ нихъ совершенно обрусѣлые. Въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе образованія у другихъ племенъ и инородцевъ Восточной Сибири, но мы не можемъ не сдѣлать нѣсколько указаній въ довершеніе общаго обзора. Не смотря на значительное населеніе инородцевъ въ Енисейской губерніи, мы не встрѣчаемъ указаній на число инородческихъ школъ; въ

«Памятной книжкѣ» Енисейской губерніи на 1890 годъ мы видимъ указаніе только на двѣ татарскія (магометанскія?) школы съ 83 учениками. Учатся-ли обрусѣвшіе инородцы въ другихъ мѣстахъ— мы не знаемъ, но минусинскіе татары отличаются способностями, чему доказательствомъ служитъ вышедшій изъ нихъ и дошедшій до университетскаго курса молодой ученый Катановъ. Что касается несчастнаго Туруханскаго края, то о попыткахъ просвѣщенія здѣсь нигдѣ не заявлялось, но мы встрѣчаемъ въ послѣдней «Памятной книжкѣ» Енисейской губерніи на 1890 г. нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о положеніи инородцевъ вообще. Здѣсь говорится о полномъ разореніи инородцевъ, объ ихъ эксплоатаціи, о томъ, что положеніе нижне-имбатскаго остяцкаго рода безотрадно и что «многія семьи живутъ въ выкопанныхъ ямахъ». Значительная часть балхинско-остяцкаго рода, проживая въ плохихъ чумахъ вблизи Туруханска (центра русской осѣдлости) представляетъ жалкихъ нищихъ, пропитывающихся милостыней. «Караканско-остяцкая орда находится еще въ худшихъ условіяхъ жизни: большинство ихъ сидитъ у запоровъ рѣчекъ, въ ямахъ или убогихъ чумахъ, почти голые и нерѣдко голодные, питаясь только одной рыбой. *Нерѣдко въ этой ордѣ бываютъ случаи людоѣдства*, такъ что инородцы другихъ ордъ опасаются близко подходить къ стойбищамъ» («Памятн. книж.» Енисейской губ., 1890 г., стр. 290). Мы не спрашиваемъ уже, насколько проживающему «въ ямахъ» населенію доступно просвѣщеніе, но думаемъ, что лучшія условія жизни, грамотность и развитіе могли бы предупредить хотя случаи «*людоѣдства*», которые бываютъ «нерѣдко».

Намъ остается указать на весьма значительное племя бурятовъ, расположенное въ Иркутской губерніи и Забайкальской области, населеніе монгольскаго племени, но сдѣлавшее значительные шаги въ усвоеніи культуры, земледѣлія, научившееся многимъ ремесламъ и обнаруживающее наклонность къ культурному прогрессу и духовному развитію. Школы среди бурятовъ нынѣ начинаютъ заводиться самими бурятами, сознающими пользу грамотности.

Недавно интересныя свѣдѣнія объ учащихся инородцахъ въ Восточной Сибири помѣщены въ «Извѣстіяхъ Вост.-Сиб. Отдѣла Импер. Геогр. Общ.», томъ XX, книга 3-я, стр. 73 (свѣдѣнія къ 1 января 1889 года).

Въ Иркутскомъ округѣ изъ 1.639 общаго числа учащихся въ народныхъ школахъ, бурятскихъ *дѣтей учится 83,* изъ нихъ православныхъ 32 и некрещеныхъ 51. Въ Балаганскомъ округѣ изъ 807 общаго числа учащихся, бурятскихъ дѣтей 121, изъ нихъ православныхъ 63, некрещеныхъ 58. Въ Верхоленскомъ

округѣ изъ общаго числа 284 учащихся, бурятскихъ дѣтей 74, изъ которыхъ православныхъ 30, некрещеныхъ 44; въ Киренскомъ округѣ изъ общаго числа 298 бурятскихъ дѣтей 1. Всего въ Иркутской губерніи бурятскихъ дѣтей въ народныхъ школахъ учится 269, изъ нихъ православныхъ 126, некрещеныхъ 143 (общее число учащихся въ народныхъ школахъ въ губерніи 3.344).

Въ городскихъ училищахъ бурятовъ учится *въ Иркутскѣ 4* и *въ Балаганскѣ 5;* остальное количество учащихся состоитъ въ сельскихъ и улусныхъ школахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ процентъ бурятскихъ дѣтей превышаетъ число дѣтей другихъ народностей, и есть школы исключительно состоящей изъ бурятовъ. Въ Иркутскомъ округѣ въ кудинскомъ училищѣ учится 21 бурятъ при общемъ числѣ учениковъ 34; въ капсальскомъ—26 бурятовъ и въ торскомъ—28. Въ обоихъ этихъ училищахъ учащихся другихъ народностей нѣтъ. Въ Балаганскомъ округѣ, въ аларскомъ училищѣ 10 бурятовъ на общее число 20; въ балаганскомъ мужскомъ—27 на 33, въ идинскомъ—48 на 51. Въ верхоленскомъ-ользоновскомъ—29 на 30, въ ольхонскомъ—14 на 15, въ хоготовскомъ—16 на 24 и хорбатовскомъ—15 на 16. Самая значительная школа съ господствующимъ бурятскимъ составомъ идинская, находящаяся въ улусѣ Бохамъ въ Балаганскомъ округѣ, созданная благодаря заботамъ и жертвамъ образованнаго бурята Сократа Александровича Пирожкова; въ ней 48 бурятскихъ мальчиковъ и 8 бурятскихъ дѣвочекъ. Эта школа въ учебномъ отношеніи обставлена лучше другихъ. При ней находится библіотека изъ 665 названій въ 2.096 томовъ; въ балаганской школѣ 1.051 томъ, въ другихъ значительно менѣе.

О числѣ инородческихъ дѣтей, обучавшихся въ народныхъ училищахъ Забайкальской области, къ 1 января 1889 г. сообщено въ «Извѣстіяхъ Восточно-Сибир. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общеста», т. XX, № 5, стр. 23.

Въ Читинскомъ округѣ изъ 401 общаго числа учащихся, инородческихъ дѣтей 163; изъ нихъ 133 православныхъ и 30 некрещеныхъ. Въ Акшинскомъ округѣ изъ 354 общаго числа обучавшихся, инородцевъ 38; изъ нихъ 15 православныхъ, 23 некрещеныхъ. Въ Баргузинскомъ округѣ изъ 78 общаго числа обучавшихся, инородческихъ дѣтей 28; изъ нихъ 1 православный и 27 некрещеныхъ. Въ Селенгинскомъ округѣ изъ 189 общаго числа обучавшихся, инородцевъ 70; изъ нихъ 39 православныхъ и 40 некрещеныхъ. Въ Троицко-Савскомъ округѣ изъ 252 общаго числа обучавшихся, инородцевъ было 2; изъ нихъ 1 православный и 1 некрещеный. Въ Нерчинскомъ и Нерчинско-заводскомъ округахъ

обучавшихся инородцевъ вовсе не было. Въ городскихъ приходскихъ училищахъ инородцевъ училось въ Верхнеудинскѣ 1, въ Селенгинскѣ 3, въ Троицкосавскѣ 5, и въ двухклассномъ начальномъ училищѣ въ селѣ Кабанскѣ 4; всего 13; изъ нихъ 4 православныхъ и 9 некрещеныхъ. Всего въ области обучалось 3.062 мальчика и 300 дѣвочекъ; инородческихъ дѣвочекъ не обучалось ни одной; общее же число обучавшихся инородческихъ мальчиковъ въ области было 325; изъ нихъ 193 православныхъ и 132 некрещеныхъ.

Нѣкоторыя школы въ вѣдомости обозначены бурятскими, вѣроятно, потому, что содержатся бурятскими обществами; въ Читинскомъ округѣ показано ачинское бурятское училище, въ немъ изъ общаго числа учащихся 31 инородцевъ 30; въ Баргузинскомъ всѣ 28 учениковъ инородцы, въ Селенгинскомъ округѣ училище селенгинское съ 28 учениками и кударинское съ 51; всѣ учащіеся инородцы. Кромѣ того, въ Читинскомъ округѣ въ училищѣ зюльзинскомъ было 63 инородца изъ общаго числа 70, въ бырдинскомъ 18 инородцевъ изъ общаго числа 21; въ училищахъ урульгинскомъ 24 и маньковскомъ 25—всѣ инородцы; въ Верхнеудинскомъ округѣ, въ ачинскомъ училищѣ изъ 29 учениковъ 28 инородцевъ. Всего же въ народныхъ училищахъ Иркутской губерніи и Забайкальской области обучалось инородческихъ дѣтей 604 мальчика. Число это крайне не велико, принимая во вниманіе численность бурятовъ, а также близость ихъ къ русскимъ волостямъ, сношеніе съ русскими и культурныя заимствованія; многіе буряты могутъ считаться вполнѣ осѣдлыми. На числа инородческихъ дѣтей въ двухъ губерніяхъ приходилось учащихся крещеныхъ въ Иркутской губерніи 126 и некрещеныхъ 153, въ Забайкальской области крещеныхъ 193 и некрещеныхъ 132. Некрещеные, конечно, болѣе чуждаются русскихъ школъ. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе, что дѣти инородцевъ, не говорящіе по-русски, ничего не поймутъ въ подобныхъ школахъ и имъ нужны школы переходныя, приноровленныя къ обученію съ сохраненіемъ роднаго языка.

Число инородцевъ, учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Иркутской губерніи, Забайкальской области, Якутской области, а также въ народныхъ школахъ послѣдней, рисуется такимъ образомъ: въ читинской мужской гимназіи училось дѣтей инородцевъ въ 1884 году—5, въ 1885 году—5, въ 1886 году—5, въ 1887 году—6, въ 1888 году—6, въ 1889 году—6. Въ иркутской учительской семинаріи къ 1 января 1890 г. было инородцевъ 7, въ томъ числѣ иркутскихъ бурятовъ 1, забайкальскихъ бурятовъ 3, тунгусовъ 1, корейцевъ 2. Въ томъ же году въ начальныхъ

школахъ при семинаріи обучалось 8 инородцевъ: бурятовъ 7, якутовъ 1. Всего же учениковъ въ семинаріи было въ 1890 г. 82, въ начальныхъ школахъ при ней 68 мальчиковъ. Въ семинаріи принимаются только крещеные инородцы.

Въ иркутской классической гимназіи въ 1889 г. было 2 бурята, въ иркутской женской прогимназіи 2 бурятки дѣвицы. Изъ этого видно, какъ недостижимо для инородцевъ образованіе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Конечно, изъ 2 человѣкъ, учившихся въ классической гимназіи, трудно расчитывать, чтобы они достигли университета. Такъ же недоступно и женское оббразованіе, характеризующееся 2 бурятскими дѣвицами.

Въ Якутской области всѣхъ учебныхъ заведеній въ 1889 г. было 15; изъ нихъ 11 пансіоновъ; въ нихъ учителей и учительницъ 78. Въ мужской прогимназіи въ 1888 г. инородцевъ было *17 при общемъ числѣ учащихся 60*. Въ 1889 г. инородцевъ 18 при общемъ числѣ 83. Въ женской прогимназіи въ 1888 г. *инородческая дѣвица была 1* при общемъ числѣ учащихся 54. Въ низшихъ училищахъ инородцевъ было въ 1887 г. 156 при общемъ числѣ учениковъ 230; въ 1888 г. инородцевъ 177 при общемъ числѣ учениковъ 271 [1]). Прибавимъ къ характеристикѣ этихъ цифръ, что все населеніе якутовъ равнялоось 220.000 душъ и составляетъ $^7/_8$ всего населенія. Классическая прогимназія привлекла якутовъ въ весьма небольшомъ числѣ. Въ видахъ того, что заведеніе непригодно для якутовъ, возникала мысль о закрытіи этой прогимназіи и замѣнѣ четырехклассным ремесленнымъ училищемъ, о чемъ заявлено во всеподданнѣйшемъ отчетѣ генералъ-губернатора графа А. П. Игнатьева за 1886 г., но во всякомъ случаѣ вопросъ о преобразованіи якутской классической прогимназіи въ болѣе соотвѣтствующее инородческому населенію учебное заведеніе стоитъ на очереди. Безъ этого способное, по всѣмъ видимостямъ, якутское населеніе долго еще будетъ обречено на невѣжество. Замѣтимъ, что образованіе для якутовъ въ этомъ суровомъ краѣ необходимѣе, чѣмъ гдѣ-либо; борьба съ климатомъ и природой здѣсь еще ощутительнѣе; рядомъ съ леденящимъ холодомъ полярная ночь и отсутствіе солнца производитъ удручающее впечатлѣніе на человѣка. Все сжимаетъ здѣсь умъ и сердце. Не здѣсь-ли единственнымъ теплымъ лучемъ долженъ быть лучъ знанія и истины, могущій согрѣть человѣческую жизнь?

Кромѣ того, для проведенія грамотности въ среду инородцевъ,

[1]) «Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общества», т. XXI, № 2, стр. 77.

еще въ 1885 г. открыта въ г. Якутскѣ миссіонерская двухклассная школа, находящаяся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого преосвященнаго Іакова. Въ пансіонѣ, устроенномъ при школѣ, содержалось въ 1887 г. 19 мальчиковъ и приходящихъ было 23, всего 42, изъ нихъ 32—дѣти инородцевъ, остальные другихъ сословій. Постепенное увеличеніе учащихся въ школѣ якутовъ свидѣтельствуетъ, что школа эта пользуется сочувствіемъ инородцевъ. Число учениковъ было бы гораздо больше, если бы многимъ просителямъ, разсчитывающимъ на казенное содержаніе, не приходилось отказывать въ пріемѣ за недостаткомъ средствъ и помѣщенія.

Въ Забайкальской области въ 1885 г. существовало до 19 миссіонерскихъ школъ съ 377 учащимися, что составляло небольшой процентъ на общее населеніе инородцевъ—0,21%, или 1 учащійся на 8.287 инородцевъ; но многія школы за Байкаломъ были одно время закрыты и упразднены [1]). Однако, о школахъ у бурятовъ за Байкаломъ мы читаемъ слѣдующее обращеніе амурскаго генералъ-губернатора по поводу обзора бурятскихъ школъ (№ 41 «Забайкальскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1889 г.):

«Посѣтивъ школы, содержимыя при бурятскихъ степныхъ думахъ, я нашелъ, что обученіе въ нихъ ведется весьма удовлетворительно, но число учениковъ недостаточно. Увеличенію благосостоянія бурятовъ не мало должно содѣйствовать распространеніе между ними просвѣщенія, къ которому они имѣютъ и охоту, и способности. Какъ въ читинской гимназіи, такъ и въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ, мною посѣщенныхъ, ученики изъ бурятовъ всѣ отличались весьма хорошими способностями, прилежаніемъ, хорошимъ поведеніемъ, а въ успѣхахъ не только не уступали кореннымъ русскимъ, но даже превосходили весьма многихъ изъ нихъ, не смотря на то, что имъ приходится въ большинствѣ случаевъ, сверхъ усваиванія наукъ, еще учиться и русскому языку. Весьма желательно, чтобы буряты воспользовались своими способностями и чтобы возможно большее ихъ число посѣщало школы, но, конечно, такія, въ которыхъ обученіе производится на русскомъ, а не на какомъ-либо азіатскомъ языкѣ. Это необходимо не только потому, что просвѣщеніе надо искать не въ Азіи, отставшей въ наукахъ и искусствахъ, а въ Европѣ, просвѣщеніе которой стоитъ неизмѣримо выше, но и потому, что знаніе русскаго языка еще тѣснѣе свяжетъ бурятовъ съ огромною русскою

[1]) По отчету амурскаго генералъ-губернатора, въ 1876 г. было только 13 миссіонерскихъ школъ.

семьей, неразрывно жить съ которою имъ суждено на вѣки. *Буряты должны быть не пасынками, а полноправными дѣтьми Россіи*, а для этого необходимо возможно полное ихъ сліяніе съ русскимъ народомъ. Крайне желательно поэтому, чтобы среди бурятскаго населенія было распространено возможно большее число школъ съ курсомъ нашихъ сельскихъ училищъ, такъ какъ бурятамъ нужно не нѣсколько десятковъ лицъ, получившихъ среднее или даже высшее образованіе, а сотни и тысячи человѣкъ, получившихъ русское образованіе. Необходимо также, чтобы ховараки, обучающіеся при дацанахъ, непремѣнно обучались бы русскому языку». Мы знаемъ уже, что буряты охотно изучаютъ этотъ языкъ при сближеніи съ русскими, но если имъ будутъ запрещать собственный родной языкъ—этого они никогда не поймутъ.

Бурятское населеніе обнаруживало не разъ наклонность къ образованію, и учащіеся проявляли полную способность къ воспріятію образованія. Нѣкоторые буряты успѣшно достигали не только гимназическаго, но и университетскаго курса, какъ Дарджи Банзаровъ, извѣстный ученый оріенталистъ, Пирожковъ, медикъ Батмаевъ. Изъ бурятовъ вышли ламы, получившіе образованіе, какъ Гомбоевъ, Хангаловъ, Дорожеевъ, С. А. Пирожковъ; нѣкоторые изъ нихъ—члены географическаго общества, доставлявшіе цѣнные этнографическіе матеріалы. Есть буряты, которые, не оставляя своего быта и вѣры, знакомятся съ русскимъ просвѣщеніемъ, какъ Ломбо-Цереновъ, Лумбуновъ и весьма сочувственно относящійся къ задачамъ просвѣщенія нынѣшій хамбо-лама Дампилъ Гомбоевичъ Гомбоевъ. Нѣкоторыя лица изъ бурятъ въ послѣднее время сдѣлались членами Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества и внесли пожертвованія для изученія быта бурятскаго племени учеными спеціалистами. Все это такого рода задатки, которые показываютъ, что пониманіе пользъ просвѣщенія не чуждо бурятскому племени и что они умѣютъ понимать его въ истинныхъ его представителяхъ.

Затѣмъ мы не можемъ не обратить вниманія на другое племя въ Восточной Сибири, которое еще болѣе обнаружило наклонности къ воспринятію культуры и о способностяхъ котораго свидѣтельствуютъ съ похвалою единогласно всѣ изслѣдователи и путешественники. Это даровитое якутское племя (тюркской вѣтви), хотя и поставленное въ самыя неблагодарныя условія природы въ Якутскомъ краѣ. Это населеніе не только соединило съ скотоводствомъ сѣнокошеніе, давно обитаетъ въ осѣдлыхъ жилищахъ, усвоило ремесла, выказало способность къ торговлѣ, обучилось русскому языку, приняло въ значительной части право-

славіе, но тамъ, гдѣ пользовалось просвѣщеніемъ, выдвигало способныхъ и даровитыхъ людей. Однимъ изъ нихъ являлся, напримѣръ, якутъ Николаевъ, даровитый представитель якутскаго племени, учившійся въ прогимназіи, бывшій въ выборныхъ должностяхъ, депутатомъ на коронаціи и заявившій себя множествомъ записокъ и ходатайствъ о положеніи якутовъ. Онъ соединялъ въ себѣ теплую любовь къ своему племени вмѣстѣ съ уваженіемъ къ цивилизаціи. Изъ якутовъ выходили также медики. Въ настоящее время въ Якутскѣ прогимназія для якутовъ представляетъ переходное заведеніе къ высшимъ курсамъ. Все доказываетъ, что если бы образованіе для якутовъ было доступно въ болѣе широкихъ размѣрахъ, то это тюрко-монгольское племя выказало бы полнѣе свои дарованія. Дѣло народнаго обученія, однако, далеко неудовлетворительно. Вотъ что говорится о начальныхъ школахъ въ Якутской области въ отчетѣ якутскаго губернатора за 1886 г.:

«На пять округовъ Якутской области, съ населеніемъ около 250.000 душъ, устроено 12 сельскихъ начальныхъ школъ, такъ что, въ общемъ, одна школа приходится слишкомъ на 20.000 человѣкъ. Въ школахъ этихъ въ описываемомъ году обучалось 152 ученика, что среднимъ числомъ даетъ 12 (12,6) учениковъ на каждую школу и одного учащагося на 1.644 человѣка общаго населенія округовъ. Такой незначительный процентъ сельскихъ школъ и учащихся въ нихъ, по отношенію къ общему числу жителей въ округахъ, въ связи съ малоуспѣшностью учениковъ, свидѣтельствуетъ, что дѣло народнаго образованія въ области находится далеко не въ удовлетворительномъ состояніи.

«Неудовольствіе, съ какимъ инородцы отдаютъ своихъ дѣтей въ школу, переходитъ часто въ непріязнь и открытую вражду къ учителямъ и школѣ. Давно замѣчено, что при принудительномъ характерѣ, какой имѣетъ здѣсь школьное образованіе, $^{9}/_{10}$ общаго числа учениковъ инородческихъ школъ составляютъ круглыя сироты или дѣти бѣднѣйшихъ родителей. Извѣстны также примѣры, что зажиточные инородцы, не желая отдавать своихъ дѣтей въ школу, откупались деньгами или подыскивали какихъ-нибудь сиротъ. Ко всему этому подмѣшивается еще, какъ остатокъ стараго добраго времени, убѣжденіе, что грамота безъ побоевъ не дается, почему иной чадолюбивый отецъ, изъ жалости къ дѣтямъ, старается обойти школу.

«Сельскія школы посѣщаются исключительно дѣтьми инородцевъ якутовъ. Успѣвающихъ учениковъ очень мало; оканчиваютъ школы не болѣе 2—3 мальчиковъ, и то съ посредственной подготовкой, непригодной для практической жизни. Инородныя управы

и родовыя управленія нуждаются постоянно въ грамотныхъ писаряхъ. Такими писарями должны бы быть якуты, близко знакомые съ нуждами и интересами родины, но, къ сожалѣнію, народныя школы до сего времени не удовлетворяютъ этой потребности. Виною дурная постановка школъ.

«Въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ, напр., въ средневилюйской, даже сами блюстители школы стараются тормазить ходъ ученія: или не во время ремонтируютъ училище, или несвоевременно и въ недостаточномъ количествѣ снабжаютъ учениковъ платьемъ и обувью, или пищу даютъ плохую и малопитательную. Къ причинамъ неудовлетворительности народнаго образованія надо отнести также и плохое экономическое положеніе якутовъ, всегда стѣсненныхъ средствами и часто недостаточно обезпечивающихъ школы въ матеріальномъ отношеніи. Напримѣръ, инородцы Колымскаго округа съ большимъ трудомъ уплачиваютъ свои 200 р. учителю среднеколымской школы, единственной на цѣлый округъ, а на другія нужды школы просятъ правительственной субсидіи. Наконецъ, развитіе учебнаго дѣла задерживается еще недостаткомъ учителей, вполнѣ преданныхъ своему дѣлу и сознательно выполняющихъ свое назначеніе, такъ что, по необходимости, приходится опредѣлять въ народныя школы учителей, мало подготовленныхъ къ учительской обязанности, иногда даже не знающихъ народнаго языка».

Соображая условія образованія для инородцевъ, мы видимъ, во-первыхъ, что оно далеко не для всѣхъ инородцевъ доступно и не вездѣ одинаково. Мы видимъ, что даже татарская грамотность распространена болѣе, чѣмъ русская, муллы и ламы болѣе заботились объ этой грамотности инородцевъ, и это не можетъ не быть для насъ, обладающихъ всѣми средствами цивилизаціи, упрекомъ. Мы видимъ, напротивъ, что у насъ не сдѣлано въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже попытокъ для обученія инородцевъ. Что касается миссіонерскихъ школъ, то свѣтскаго образованія мы отъ нихъ не можемъ и требовать; въ русскія школы инородцы не идутъ, не зная языка. Ясно, что здѣсь нужна особая школа для начальнаго образованія инородцевъ, которая бы удовлетворяла и ихъ требованіямъ, и нашла бы практическій путь заинтересовать ихъ наукой, не оскорбляя ихъ чувства и вѣры.

Вопросъ объ образованіи инородцевъ съ перваго же раза выдвигаетъ нѣсколько практическихъ вопросовъ, требующихъ внимательнаго отношенія и соображенія съ положеніемъ народности. Эти вопросы состоятъ, во-первыхъ, въ средствахъ, на которыя должны содержаться школы, во-вторыхъ, въ принудительности, обя-

зательности или свободномъ привлеченіи къ образованію и, въ-третьихъ, о самомъ характерѣ преподаванія для инородцевъ, причемъ является вопросъ о выгодахъ распространенія знанія на русскомъ или инородческомъ языкахъ. Что касается средствъ, на которыя должны быть создаваемы школы, то весьма обширная переписка объ этомъ предметѣ въ 1853 г. привела къ одному заключенію, что созданіе школъ у бродячихъ звѣролововъ насчетъ инородцевъ невозможно и неосуществимо въ виду крайне жалкаго быта и бѣдности большинства, находящагося въ положеніи дикарей; всякіе новые налоги и тягости угрожаютъ имъ окончательнымъ разореніемъ. Несомнѣнно, что созданіе этихъ школъ должно быть обязанностью высшей расы, имѣющей въ виду привитіе цивилизаціи. На предложеніе инородцамъ завести школы они отвѣчали обыкновенно отказомъ и просьбами не заводить ихъ, будучи предубѣжденными и испытавъ въ своей жизни горькія послѣдствія всевозможныхъ мѣропріятій. Съ этимъ же связанъ вопросъ объ обязательности и принужденіи обученія инородцевъ. Обыкновенно доселѣ отъ инородцевъ дѣтей отбирали насильственно. Нечего говорить, какъ это вооружило инородцевъ противъ образованія. Мысль объ обязательности, а особенно принудительности образованія, непримѣнимая ни къ какому населенію, могла вытекать только изъ дикихъ взглядовъ мѣстнаго культуртрегерства. Она мало того, что не полезна въ смыслѣ образованія, но негуманна сама по себѣ и нарушаетъ всякую законность. Между тѣмъ другой системы мѣстная земская администрація никогда не понимала; отсюда вытекала масса злоупотребленій именемъ просвѣщенія. «Давай деньги, какъ отступное, или возьмемъ дѣтей у тебя и сдѣлаемъ русскими, обратимъ въ иную вѣру и отдадимъ въ солдаты!» Понятно, какой ужасъ могло навести на инородцевъ такое просвѣщеніе. И вотъ инородцы доселѣ находятся подъ вліяніемъ такой мысли, внушенной имъ просвѣщенной сибирской администраціей. Недавно, въ нѣкоторыхъ школахъ и въ интернатахъ Киргизской степи вынуждаемые инородцы прибѣгли къ покупкѣ дѣтей у бѣдняковъ и отдачѣ ихъ въ школы, которыя кажутся имъ гибелью. Вопросъ руссифицированія, какъ жгучій вопросъ національностей, неумѣло и грубо примѣняемый, порождаетъ весьма часто только насиліе и возбуждаетъ отвращеніе. Къ сожалѣнію, эта руссификація также предлагается по отношенію къ инородческимъ школамъ безъ размышленія о послѣдствіяхъ. Если народность весьма сблизилась съ русскими и даже усвоила русскій языкъ, тогда нѣтъ никакихъ препятствій, конечно, къ обученію на русскомъ языкѣ и вопросъ обученія здѣсь сливается съ обык-

новеннымъ сельскимъ образованіемъ. Другое дѣло относительно народностей и племенъ, пока весьма склонныхъ удерживать свою національность, свой языкъ, свои вѣрованія, страшащихся нарушенія ихъ и всякаго принужденія. Для такихъ племенъ полезнѣе привитіе знанія на природномъ языкѣ и переводъ учебниковъ, какъ и самого священнаго писанія на инородческій языкъ; при этомъ, смотря по предубѣжденію и характеру народности, нужно обсудить, что должно предшествовать грамотности: развитіе ума, какъ начало дальнѣйшаго образованія и знакомство съ высшимъ христіанскимъ міросозерцаніемъ, которое явится само собою при знакомствѣ съ христіанской наукой, или воспитаніе прямо религіозное. Намъ кажется, что вопросъ образованія и знакомство съ наукою должны быть выдѣлены для инородцевъ, какъ относительно всѣхъ племенъ, держащихся иныхъ вѣроисповѣданій, гдѣ предполагается постепенное подготовленіе къ иной религіи, а не навязываніе ея, могущее дать обратные результаты. Просвѣщеніе на инородческомъ языкѣ и знакомство съ наукою, надо замѣтить, ни мало не оттолкнутъ образованнаго инородца отъ русскаго языка и національности, но болѣе сблизятъ его, такъ какъ развернувшаяся любознательность заставитъ его познакомиться не только съ жизнью русскаго просвѣщеннаго міра, но и европейскаго. Мы видимъ, что успѣхи развитія и просвѣщенія шли у инородцевъ быстрѣе, когда религіозныя книги и евангеліе переводились на инородческіе языки. Доказательствомъ служитъ дѣятельность англійскихъ миссіонеровъ въ Забайкальской области. Поселившись около Селенгинска, эта миссія прожила около 20 лѣтъ, завела монгольскую типографію, библіотеку, сдѣлала превосходный переводъ библіи на монгольскій языкъ, обучала бурятовъ ремесламъ и создала до 3.000 христіанъ. Къ сожалѣнію, въ началѣ сороковыхъ годовъ эта миссія была выслана изъ Сибири и перенесла свою дѣятельность на Зондскіе острова. Нынѣ въ успѣхахъ дѣла алтайская духовная миссія прибѣгла къ подобнымъ же переводамъ и преподаванію также на алтайскомъ языкѣ, хотя онъ не имѣлъ своей азбуки. Знакомство съ языкомъ инородцевъ дало большія знанія народности и миссіонерамъ. Далѣе добровольный миссіонеръ Григоровскій въ Нарымскомъ краѣ основалъ остяцкую школу, перевелъ на остяцкій языкъ священное писаніе и дѣятельно распространяетъ христіанство. Еще къ болѣе высшей просвѣтительной дѣятельности мы должны отнести опыты переводовъ руководствъ на бурятскій языкъ въ 1860 г. Болдоновымъ, школу Пирожкова и т. п. Такимъ образомъ вопросъ объ инородческой школѣ яв-

ляется весьма важнымъ и очереднымъ въ Сибири, такъ какъ насильственное привитіе къ инородцамъ русскаго языка и обязательное преподаваніе на немъ одномъ терпитъ много неудачъ. Такія школы и заведенія вызываютъ нынѣ только жалобы, а со стороны русскихъ сторонниковъ просвѣщенія полное осужденіе. Такъ, наприм., недавно заявлено о плачевномъ состояніи образованія среди якутовъ, гдѣ нетолько первоначальное обученіе на русскомъ языкѣ, но даже гимназическое, не приноситъ никакихъ плодовъ, но служитъ истинною мукою для учениковъ. Въ Якутскѣ основана, напримѣръ, классическая прогимназія на деньги якутовъ, гдѣ якутамъ предлагается сразу изученіе 4-хъ языковъ; всѣ эти языки преподаются людьми, незнающими ни слова по-якутски и неумѣющими объясняться съ учениками. «Это горькая насмѣшка надъ населеніемъ,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ.— Для якута даже русскій языкъ труднѣе, чѣмъ для русскаго латинскій и греческій. Между тѣмъ у населенія нельзя отнять жажду знанія, оно хочетъ учиться. Кромѣ прогимназіи существуетъ въ улусахъ нѣсколько начальныхъ школъ съ полуграмотными учителями. Вліяніе этихъ школъ ничтожно, потому что учителя ихъ мало знакомы съ преподаваніемъ, при полномъ отсутствіи какого-либо намека на страстное, любовное отношеніе къ дѣлу, а во-вторыхъ, всѣ учебники и книжки для первоначальнаго чтенія трактуютъ *на неизвѣстномъ языкѣ* еще менѣе извѣстную природу и жизнь. Что принесетъ подобное образованіе!» (Сибирская Газета, изъ Якутска 1881 г. № 4). Подобныя же неудачныя попытки преподаванія на русскомъ языкѣ бывали и среди киргизовъ; мы не говоримъ уже о созданныхъ искусственныхъ пансіонахъ для нихъ. Обрусѣвшіе инородцы, въ лицѣ переводчиковъ азіатскихъ школъ, писаря и проч., являются обыкновенно самымъ дурнымъ элементомъ и эксплуататорами, взяточниками и совершенно не имѣютъ никакого благотворнаго вліянія на среду инородцевъ. Такимъ образомъ, привлеченіе инородцевъ къ школѣ и знанію безъ насилія, добровольно, не отталкивая отъ просвѣщенія, само собою связывается съ первоначальнымъ преподаваніемъ на инородческомъ языкѣ, съ созданіемъ особыхъ инородческихъ школъ и подготовленіемъ учителей изъ самихъ инородцевъ, знающихъ свою народность, ея характеръ и желающихъ ей блага. «Отъ школы требуется, чтобы она вложила въ инородца любовь къ наукѣ и просвѣщенію, но въ немъ уже есть любовь къ окружающей природѣ и къ своему племени», говоритъ одинъ изъ знатоковъ инородческаго быта. «Школа должна воспользоваться этой, воспитанной помимо ея, любовью, она должна пе-

ренести эту любовь на науку». «Дайте ему прежде всего описаніе его жизни, его кочевья, описаніе его племени, его нравовъ и его исторію, пусть онъ увидитъ описаннымъ самого себя и то, что къ нему ближе, пусть онъ узнаетъ, что̀ его племя совершило и что̀ ему слѣдуетъ совершить. Вамъ нужно, чтобы инородецъ началъ понимать тѣ идеи о будущемъ, какія волнуютъ образованнаго европейскаго человѣка, дайте ему напередъ представленіе о его племени» (Сибирскіе инородцы. «Сибирь»). Этими словами указывается, что истинное образованіе инородца не должно порывать его связь съ своимъ народомъ. Цѣлью образованія должно быть: внушеніе любви къ своему племени, къ судьбѣ его, а не стремленіе оттолкнуть его отъ прежней семьи, вырвать его и предоставить массѣ ту же нищету, несчастіе и вымираніе. Только весьма немногіе образованные инородцы сохраняли связи съ своимъ племенемъ и желали посвятить себя его развитію. Въ числѣ этихъ именъ должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Болдонова и Дорожеева изъ бурятовъ, Николаева якута и Чекана Валиханова изъ киргизовъ, Катанова изъ минусинскихъ инородцевъ. Какъ Валихановъ, такъ и Банзаровъ получили высшее образованіе, они были даровитѣйшими и учеными людьми даже въ европейской средѣ и тѣмъ не менѣе ихъ симпатіи оставались на сторонѣ ихъ несчастнаго племени. Къ сожалѣнію, такія личности только случайно пробивались изъ инородческой среды. Высшее европейское образованіе оставалось чуждо большинству инородцевъ, а между тѣмъ такія личности болѣе всего могли бы принести услугъ инородческому просвѣщенію и позаботиться о судьбѣ своей народности. Въ пробужденіи инстинкта любознательности, духовной жизни и въ сознательномъ отношеніи къ своему настоящему и будущему будутъ лежать залоги сохраненія племенъ отъ вымиранія и гибели. Мы думаемъ, что такое просвѣщеніе будетъ источникомъ жизни и спасителемъ, который воскреситъ легендарнаго, умирающаго отъ голода и бѣдствій, самоѣда. Духъ сибирскаго инородца остается пригнетеннымъ, глубокая меланхолія лежитъ на немъ, мрачная безнадежность сковываетъ его сердце, нѣтъ вѣры въ лучшее, нѣтъ надежды на будущее. Вотъ эту-то вѣру, эту общечеловѣческую надежду и должно создать инородческое просвѣщеніе. Когда инородецъ не увидитъ никакого насилія, опасности въ дѣлѣ привитія образованія, онъ научится уважать его. Мы видимъ, что инородцы охотно иногда отдавали дѣтей въ среднеучебныя заведенія, какъ въ омскій кадетскій корпусъ. Буряты иногда отдавали дѣтей въ гимназію.

Примѣры полученія высшаго образованія среди инородцевъ те-

перь рѣдки, но будемъ надѣяться, что мѣстный сибирскій университетъ привлечетъ сюда и представителей инородческой среды. Инородцы, какъ Дарджи Банзаровъ, Валихановъ, нынѣ Катановъ, оказали уже услугу русской наукѣ. Не забывъ свой языкъ, они явились наиболѣе способными учеными оріенталистами и внесли неоцѣненные вклады въ этнографію, изучая родственныя племена и географію близкихъ имъ окраинъ. Еще большій контингентъ такихъ ученыхъ оріенталистовъ можетъ дать восточный факультетъ въ Сибири. Переводчики и драгоманы могутъ формироваться въ средѣ инородцевъ, и если необходимы посредники для проведенія цивилизаціи къ сосѣднимъ азіатскимъ племенамъ, окружающимъ Сибирь, то, конечно, эта роль лучше всего подходитъ къ нашимъ инородцамъ. Мы не говоримъ уже, что развернувшіяся способности инородцевъ, обнаруживающіяся даже теперь въ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ, могутъ проявиться когда-нибудь шире и богаче, внеся свои вклады въ общую сокровищницу знанія и общечеловѣческой цивилизаціи.

Значеніе кочеваго быта въ исторіи человѣческой культуры [1]).

(Докладъ Н. М. Ядринцева 6-го марта 1891 г. въ Русскомъ Антропологическомъ Обществѣ).

Задавшись цѣлью коснуться кочеваго быта и его значенія въ исторіи человѣческой культуры, мы должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ предубѣжденіяхъ и ходячихъ взглядахъ, какіе по рутинѣ установились на жизнь кочевниковъ. Эти воззрѣнія составляютъ характерную черту осѣдлаго человѣка, смотрящаго на всякую другую форму быта, какъ на крайнее заблужденіе и дурную привычку. Кочевникъ, обыкновенно, выставляется противоположностью культурнаго осѣдлаго человѣка, его антиподомъ и антагонистомъ. Всѣ свойства кочевника выдаются, какъ враждебныя культурѣ и цивилизаціи. Кочевникъ считается варваромъ, угрожающимъ осѣдлому быту. Нѣкоторые его называютъ «врагомъ природы» и приписываютъ кочевому быту опустошеніе лѣсовъ и превращеніе плодородныхъ мѣстъ въ степи и пастбища. Съ этой точки зрѣнія проектируется и давно предлагается цѣлый рядъ мѣръ ограничить кочевника, стѣснить его передвиженіе и побудить его тѣмъ или другимъ путемъ бросить прежній бытъ и перейти къ осѣдлости и земледѣлію. Мѣры эти, однако, не всегда удаются и переходъ кочевника къ другому быту въ жизни встрѣчаетъ массу препятствій и является для извѣстнаго времени неосуществимымъ.

Къ сожалѣнію, враждебный взглядъ на кочевниковъ усвоивали не одни ретивые культуртрегеры, но иногда проникались имъ и неосмотрительные ученые. Ясно, что ученые заражались здѣсь тѣми же предразсудками культуртрегеровъ и не хотѣли вникнуть въ экономическую сторону быта кочевника, какъ равно

[1]) Мы считаемъ полезнымъ присоединить настоящій докладъ къ изслѣдованію объ инородцахъ, такъ какъ предметъ его касается также инородческой жизни.

упускали изъ виду точку зрѣнія, которая побуждаетъ смотрѣть на различныя формы быта въ ихъ послѣдовательномъ историческомъ и культурномъ развитіи, отъ формъ менѣе совершенныхъ къ болѣе высшимъ.

Ложныя воззрѣнія на кочевой бытъ народовъ слагались у насъ подъ вліяніемъ двухъ предубѣжденій. Съ одной стороны европейскій міръ знакомился съ кочевниками во время ихъ нашествій и завоеваній, причемъ кочевники являлись угрожающимъ элементомъ для цивилизаціи. Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній написаны историческія статьи извѣстнаго оріенталиста Григорьева [1]; полагаемъ, что оцѣнка кочевниковъ въ столь исключительные моменты, какъ войны и нашествія ихъ, въ которые кровожадность и инстинкты истребленія проявляются не у однихъ кочевниковъ, но и у цивилизованныхъ націй, недостаточно характерна, одностороння и слишкомъ пристрастна. Въ это время кочевники вредны и опасны бываютъ не потому, что они кочевники, но потому, что они *завоеватели*, а такъ какъ по культурному развитію они ниже осѣдлаго населенія и не цѣнятъ гражданственности, ясно, что ихъ военныя дѣйствія безпощаднѣе и опустошительнѣе. Эти моменты были слишкомъ неблагопріятны для изученія кочеваго быта и историческія воспоминанія здѣсь мѣшаютъ спокойному отношенію. Далѣе, приговоры кочевникамъ произноситъ населеніе осѣдлое, когда оно приближается къ кочевымъ районамъ и заинтересовано бываетъ заселить ихъ. Понятно, что и здѣсь оно относится не безпристрастно и въ оцѣнкѣ кочеваго быта разсматриваетъ его только съ точки зрѣнія своихъ интересовъ. Осѣдлое населеніе считаетъ огромнымъ недостаткомъ и варварствомъ, что кочевники владѣютъ огромными угодьями: у него является желаніе, чтобы часть угодій перешла къ нему; но такъ какъ кочевники не разстаются съ своими землями, отстаиваютъ ихъ, а осѣдлое населеніе претендуетъ на эти земли, то антагонизмъ интересовъ опять создаетъ враждебное отношеніе къ кочевому быту. Не говоря о томъ, что здѣсь нѣтъ научнаго безпристрастія, такое отношеніе къ кочевникамъ ведетъ къ ряду недоразумѣній и отражается полными неудачами въ дѣлѣ культурныхъ воздѣйствій.

Наблюдая жизнь сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ и посѣтивъ недавно Центральную Азію, я желалъ бы указать только, что въ этнографическомъ и антропологическомъ изученіи долженъ

[1] Статья «Отношеніе между кочевыми народами и осѣдлыми государствами» Григорьева. 1875 г.

быть болѣе безпристрастный пріемъ, и задался цѣлью разсмотрѣть стадію кочеваго быта, какъ одну изъ стадій человѣческаго развитія, съ которой немыслима была бы и послѣдующая стадія развитія. Я полагаю, что строго антропологическое изученіе требуетъ разсмотрѣнія человѣка въ данныхъ физическихъ условіяхъ, среди которыхъ слагается его бытъ, и при тѣхъ обстоятельствахъ приноровленія и пріуроченія природы къ своимъ выгодамъ и пользамъ, какія доступны были ему при извѣстномъ накопленіи знаній и опытности. Словомъ, я позволилъ себѣ разсматривать каждую изъ формъ инородческаго быта, какъ-бы она несовершенна ни была, какъ одно изъ звеньевъ общаго развитія.

Предметомъ моихъ наблюденій были инородческія племена урало-алтайской группы и кочевники Сибири. Изучая ихъ въ различныхъ условіяхъ, я пришелъ къ заключенію, что самый кочевой бытъ весьма разнообразенъ: кочеваніе на равнинахъ въ средне-азіатскихъ безслѣдныхъ степяхъ, среди солончаковъ, гдѣ травы носятъ особый степной характеръ, весьма разнится отъ кочеванія въ горахъ, въ долинахъ; затѣмъ, кочевки въ лѣсахъ отличаются отъ горныхъ и равнинныхъ перекочевокъ. Въ однихъ мѣстахъ радіусъ кочевки длиннѣе, сезоны переходовъ продолжительнѣе, въ другихъ случаяхъ въ горахъ кочевникъ пользуется топографіей страны; съ появленіемъ травъ на горахъ и склонахъ на лѣто онъ поднимается въ горы, къ зимѣ спускается въ долины. Лѣса не даютъ простора для широкихъ перекочевокъ и обширное скотоводство здѣсь невозможно, радіусъ и колебаніе кочеваго маятника, поэтому, здѣсь все болѣе сокращается. Въ лѣсахъ мы видимъ, въ виду трудности передвиженій, переходы на небольшія разстоянія. Климатическія вліянія и флора каждой мѣстности даютъ себя чувствовать. На границѣ Сибири мы видимъ всѣ переходы кочевниковъ отъ степей къ горамъ и лѣсамъ. Наконецъ, появляются зимнія стоянки. Номадъ снимается только ранней весной и идетъ до средины лѣта, а затѣмъ возвращается къ осени и зимой уже стоитъ на одномъ мѣстѣ, наблюдая за стадами. Кочеваніе возможно только благодаря постоянному подножному корму. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ зимовка у скотовода начинаетъ все болѣе преобладать. Наконецъ, появляются запасы сѣна и скотоводъ, не оставляя промысла, дѣлается почти осѣдлымъ. Таковъ, напр., якутъ; но скотоводство не допускаетъ еще группировки селеніями и скотоводъ предпочитаетъ располагать жилище уединенно одинъ отъ другаго.

Наблюдая различныя формы и виды пастушеской жизни, мы видимъ, что они обусловлены строго физическою обстановкою

природы. Измѣняется окружающая природа—измѣняется и образъ жизни. Разсматривая географическія условія центральнаго азіатскаго плоскогорья, переходящаго къ урало-каспійской низменности, мы видимъ, что кочевники Центральной Азіи, выбирая южныя степи, постепенно подвигались къ сѣверу и вступили въ гористыя мѣста Тянь-Шаня около Иссыкъ-Куля, въ Алтайскія, Саянскія горы, въ Байкальскую Даурію, и постепенно изъ Монголіи перевалили Хангай, прошли по Орхону, занимали вершины Ононо-Керулулека. и притоковъ Амура. Здѣсь ихъ окружала гористая мѣстность; постепенно они охватили часть лѣсной полосы и вступили въ равнины и береговыя степи Западной Сибири. Кочеваніе ихъ и блужданіе не совершается произвольно; напротивъ, оно строго соотвѣтствуетъ распредѣленію травъ и корма скота. Способы перекочевки строго распредѣлены, какъ лѣтовки и зимовки. Поэтому, на блужданіе кочевника мы не можемъ смотрѣть, какъ на прихоть, какъ на привычку бродяжничать. Это связано съ естественными способами пропитанія его скота и его самого. Тамъ, гдѣ не благопріятствуютъ условія для постояннаго нахожденія травъ, онъ замедляетъ движеніе и, наконецъ, располагаетъ скотоводческое хозяйство иногда въ одномъ пунктѣ. Зимовка въ послѣднемъ фазисѣ есть постоянное опредѣленное мѣсто, собственность кочевника. Мы видимъ здѣсь, такъ сказать, всѣ переходные фазисы отъ кочеванія къ осѣдлости. Люди не могутъ отстать отъ прежнихъ привычекъ, и въ кочевыхъ лѣсныхъ областяхъ мы замѣчали не разъ, что скотоводъ, живущій уже въ деревняхъ и превратившій зимовки въ деревни, все-таки перемѣняетъ мѣста, а рядомъ съ избою стоитъ для лѣтняго помѣщенія шалашъ. Но переходы все-таки совершаются. Если вы разспросите кочевниковъ и скотоводовъ о прежнемъ времени, о прежнемъ ихъ способѣ кочевокъ и средствахъ пропитанія, они разскажутъ вамъ, какъ киргизы, что прежде перекочевки ихъ были болѣе обширны, но постепенно сокращались съ размноженіемъ населенія и съ ограниченіемъ районовъ скотоводства. Возникло тогда *шахматное* распредѣленіе лѣтовокъ и зимовокъ между родами и волостями. Распредѣленіе пастбищъ мы видимъ въ довольно древнее время, напр., при описаніи древнихъ кочевыхъ народовъ китайцами. Историческія изысканія также доказываютъ, что прежде способы кочеванія были другіе. Хунну и гіенъ-ну (тюрки), а затѣмъ монголы имѣли болѣе простора. Они кочевали на необозримыхъ степяхъ къ сѣверу отъ Китая. Передвиженіе было постоянное, кочевникъ даже не зналъ, гдѣ онъ остановится. Самое жилище или юрта была не только походная, складная, какъ нынѣ, но *кибитка*

была поставлена на телѣги и съ телѣгами перевозилась. Такія юрты были еще при Чингизъ-Ханѣ [1]).

Юрты эти впослѣдствіи исчезли и замѣнились юртами, которыя ставятся при каждой остановкѣ. Если этотъ способъ передвиженія вы сравните съ нынѣшнимъ положеніемъ скотоводовъ киргизовъ, полгода остающихся на однихъ мѣстахъ, если вы всмотритесь въ деревни башкировъ (совокупность зимовокъ), въ зимовки и лѣтовки бурятовъ, и, наконецъ, въ бытъ осѣдлыхъ якутовъ, вы увидите огромную разницу. Нынѣшнихъ скотоводовъ придется признать скорѣе *полукочевыми* или полуосѣдлыми.

Эти постепенныя измѣненія кочеваго быта, совершавшіяся въ недавній періодъ, переносятъ насъ невольно къ исторіи кочевыхъ племенъ болѣе отдаленной, и намекаютъ на различные культурные переходы. Нечего говорить, что каждый новый кризисъ въ кочевомъ быту создавалъ и особыя формы хозяйства. Мы видимъ постепенный переходъ жилищъ кочевниковъ изъ подвижной юрты къ постоянному лѣсному шалашу, къ лѣсной лѣтовкѣ, напоминающей домъ, къ зимовкѣ, жилищу четырехугольному, къ землянкѣ, глинобитной постройкѣ и т. д. Словомъ, въ разнообразіи инородческихъ формъ быта мы читаемъ цѣлую исторію народовъ. У кочевыхъ народовъ эти переходы изъ одной формы въ другую могли совершаться медленно, цѣлые вѣка. Только поверхностное наблюденіе жизни дало представленіе, что кочевой бытъ вездѣ одинаковъ, а неимѣніе данныхъ о прошломъ дало поводъ составить понятіе о неизмѣняемости формъ. У многихъ кочевыхъ народовъ Центральной Азіи культурный прогрессъ и совершенствованіе быта совершаются такъ медленно, что могутъ быть приняты за всякое отсутствіе движенія и за застой, точно такъ же, какъ тихое теченіе водъ при слабомъ склонѣ съ зеркальною поверхностью ихъ, иногда обманываетъ и заставляетъ забывать о ихъ движеніи. Исторія человѣчества въ первую эпоху дѣлала шаги въ области культуры весьма медленно. Эпоха необдѣланнаго камня и полированныхъ орудій, бронзовые вѣка—это цѣлые періоды; усовершенствовать какое-либо орудіе нужны были вѣка. Только въ позднѣйшіе вѣка, по мѣрѣ накопленія знаній, сношеніемъ народовъ, по мѣрѣ успѣховъ наукъ и техники, прогрессъ человѣчества пошелъ съ усиливающеюся быстротою желѣзнодорожнаго поѣзда.

[1]) Эти телѣги описаны были Рубрюквистомъ; онѣ сопровождали обширныя передвиженія кочевниковъ и запрягались волами. Рисунокъ этихъ кибитокъ возстановленъ полковникомъ Юлемъ въ его комментаріяхъ къ Марко-Поло. О подвижныхъ юртахъ въ ордахъ Чингизъ-Хана упоминаютъ и китайскіе путешественники, напр. Чань-Чунь. Древнія племена гооче китайцы называли «высокія телѣги».

Кочевой бытъ имѣлъ предшествующую эпоху развитія, имѣлъ собственный долгій процессъ, чтобы отлиться въ извѣстныя формы, а затѣмъ связывается съ послѣдующими измѣненіями. Въ немъ, какъ и вообще въ исторіи человѣческаго существованія, мы видимъ эволюцію, движеніе, жизнь, а не смерть.

Перейдемъ теперь къ обычному дѣленію человѣческой исторіи и культуры сообразно занятіямъ и промысламъ.

Доселѣ принято, сообразно существующимъ формамъ занятій, подраздѣлять исторію человѣка на слѣдующіе періоды: звѣроловный, скотоводческій и земледѣльческій, которому свойственна осѣдлость. Между этими періодами кладется рѣзкая грань, и всѣ они, по своимъ занятіямъ, кажутся различными. Между тѣмъ, это схематическое дѣленіе весьма поверхностно, приблизительно, и хотя обрисовываетъ бытъ народовъ въ разныхъ группахъ и стадіяхъ, но не уясняетъ намъ тѣ поступательные шаги, тѣ переходы, которые совершало человѣчество отъ одной культуры къ другой. Первыя двѣ стадіи принято считать варварскими и дикарскими, и только послѣднюю достойною быть названной культурной. Первыя двѣ стадіи, звѣроловная и скотоводческая, выдаются намъ какъ бы непредставляющими никакого развитія, держащими человѣка въ подчиненіи у природы, обрекающими его на случайное существованіе и не только ничего не созидающими въ области человѣческой культуры, а какъ бы только уничтожающими и опустошающими природу. Но это несправедливо. Мы не въ правѣ отдѣлять два предшествовавшихъ періода отъ третьяго, послѣдующаго. При внимательномъ обзорѣ человѣческой культуры мы увидимъ, что всѣ эти періоды тѣсно связаны и развиваются органически одинъ изъ другаго. Накопленныя знанія изъ перваго періода переходятъ во второй, и только благодаря имъ человѣкъ дѣлаетъ новые шаги. Поэтому, мы никоимъ образомъ не можемъ себя считать необязанными предыдущему опыту. Мы должны быть глубоко справедливы и, изучая прошлое, тщательно оцѣнить то, что намъ дали предшественники и прародители народы. Только благодаря имъ мы, можетъ быть, обязаны своей высотой, блескомъ нашей культуры, ибо черная работа была совершена ранѣе.

Изучая скотоводческій періодъ и періодъ номадовъ, мы должны разсмотрѣть его такъ же, какъ стадію, которая, превосходя своимъ развитіемъ всѣ предшествовавшіе періоды, подготовила многое для послѣдующей культуры и имѣла уже выработанное цѣнное знаніе. Для этого мы должны ее сравнить съ предъидущимъ періодомъ, а затѣмъ отвѣтить на вопросъ: находится-ли въ неподвижности и застоѣ кочевой бытъ? Періодъ, предшествовавшій па-

ступіескому, былъ бытъ звѣролова, но и онъ имѣлъ свои различныя стадіи. Охотникъ съ кускомъ камня и дубиной долженъ быть отличаемъ отъ охотника съ металлическимъ копьемъ и стрѣлой. Между тѣмъ и другимъ протекли цѣлые періоды, цѣлыя столѣтія, можетъ быть рядъ столѣтій. Бытъ звѣроловныхъ племенъ и остатки древнихъ способовъ охоты у культурныхъ народовъ дополняютъ картину охотничьихъ временъ, но, какъ мы говоримъ, способы первобытнаго охотника страшно разнятся отъ позднѣйшаго. Охота остается долго въ человѣчествѣ и способы ея совершенствуются. Охота продолжается и въ скотоводческій и земледѣльческій періодъ, но она отступаетъ, какъ главный промыселъ,—она дѣлается побочнымъ, наконецъ переходитъ въ развлеченіе. Развлеченіемъ она является уже и въ періодъ скотоводства. Какъ занятіе, разъ усвоенное и полезное, оно проходитъ, однако, всѣ эпохи. Законъ культуры тотъ, что ни одинъ промыселъ не уничтожается, но совершенствуется. При переходѣ отъ одной культурной стадіи къ другой, отъ однихъ промысловъ къ другимъ, человѣкъ не разстается вполнѣ и съ первымъ. Промыслы только усложняются новыми отраслями. Къ занятію охотничьему присоединяется скотоводческій, къ скотоводческому земледѣльческій. На высшей степени развитія мы видимъ всѣ занятія: и охотничій, оставшійся отъ звѣроловной эпохи, и рыболовный, и скотоводческій; къ нимъ присоединились земледѣльческій и промышленный. У кочевника также существуетъ земледѣліе, но не въ совершенномъ видѣ; мало того, киргизамъ, алтайцамъ извѣстна была ирригація, чему они научили русскихъ. *Культурный прогрессъ состоитъ не столько въ перемѣнѣ промысла, сколько въ совершенствованіи отдѣльныхъ способовъ и занятій.* При изученіи культуры поэтому важно обращать вниманіе на совершенствованіе орудій и отдѣльныхъ промысловъ въ каждой стадіи развитія.

Безъ сомнѣнія, каждая изъ эпохъ развитія и господствующее занятіе внесло свое знаніе въ послѣдующіе періоды. У каждаго занятія создавались, кромѣ того, своя спеціальность, знаніе, свой культъ, привычки. Каждое занятіе вліяло на физическое развитіе человѣка, на его способности, какъ и на его міросозерцаніе.

Несомнѣнно, что даже первобытный звѣроловный и охотничій періодъ положилъ свою печать на человѣка. Онъ создалъ особыя свойства въ природѣ человѣка, вліялъ на его физическое строеніе и изощрилъ многія его способности: дальнозоркость, мѣткость глаза, ловкость въ борьбѣ, осторожность, наблюдательность и т. д. Въ этотъ періодъ развилась въ высшей степени физическая сила человѣка. До сихъ поръ охотникъ есть пре-

восходный ходокъ (хожденіе на лыжахъ особенно замѣчательно); ратоборство съ животнымъ развило его мускулы. Въ классическую эпоху типъ мускулистаго звѣролова выразился въ Геркулесѣ, этомъ атлетѣ съ страшными мускулами, съ дубиной на плечѣ и съ тигровой шкурой черезъ плечо. Человѣкъ явился побѣдителемъ самыхъ свирѣпыхъ животныхъ. Онъ олицетворяется побѣдителемъ миѳическаго дракона, но еще важнѣе—онъ побѣдилъ дѣйствительнаго мамонта, льва, тигра и медвѣдя. Мы должны признать культурную услугу, такимъ образомъ, и у звѣролова. Звѣроловный бытъ во всѣхъ фазисахъ достоинъ изученія, какъ и кочевой бытъ. Въ это время уже зарождалась человѣческая ассоціація, облава на звѣрей, имѣвшая свои обычаи. Переходы къ другому быту не дѣлались сразу: въ звѣроловную эпоху мы видимъ прирученіе животнаго, напр., первоначально охотничьей собаки; звѣроловъ, воспитывая нѣкоторыхъ животныхъ, подготовилъ матеріалъ для кочеваго быта [1]).

Какъ ни низокъ уровень развитія звѣролова дикаря, но онъ нынѣ отличается отъ первобытной эпохи, и эскимосъ, самоѣдъ, лапландецъ, австраліецъ, имѣютъ массу усовершенствованныхъ орудій, доказывающихъ продолжительный опытъ и упражненіе въ занятіяхъ.

Исторія жизни и развитія человѣчества въ продолженіи вѣковъ далеко еще не оттѣнена во всѣхъ своихъ деталяхъ. Мы собираемъ мозаику изъ жизни и явленій разноплеменныхъ дикарей и только по ней создаемъ картину культуры, но мы слишкомъ отрывочно и бѣгло просматриваемъ эту исторію.

Звѣроловный бытъ и охота имѣли цѣлую исторію, которая отразилась въ привычкахъ, инстинктахъ, въ самомъ культѣ и міровоззрѣніи человѣчества. Прошли тысячелѣтія, а мы сохраняемъ еще героическій эпосъ этой эпохи. Умъ человѣка такъ вошелъ въ жизнь звѣря, что не только очеловѣчилъ, но обоготворилъ его [2]). Но настоящая культурная побѣда человѣка совершилась тогда, когда онъ сдѣлалъ животное домашнимъ и приручилъ его. Историки культуры говорятъ, что изобрѣтеніе огня было эпохой для людей. Прирученіе животнаго еще большею эпохою. Если мы можемъ гор-

[1]) Охотники въ горахъ Сибири до сихъ поръ приручаютъ алтайскаго морала (благороднаго оленя). Этотъ опытъ нынѣшнихъ охотниковъ указываетъ исторія прирученія оленя. Мораловодство развито въ Алтаѣ. См. Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Географич. Общества, кн. I. 1877 г.

[2]) Извѣстны древніе культы животныхъ; о культѣ медвѣдя у сѣверныхъ народовъ собранъ значительный матеріалъ въ послѣднее время. Уваженіе и страхъ предъ нимъ остаются доселѣ у охотниковъ-простолюдиновъ.

диться изобрѣтеніемъ паровыхъ машинъ и примѣненіемъ электричества, то въ раннюю эпоху пріобрѣтеніе такихъ двигателей, какъ животное, и утилизація ихъ составила не меньшую эпоху въ развитіи народовъ.

Взаимная зависимость и близость домашняго животнаго и человѣка не разъ указывалась учеными, вдумывавшимися въ исторію культуры. Гердеръ говоритъ: «Старшіе братья людей суть животныя». Риттеръ, посвятивъ блестящую монографію «географическому распространенію верблюда», оцѣниваетъ его важное значеніе въ пустыняхъ среди первобытной жизни человѣка. Онъ указываетъ на огромныя услуги его въ сношеніяхъ и торговлѣ.

«Корабль пустыни далъ возможность проходить недоступныя степи и пустыни, какъ моря, соединяя оазисы человѣческихъ поселеній. Онъ далъ убѣжище и безопасность въ пустынѣ болѣе надежныя, чѣмъ высоты Кавказа и Гималая». Безъ верблюда пустыня должна была бы остаться безполезною для человѣческаго рода. Персы говорили: другъ человѣка, онъ облегчаетъ ему великіе пути по міру. За благодѣянія и пользу, приносимую арабамъ, онъ считается священнымъ животнымъ. «Въ великомъ домостроительствѣ природы и пустыни, говоритъ Риттеръ, верблюдъ представляется, съ одной стороны, поддержателемъ и оживителемъ пустыни, съ другой — образователемъ народовъ, носителемъ патріархальнаго быта въ развитіи рода человѣческаго». Точно такой же и подобный отзывъ мы встрѣчаемъ у него о другомъ домашнемъ животномъ—о конѣ. «Это благородное животное назначено было уже не для однѣхъ патріарныхъ народныхъ особей; въ широкой сферѣ своего распространенія, примѣняясь ко всѣмъ условіямъ природы, ко всѣмъ почвамъ, способный къ самымъ многостороннимъ измѣненіямъ, сообразно всѣмъ степенямъ развитія народовъ, онъ получилъ въ удѣлъ быть космополитомъ и служить на пространствѣ всей земли». Но прежде всего лошадь воспитывалась въ степяхъ и, какъ доказано, отечество ея Гоби и Туранъ. У кочевыхъ племенъ она пользуется почетомъ, какъ и верблюдъ. Въ монгольской исторіи Сананъ-Сецена лошади по ихъ цвѣтамъ, свойствамъ, именамъ, подвигамъ, добродѣтелямъ играютъ такую же роль, какъ полководцы и государственные люди. Лошадь въ Средней Азіи украшалась золотомъ роскошнѣе, чѣмъ сами владѣльцы. Она вошла въ кочевую легенду, она сопровождаетъ человѣка при погребеніи; иногда всадники закапывались верхомъ. Лошадь обрекается для божества и является священной въ табунахъ (алтайскій *изыхъ* и *ликъ*). Верблюдъ водился у монголовъ за 200 л. до Р. Х. Родина

его въ дикомъ состояніи—степи Шамо и на окраинѣ Гоби. Коней разводили гунны и степи снабжали имъ Китай. (Царскіе табуны).

То и другое животное распространилось изъ степей Центральной Азіи и обязано своимъ воспитаніемъ кочевому быту. Скотоводческій бытъ воспиталъ яка и быка — полезнѣйшихъ животныхъ, и взлелѣялъ овцу, руно которой для цивилизаціи и человѣчества принесло болѣе пользы, чѣмъ золотое руно аргонавтовъ.

Какъ звѣроловный періодъ отразился на человѣкѣ, его организаціи и его воззрѣніяхъ, сохраняющихся доселѣ, такъ кочевой бытъ своимъ характеромъ наложилъ свою печать на человѣка.

Пастушескій бытъ въ его идилліи уподобляетъ человѣка Адаму, окруженному мирными животными, созданными на его пользу. Это былъ періодъ перваго блаженнаго покоя и отдыха въ долинахъ и степяхъ. Представленіе о земномъ раѣ могло создаться только въ эту мирнó-скотоводческую эпоху. Въ степяхъ у скотовода создался патріархальный бытъ и патріархальные нравы. За тѣмъ человѣкъ, покоривъ животное и сжившійся съ нимъ, нераздѣльно олицетворяется въ миѳическомъ центаврѣ, переносящемся повсюду. Этотъ центавръ-варваръ въ видѣ гунна наводилъ ужасъ на Европу, кочевой міръ создалъ даже царство амазонокъ. Впослѣдствіи всадникъ въ видѣ подобнаго же центавра навелъ панику на индѣйца и помогъ Кортесу пріобрѣсти для Европы Америку.

Тысячелѣтняя жизнь скотоводовъ имѣла свою исторію, свои перипетіи, жизнь кочеваго міра не могла не отразиться вообще на ходѣ человѣческой исторіи и историческихъ событіяхъ.

Исторія передвиженія кочевыхъ племенъ, исторія переселенія народовъ, какъ и многихъ нашествій на Европу съ IV в. и ранѣе, остается темною и непонятною. Являлись орды въ Европу; но что ими двигало? Изъ какого кратера совершалось изверженіе, какая сила дѣйствовала тамъ—осталось тайной. Только изученіе быта народовъ въ Центральной Азіи дастъ этому разгадку. Но, должно догадываться, первоначально движенію даны были импульсы жизненные и двигали массами чисто экономическія причины, потребности скотоводческія. Сначала кочевники отнимали другъ отъ друга пастбища. По мѣрѣ войнъ и борьбы, постепенно развивались здѣсь страсти завоевательныя, на почвѣ которыхъ выростали чудовищныя политическія самолюбія хановъ-завоевателей. Выйдя изъ состоянія покоя и вступя на путь войнъ и борьбы, кочевникъ на своемъ пути стиралъ все осѣдлое и вводилъ свой идеалъ кочевой жизни [1]). Но нельзя отрицать, что сама по себѣ кочевая куль-

[1]) На эту сторону и указывалъ ученый Григорьевъ.

тура въ своей средѣ создавалась цѣлесообразно, выливалась въ формы, которыя поколебать было трудно.

Все вниманіе человѣка, всѣ его способности за то сосредоточились на уходѣ за скотомъ, въ размноженіи стадъ. Богатство, благополучіе, счастіе, довольство — все сосредоточилось у него въ томъ. Человѣкъ, дорожа домашнимъ животнымъ и получая отъ него пропитаніе, подчинилъ себя этому животному. Онъ перемѣщается съ нимъ туда, гдѣ есть кормъ, занятіе его—сторожить и охранять этотъ скотъ, онъ даже мало пользуется имъ. Надо видѣть нѣжность скотоводовъ къ своимъ животнымъ, когда прозябшихъ овецъ и ягнятъ они сажаютъ въ свои юрты и прикрываютъ своими одеждами въ непогоду. Потребности скотоводства требовали, однако, расширенія пастбищъ и каждое племя искало ихъ, сталкивалось изъ за нихъ, враждовало и т. д. Не смотря на отдаленную эпоху и на пустынность Центральной Азіи мы узнаемъ, что за 1.000 лѣтъ до нашей эры у хунну пастбища были размежеваны, также какъ и у монголовъ.

Пріучившись къ простору и ненасытные, жадно стремясь къ расширенію и завоеванію пастбищъ, кочевники Центральной Монголіи не могли остаться въ покоѣ. Размножились люди, но еще болѣе размножился скотъ и требовалъ новыхъ земель. Эти пастбища приходилось иногда завоевывать, отсюда долгая вражда племенъ, захватъ стадъ и пр. Могущественный и сильный владѣлъ большимъ количествомъ пастбищъ. Забрать больше пастбищъ явилось жизненнымъ инстинктомъ племенъ. Отсюда въ исторіи монгольскихъ племенъ по китайскимъ лѣтописямъ постоянное возникновеніе новыхъ государствъ. Вся сила и могущество ихъ, какъ и благосостояніе, заключалось въ захватѣ чужихъ стадъ и пастбищъ. Мѣнялись владѣльцы, государи, но сущность и уровень скотоводческаго міра оставался тотъ же. То же было и при Чингизъ-Ханѣ, тѣмъ же измѣрялись и его побѣды; къ сожалѣнію, экономическіе импульсы, игравшіе роль въ нашествіи кочевыхъ народовъ, доселѣ не были достаточно изучены и оцѣнены. Поэтому исторія этихъ нашествій являлась темною.

Нынѣ человѣкъ и всякая раса, племя не можетъ разсматриваться безъ отношенія къ природѣ и мѣстности, гдѣ она живетъ.

Уже Риттеръ замѣчательно характеризуетъ типъ номада монгола со всѣми его свойствами. Описывая часть Гоби, онъ говоритъ, что страна эта не содержитъ никакихъ постоянныхъ жилищъ, но она богата стадами. Около пустынь Шамо и Гоби существуетъ недостатокъ стоковъ, озера солонцеваты. Этотъ недостатокъ сдѣлалъ жителей крайне экономными въ водѣ и образовалъ привычку мон-

головъ ходить грязными. Они даже въ прежнія время не купались. Величайшее отвращеніе для путешественника немытая монгольская посуда. Кочевникъ пріучился къ воздержанію даже въ пищѣ. Онъ бережетъ стада, а питается молочными скопами. Мясо онъ рѣдко ѣстъ, и желая воспользоваться всѣмъ у животнаго, онъ особеннымъ способомъ умерщвляетъ животное, сжимая сердце, и предупреждаетъ потерю крови. Кровь онъ употребляетъ въ пищу. Это было уже извѣстно у гунновъ. Жизнь въ пустынѣ воспитала извѣстную выносливость.

Далѣе центральныя плоскогорья отличаются колебаніемъ температуры и суровымъ климатомъ. Монголъ и лѣтомъ надѣваетъ шубу. Зимняя стужа доходитъ здѣсь до высокой степени и нерѣдко замерзаетъ ртуть. Монголы не боялись холода и зимы, какъ и воины Чингизъ-Хана. Они носили двойные овчинные тулупы; эта закаленность и привычка переносить холодъ и нужду дала имъ перевѣсъ въ борьбѣ съ другими народами. Не одни монголы, но цѣлый рядъ народовъ выходилъ изъ сѣверныхъ степей, какъ-то: Сянь-би, Хунну, Гіеннъ-ну, Нюечжи, Тукюэ, Монголы и Манджуры, которые завоевывали Китай, но вслѣдъ за этимъ завоеваніемъ не могли устоять при однихъ физическихъ свойствахъ и воспринимали китайскую культуру.

Центральныя плоскогорья Азіи еще ранѣе подготовляли первобытнаго человѣка, который при скудости потребности легче уживался съ скудной природой степей. Не умѣя бороться съ могучей природой на сѣверѣ и тропическомъ югѣ, здѣсь, на широкихъ степяхъ, среди огромнаго количества дичи и звѣря, которые и теперь въ изобиліи, человѣкъ находилъ легче пропитаніе. Здѣсь же получило начало и домашнее скотоводство. Отсюда постепенно человѣческая эмиграція подвигалась къ сѣверу и къ западу. На это указываютъ историческія движенія. Распространеніе тюркскихъ племенъ слѣдовало изъ нѣдръ Восточной Монголіи и исторія уйгуровъ освящаетъ нынѣ самое нашествіе гунновъ. Распространеніе усуней и ючжи занесено китайскими историками и путь этихъ движеній изображенъ на картѣ Рихтгофена.

Жизнь въ азіатскихъ степяхъ и на плоскогорьяхъ Центральной Азіи не могла не повліять на организацію, привычки, складъ характера и на самую внѣшность кочевника. Здѣсь, поэтому, можно легче изучить всѣ его особенности. Нечего говорить, что кочевой бытъ создалъ цѣлую структуру кочеваго человѣка. Кочевникъ степи не то, что горный житель, скрывающійся въ скалахъ и укрывающійся подобно дикимъ орламъ. Горный житель, облюбовавъ горы, сдѣлалъ ихъ мѣстомъ защиты и укрывался въ нихъ.

Горца легко отличить по его независимому, величавому характеру, по его отвагѣ, по его ловкости и т. д. Равнины и степи наложили свой отпечатокъ на человѣка, его характеръ и всѣ его занятія. Безбрежная степь дала спокойный, почти унылый характеръ степняку, она, такъ сказать, убаюкивала его; занятія скотоводствомъ также содѣйствовали безпечности и лѣнивому характеру кочевника. Лѣнивый одинъ, онъ является энергиченъ и чутокъ рядомъ съ животнымъ и не можетъ быть цѣльно понятымъ, какъ только рядомъ съ своимъ конемъ и овцой. Когда наступаетъ время перекочевокъ степнякъ оживаетъ и его энергія напрягается, тогда онъ идетъ дни и ночи и является неутомимымъ. Кочевая жизнь сдѣлала его превосходнымъ наѣздникомъ; онъ не любитъ сходить съ коня и лазить, ходить пѣшкомъ, бѣгать. Ноги его колесомъ, какъ у кавалериста; ступня маленькая. Бѣга и скачки для него удовольствіе и поэзія. Это своего рода олимпійскія игры степи. Кочевникъ, большею частью, поджаръ и толстыхъ мы рѣдко видѣли. Если звѣроловъ есть геркулесъ, то кочевникъ наѣздникъ—это центавръ, нигдѣ неотдѣляемый отъ лошади. Молочная пища его любимое блюдо. Легко опьяняющій кумысъ и располагающій ко сну, дѣлаетъ его еще болѣе лѣнивымъ. Все, чѣмъ онъ занимается, это—сторожить стада и пасти ихъ, выучивать лошадей и приручать ихъ. Въ этомъ онъ знатокъ.

Имущество и собственность кочевника не велики, они переносны. Глиняная посуда совершенно въ этотъ періодъ исчезла, кочевникъ предпочитаетъ металлическую и давно пріобрѣтаетъ ее; дерево служитъ лишь для остова юрты и немногочисленной посуды. Камень онъ не умѣетъ обдѣлывать. Единственное орудіе для всякаго производства у него ножъ.

Продукты скотоводства идутъ на одежду, но мѣха у него играютъ меньшую роль, чѣмъ у полярнаго жителя. Грубая конская кожа идетъ на обувь, овчина на тулупъ; за то, что производитъ онъ хорошо, это—войлокъ, играющій видную роль въ его хозяйствѣ. Производство войлока до-нельзя просто: валяніе войлока совершается верхомъ, валекъ привязывается къ лошади, и здѣсь трудъ предоставленъ скоту.

Въ кочевомъ бытѣ появилась экономія человѣческой силы, замѣна ея животнымъ—онъ примѣняетъ ее вездѣ. Жилище онъ везетъ, добычу охоты также (прежде онъ ее таскалъ на спинѣ, на лыжахъ, на санкахъ). Онъ придумалъ работу для лошади: валянье кошмы, войлока; впослѣдствіи, при введеніи земледѣлія, онъ молотитъ конскими копытами хлѣбъ.

Весьма слабый обмѣнъ въ звѣроловную эпоху, въ скотоводческую

получаетъ форму организованной торговли. Благодаря финикійскимъ кораблямъ, міръ развилъ цивилизацію. Мы отдаемъ этимъ финикіянамъ дань исторической благодарности и уваженія. Но нельзя забыть въ исторіи и тѣхъ, кто соединилъ пустыни и переносился отъ конца міра въ другой, когда морскіе пути еще не были открыты. Какъ велика была эта торговля, какія отдаленныя страны при помощи ея входили въ сношеніе, это мы видимъ, напр., на индійской каури сіргеа moneta, являвшейся изъ Индіи въ Силезію и на сѣверъ Сибири, это можно видѣть на тканяхъ, которыми одѣвалась Греція, на мѣхахъ, на драгоцѣнныхъ металлахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Бронзовая эпоха представляетъ намъ сходство и часто тожество орудій въ самыхъ отдаленныхъ странахъ.

Начало торговли и обмѣна было уже началомъ цивилизаціи. Слѣдовательно, и здѣсь кочевники подготовили почву ей.

Затѣмъ остановимся еще на одномъ явленіи въ кочевую эпоху. Передвиженіе со стадами создало переселеніе. Намъ много говорили въ исторіи о вторженіи дикарей кочевниковъ въ осѣдлыя страны, но весьма мало мы знаемъ изъ повѣсти разселенія человѣческаго рода, а это разселеніе совершилось, по всей вѣроятности, въ кочевую эпоху, благодаря легкости передвиженія.

Творцы современнаго землевѣдѣнія, какъ А. Гумбольдтъ, Риттеръ и Рихтгофенъ, вдумываясь въ физическое строеніе странъ и частей свѣта, пришли къ глубокимъ выводамъ и заключеніямъ, которые не можетъ игнорировать ни географія, ни антропологія. Страны на периферіи континентовъ, у ихъ окраинъ изрѣзанные заливами, съ обильными стоками въ благопріятныхъ или историческихъ условіяхъ развили богато культуру и цивилизацію; начало этой теоріи было примѣнено къ Европѣ. Что касается Азіи и Стараго Свѣта, то для объясненія ея культурнаго развитія въ послѣднее время явилась теорія четырехъ великихъ бассейновъ [1]). Это теорія флювіальная [2]). Но иную исторію представляла жизнь и развитіе замкнутыхъ континентовъ съ высокими хребтами, разъединяющими страны, съ степями, плоскогорьями, слабо орошаемыми стоками. На внутреннихъ континентахъ законы разселенія народовъ слѣдовали особыми путями. Человѣкъ, конечно, не съ разу овладѣлъ моремъ и поэтому движеніе человѣчества шло по тѣмъ горнымъ проходамъ и плоскогорьямъ и степямъ, которымъ Риттеръ при-

[1]) La Civilisation et Le Grands Fleuves Historique par Léon Metchnikoff. Paris. 1889.

[2]) Нилъ и Ефратъ, Индъ, Янсе-Кіангъ были мѣстомъ египетской, семитической, арійской и китайской культуры.

даетъ огромное значеніе въ колонизаціи Западной Азіи и затѣмъ въ объясненіи проникновенія народовъ въ Европу чрезъ великій проходъ. Горные же проходы привели человѣчество къ пустынямъ и степямъ Центральной Азіи, гдѣ населеніе могло безпрепятственно разлиться волной и впервые примѣнить кочевыя способности. «Благодаря той свободѣ передвиженія, которая представлялась бассейномъ Шамо съ прилежащими землями, переходя даже за грань лишенныхъ стока, эта мѣстность являлась въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тою ареною, на которой могло попытать свои юныя силы каждое племя», говоритъ Риттеръ. Роль высокихъ плоскогорій и степей Центральной Азіи далеко еще не изучена по отношенію вліянія ихъ на жизнь человѣчества. Между тѣмъ несомнѣнно, что въ этихъ мѣстахъ должна была развиться своеобразная культура.

Не смотря на то, что у кочевниковъ мы видимъ самыя простыя ремесла: фабрикацію юртъ, выдѣлку сѣделъ, огнивъ, ножей для своего употребленія, а также самую первобытную обработку шерсти, но у богатыхъ есть наклонность и страсть одѣваться въ ткани, пріобрѣтаемыя покупкою; такимъ образомъ, мы видимъ проявленіе у кочевниковъ наклонности къ модѣ и роскоши. Монголы и буряты любятъ покупать китайскія шелковыя ткани, позументы, парчу. У монголокъ и у бурятокъ головныя украшенія дѣлаются изъ серебра, также какъ и серьги. На головѣ у монголокъ вѣнчикъ, стоимостью 30 и 60 р., но у богатыхъ эти украшенія изъ серебра и вызолоченныя доходятъ до 500 и 1.000 р. Кромѣ того, у нихъ развита особенная любовь къ코ралламъ, при чемъ онѣ не останавливаются предъ дороговизною ихъ, точно также наклонны и къ цѣннымъ камнямъ.

Обращаясь къ культурѣ древнихъ кочевниковъ алтайскаго племени, мы убѣждаемся, что металлъ извѣстенъ былъ имъ издревле. Алтайскіе тюрки-тукюэ или дулгосцы разрабатывали его въ Алтаѣ въ началѣ I-го вѣка и, можетъ быть, ранѣе Р. X. Жуанъ-жуне, покорившіе Алтай, называютъ алтайцевъ-тукюэ своими плавильщиками. Древнія копи въ Алтаѣ доказали древнюю выдѣлку здѣсь металла, а Алтай и Минусинскій край, обиталище древнихъ кочевниковъ, усѣяны могилами, въ которыхъ было найдено множество бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ вещей. Золотыя украшенія, выкопанныя изъ сибирскихъ могилъ, находятся въ древностяхъ Эрмитажа; огромное количество бронзовыхъ орудій находится въ Минусинскомъ и другихъ музеяхъ... Выдѣлка желѣза была извѣстна народу хакасамъ во II в. по Р. X., обитавшимъ въ верхнемъ Енисеѣ и, какъ извѣстно, получившимъ послѣ названіе келикидзекиргизовъ. Такимъ образомъ, не только бронзовое, но и желѣзное

производство было извѣстно кочевникамъ Азіи. Кочевые киргизы умѣютъ выдѣлывать изъ желѣза издѣлія, также какъ монголы-буряты, тюрки-якуты, а алтайцы-калмыки превосходно закаливаютъ сталь. Мѣдныя и серебряныя подѣлки сохраняются и у нынѣшнихъ кочевниковъ. Когда кочевыя племена Азіи имѣли больше распространенія и могущества, естественно, ихъ культура была богаче; это и доказывается какъ находками, такъ и свидѣтельствами путешественниковъ. Кочевники въ видѣ племенъ, нахлынувшихъ на Европу, перенесли свои привычки, моду и свои произведенія. Поэтому столкновеніе варваровъ и кочевниковъ Азіи съ европейскимъ міромъ отразилось заимствованіями и не осталось безслѣдно. Историческія показанія проливаютъ совершенно новый свѣтъ на сближеніе народовъ, которые, повидимому, старались уничтожать другъ друга. Заимствованія Византіею азіатскихъ модъ подтверждено было вліяніемъ персовъ. Одежда и вооруженіе варваровъ перенимались греками и римлянами. Византійцы многое перенимали у гунновъ. Въ эпоху Юстиніана заимствованы у варваровъ накидки, штаны и обувь. Оружіе варваровъ мечи, копья, топоры, кольчуги, щиты также перенимались, даже ткани *фригійскія* шли отъ варваровъ-скиѳовъ. Императоры Византіи и аристократія усваивали богатые головные уборы, шейныя ожерелья и другіе предметы, которые носили варвары. Археологическія данныя открываютъ нынѣ, какъ искусство и орнаментика передвигались съ востока на западъ Европы вмѣстѣ съ восточною роскошью. Исходнымъ пунктомъ варварскихъ племенъ, наводнившихъ Европу, была Средняя Азія. «Средняя Азія,—говорятъ авторы недавно изданнаго сочиненія о русскихъ и сибирскихъ древностяхъ,—была и прародиной этихъ племенъ, и колыбелью ихъ полуосѣдлой и полуземледѣльческой культуры, и рынкомъ, на которомъ одновременно появлялись металлы и драгоцѣнные камни Сибири, жемчугъ Индіи, шелкъ Китая, ковры, золотыя и серебряныя издѣлія Персіи и образцы античнаго искусства Сиріи и Александріи. Но въ то же время это были рынки спеціально варварскіе, слаженные по вкусамъ разнообразныхъ племенъ, жившихъ отъ Сибири до границы Персіи. Всѣ извѣстія писателей о народностяхъ, сосредоточенныхъ въ этомъ узлѣ, говорятъ въ пользу относительно высокой культуры мнимыхъ варваровъ. Массагеты (геты или азіатскіе скиѳы, жившіе въ нынѣшней Семирѣченской области, близь Иссыкъ-Куля) имѣли головные уборы, пояса и наручни, узды и сѣдла съ золотымъ наборомъ, персы получали свои товары съ караванами изъ Индіи, парѳяне поражали Римъ своею роскошью, римскіе вельможи заимствовали отъ нихъ украшать свои башмаки жемчугомъ, аланы и авары щего-

ляли золотою посудою и утварью, а любовь къ золоту гунновъ вошла въ пословицу» [1]). Очевидецъ Приксъ нашелъ у гунновъ оригинальную культуру и привычки къ роскоши. Вся эта культура сложилась въ глубинѣ Азіи. Гунны ввели у себя производство шелка и похитили шелковичныхъ червей изъ Китая; эти издѣлія изъ шелка въ Византіи были извѣстны подъ именемъ «гуннскихъ завѣсъ» [2]). «Инстинкты туранскихъ племенъ,—продолжаютъ тѣ же авторы,—всегда склонялись къ роскоши, наружному блеску и мишурѣ. Живя номадами въ палаткахъ, туранцы любили украшать обстановку золотыми кубками, серебряными блюдами. Посольство византійцевъ въ 568 г. въ хакану тюрковъ (тукюэ), жившему около Алтая, показываетъ роскошь, которою окружали себя кочевые ханы. Пословъ приняли въ роскошныхъ палаткахъ, ханъ былъ на золотомъ сѣдалищѣ, имѣлъ золотую кровать; посламъ выставили на показъ телѣги, нагруженныя серебряною и золотою посудою и многими изображеніями, которыя по искусству были замѣчательны». О могуществѣ и богатствѣ азіатскихъ тюркскихъ племенъ VI вѣка свидѣтельствуетъ и Табари. Въ эпоху Сассанидовъ обнаружилось богатство среднеазіатскаго Туркестана. Множество древностей и золотыхъ рѣзныхъ бляхъ, находимыхъ въ степяхъ Сибири и въ курганахъ, показываютъ украшенія древнихъ кочевыхъ племенъ и рисуютъ ихъ нравы, ихъ моду [3]). Эти древности сближаются нынѣ съ скиѳскими древностями и ихъ орнаментъ постепенно, въ видѣ, напр., звѣринаго стиля, переходилъ въ европейское искусство. Такимъ образомъ установляется культурное вліяніе азіатскаго кочеваго міра на Европу въ самую отдаленную эпоху. Видно, что кочевники варвары, наводнявшіе Европу, послужили невольными посредниками сношеній съ отдаленными культурными центрами Азіи. Персія, Туркестанъ и Китай съ этого времени становятся болѣе извѣстными въ Европѣ и ихъ произведенія, искусство, какъ и стиль заимствуются народами Запада.

Такимъ образомъ, переселеніе и передвиженіе народовъ съ востока должно разсматриваться не только въ смыслѣ нашествія варваровъ, но и какъ начало культурнаго сближенія и обмѣна Востока съ Западомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вторгнувшіеся восточные народы и

[1]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, граф. Толстого и Карнакова. III, стр. 4—5.

[2]) Ibid. III, стр. 6.

[3]) Мы нигдѣ не найдемъ столь пышнаго и царски изукрашеннаго личнаго и конскаго убора, какъ въ сибирскихъ древностяхъ. (Русск. древности въ памятн. искусства, гр. Толстого и Карнакова, т. III, стр. 71).

*

кочевники принесли не одну варварскую роскошь, но и многія цѣнныя произведенія Азіи: металлы, ткани, растенія и проч.

Нельзя сказать, чтобы кочевой міръ и азіатскія государства остались чужды общечеловѣческой культурѣ. Изъ Азіи переносилось въ зародышѣ то, что получало пышный цвѣтъ въ Греціи, Римѣ и пріобрѣтало изящныя формы.

Земледѣліе, какъ и ремесло, не были чужды кочевникамъ, какъ доказали изслѣдованія. Сибирскіе кочевники, какъ киргизы, калмыки, алтайцы, умѣютъ сѣять хлѣбъ, и эту культуру переняли въ древнія времена, можетъ быть, изъ Китая и Туркестана. Въ лѣсахъ Сибири у алтайцевъ, у кузнецкихъ татаръ, у минусинскихъ мы видимъ первобытные способы кочеваго земледѣлія. Земледѣліе было извѣстно и древнимъ народамъ Сибири, какъ хакасамъ, ѣлочжи, баргутамъ, даурамъ и другимъ. Монголія когда-то снабжалась хлѣбомъ съ сѣвера. До сихъ поръ находится въ Сибири множество земледѣльческихъ древнихъ орудій, чугунныхъ сошниковъ, отваловъ, жернововъ и пр. [1]). Въ Алтаѣ, въ Семирѣчьи, въ Минусинскомъ округѣ и за Байкаломъ находятся слѣды ирригаціонныхъ каналовъ. Русскіе заимствовали способы ирригаціи въ степяхъ отъ киргизовъ и калмыковъ (система арыковъ). За Байкаломъ покосы у бурятовъ доселѣ орашаются. Та же ирригація существуетъ у инородцевъ въ Семирѣчьи, на Бухтармѣ, въ Семипалатинской области. Но самыя совершенныя ирригаціонныя сооруженія были созданы въ Туркестанѣ и Бухарѣ. Здѣсь система орошенія достигла апогея. Она совершилась при помощи трубъ, соединявшихся на замѣчательной глубинѣ, и создавала плодоносные оазисы. Монголы также употребляли ирригацію и слѣды ея мы видѣли на Орхонѣ. Дворцы Каракорума, столицы монголовъ, были обведены водоснабжающими каналами и около нихъ насаждались даже парки (см. описаніе Каракорума у Рубрюквиста и Марко Поло).

Такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобы кочевой бытъ оставался неподвиженъ и чуждъ высшихъ культурныхъ занятій. Кочевая Джунгарія имѣла также земледѣліе и нѣкоторые бухарцы распространили цѣнныя хлѣбныя растенія въ Сибири. Между прочимъ, одна порода пшеницы въ Алтаѣ, на Колыванскихъ заводахъ, извѣстная подъ именемъ калмыцкой, обязана распространеніемъ въ 1794 г. бухарцу Аширу, которому обязаны были мы открытіемъ также мѣднаго изумруда, получившаго названіе ашрита.

[1]) Около Телецкаго озера и въ глубинѣ Монголіи мы встрѣчали въ нашихъ путешествіяхъ остатки земледѣльческихъ работъ и гранитные жернова такой величины, что ихъ можно было приводить въ движеніе лишь животной или водяной силой.

Туранскій міръ развилъ богатую осѣдлую культуру и цивилизацію въ Ферганѣ, Бухарѣ, Туркестанѣ, точно также какъ уйгурская культура выступила и зародилась изъ кочевой культуры предшествовавшихъ народовъ. Все это заставляетъ нынѣ измѣнить нѣсколько точку зрѣнія на жизнь народовъ древняго Востока и исторія открываетъ намъ все болѣе связь, которая соединяла восточную культуру съ западной.

Пустыни и плато Центральной Азіи, какъ и Турана, имѣли весьма важное значеніе въ первый періодъ человѣческой исторіи. Событія совершались здѣсь за 2000 лѣтъ до Р. X. и мы видѣли слѣды Тукѣэскаго, Уйгурскаго и Монгольскаго царства въ долинѣ Орхона, доказывающіе что эти народы достигли извѣстной культуры [1].

Распространеніе культовъ, религій, а затѣмъ азбуки, письменности, какъ и первыхъ знаній, имѣли свою исторію въ Центральной Азіи, которыя нельзя игнорировать въ исторіи человѣчества.

Кочевая культура не могла не выразиться и въ прогрессѣ міросозерцанія народовъ Центральной Азіи. Кочевникъ сталъ обладать уже извѣстнымъ досугомъ, который далъ ему возможность философствовать, творить, создалъ богатую фантазію, поощрилъ мечтательность и создалъ поэзію; кочевыя племена очень пѣвучи, какъ, напримѣръ, киргизы (объ этой пѣвучести у нихъ есть легенда); миѳъ и сказки ихъ богаты образами, какъ и моралью.

У кочевниковъ явилось первое знакомство и наблюденіе надъ звѣздами; это доказываютъ арабы; астрологія извѣстна была даже въ Монголіи у хановъ, какъ и въ древнемъ Туранѣ. Халдейская магія и астрологія получили начало у суммеро-акадійцевъ урало-алтайцевъ Турана. Голландецъ Шлегель, написавшій замѣчательное сочиненіе объ уранографіи Китая, говоритъ и полагаетъ, что между Китаемъ и Каспійскимъ моремъ былъ культурный центръ, разносившій знаніе; 12-ти-годичный циклъ былъ заимствованъ отъ туринцевъ. Кочевники долго были шаманистами, одухотворяя природу, стихіи, и создавшими причудливую миѳологію, не уступавшую греческой, но впослѣдствіи они дали готовую почву для буддизма—религіи, чрезвычайно мирной. Эта религія, запрещая охоту и убиваніе птицъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала пастушескимъ нравамъ, пастушескому мягкосердію къ животнымъ. Буд-

[1]) Долина Орхона не только открываетъ развалины Каракорума, но и замѣчательные памятники съ мраморными статуями, а также монументы съ уйгурскими и руническими надписями. Уйгурское и монгольское письмо заимствовано изъ Сиріи; руническіе же знаки напоминаютъ индо-германскую азбуку, напр. готѳскую.

дизмъ своей нравственною проповѣдью измѣнилъ нравы прежняго монгола; онъ пришелся ему по духу. Скотоводческая идиллія, такъ сказать, умиротворила человѣческія сердца и въ этой стадіи, болѣе чѣмъ въ звѣроловной, мы видимъ духовный и нравственный прогрессъ.

Проявленіе государственности у кочевыхъ народовъ обнаруживалось также, примѣромъ чего служитъ великая Монгольская имперія. Не измѣняя кочеваго быта, монголы создали цѣлые институты, которые вызываютъ удивленіе при ихъ образѣ жизни.

Мы сошлемся на описаніе Чингизъ-Хановой имперіи у Марко Поло: монгольскіе ханы организовали въ управленіи государственные совѣты съ 12 сановниками для военныхъ и 12 гражданскихъ, установили законодательство для кочевниковъ, уголовные законы, создали почты и образовали почтовыя станція съ перемѣнными лошадьми на огромныхъ разстояніяхъ. На случай народныхъ бѣдствій создали запасные магазины, устроивали помощь во время падежей скота, чеканили монету и установили кредитные знаки; мы не говоримъ о строго организованной и дисциплинированной арміи. Все это совершилось монголами, не измѣнившими кочеваго быта. Нѣкоторые дворцы и города, основанные монгольскими ханами, какъ Угедеемъ, Темиръ-Ханомъ, Абатаемъ, показали, что кочевники не прочь созидать осѣдлость, хотя и не рѣшались постоянно оставаться въ нихъ.

Въ степяхъ Монголіи мы видимъ уже нѣкоторые пункты осѣдлости; это—буддійскіе и ламайскіе монастыри съ кумирнями наподобіе китайскихъ и съ кельями монаховъ, имѣющими типъ осѣдлыхъ построекъ. Такимъ образомъ, религіозныя потребности здѣсь явились первой группировкой населенія, какъ въ другихъ странахъ, напр., въ Туркестанѣ явились потребности торговыя. Эта осѣдлость, освященная религіей, показываетъ отсутствіе кореннаго предубѣжденія къ осѣдлости. Можетъ быть, около кумиренъ будутъ впослѣдствіи присоединяться постройки торговцевъ, какъ, напр., ставятся и нынѣ фанзы китайскихъ торговцевъ. Угра наполовину монгольскій городъ, гдѣ одна часть города монастырь и кумирни, другая часть—китайская торговая слобода. Несомнѣнно, что этихъ пунктовъ въ Монголіи будетъ больше. Китайская колонизація устраиваетъ въ различныхъ мѣстахъ Монголіи свои фермы и пріобрѣтетъ современемъ работниками монголовъ.

Въ Киргизскихъ степяхъ мы видимъ также постройки мечетей, какъ залоги осѣдлости. Осѣдлость зарождалась и въ древнее время среди кочевыхъ народовъ.

Изъ историческихъ указаній, приводимыхъ ученымъ Григорье-

вымъ, видно, что древніе кочевники жунъ-жунцы имѣли подобіе городковъ, азіатскіе скиѳы строили «каменныя башни» по показанію Амміана Марцелена. Тукюэзскій ханъ Могилянъ хочетъ подражать китайцамъ и въ 715 г. хотѣлъ строить города подобно китайскимъ, однако, его отговорили (Іоакинфъ). Половина уйгуровъ хой-хо была кочевыми, когда другая часть народа около Хами имѣла осѣдлые центры и культурное государство. То же самое мы видимъ въ Тибетѣ, гдѣ около осѣдлаго населенія еще ютится кочевое. Подобное же явленіе представляетъ Туркестанъ и Бухара. Ясно, что въ Центральной Азіи законы образованія осѣдлости были нѣсколько своеобразные.

Населеніе изъ кочеваго быта не переходитъ сразу и только кристаллизація осѣдлости совершается постепенно. Состояніе кочевниковъ иные сравниваютъ съ жидкообразнымъ состояніемъ тѣлъ. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ нужно измѣненіе условій, чтобы измѣнить плотность. Безъ надобности народъ не перемѣняетъ образа жизни, хотя умѣетъ уже возводить постройки и употребляетъ для этой цѣли глину и кирпичъ. Доказательствомъ служатъ кладбища у киргизовъ, похожія на города. Кочевникъ предпочитаетъ украшать постройками могилы, жилища мертвецовъ, оставляя живущимъ свободу передвиженія. Употребленіе камня и созиданіе изъ него могильниковъ у древнихъ народовъ заслуживаетъ удивленія по своей грандіозности. Все это могло служить залогами и задатками для будущей культуры, для которой наступаетъ свое время. Въ горныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ на сѣверѣ и въ береговой полосѣ переходы отъ кочеванія къ полуосѣдлому быту, къ зимовкамъ и осѣдлости совершаются гораздо быстрѣе. Это мы видимъ на кочевникахъ и скотоводахъ Сибири. Но переходы эти совершаются подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій. Изучить эти условія и понять, гдѣ процессъ перехода уже начался, и придти на помощь только тамъ, гдѣ необходимо—вотъ задача культурнаго народа цивилизатора. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что народъ, связанный своими хозяйственными условіями и привычками, не сразу рѣшается на культурные шаги. Принужденіе здѣсь безполезно и искусственныя мѣры могутъ быть неудачны и поведутъ къ кризису.

Не нужно забывать, что степи съ ихъ своеобразнымъ хозяйственнымъ бытомъ могли прокармливать на подножномъ корму огромное количество скота, дававшаго обезпеченіе не только кочевому, но и огромныя выгоды русскому населенію. Въ Киргизскихъ степяхъ насчитывается до 4.200.000 барановъ, 1.300.000 лошадей, 700.000 рогатаго скота и 150.000 верблюдовъ. Продукты ското-

водства вывозились въ сосѣдніе округа, шли на русскіе заводы. Подорвать жизненныя средства кочевниковъ сразу было бы невыгодно и неблагоразумно. При водвореніи въ степяхъ русскаго населенія множество земель уже отошло къ казакамъ и степь нынѣ не пользуется прежними пастбищами. Степи посѣщаютъ все чаще падежи скота, причиняющіе бѣдствія. Нечего говорить, какая осторожность необходима въ данную минуту по отношенію къ кочевому населенію въ нашихъ владѣніяхъ.

Кочевой передвижной бытъ въ своемъ крайнемъ развитіи представилъ такую своеобразную и отлитую въ опредѣленную форму культуру, что кочевникъ не можетъ представить себѣ иной образъ жизни; онъ будетъ сопротивляться до времени всякому принужденію измѣнить образъ жизни, точно такъ же, какъ представитель осѣдлости, пройдя извѣстный циклъ развитія и создавъ свои привычки, не понимаетъ жизни кочевника и совершенно забываетъ, что эта стадія когда-то была пережита имъ и составляетъ связующее звено съ послѣдующимъ существованіемъ.

Только тщательное изученіе быта народовъ и исторія культуры можетъ установить здѣсь правильную точку зрѣнія и уничтожить видимыя противорѣчія, недоразумѣнія и предубѣжденія. Истинное знаніе научаетъ безпристрастно относиться ко всякой формѣ быта и примиряетъ людей на основаніи общихъ стремленій ихъ къ жизни, къ счастію, благу и справедливости.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ.

ТАБЛИЦА № 1.

Распредѣленіе инородцевъ по племенамъ.

Тобольская губернія. Округа:	Тюркскаго племени. Бухарцевъ.	Тюркскаго племени. Татаръ.	Финскаго племени. Вогуловъ.	Финскаго племени. Остяковъ.	Самоѣдовъ.	Всего инородческаго населенія.	Процентъ инородцевъ на число русскихъ.
Тобольскій	3.774	13.425	2.158	1.270[1])	—	20.627	16,92%
Тюменскій	2.844	6.255	—	—	—	9.099	9,34%
Тарскій	1.975	6.765	—	—	—	8.730	7,06%
Ялуторовскій	134	5.133	—	—	—	5.267	3,05%
Туринскій	—	—	3 913	—	—	3.913	6,72%
Березовскій	—	—	—	15.160	7.916	23.076	445,90%
Сургутскій	—	—	—	5.923	—	5.923	354,67%
	8.727	31.568	6.071	21.353	7.916	76.635	13,12%

Примѣчаніе. Настоящія свѣдѣнія составляютъ результатъ нашихъ самостоятельныхъ изслѣдованій о современномъ числѣ и положеніи инородцевъ.

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ болѣе 2.500.

1880 г. Томская губернія. Округа:	Тюркскаго племени. Татары.	Тюркскаго племени. Бухарцы.	Финскаго племени. Самоѣды.	Финскаго племени. Остяки.	Алтайцы-тюрки. Телеуты и потомки ихъ, смѣшав. съ русск.	Алтайцы-тюрки. Черневые татары.	Алтайцы-тюрки. Калмыки.	Всего инородцевъ.	Процентъ инородцевъ на число русскихъ.
Томскій	5.891	152	2.916	4.211	1.285	—	—	14.455	7,94%
Барнаульскій	—	—	—	—	1.236	—	—	1.236	0,56%
Маріинскій	1.870	—	—	—	—	—	—	1.870	2,42%
Кузнецкій	—	—	—	—	2.985	17.803	—	20.788	16,48%
Бійскій	—	—	—	—	225	5.791	17.018	23.034	12,89%
Каинскій	4.374	—	—	—	—	—	—	4.374	1,83%
Всего	12.135	152	2.916	4.211	5.731	23.594	17.018	65.757	7,00%

	КИРГИЗЫ: У нихъ ауловъ.	КИРГИЗЫ: Кибитокъ.	КИРГИЗЫ: Киргиз. муж. пол.	КИРГИЗЫ: Киргиз. жен. пол.	КИРГИЗЫ: Всего киргиз.	
Семипалатинская область	560	106.411	254.428	218.228	472.656	428,04%
Акмолинская	349	66.106	171.185	154.629	325.814	854,92%

ТАБЛИЦА № 2.

Процентное отношеніе къ русскому населенію.

Тобольская губернія. ОКРУГА:	Бухарцевъ на число русскихъ.	Татаръ на число русскихъ.	Вогуловъ на число русскихъ.	Остяковъ на число русскихъ.	Самоѣдовъ на число русскихъ.	Инородцевъ въ каждомъ округѣ на число русскихъ.
Тобольскій	3,50%	10,23%	2,05%	1,18%	—	16,92%
Тюменскій	2,92%	6,42%	—	—	—	9,34%
Тарскій	1,59%	5,48%	—	—	—	7,06%
Ялуторовскій	0,07%	2,98%	—	—	—	3,05%
Туринскій	—	—	6,72%	—	—	6,72%
Березовскій	—	—	—	292,26%	152,63%	445,90%
Сургутскій	—	—	—	354,67%	—	354,67%
Процентъ на число русскаго населенія въ 7 округахъ губерніи	1,54%	5,15%	1,07%	3,95%	1,22%	13,12%

Томская губернія. ОКРУГА:	Татары.	Бухарцы.	Самоѣды.	Остяки.	Алтайцы: Телеуты.	Алтайцы: Черневые татары.	Алтайцы: Калмыки.	Инородцевъ въ округахъ на число русскихъ.
Томскій	3,96%	0,08%	160%	2,32%	—	—	—	7,94%
Барнаульскій	0,56%	—	—	—	—	—	—	0,56%
Маріинскій	2,42%	—	—	—	—	—	—	2,42%
Кузнецкій	—	—	—	—	2,72%	13,76%	—	16,48%
Бійскій	—	—	—	—	1,97%	2,82%	—	12,89%
Каинскій	1,83%	—	—	—	—	—	—	1,83%
Процентъ на число русскаго населенія въ 6 округахъ губерніи	1,37%	0,01%	0,32%	0,46%	0,76%	2,34%	1,71%	7,00%

ТАБЛИЦА № 3.

Распредѣленіе инородцевъ по вѣроисповѣданіямъ.

Тобольская губернія. ОКРУГА:	Магометанъ.	Язычниковъ.	Крещеныхъ инородцевъ.
Тобольскій......	14.766	—	3.446
Тюменскій......	9.097	—	2
Тарскій.........	8.696	—	37
Ялуторовскій....	5.266	—	1
Туринскій.......	—	—	3.913
Березовскій.....	—	8.449	14.627
Сургутскій......	—	—	5.923
	37.822	8.449	27.949

Въ числѣ магометанъ находятся татары и бухарцы 4-хъ округовъ; въ числѣ язычниковъ самоѣды Березовскаго округа; крещеными считаются вогулы и остяки, а также небольшая часть перешедшихъ изъ магометанства. Наклонность къ воспріятію православія по племенамъ выражается слѣдующимъ образомъ: бухарцы и татары, упорно сохраняя магометанское вѣроисповѣданіе, почти не переходятъ въ православіе. Изъ находящихся въ 4-хъ округахъ татаръ и бухарцевъ приняли крещеніе за послѣднее время только 58 человѣкъ.

Вогулы Тобольскаго и Туринскаго округовъ всѣ крещеные, въ томъ числѣ и полукочевые остяки; значительное число ихъ считается православными, хотя вполнѣ христіанами не могутъ назваться, оставаясь суевѣрными и сохраняя свои обряды.

Самоѣды идолопоклонники и только въ 1868 году было обращено въ христіантство 397 человѣкъ.

Томская губернія. ОКРУГА:	Магометанъ.	Язычниковъ.	Крещеныхъ.
Томскій.........	7.279	2.916	4.211
Барнаульскій....	—	—	1.212
Маріинскій......	—	—	1.870
Каинскій........	2.225	—	—
Кузнецкій.......	—	4.908	13.879
Бійскій.........	—	19.000	5.554
	9.504	26.824	26.726
Всего...		63.054	

Къ магометанамъ принадлежатъ въ Томской губерніи татары въ двухъ округахъ, Томскомъ и Каинскомъ, 9.504 д., къ язычникамъ относятся самоѣды Томскаго округа 2.916 д. и черневые татары Кузнецкаго округа 4.908 д. и кочевые калмыки Бійскаго округа 19.000 д., къ православнымъ крещенымъ инородцамъ принадлежатъ остяки Томскаго округа, потомки татаръ телеутовъ въ Барнаульскомъ, чулымскіе татары въ Маріинскомъ округѣ, 13.879 крещеныхъ черневыхъ татаръ Кузнецкаго округа и 5.554 калмыковъ Бійскаго округа.

Наименьшая наклонность къ православію среди остяковъ, чулымскихъ татаръ, черневыхъ татаръ и отчасти калмыковъ.

Наибольшая среди татаръ тюркскаго племени магометанъ Томскаго и Каинскаго округовъ.

ТАБЛИЦА № 4.

Распредѣленіе инородцевъ по образу жизни.

Тобольская губернія. ОКРУГА:	Осѣдлые инородцы.	Полуосѣдлые, живущіе деревнями.	Кочевые и бродячіе скотоводы, звѣроловы и рыболовы.
Тобольскій	14.784	3.428	—
	8.224 м. п.	1.900 м. п.	—
Тарскій	8.730	—	—
	4.686 м. п.	—	—
Тюменскій	9.099	—	—
	4.801 м. п.	—	—
Туринскій	1.772	2.141	—
	858 м. п.	1.111 м. п.	—
Ялуторовскій	5.267	—	—
	2.815 м. п.	—	—
Березовскій	—	15.160	7.916
	—	7.858 м. п.	4.076 м. п.
Сургутскій	—	—	5.923
	—	—	3.132 м. п.
Всего	39.652	20.729	13.839
	74.220 о. п.		
	21.384	10.869	7.208 м. п.
	39.461 м. п.		

Въ числѣ осѣдлыхъ находится 8.727 бухарцевъ въ 4-хъ округахъ Тобольской губерніи, 29.153 д. татаръ, 1.772 д. вогуловъ Туринскаго округа 4 управы. Въ числѣ полуосѣдлыхъ: 3.428 вогуловъ и остяковъ Тобольскаго округа, 2.141 д. вогуловъ Туринскаго округа, 15.160 остяковъ Березовскаго округа; изъ числа этихъ полуосѣдлыхъ остяковъ не могли быть выдѣлены чисто кочевые и бродячіе, за неимѣніемъ точнаго раздѣленія.

Къ числу кочевыхъ и бродячихъ отнесено 7.916 самоѣдовъ въ Березовскомъ округѣ и 5.923 въ Сургутскомъ; изъ нихъ современемъ должны быть выдѣлены полуосѣдлые, живущіе деревнями.

Томская губернія. ОКРУГА:	Осѣдлые инородцы.	Полуосѣдлые инородцы.	Кочевые и бродячіе скотоводы, звѣроловы и рыболовы.
Томскій	7.328	—	7.127
Барнаульскій	1.236	—	—
Маріинскій	1.870	—	—
Кузнецкій	7.151	—	13.615
Бійскій	16.561	5.791	20.024
Каинскій	4.743	—	—
Всего	38.889	5.791	40.766

Къ осѣдлымъ инородцамъ мы отнесли осѣдлыя управы Томскаго округа, татаръ городскихъ и осѣдлыя телеутскія управы въ Барнаульскомъ округѣ, осѣдлую Кумышскую управу, инородцевъ обрусѣвшихъ и выродившихся. Затѣмъ въ Маріинскомъ округѣ чулымскихъ татаръ, въ Каинскомъ барабинскихъ, въ Кузнецкомъ черневыхъ татаръ, также какъ въ Бійскомъ телеутовъ и крещеныхъ инородцевъ. Къ полуосѣдлымъ относятся черневые татары Бійскаго округа и къ нимъ же должны быть отнесены, по нашему мнѣнію, лѣсники Кузнецкаго округа около 13.000. Кочевыми же въ точномъ смыслѣ могутъ быть признаны только кочевые остяки и самоѣды и номады скотоводы, *алтайцы*, называемые русскими неправильно калмыками, такъ какъ они тюрки по языку.

ТАБЛИЦА № 5.

Населеніе татарскихъ волостей Тобольскаго округа къ 1880 г.

ВОЛОСТИ:	Душъ ревизскихъ по X ревизіи.				По семейнымъ спискамъ къ 1878 г.			
	Инородцевъ.	Крестьянъ.	Солдатъ.	Поселенцевъ.	Инородцевъ.	Крестьянъ.	Солдатъ.	Поселенцевъ.
Бухарская	1.716 м. 1.520 ж. 3.336	—	—	—	1.931 м. 1.762 ж. 3.693	—	—	—
Городовая	1.111 м. 946 ж. 2.057	6 м. 12 ж. 18	1 м.	—	1.207 м. 1.016 ж. 2.223	238 м. 196 ж. 434	—	—
Бабасинская	209 м. 170 ж. 379	—	—	—	223 м. 170 ж. 393	4 м. 5 ж. 9	—	—
Оброч. Чувальщикова	503 м. 403 ж. 906	—	—	—	563 м. 507 ж. 1.070	194 м. 156 ж. 350	—	—
Карагайская	999 м. 950 ж. 1.949	—	—	—	1.165 м. 1.122 ж. 2.287	—	—	—
Уватская	1.186 м. 971 ж. 2.157	—	—	—	1.186 м. 1.011 ж. 2.197	—	—	—
Истятская	391 м. 349 ж. 740	—	1—1 2 н ѣ	5—2 7 т ъ	391 м. 349 ж. 740	—	1 м. 1 ж. 2	5 м. 2 ж. 7
Надзинская	249 м. 258 ж. 507	—	—	—	—	—	—	—
Вогайская	1.860 м. 1.546 ж. 3.406	—	—	—	2.653 м. 1.872 ж. 4.525	230 м. 97 ж. 327	—	—
Всего	16.021	18	—	—	17.118	1.120	2	7

ТАБЛИЦА № 6.

Населенныя мѣста и благоустройство въ инородческихъ управахъ Тобольской губерніи.

ВОЛОСТИ:	Сельскихъ обществъ.	Селъ.	Деревень.	Выселковъ.	Училищъ.	Мечетей и церквей.	Часовенъ.	Домовъ.	Кузницъ.	Перевозовъ.	Перетягъ.	Мостовъ.	На счетъ кого содержится и во сколько обходится.	Подъ трактовою дорогою.	Подъ проселочными.	На комъ лежитъ дорожн. повинность, во что обх. исправленіе на версту.
Бухарская	46	—	46	—	4	12	—	618	6	1	1	1	общества до 40 р.	115 в.	259 в.	на обществѣ по 5 к. съ души
Городовая	3	12	13	—	—	мечетей 12	мол. дом. 13	385	—	—	1	—	до 120 р.	28 в. 364 с.	120 в.	въ годъ до 50 р.
Бабасинская	2	4	4	—	—	4	4	75	—	—	1	—	до 40 р.	5 в.	70 в.	до 50 р.
Оброчн. Чувальщикова Казалинская	3	—	юртъ 22	—	2	3	3	193	—	—	2	1	до 50 р.	150 в.	—	натурою
Карагайская	12	—	ю р 12	т ъ 12	—	мечетей 4	—	349	2	—	5	—	натурою	--	120 в.	натурою
Уватская	16	—	юртъ 16	1	домовъ 4	мечетей 5	—	744	2	—	4	Карочинской и Байкаловской волости 9.	отъ 15 р. до 20 р.	$14^1/_2$ в.	92 в.	натурою
Истятская	7	—	7	—	4	мечетей 4	3	—	1	1	3	3	найм. до 50 р.	59 в.	34 в.	верста 1 р. 50 к. въ годъ
Вогайская	6	—	46	5	—	церкв. и меч. 23	—	812	—	—	5	2	натурою	12 в.	180 в.	верста по 65 к. въ годъ
Надзинская	16	—	16	—	—	—	—	160	--	—	—	—	—	—	—	—
Всего....	111	16	170	18	14	67	23	3.336	11	2	22	17	—	$383^1/_2$	875	—

ТАБЛИЦА № 7.

Хозяйство въ инородческихъ управахъ Тобольской губ.

ВОЛОСТИ:	Изъ общаго числа жителей волости.										
	Имѣютъ лошадей.						Засѣваютъ хлѣба десятинъ.				
	Отъ 10 до 25.	Отъ 5 до 10.	Отъ 2 до 5.	По 2.	По 1.	Вовсе не имѣютъ.	Отъ 10 до 25.	Отъ 5 до 10.	Отъ 2 до 5.	По 1.	Вовсе не имѣютъ.
Бухарская	—	—	57	126	587	1.035	—	25	246	101	1.344
Городовая	—	4	7	30	336	872	—	180	248	301	716
Бабасинская	—	3	7	10	25	23	—	5	25	59	31
Оброчная статья Чувальщикова	—	4	22	59	89	129	—	5	67	149	97
Карагайская	10	45	65	80	90	50	7	65	130	75	70
Уватская	—	9	54	201	232	42	1	27	213	252	42
Истятская	—	20	30	20	40	60	—	—	10	15	145
Надзинская	7	30	70	20	8	10	не	зан	има	ют	ся.
Вагайская	С	вѣ	дѣ	нi	й	не	и	мѣ	ет	с	я.
Всего	17	115	242	546	1.417	1.820	8	307	939	952	2.445

ТАБЛИ

О податяхъ и повинностяхъ въ инор

ВОЛОСТИ:	Годовой окладъ податей и повинностей. Руб.	К.	Годовой окладъ мірскихъ сборовъ. Руб.	К.	Неокладныхъ сборовъ. За кормовыя издержки и гербовыя. Р.	К.	За леченіе въ больницѣ. Р.	К.	Податной недоимки.		За инородцами. Руб.	К.	Недоимки за старыми и не… Руб.	К.
Бухарская.......	2.750	2	516	11	—	—	1	95			28.078	$52\frac{3}{4}$	2.335	13¹/
Городовая.......	4.807	43	939	$95\frac{1}{2}$	—	—	—	—			38.757	$73\frac{3}{4}$	614	45
Бабасанская.....	893	52	—	—	—	—	—	—			7.540	$61\frac{3}{4}$	1.726	40
Оброч. Чувальщикова............	2.394	96	352	50	9	67	—	—			26.085	$88\frac{3}{4}$	2.371	25
Карагайская.....	4.245	75	926	$95\frac{1}{2}$	—	—	—	—			32.849	$42\frac{3}{4}$	7.831	20
Уватская........	—	—	—	—	—	—	—	—			53.972	94	2.912	51
Истятская	1.609	5	337	82	—	—	—	—			18.795	54	—	—
Надзинская.....	537	13	218	—	—	—	—	—			—	—	—	
Вагайская.......	7.885	26	877	—	22	$33\frac{1}{2}$	25	$83\frac{3}{4}$			93.797	$69\frac{1}{2}$		
Всего...	25.127	11	4.168	34	32	$\frac{1}{2}$	27	$78\frac{3}{4}$			—	—		

ЦА № 8.

...ческихъ управахъ по Тобольскому округу.

За находящимися въ неизвѣстной отлучкѣ. Руб.	К.	За находящимися въ отлучкахъ по билетамъ.	За ушедшими въ военную службу.	За прежними волостными начальниками и сборщиками растраты. Руб.	К.	За умершими. Руб.	К.	Изъ числа всѣхъ жителей не платитъ податей и поборовъ.	На каждую ревизскую душу, которыхъ въ волости состоитъ:	На каждаго дѣльнаго работника отъ 20 до 60 лѣтъ, каковыхъ въ волости состоитъ:
193	30½	3.056 р. 95¾ к.	—	43	18	6.019	63	не платитъ подати 368 д. побор. 306 д.	1.716 д. / 18 р. 23½ к.	1.042 д. / 30 р. 12½ к.
1.290	34½	внѣ 9.196 р. 75 к. въ районѣ вол. 2.765 р. 2½ к.	—	—	—	8.010	24¼	» 464 » / » 490 »	1.117 д. / 47.530 р. 27 к.	653 д. / 67 р. 20¼ к.
—	—	466 р. 46 к. / 191 » 74 »	—	—	—	1.726	30	» 89 » / » 89 »	209 д. / 8.443 р. 65¾ к.	120 д. / 70 р. 45½ к.
956	62	3.239 » 88 »	—	—	—	10.151	50	» 218 » / » 57 »	487 д. / 59 р. 86¾ к.	337 д. / 86 р. 23 к.
100	30	1.303 р. 90 к. / 551 » 65 »	—	—	—	6.808	94¾	» 130 » / » 162 »	999 д. / 32 р. 88½ к.	493 д. / 68 р. 33 к.
273	4¾	773 » 63¾ » / 500 » 58¾ »	—	—	—	18.613	22½	» 9 » / » 70 »	1.186 д. / 45 р. 50¾ к.	702 д. / 74 р. 7½ к.
—	—	—	—	—	—	9.895	79	» 49 » / » — »	471 д. / 47 р. 79¼ к.	170 д. / 110 р. 51 к.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	3 р. 66 к. съ души.	209 д. / —
987	—	—	—	—	—	70.837	73½	поборовъ 235 д.	1.860 д. / 50 р. 16¼ к.	865 д. / 105 р.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ТАБЛИЦА № 9.

Татарская грамотность въ инородческихъ управахъ Тобольской губерніи.

Инородческія управы Тобольскаго округа:	Грамотныхъ: Учившихся дома.	Грамотныхъ: Въ училищѣ.	Грамотныхъ: Учится въ училищахъ: Мальчиковъ.	Грамотныхъ: Учится въ училищахъ: Дѣвочекъ.	Не учится нигдѣ: Мальчиковъ отъ 7 до 12 л.	Не учится нигдѣ: Дѣвочекъ отъ 7 до 12 лѣтъ.
Бухарская на 3.693 жител.	432	51	141	38	65	79
Городовая на 2.224 ж.	126	31	20	5	50	59
Бабасанская на 393 ж.	41	3	3	—	27	29
Оброч. Чувальщикова на 1.070 ж.	77	38	65	38	36	49
Карагайская на 2.287 ж.	85	—	—	—	180	130
Увятская на 2.197 ж.	19	32	87	13	23	74
Истятская на 740 ж.	—	—	—	—	—	—
Надзинская	—	—	—	—	21	19
Вагайская на 4.525 ж.	—	—	—	—	256	267
Всего 17.129	761	153	340	81	774	833

ТАБЛИЦА № 10.

По свѣдѣніямъ В. В. Радлова объ иртышскихъ и тюменскихъ татарахъ въ его сочиненіи «Aus Sibirien» число ихъ въ 1866 году показано:

ОКРУГЪ.	ВОЛОСТЬ.	Мужескаго пола.	Женскаго пола.
Тарскій	Бухарская	1.714 д.	1.690 д.
»	Аялинская	1.820 »	1.493 »
»	Каурдакская	522 »	563 »
»	Тавскоуктуская	393 »	418 »
»	Саратская	734 »	640 »
	Итого....	5.118 д.	4.804 д.
	Всего....	9.987	
Тюменскихъ татаръ въ 1868—1869 году		4.799 д.	4.284 д.
	Всего....	9.083	
Ялуторовскихъ		2.262 д.	2.096 д.
	Всего....	4.356	
Туринскихъ		73 д.	66 д.
	Всего....	139	

По свѣдѣніямъ г. Патканова въ 1886 г. въ Тюменскомъ округѣ было татаръ 4.071 м. и 3.471 ж., всего 7.542 ч., то-есть, мы видимъ явное уменьшеніе ихъ числа.

ТАБЛИЦА № 11.

Количество жителей въ Барабинскихъ управахъ.

НАИМЕНОВАНІЕ УПРАВЪ.	По ревизіи до 1854 г.			Въ 1865 году.			1878 г.
	Муж. п.	Жен. п.	Всего.	Муж. п.	Жен. п.	Всего.	Муж. п.
Теренинская	110	110	220	78	72	150	113
Барабинская	972	922	1.894	857	828	1.685	762
Турожская	723	677	1.400	714	693	1.407	670
Тунужская	421	394	815	384	361	745	606
Любейская	139	116	255	107	96	203	104
Карагалинская	59	53	112	118	113	231	40
Чуйская	123	127	250	103	111	214	87
Всего....	2.447	2.399	4.946	2.361	2.274	4.635	2.382

Примѣчаніе. Первая цифра за 1854 г. взята изъ отчетовъ казенной палаты, вторая—изъ изслѣдованій В. В. Радлова и третья цифра—по свѣдѣніямъ Глав. Упр. Западной Сибири 1875—1878 г.

ТАБЛИЦА № 12.

По имѣющимся у насъ статистическимъ свѣдѣніямъ за различные года число барабинскихъ татаръ въ разные періоды показывалось такимъ образомъ:

Годъ.		Число душъ.
1760	По переписи въ 68 деревняхъ ихъ считалось.....	2.216
1840	» » » » » » »	5.005
до 1854	По ревизіи.......................................	4.946
1859	По спискамъ неселенныхъ мѣстъ................	4.454
1865	» » » »	4.635 [1])
къ 1880	» » » »	4.062 [2])
1882	» » » »	4.374 [3])
1883	» » » »	4.459 [4])

[1]) Радловъ «Aus Sibirien» p. 232—234.

[2]) Оффиц. свѣдѣнія Глав. Упр. Зап. Сибири.

[3]) и [4]) Памятная книжка Томской губ. 1884—1885 г.

СВѢДѢНІЯ

о вогульскихъ волостяхъ въ Туринскомъ округѣ къ 1880 г.

Волости осѣдлыхъ вогуловъ:

1. Куртумовская—46 дом., управа въ Жуковской волости, осѣдлые, мужчинъ—109, женщинъ—113, итого 222 чел. обоего пола; скота: лошадей—115, рогатаго—190 и мелкаго 320, итого 625; земли пахатной—886 десятинъ, сѣнокосной — 824, всего 1.710 дес. Занимаются хлѣбопашествомъ, рыбной ловлей; посѣяно хлѣба: озимаго—53 дес., яроваго—$51^1/_2$ дес. Звѣриный промыселъ.

2. Верхне-Табаринская — 770 д., осѣдлые, мужчинъ—205, женщинъ—200, итого 405 чел. обоего пола; скота: лошадей—200, рогатаго—114 и мелкаго—225, итого 539; земли пахатной—$267^1/_2$ десятинъ, сѣнокосной—769, всего $1.036^1/_2$ дес. Посѣяно хлѣба озимаго—98 дес., яроваго—$68^1/_4$ дес.

3. Нижне-Табаринская—33 д., мужчинъ 90, женщинъ—92, итого 182 чел. обоего пола; скота: лошадей—93, рогатаго—70 и мелкаго—192, итого 355; земли пахатной — 61 дес., сѣнокосной — 2.815 дес., всего 2.876 дес. Посѣяно хлѣба: озимаго — 42 дес., яроваго—$29^1/_2$ дес.

4. Кошукская — 13 дер., 156 дом., осѣдлые, мужчинъ—454, женщинъ 509, итого 963 чел. обоего пола; скота: лошадей—534. рогатаго—708 и мелкаго—790, итого 2.032; земли пахатной—2.928, сѣнокосной—1.957, всего 4.185. Посѣяно хлѣба: озимаго—371 дес., яроваго—$212^1/_2$ дес.

Всего хлѣба: озимаго — 124 десятины, яроваго — $361^3/_4$ дес.; всего скота — 3.611 головъ; всего земли—9.807.

КОЧЕВЫЕ:	Домовъ.	Жителей: Мужчинъ.	Женщинъ.	Вмѣстѣ.	Скота: Лошадей.	Рогатаго.	Мелкаго.	Всего.	Земли пахат.	Сѣнокосовъ.	Всего.	Вѣроисповѣданіе.
Больше-Кандинская. пауловъ 20	110	380	329	709	35	49	30	114	20	500	520	Вѣр. православнаго; немн. говорятъ по русски. Занят. звѣроловство и рыбные промыслы; хлѣбъ и соль изъ казны.
Верхне-Кандинская. 14	74	211	210	421	56	46	34	136	18	371	389	
Верхне-Пелымская.. 14	40	158	129	287	36	25	17	78	18	270	288	
Усть-Кандинская... 6	30	64	51	115	50	38	20	108	15	450	465	
Вегильская....... 6	33	91	78	169	24	34	14	72	—	23	23	
Сосвинская........ 4	25	76	72	148	60	101	166	267	55	150	205	Правосл.; немного говор. по русск.; звѣроловство и рыбн. пром.; хлѣбъ изъ казенн. магазин.
Тахтинская....... 8	54	131	161	292	99	187	387	673	105	250	355	
Итого...	366	1.111	1.030	2.141	360	480	668	1.448	231	2.014	2.245	

Статистическія свѣдѣнія о сургутскихъ остякахъ за 1828 годъ *).

Сургутское отдѣленіе.

Сургутъ подъ 61°16' сѣверной широты и 90°40' восточной долготы, основанъ въ 1593 году у рѣки Бардоковки на возвышенномъ мѣстѣ, находилось жилище князя Бардока.

1) *Пирчинская*—по теченію Оби на 250 верстъ, въ окружности до 500 верстъ, граничитъ съ Салтыковскою, Ваховскою и Тогнурскимъ отдѣленіемъ Томской губерніи.

Въ 1828 году ревизскихъ душъ остяковъ 162, по послѣдней переписи 201.

2) *Салтыковская*, простираясь отъ Пирчинской по теченію Оби на 150 верстъ, въ окружности на 400 верстъ, касается волостей Ваховской, Мало-Юганской и Лумпокольской.

Въ 1828 году ревизскихъ душъ остяковъ 200, по послѣдней переписи 195. Кочуютъ при Оби и при Вахѣ. Въ селѣ Ларьенскомъ деревянная церковь.

3) *Лумпокольская*—отъ Салтыковской внизъ по теченію Оби на 200 верстъ, занимаетъ пространство 600 верстъ и касается волостей Мало-Юганской, Ваховской и Подгородно-Юганской.

Въ 1828 году ревизскихъ душъ 437, нынѣ 440. Живутъ по берегамъ Оби и Ваху.

4) *Ваховская*—отъ Лумпокольской внизъ по рѣкѣ Оби на 100 верстъ, касается волостей Аганской, Тромъ-Юганской и Нарымскаго округа, Томской губерніи.

Въ 1828 году ревизскихъ душъ 322, нынѣ 316.

5) *Аганская*—по рѣкѣ Агану и сопредѣльна съ волостями Ваховской, Тромъ-Юганской и Пимской.

Въ 1828 году ревизскихъ душъ остяковъ 48, нынѣ 52.

6) *Тромъ-Юганская*—по рѣкѣ Оби и Тромъ-Югану, Сургутъ-Югану и Маковскому-Югану, сопредѣльна волостямъ Юганской, Ваховской, Козымской и Пимской.

Въ 1828 году ревизскихъ душъ остяковъ 176, нынѣ 174. Живутъ по Оби и Тромъ-Югану.

7) *Подгородно-Юганская* простирается по рѣкѣ Мало-Юганской Оби, по Большому Югану, Балысу и по Тундряной-Курьѣ сопредѣльно Лумпокольской, Мало-Юганской, Больше-Юганской и Салымской волостямъ.

Въ 1828 году ревизскихъ душъ остяковъ 153, по послѣдней переписи 188. Въ селѣ Юганскомъ церковь.

8) *Мало-Юганская*—расположена по рѣкѣ Малому Югану, сопредѣльна волостямъ Подгородно-Юганской, Больше-Юганской, Лумпокольской и Тарскому округу.

Въ 1828 году ревизскихъ душъ 137, по послѣдней переписи 155.

9) *Больше-Юганская*. Кочевья по рѣкѣ Большому Югану; прилежитъ волостямъ Мало-Юганской, Салымской, Подгородно-Юганской и Тарскому округу.

Въ 1828 году ревизскихъ душъ остяковъ 264, по послѣдней переписи 302.

10) *Пимская*—по рѣкамъ Пиму, Вась-Югану и рѣчкѣ Контемкугольской. Сопредѣльна волостямъ Семіярской, Кадскимъ городкомъ, Казымской, Тромъ-Юганской и Аганской.

Въ 1828 году ревизскихъ душъ остяковъ 68, по послѣдней переписи 78.

11) *Салымская*—по Салыму и Салымской протокѣ, между волостями Семіярской и Подгородно-Юганской, Березовскаго и Самаровскаго, и Демьяновскою волостями Тобольскаго округовъ, сближаясь на югѣ съ границею Тарскаго округа.

Въ 1828 году остяковъ 131, по послѣдней переписи 168.

12) *Семіярская*—на пространствѣ 100 верстъ по рѣкѣ Оби на протокахъ Бастоминой и Марниной и сопредѣльна Самарской волости Тобольскаго уѣзда, Кадскимъ Городкомъ, Пимской и Салымской волостями Березовскаго округа.

Въ 1828 году остяковъ 46, по послѣдней переписи 61. Жители большею частью бѣдны. Въ селѣ Семіярскомъ церковь.

*) Описаніе Березовскаго края Абрамова, XII кн. Зап. Рус. Импер. Географ. Общества.

Статистическія свѣдѣнія изъ описанія Березовскаго округа Абрамова *).

Обдорское отдѣленіе состоитъ изъ волостей Обдорской и Кунаватской.

Обдорская волость лежитъ по теченію Оби отъ Аспухольскихъ юртъ (выше 150 верстами Обдорска) внизъ до Ледовитаго океана, къ западу до Мезенскаго уѣзда и къ востоку до Туруханскаго отдѣленія. Полоса эта состоитъ изъ каменистыхъ и тундряныхъ мѣстъ и хорошихъ пастбищъ для оленей.

Въ 1828 году, когда составлялись окладныя книги, число ревизскихъ душъ остяковъ 1.604, самоѣдовъ 2.057, всего 3.661 душа. Въ настоящее время (время Абрамова) 3.666 душъ.

Древніе остяцкіе городки:

Аспукольскій отъ Березова	175	верстъ.
Вайкварскій	198	»
Шурыткарскій	238	»
Собскій	293	»
Обдорскій	322	»
Полуйскій	372	»
Пелвожскій	302	»
Вымковлинскій	362	»
Вайтваженскій	402	»
Воксарскій	432	»
Ворватскій	462	»
Надымскій	662	»

Кунаватская волость отъ города Березова внизъ по теченію Оби и по впадающимъ въ нее рѣчкамъ Сыньѣ и Кунавату, граничитъ съ сѣвера съ Обдорскою, съ юга съ Лепинскою, къ востоку съ Казымскою волостями и запада съ Уральскими горами. Покрыта болотами и тундрами; лѣсъ кедровый, сосновый и еловый.

Жители: ревизскихъ душъ въ 1828 году было остяковъ 920, самоѣдовъ 27. Во время Абрамова обоихъ 938 душъ.

Древніе городки отъ Березова:

Усть-Сосвинскій	236	верстъ.
Пугорскій	32	»
Качеготскій	116	»
Кушеватскій	147	»
Кіевотскій	155	»
Кунаватскій	194	»
Сынскій (по рѣкѣ Сыньѣ)	194	»
Кажигорскій	197	»
Питнярскій	242	»

Въ Обдорскомъ отдѣленіи считалось 125.000 головъ скота (оленей); рыболовныхъ песковъ 34.

Въ Кунаватской волости двѣ церкви деревянныхъ въ селахъ: Кушеватѣ и Муграхъ.

Отдѣленіе Кандинское изъ 5 волостей:

1) Кадскіе городки (Кадская) отъ границы Тобольскаго округа на 500 верстъ до города Березова по Оби и впадающимъ въ нее рѣкамъ Васпухолу, Ендыру и другимъ; изобилуетъ кедровымъ и строевымъ лѣсомъ (орѣховъ собирается до 900 пудовъ); рыболовныхъ песковъ 30.

Число ревизскихъ душъ остяковъ къ 1828 году 1.545, въ послѣднее время 1.773 (время Абрамова).

*) Свѣдѣнія заимствовались Абрамовымъ изъ дѣлъ Березовскаго земскаго суда по предмету ясачной коммиссіи 1828—1829 года.

Древніе остяцкіе городки:

Чемашевскій отъ Березова	120	верстъ.
Шаркарскій	160	»
Кода	220	»
Больше-Тлымскій	237	»
Мало-Тлымскій	250	»
Карашкарскій	283	»
Ендырскій	409	»

Кандинское село 62°9′ сѣверной широты и 86°15′ восточной долготы; на правомъ берегу Оби Святотроицкій монастырь, 1 игуменъ и 5 монаховъ. Вотчина Кандинскаго монастыря въ 1.400 верстъ, въ Исецкомъ, Ялуторовскаго округа, въ селѣ Николаевскомъ (нынѣ Кадское). Имущество его въ Тобольскѣ. Кромѣ села Кандинскаго, было четыре деревни.

Въ селѣ Кандинскомъ 10 деревень и 360 жителей, церкви: въ Чемшевскомъ селѣ, Шоркольскомъ, Сухоруковскомъ, Бѣлогородскомъ, Мало-Тлымскомъ згорьѣ.

2) *Подгородная* волость отъ Березова по Вогулкѣ на 150 верстъ, граничитъ съ Сосвинскою, Козымскою, Лепинскою и съ Уральскими горами. Большая часть остяковъ бѣдны и живутъ у русскихъ въ рабствѣ.

Ревизскихъ душъ остяковъ въ 1828 году 229 душъ, нынѣ (во время Абрамова) 221 душа.

3) *Казымская*—не измѣрена. При рѣкѣ Оби по Казыму и впадающимъ въ нее рѣчкамъ, касается волостей: Куноватской, Тромъ-Юганской, Кадской и Подгорной.

Ревизскихъ душъ въ 1828 году остяковъ 525, самоѣдовъ 218 душъ; во время Абрамова ихъ считалось 853 души.

Древніе остяцкіе городки:

Повотскій отъ Березова	58	верстъ.
Амдинскій	125	»
Кукларскій	155	»
Камышскій	195	»
Юильскій	236	»

Въ селѣ Казымскомъ или Полновотскомъ въ 50 верстахъ на востокъ отъ Березова церковь.

4) *Сосвинская*—по теченію Сосвы и Тапсуя къ юго-западу отъ г. Березова, граничитъ съ Подгородною, Ляпинскою, Кодскою, Чердынскимъ и Верхо-Турскимъ уѣздомъ, Пермской губерніи, и съ Пелымскимъ.

Ревизскихъ душъ въ 1828 году 580, во время Абрамова 566 душъ.

Древніе остяцкіе городки:

Люликаръ отъ Березова	85	верстъ.
Вогулей	353	»
Тамсвей	383	»
Искоръ	458	»

5) *Ляпинская*; инородцы кочуютъ по рѣкѣ Ляпину, Изакузьей и другимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Ляпину съ лѣвой стороны. Граничитъ съ волостями Кунаватскою, Подгорною, Сосвинскою и Уральскими горами.

Ревизскихъ душъ въ 1828 году остяковъ 784, самоѣдовъ 96; нынѣ во время Абрамова обоихъ—882 души.

Древніе остяцкіе городки:

Обскій отъ Березова	72	версты.
Кугинскій	189	»
Шангильскій	216	»
Ляпинскій	250	»
Муркасскій	286	»
Юильскій	308	»

Ляпинъ или Ляпинѣ (Свивѣ), впадающій въ Сосву въ 30 верстахъ отъ устья; древній вогульскій городокъ былъ извѣстенъ торговлею между русскими, зырянами, вогулами и остяками. Близь Ляпина было идольское капище.

Остяки и самоѣды въ Березовскомъ и Сургутскомъ округахъ по свѣдѣніямъ 1869 года.

Березовскій округъ:

1. Волости:	Котская	632	муж. пола.
2. »	Подгородная	113	» »
3. »	Лепинская	382	» »
4. »	Сосвинская	332	» »
5. »	Кызынская	444	» »
6. »	Кунаватская	488	» »
Обдорскихъ	остяковъ	888	» »
»	самоѣдовъ	1.358	» »

Сургутскій округъ:

1. Волости:	Юганская	21	муж. пола.
2. »	Пимская	67	» »
3. »	Семіяровская	18	» »
4. »	Перчимская	120	» »
5. »	Салымская	82	» »
6. »	Тромъ-Юганская	91	» »
7. »	Лумпокольская	271	» »
8. »	Больше-Юганская	136	» »
9. »	Салтыковская	140	» »
10. »	Мало-Юганская	61	» »
11. »	Выховская	204	» »
12. »	Подгородно-Юганская	94	» »

Всего остяковъ въ Тобольской губерніи	11.527 м. п.	10.627 ж. п.	22.154 д. об. п.
» самоѣдовъ » » »	2.573 » »	2.132 » »	4.705 » » »

Въ городѣ Сургутѣ 167 домовъ, 510 м., 634 ж.—1.644 обоего пола.

Всего въ Сургутскомъ округѣ жителей православнаго исповѣданія: мужскаго пола 3.898 душъ, женскаго пола 3.714 душъ, обоего пола 7.612 душъ. Магометанъ 2 мужчинъ.

Всѣ инородцы православные. Русскихъ 5 селеній и 3 деревни; домовъ въ нихъ 90; большія селенія въ 21 домъ, меньшія 3 дома; жителей мужскаго пола 260 душъ, женскаго пола 289 душъ, всего 549 душъ.

Скота:

Лошадей	439
Рогатаго	388
Оленей	18
Овецъ	186
Свиней	72
Собакъ	98
Итого	1.201

Остяки Березовскаго округа. Статистическія свѣдѣнія за 1875 годъ.

Два отдѣленія—Обдорское и Кандинское; въ первомъ считается жителей мужскаго пола 5.727 душъ, женскаго пола 5.232 души, обоего пола 10.959 душъ.

Изъ нихъ инородцевъ мужскаго пола 5.047 душъ, женскаго пола 4.571 душа, обоего пола 9.618 душъ. Русскихъ волостей 3, инородныхъ управъ 5.

Инородныя управы.	Зимнихъ юртъ-избъ.	Лѣтнихъ.	Всего.	Жителей. Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.	Лошадей.	Рогатаго скота.	Мелкаго скота.	Всего.
Котская	413	413	826	2.140	2.164	4.304	830	647	100	1.577
Инородческія юрты между Самаровымъ и Березовымъ 19 селеній.	двор. 316	—	—	1.015	869	1.884	747	552	100	1.399
Управа Подгородная 8 юртъ или селеній.	двор. 49	49	чумовъ. 8	260	206	466	59	46	115	220
Козымская 10 сел.	98	97	60	остя 687	ковъ. 478	—	—	—	—	—
Сосвинская самоѣдская.	избъ. 230	130	улусовъ. 56	самоѣ 382	довъ. 278	—	26	15	3.180	3.221
Русскихъ селеній .	1	домов. 7	483	716	680	1.396	45	43	овецъ 2	оленей 3.200
Ляпинская: русскихъ	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Инородческихъ . .	избъ. 247	80	улус. 50 чум. 64	862	765	1.627	оленей 6.080	собакъ 570	всего 6.650	—
Кунаватская . . .	зимн. 230	лѣтн. 74	чум. 28	1.066	1.032	2.098	оленей 5 400 лошадей 36	собакъ 67	всего 5.503	—

Обдорскій участокъ управы.	Избъ.	Юртъ.	Чумовъ.	Всего.	Жителей. Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.	Оленей.	Собакъ.	Всего.
Обдорская самоѣдская	—	—	819	819	4.076	3.840	7.916	24.420	1.653	26.073
Обдорская инородческая управа остяцкая. . . .	376	—	62	437	1.748	1.699	3.447	11.069	1.430	12.490
Итого . . .					5.824	5.539	11.363			

Въ *Обдорскомъ* участкѣ жителей русскихъ и инородцевъ мужскаго пола 6.961 душа, женскаго пола 6.664 души, всего 13.625 душъ.

Изъ нихъ инородцевъ мужскаго пола 6.887 душъ, женскаго пола 6.571 душа, обоего пола 13.458 душъ.

Православныхъ инородцевъ мужскаго пола 3.968 душъ, женскаго пола 2.806 душъ, обоего пола 6.774 души.

Идолопоклонниковъ мужскаго пола 2.919 душъ, женскаго пола 3.765 душъ, обоего пола 6.684 души.

Кунаватская; зимой пасутъ оленей, а лѣтомъ рыболовствуютъ.

Всего по обѣимъ управамъ Березовскаго округа волостныхъ старшинъ 15, помощниковъ 8; жителей мужскаго пола 11.934 души, женскаго пола 11.142 души, обоего пола 23.076 душъ; избъ 2.455; чумовъ и улусовъ 1.207; скота: лошадей 996, рогатаго 818, оленей 53.455, мелкаго 102, всего 55.379 штукъ.

Въ Березовскомъ округѣ жителей православнаго исповѣданія мужскаго пола 9.784 души, женскаго пола 8.177 душъ, обоего пола 17.961 душа; раскольниковъ 12 душъ, католиковъ 14 душъ, евреевъ 22 души, магометанъ 14 душъ, идолопоклонниковъ мужскаго пола 3.853 души, женскаго пола 4.596 душъ, обоего пола 8.449 душъ.

Городъ Березовъ 180 домовъ, жителей 982 мужскаго пола, 906 женскаго пола, всего 1.888 душъ; лошадей 210, рогатаго скота 225, оленей 306, всего 773; собакъ 365 штукъ.

Въ Березовскомъ участкѣ крестьянъ 609 муж. пола, 612 жен. пола, 1.221 обоего пола; духовенства бѣлаго 29 муж. пола, 27 жен пола, 56 обоего пола; монаховъ 5 муж. пола; поселенцевъ 15 муж. пола, 9 жен. пола, 24 обоего пола; разнаго званія 22 муж., 13 жен., 35 обоего пола; инородцевъ 5.047 муж., 4.571 жен., 9.618 обоего пола.

Въ Обдорскомъ: духовенства 23 муж., 28 жен., 51 обоего пола; монаховъ 1 муж.; крестьянъ 37 муж., 59 жен., 96 обоего пола; поселенцевъ 3 муж., 2 жен., 5 обоего пола; разнаго званія 10 муж., 4 жен., 14 обоего пола; инородцевъ 6.887 муж., 6.571 жен., 13.458 обоего пола.

ТАБЛИЦА 13.

Остяцкія волости Сургутскаго округа.

Число инородцевъ по свѣдѣніямъ исправника 1880 г.

Инородческія остяцкія волости.	Домовъ.	Юртъ.	Жителей: Мужч.	Женщ.	Всего.	Скота: Лошадей.	Рогатаго.	Оленей.	Овецъ.	Свиней.	Собакъ.	Всего скот.
Салымская........	16	43	165	158	323	129	15	—	9	—	198	351
Подгор. Юганская.	—	42	226	191	417	87	—	18	—	—	156	261
Больше Юганская .	—	78	391	319	710	17	—	141	—	—	307	465
М. Юганская......	—	45	196	165	361	7	3	28	—	—	125	163
Семіяровская......	7	13	38	49	87	71	46	—	7	—	33	157
Пимская..........	—	69	156	136	292	11	—	501	—	—	74	586
Тромъ-Юганская...	—	86	202	196	398	45	—	568	—	—	202	815
Агинская.........	—	20	83	63	146	16	—	234	—	—	60	310
Ваховская.........	15	94	396	392	788	319	—	—	—	—	479	798
Лумпокольская....	—	92	620	569	1.189	160	—	90	—	—	307	557
Салтыковская.....	—	81	397	335	732	66	—	250	—	—	210	526
Перчинская.......	44	47	262	218	480	242	87	—	—	—	268	596
Итого въ 19 вол.	82	710	3.132	2.791	5.923	1.170	151	1.830	16	—	2.419	5.586

СБОРЫ:	Рубли.	Коп.
Ясачнаго........	1.187	83¾
Земско-обывательская гоньба........	2.440	25
На содержаніе церквей........	770	96
На наемъ караула и на заготовленіе дровъ для караулокъ при хлѣбн. магазинахъ........	203	53½
На содержаніе 12 старшинъ и оспеннаго ученика........	312	—
Губернскихъ повинностей........	26	8
Волостной........	573	76

ТАБЛИЦА 14.

Управы и улусы осѣдлыхъ инородцевъ Кузнецкаго округа Томской губерніи къ 1880 г.

№	НАЗВАНІЕ УПРАВЪ И НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ НИХЪ СЕЛЕНІЙ.	Число душъ въ каждой управѣ. Мужск. пола.	Женск. пола.	Всего.
	Телеутская управа 1-й половины:			
1	Улусы: Семенушкинъ	91	93	
2		154	154	
3	» Кутоновъ	90	96	
4	» Таргаевскій	55	50	
5	» Средне-телеутскій	103	94	
		493	487	980
	Телеутская управа 2-й половины:			
1	Улусы: Бѣновъ	98	104	
2	» Сергѣевъ	142	144	
3	» Больше-Бачатскій	259	267	
4	» Шандинскій	110	120	
		509	635	1.144
	Телеутская управа 3-й части:			
1	Улусы: Чертинскій	98	89	
2	» Ускотскій	33	24	
3	» Мокрушиной	126	107	
		257	220	477
	Ашкыштимская управа 1-й половины:			
1	Улусы: Урской	136	138	
2	» Челухоевской	209	198	
		345	336	681
	Ячинская инородная управа:			
1	Улусы: Мозжухинскій	39	37	
2	» Бородинскій	38	39	
3	» Промышленскій	45	53	
4	» Стрѣлинскій	38	37	
		160	166	326
	Названіе крестьянскихъ селеній, въ которыхъ осѣдлые инородцы этихъ управъ имѣютъ постоянную осѣдлость:			
5	Деревня Осиновая Грива	93	101	
6	Село Зарубинское	28	31	
7	Деревня Корчуганская	5	7	
8	» Корнилова	4	5	
9	» Тарасова	34	35	
10	» Старочервева	15	17	
11	» »	8	9	

№	НАЗВАНІЕ УПРАВЪ И НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ НИХЪ СЕЛЕНІЙ.	Число душъ въ каждой управѣ.		Всего.
		Мужск. пола.	Женск. пола.	
	Комларская инородная управа:			
1	Улусы: Бубочинскій	75	95	
2	» Стрѣлинскій	39	45	
3	» Корчуганскій	2	4	
4	» Колтыракскій	5	6	
	Названіе крестьянскихъ селеній, въ которыхъ инородцы этихъ управъ имѣютъ постоянную осѣдлость.			
5	Деревня Тарасова	11	14	
6	Село Зарубинское	29	32	
7	Деревня Камышна	23	29	
8	Село Топтинское	7	9	
9	Деревня Мозжухина	9	11	
10	» Корчуганско-ѣлкина	9	10	
		396	460	856
	Боянская инородная управа 1-й половины:			
1	Улусы: Аилъ-Атынаковскій	200	об. п.	
2	» Ажиндаровскій	212	—	
3	» Сосновскій	78	—	
4	» Инскіе	180	—	
5	» Каралдинскій	129	—	
		799	—	799
	Боянская инородная управа 2-й половины:			
1	Улусъ Каралдинскій	165	—	
	Шуйская инородная управа:			
1	Улусъ Калтыракскій (онъ же и Устиновскій)	840	—	
	Кумышская инородная управа:			
1	Улусъ Калтыракскій (Устиновскій)	487	—	
		1.492	—	1.492
	Примѣчаніе: Шуйская и Кумышская инородныя управы находятся въ улусѣ Калтыракскомъ, но не всѣ инородцы имѣютъ въ немъ осѣдлость, а большею частію таковые проживаютъ въ крестьянскихъ селеніяхъ.			
	Тагульская инородная управа 1-я половина:			
1	Улусъ Кермотскій	181	174	
	Тагульская инородная управа 2-я половина	25	16	
		206	190	396
	Примѣчаніе. Инородцы этой управы своихъ улусовъ не имѣютъ, а проживаютъ въ крестьянскихъ селеніяхъ.			
	Итого	—	—	7.151

ТАБЛИЦА 15.

Волости кочующихъ инородцевъ Кузнецкаго округа, съ означеніемъ числа жителей обоего пола по каждой волости отдѣльно къ 1880 г.

№		Жителей:		Всего.
		Мужск. пола.	Женск. пола.	
1	Абинская	114	90	204
2	Мраско-Елейская	365	350	715
3	Ближне-Каргинская	49	42	91
4	Казанова	518	469	987
5	Богоракова	373	357	730
6	Мрасно-Бежбоянова	412	374	786
7	Едѣева	58	43	101
8	Кандомо-Бежбоянова	417	369	786
9	Кандомо-Барсоятская	408	377	785
10	Кирецкая	103	78	181
11	Тагабская 1-й половины	71	75	146
12	» 2-й »	376	412	788
13	Ашкыштинская 2-й половины	270	295	565
14	Кондомо-Итиберская	581	560	1.141
15	Кондомо-Елейская	336	343	679
16	Кондомо-Карачерская	479	484	963
17	Итиберско-Шерогашева	173	165	338
18	Кондомо-Шелькальская	399	372	771
19	Дальне-Каргинская	485	508	993
20	Мраско-Изушерская	461	409	870
21	Казыльская	154	120	274
22	Кійская	125	132	257
23	Кивійская	142	122	264
	Итого	6.869	6.544	13.615

ТАБЛИЦА 16.

Статистическія свѣдѣнія объ алтайскихъ тюркскихъ племенахъ татарахъ и калмыкахъ.

Кочевыя волости (дючины) алтайскихъ и чуйскихъ калмыковъ.	Образъ жизни.	Вѣроисповѣданіе.	Гдѣ кочуютъ.	Отъ Бійска примѣрно верстъ.	Домовъ у крещеныхъ.	Юртъ.	Взрослыхъ работниковъ.	Ревизскихъ душъ по 10 ревизіи.		По переписи 1875 г.		Наличнаго населенія къ 1880 году.	
								мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.
I. Алтайская дючина . .	Кочевые инородцы	Шаманисты	кочуютъ на правой сторонѣ Катуни	100	—	470	353	823	—	980	947	1.157	1.167
II. Алтайская дючина.			кочуютъ по р. Урсулу, Теньгѣ и другимъ.	240	—	438	340	788	787	857	890	954	963
III. Алтайская дючина.			кочуютъ по Чарышу, Кану, Бѣлому и Черному Аную.	230	—	231	285	662	648	729	732	728	701
IV. Алтайская дючина.			кочуютъ по рр. Конди и Чарышу.	108	—	657	606	1.560	1.483	1.732	1.620	1.726	1.646
V. Алтайская дючина. .			кочуютъ по рр. Кану и Теньгѣ.	280	—	524	484	1.087	1.093	1.168	1.199	1.358	1.360
VI. Алтайская дючина.			кочуютъ по рр. Кану, Чарышу и Теньгѣ.	240	—	243	153	371	327	465	490	490	511
VII. Алтайская дючина.			кочуютъ по рр. Катуни, Урсулу и Теньгѣ.	280	—	266	261	593	573	868	696	733	739
						2.829	2.482	5.884	4.91'	6.799	6.574	7.146	7.087

I. Чуйская дючина....	Кочевые инородцы.	Шаманисты.	кочуютъ по рр. Чуѣ и Аргуту.	630	—	211	—	120	150	436	430	—	—
II. Чуйская дючина....			кочуютъ по рр. Чуѣ, Бошкоусу, Чулышнону и Улогону.	550	—	826	—	340	—	724	638	—	—
Кочевыя волости черневыхъ татаръ, находящіяся въ вѣдѣніи помощника отдѣльнаго алтайскаго засѣдателя........						1.037	—	460	150	1.160	1.068	—	—
Верхне-Кумандинская..	Считаются кочевыми инородцами, но значительная часть осѣдлыхъ.	Часть крещеныхъ, часть язычниковъ.	живутъ въ лѣсахъ и селеніяхъ Пильномъ, Елейскомъ, Макарьевскомъ и другихъ по рр. Біи, Ишѣ, Нинѣ, Сіи, Лебедѣ.	60	32	100	—	116	—	—	—	439	419
Нижне-Кумандинская..			въ сс. Тиштѣ, Усть-Корѣ, по рр. Ишѣ, Біи, Нинѣ, Каробошкѣ.	75	43	200	—	289	—	—	—	522	564
Тогульская 2-ая половина..................			въ селеніи Усть-Гавриловскомъ, Бахтемірскомъ и по р. Біи.	75	21	31	—	33	—	—	—	318	372

*

Кочевыя волости лѣсныхъ алтайцевъ татаръ.	Образъ жизни.	Вѣроисповѣданіе.	Гдѣ кочуютъ.	Отъ Бійска примѣрно верстъ.	Домовъ у крещеныхъ.	Юртъ.	Взрослыхъ работниковъ.	Ревизскихъ душъ по 10 ревизіи.		По переписи 1875 г.		Наличнаго населенія къ 1880 году.	
								мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.
Южская.............	Полуосѣдлые.	Часть крещеныхъ, часть язычниковъ; крещеныхъ 177, некрещеныхъ 421.	волостной пунктъ въ Иныръ; инородцы проживаютъ въ Улалѣ, Сайдысѣ, Чамалѣ, Симонѣ, Иныръ, по рр. Учекъ-Ишѣ, Иныргѣ.	168	100	90	—	102	—	—	—	233	188
Комляжская......		Крещеныхъ 437, некрещеныхъ 820.	волостной пунктъ въ Иныргѣ; инородцы проживаютъ въ Кебцен., Иныргѣ, Паскаулѣ, Солганѣ, Ченошѣ, Ильинскомъ Ерыхалкѣ, по рр. Ишѣ, Кузѣ, Тулон., Егинакѣ, Баныcту, на б. Телецкаго озера.	275	247	290	—	328	—	—	—	649	648

Кергежская..........	Полуосѣдлые.	Крещеныхъ 229, некрещеныхъ 572.	волостной пунктъ въ Иныргѣ; проживаютъ въ сел. Кебезенскомъ Балыксѣ, по рр. Тулою, Пыжѣ, Сары-Коктѣ, Эчеганѣ, Кайнѣ на Телеутскомъ озерѣ.	275	118	100	—	171	—	—	—	418	383
Кузенская............		Крещеныхъ 203, кочевыхъ 445.	волостной пунктъ въ с. Иныргѣ; инородцы проживаютъ въ Паскаулѣ, Ильинскомъ, по рр. Ишѣ, Балыктѣ, по Біи, Сары-Ioктѣ.	275	110	123	—	123	—	—	—	358	280
						934	—	1.162	—	—	—	2.937	2.854
						4.800	2.482	7.046	5.061	7.959	7.642	10 083	9.941

ВѢДОМОСТЬ

ВОЛОСТЯМЪ И СЕЛЕНІЯМЪ

ОСѢДЛЫХЪ И КОЧЕВЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ

БІЙСКАГО ОКРУГА

КЪ 1880 Г.

Названіе волостей и населенныхъ мѣстъ инородцевъ Томской губерніи къ 1880 г.	Родъ поселеній.	Вѣроисповѣданіе и приходъ, куда принадлежатъ.	Положеніе.
Бійскаго округа:			
1) Быстрянская инородная управа.			
Березовка....................	осѣдлые инородцы.	православные, прихода Быстрянскаго.	при р. Березовкѣ.
Бирюлинское................	село инородцевъ.	православные, прихода Улилинскаго.	по рр. Бирюлѣ и Маймѣ.
Быстрянское (Тарханское)......	осѣдлые инородцы	православные, прихода Быстрянскаго.	при протокѣ Катуни.
Иныргa....................	тоже.	православные, прихода Майманскаго.	по рр. Иныргѣ и Сарыкокшѣ.
Майлинское.................	тоже.	тоже.	при р. Маймѣ.
Макарьевское (проселокъ Макарьевскій)................	тоже.	православные, прихода Макарьевскаго.	при р. Кожѣ.
Пильна.....................	тоже.	православные, прихода Бардинскаго.	при р. Чепшѣ.
Улилинское.................	тоже.	православные, прихода Улилинскаго.	при р. Улимъ.
Усть-Балыкса...............	тоже.	православные, прихода Макарьевскаго.	при р Балыксѣ.
Черновая Чепша.............	тоже.	прихода Бардинскаго.	при р. Черновой Чепшѣ.
Кебезень *).................	миссіонерское селеніе.	прихода Кебезенскаго.	по Біи близъ Телецкаго озера.
2) Кокшинская инородная управа:			
Березовка..................	Деревни осѣдлыхъ инородцевъ.	православные, прихода Быстрянскаго.	при р. Березовкѣ.
ДЕРЕВНИ:			
Верхъ-Каракужинская (Ерыхалка).....................			при рр. Карагужи и Хайрюзовкѣ.

*) Въ 25 вер. отъ Кебезени находится Ивенковское селеніе по р. Ишѣ.

Разстояніе отъ волостнаго правленія.	Число дворовъ.	Число отдѣльныхъ жилыхъ избъ.	Число всѣхъ жилыхъ строеній.	Вообще мужчинъ и женщинъ.		Примѣрное число жителей въ селеніяхъ на земляхъ, не входящихъ въ составъ волостей.	Церкви, часовни, школы, волостныя правленія, промышленныя заведенія.
				мужч.	женщ.		
5	49	—	49	100	99	—	Питейный домъ.
59	19	—	19	35	37	—	Миссіонерскій станъ и церковь.
отъ Бійска 50	96	—	96	201	202	—	Церковь, часовня, инородная управа, воскобойня.
125	11	—	11	27	28	—	Церковь.
30	52	—	52	81	83	—	
65	13	—	13	68	79	—	Миссіонерскій станъ и церковь.
50	46	—	46	98	96	—	
39	37	—	37	79	80	—	Двѣ церкви, училище, больница для инородцевъ, лавки, каждонедѣльный базаръ.
72	33	—	33	60	61	—	
37	34	—	34	63	60	—	По семейнымъ спискамъ считается причисленныхъ къ управѣ 1.345 муж., 1.326 жен., ревиз. окладныхъ 776.
194	—	—	119	174	180	—	
—	390	—	509	986	1.005	—	
50 отъ Бійска	50	—	50.	50	56	—	Инородная управа, питейный домъ.
40	35	1	36	72	54	—	

Названіе волостей и населенныхъ мѣстъ инородцевъ Томской губерніи къ 1880 г.	Родъ поселеній.	Вѣроисповѣданіе и приходъ, куда принадлежатъ.	Положеніе.
Ново-Суртайская	Деревни осѣдлыхъ инородцевъ.	православные, прихода Быстрянскаго.	при р. Ишѣ.
Старо-Суртайская			при р. Катуни.
Чамальская		прихода Чемальскаго.	тоже.
3) Сарасинская инородная управа.			
Магота	осѣдлые инородцы.	прихода Маготинскаго.	при р. Моготѣ.
Сараса	тоже.	прихода Верхне-Каменскаго.	при р. Сарасѣ.
4) Уйманская инородная управа.			
Баштаголинская	тоже.	православные, прихода Ангудійскаго.	при р. Боштогнѣ.
Верхъ-Уймонская	тоже.	тоже.	при р. Катуни.
Власова	посел. осѣд. инородцы.	тоже.	при ключѣ Безъименномъ.
Гагаринская	заимка инородцевъ.	тоже.	тоже.
Горбуновская	дер. осѣдлыхъ инородцевъ.	тоже.	при р. Керехтѣ.
Кайтанакъ	тоже.	тоже.	при р. Кайтанакѣ.
Катандинская	заимка инородцевъ.	тоже.	при р. Катандѣ.
Керехтинская	дер. инородцевъ.	тоже.	при р. Керехтѣ.
Коксинская	тоже.	тоже.	при р. Коксѣ.
Красноярская	заимка инородцевъ.	тоже.	при р. Красноярке.
Нижне-Баштаголинская	пасѣки инородцевъ	тоже.	при р. Баштаголѣ.
Нижне-Окольская	заимки инородцевъ.	тоже.	при р. Нижнемъ-Окалѣ.
Огневская	тоже.	тоже.	при р. Огневкѣ.

Разстояніе отъ волостнаго правленія.	Число дворовъ.	Число отдѣльныхъ жилыхъ избъ.	Число всѣхъ жилыхъ строеній.	Вообще мужчинъ и женщинъ.		Примѣрное число жителей въ селеніяхъ на земляхъ, не входящихъ въ составъ волостей.	Церкви, часовни, школы, волостныя правленія, промышленныя заведенія.
				мужч.	женщ.		
65	18	3	21	34	50	—	
12	38	—	38	76	55	—	
115	14	—	14	22	75	—	Церковь, миссіонерскій станъ. По семейнымъ спискамъ, причисленныхъ къ управѣ считается 591 муж. и 498 жен., окладныхъ ревизскихъ 359.
—	155	4	159	254	290	—	
отъ Бійска 65	42	—	42	117	126	—	Церковь, 5 пасѣкъ, мельница, инород. управа.
87	63	—	63	119	171	—	По семейнымъ спискамъ считается причисленныхъ къ управѣ 288 муж. и 297 женщ.
—	105	—	105	236	297	—	
			по всей	ино	родной	управѣ.	
11	3	—	3	2	3	—	Инородная управа, хлѣбный магазинъ.
отъ Бійска 360	74	—	74	63	67	—	
16	4	—	4	3	4	—	
3	2	—	2	1	2	—	
10	8	—	8	6	8	—	
23	9	—	9	7	8	—	
40	3	—	3	3	4	—	
15	6	—	6	4	5	—	
8	59	—	59	49	51	—	Хлѣбный магазинъ.
40	2	—	2	1	1	—	
12	1	—	1	1	—	—	
6	1	—	1	1	1	—	
20	1	—	1	1	1	—	

Названіе волостей и населенныхъ мѣстъ инородцевъ Томской губерніи къ 1880 г.	Родъ поселеній.	Вѣроисповѣданіе и приходъ, куда принадлежатъ.	Положеніе.
Радіоновская	поселокъ инородцевъ.	Ангудайскаго.	при р. Кислянкѣ.
Усть-Красноярская	заимки инородцевъ.	тоже.	при р. Краснояркѣ.
Усть-Огневская	дер. инородцевъ.	тоже.	при р. Огневкѣ.
Усть-Тюзурюкъ	заимки инородцевъ.	тоже.	при р. Тюзурюкъ.
Усть-Юстюжская	поселокъ инородцевъ.	тоже.	при р. Юстюдѣ.
Чектинская	заимки инородцевъ.	тоже.	при ключѣ Чекшѣ.
Кромѣ того, въ вѣдѣніи отдѣльнаго засѣдателя состоятъ слѣдующія мѣстности, находящіяся на земляхъ, не входящихъ въ составъ волостей			
Абай	крещен. инородцы.	Черно-Ангудайск.	—
Ангудайское (Урсульское)	миссіонер. станъ крещеныхъ инородцевъ.	Ангудайскаго прихода.	на р. Арсулѣ.
Ильинское	поселокъ кочев. и осѣд. инородцевъ.	тоже.	по р. Песчаной.
Казанда	поселокъ инородцевъ.	тоже.	по р. Казандѣ.
Камлакъ	тоже.	тоже.	по р. Семи.
Катанда	тоже.	тоже.	на р. Катуни.
Котъ-Агачъ	лавки русскихъ купцовъ.	Чулымонскаго.	на р. Чуѣ.
Маріинскъ (Потогалъ)	поселокъ крещеныхъ инородцевъ.	Черно-Ануйскаго.	на р. Этаголѣ.
Тюбролинское	поселокъ кочевыхъ и крещеныхъ инородцевъ.	тоже.	на р. Чарышѣ.
Усть-Конское	поселокъ инородцевъ.	тоже.	при устьѣ Кана.
Черно-Ануйское	селеніе кочевыхъ и осѣдлыхъ инородцевъ.	тоже.	на р. Ануѣ.

Разстояніе отъ волостнаго правленія.	Число дворовъ.	Число отдѣльныхъ жилыхъ избъ.	Число всѣхъ жилыхъ строеній.	Вообще мужчинъ и женщинъ.		Примѣрное число жителей въ селеніяхъ на земляхъ, не входящихъ въ составъ волостей.	Церкви, часовни, школы, волостныя правленія, промышленныя заведенія.
				мужч.	женщ.		
3	1	—	1	1	2	—	
28	1	—	1	1	1	—	
13	5	—	5	4	5	—	
23	1	—	1	2	—	—	
53	1	—	1	1	1	—	
10	1	—	1	1	1	—	По семейнымъ спискамъ считается причисленныхъ къ управѣ 152 м. п. и 164 ж. п., рев. 270 д.
—	183	—	183	152	164	—	
отъ участковъ кварт.	—	—	—	52	56	—	
176	—	—	63	52	56	—	
80	—	—	50	111	106	—	Церковь, лавки.
75	—	—	7	56	63	—	
57	—	—	12	3	4	—	
345	—	—	66	7	3	—	
550	—	—	12	—	6	—	Церковь, лавки, торжокъ, нынѣ казармы и 152 чел. военныхъ чиновъ.
82	—	—	27	—	52	49	
155	—	—	62	33	19	—	Молитвенный домъ.
135	—	—	30	35	28	—	Церковь, лавки, крестьянскіе дома и заимки Макина.
95	—	—	70	227	193	—	Церковь, лавки.
—	—	—	399	576	586	—	

Названіе волостей и населенныхъ мѣстъ инородцевъ Томской губерніи къ 1880 г.	Родъ поселеній.	Вѣроисповѣданіе и приходъ, куда принадлежатъ.	Положеніе.
Селенія и населенныя мѣста въ вѣдѣніи помощника Алтайскаго отдѣльнаго засѣдателя на земляхъ инородцевъ, не входящихъ доселѣ въ составъ волостей.			
Аидынъ	Аилъ стойбища черневыхъ татаръ	некрещеные.	—
Адыганъ (Эдиганъ)	Аилъ инородцевъ крещеныхъ.	приходъ въ Чемильскѣ.	на р. Эдиганѣ, впадающей въ Катунь (Понгонъ).
Алагаинъ	аилъ инородцевъ.	тоже.	—
Артубашевъ	тоже.	тоже.	—
Артыганскій	тоже.	тоже.	—
Болыкса	аилъ инородцевъ крещеныхъ.	Макарьевскаго.	на р. Біи.
Богучакъ	аилъ инородцевъ.	Улиликинскаго.	на р. Богучатѣ, впадающей въ Кажу.
Большой Верхъ-Ильинскій	аилъ инородцевъ крещеныхъ.	тоже.	—
Бостологъ (Ботоголъ)	аилъ некрещеныхъ.	тоже.	на р. Ботоголѣ.
Верхъ-Ильинскій	аилъ инородцевъ.	тоже.	—
Верхъ-Ныргa	тоже.	некрещеныхъ.	—
Верхъ-Пиленскій	аилъ крещеныхъ.	Макарьевскѣ.	близь Біи по р. Шильной.
Даркинъ	аилъ некрещеныхъ.	—	—
Дюрюгачъ	тоже.	—	—
Дяшна	тоже.	—	—
Едиганъ	тоже.	—	на р. Эдиганъ.
Елейскій	аилъ крещеныхъ.	Макарьевскаго.	при устьѣ степной Ченши.
Ужулекъ	аилъ некрещеныхъ	—	на р. Ужулекѣ.
Ишпанакъ	тоже.	—	—
Карадашъ	тоже.	—	—

Разстояніе отъ волостнаго правленія.	Число дворовъ.	Число отдѣльныхъ жилыхъ избъ.	Число всѣхъ жилыхъ строеній	Вообще мужчинъ и женщинъ.		Примѣрное число жителей въ селеніяхъ на земляхъ, не входящихъ въ составъ волостей.	Церкви, часовни, школы, волостныя правленія, промышленныя заведенія.
				мужч.	женщ.		
Отъ учас. квартир. 175	—	20	—	18	24	—	
182	—	14	—	64	33	—	
112	—	25	—	80	83	—	
192	—	12	—	40	21	—	
143	—	46	—	124	124	—	
—	—	—	—	—	—	—	
92	—	46	—	96	90	—	
159	—	12	—	12	10	—	
84	—	8	—	14	12	—	
85	—	15	—	34	24	—	
165	—	—	23	47	37	—	
59	—	—	20	56	48	—	
67	—	—	10	41	37	—	
112	—	—	9	36	33	—	
173	—	—	12	12	10	—	
190	—	—	2	6	4	—	
58	—	—	55	140	124	—	
13	—	—	16	52	47	—	
183	—	—	6	12	11	—	
86	—	—	7	19	18	—	

Названіе волостей и населенныхъ мѣстъ инородцевъ Томской губерніи къ 1880 г.	Родъ поселеній.	Вѣроисповѣданіе и приходъ, куда принадлежатъ.	Положені
Караконъ	аилъ некрещеныхъ.	—	—
Каракошка	тоже.	—	на р. Карако
Карасьевъ.	тоже.	—	на притокѣ Н
Кириторбакъ	тоже.	—	—
Кабыжакъ	аилъ крещеныхъ.	Улалинскаго.	близь Тайно
Каянду.	аилъ некрещеныхъ.	—	—
Кичековъ	тоже.	—	—
Кла.	тоже.	—	—
Керишъ.	тоже.	—	перевалъ изъ тула.
Кожинскій (Иртышкинъ) . . .	тоже.	—	въ вершину К
Кубеинскій	тоже.	—	на р. Кубѣ.
Кузé	тоже.	—	на р. Кузѣ.
Курелекъ	тоже.	—	на р. Ишѣ.
Кылташъ	тоже.	—	на р. Калтыш
Нарлыкъ	тоже.	—	на р. Нарлык Ишѣ.
Озерки	тоже.	—	на р. Ишѣ.
Окоскы	тоже.	—	тоже.
Таспаулъ	аилъ крещеныхъ.	—	тоже.
Пешперскій	аилъ некрещеныхъ.	—	—
Пыже.	тоже.	—	на р. Пыжѣ
Салаганда.	тоже.	Кебезенскаго.	на Ишѣ.
Салынакъ.	тоже.	—	—
Сапожкинъ	тоже.	—	—
Саракокша	тоже.	—	—
Саракокшинскій (Никольскій). .	тоже.	—	—
Сартуголъ.	тоже.	—	на р. Сартыга

…правленія.	Число дворовъ.	Число отдѣльныхъ жилыхъ избъ.	Число всѣхъ жилыхъ строеній.	Вообще мужчинъ и женщинъ.		Примѣрное число жителей въ селеніяхъ на земляхъ, не входящихъ въ составъ волостей.	Церкви, часовни, школы, волостныя правленія, промышленныя заведенія.
				мужч.	женщ.		
84	—	—	16	41	37	—	
68	—	—	4	11	5	—	
90	—	—	21	59	50	—	
77	—	—	6	16	10	—	
72	—	—	20	54	45	—	
82	—	—	7	15	14	—	
85	—	—	7	16	17	—	
77	—	—	19	34	26	—	
69	—	—	8	9	11	—	
67	—	—	28	57	58	—	
84	—	—	21	63	45	—	
73	—	—	7	15	20	—	
84	—	—	24	50	57	—	
65	—	—	38	97	80	—	
89	—	—	23	49	49	—	
88	—	—	21	46	36	—	
92	—	—	14	33	34	—	
54	—	—	60	62	66	—	
82	—	—	29	69	76	—	
73	—	—	34	71	49	—	
18	—	—	26	35	32	—	Салаганда, молитвенный домъ.
78	—	—	25	44	33	—	
82	—	—	11	52	45	—	
59	—	—	9	14	14	—	
52	—	15	—	35	30	—	
73	—	26	—	28	30	—	

Названіе волостей и населенныхъ мѣстъ инородцевъ Томской губерніи къ 1880 г.	Родъ поселеній.	Вѣроисповѣданіе и приходъ, куда принадлежатъ.	Положеніе.
Сарыковъ (Тайнинскій)	аилъ некрещеныхъ.	—	на Ишѣ.
Сагуштакъ	тоже.	—	—
Средне-Ишинскій	тоже.	—	—
Сузопъ	тоже.	—	близь р. Нини на протокѣ.
Сылъ	тоже.	—	—
Ташта	аилъ крещеныхъ.	Улалинскаго.	на р. Таштѣ, впадающ. въ Ишу.
Толуйскій	аилъ некрещеныхъ.	—	на р. Толуѣ.
Уймень	тоже.	—	на р. Уйменѣ.
Усть-Ульянское	тоже.	—	—
Усть-Ишинскій	тоже.	—	на устьѣ р. Иши.
Чайная сопка	тоже.	—	на Ишѣ.
Шапаракъ	тоже.	—	—
Юрекъ	тоже.	—	—
Ююле	тоже.	—	на р. Ююля.
Юче-Карагай	тоже.	—	—
Янцыгачь	тоже.	—	—
Эгана	тоже.	—	по р. Чейшѣ.
Эльтошъ (аилъ Коновалкинъ) . .	тоже.	—	тоже.
Боколо	аилъ крещеныхъ первой Алтайской дючины.	прихода Улалинскаго.	—
Воскресенское (Чапошъ)	аилъ крещеныхъ.	Чемальскаго.	на р. Чепошѣ.
Еликманоръ	тоже.	прихода Чемальскаго.	на р. Катунѣ при устьѣ Экмонора (Ольноръ).
Ново-Александровское	тоже.	Улалинскаго	на р. Наймѣ.
Манжурекъ	тоже.	тоже.	на р. Катуни.
Пешпельтеръ	тоже 1-й Алтайской дючины.	Чапошскаго.	на р. Катуни при устьѣ Узнезень.
Суульты	аилъ крещеныхъ.	Улалинскаго.	на р. Суульты, впад. въ Найму.
Узнезень	тоже.	тоже.	на р. Узнезень.
Усть-Сайдысъ	тоже.	тоже.	на р. Сайдышѣ.
Чемальское	тоже.	тоже.	на р. Чемалѣ.
Сайдысъ (Карасукъ)	тоже.	тоже.	р. Карасу.
Поселеніе Улалинское женская община	учрежд. Алтайской миссіей.	тоже.	на р. Наймѣ при устьѣ Сайдыса.

Разстояніе отъ волостнаго правленія.	Число дворовъ.	Число отдѣльныхъ жилыхъ избъ.	Число всѣхъ жилыхъ строеній.	Вообще мужчинъ и женщинъ.		Примѣрное число жителей въ селеніяхъ на земляхъ, не входящихъ въ составъ волостей.	Церкви, часовни, школы, волостныя правленія, промышленныя заведенія.
				мужч.	женщ.		
74	—	31	—	97	74	—	
162	—	4	—	10	9	—	
93	—	12	—	38	39	—	
93	—	10	—	35	29	—	
175	—	7	—	17	15	—	
90	—	23	—	54	50	—	
194	—	48	—	57	73	—	
178	—	19	—	32	33	—	
178	—	10	—	14	12	—	
162	—	20	—	44	48	—	
98	—	12	—	29	32	—	
82	—	9	—	24	35	—	
176	—	12	—	23	21	—	
168	—	7	—	17	18	—	
114	—	4	—	9	12	—	
122	—	15	—	50	43	—	
95	—	11	—	30	29	—	
103	—	19	—	44	54	—	
118	—	—	3	8	7	—	
153	—	—	44	96	91	—	
149	—	—	10	15	18	—	
111	—	—	30	51	55	—	Пребываніе зайсана 1-й дючины.
98	—	—	20	42	47	—	
126	—	—	10	23	22	—	
96	—	—	19	28	36	—	
141	—	—	15	20	17	—	
121	—	—	9	8	9	—	
146	—	—	34	43	55	—	
123	—	—	47	48	53	—	
93	—	—	10	1	63	—	Церковь.
—	—	494	889	2.985	2.858	—	
—	2.228	498	2.244	5.189	5.200	—	

ДОПОЛНЕНІЕ къ стр. 279.

Свѣдѣнія о вогульскихъ инородческихъ волостяхъ на основаніи изслѣдованій экономическаго быта крестьянъ и инородцевъ Туринскаго округа 1890 г. А. А. Кауфманомъ [1]).

ВОЛОСТИ.	Населеніе по сказкамъ 1858 г.			Населеніе по даннымъ 1888 г.		
	Мужч.	Женщ.	Всего.	Мужч.	Женщ.	Всего.
Куртумовская	111(?)	130(?)	241(?)	114	141	255
Верхне-Табаринская	216	206	422	247	262	509
Нижне-Табаринская.	86	82	168	109	117	226
Кошукская	491	532	1.023	437	518	955
Итого	904	950	1.854	907	1.038	1.945

ВОЛОСТИ.	Абсолютная цифра прироста (+) или убыли (—) за весь періодъ.			Приростъ или убыль въ % къ населенію 1858 г.		
	Мужч.	Женщ.	Всего.	Мужч.	Женщ.	Всего.
уртумовская	+ 3	+ 11	+ 14	+ 2,7	+ 8,5	+ 5,8
ерхне-Табаринская.	+ 31	+ 56	+ 87	+ 14,3	+ 27,2	+20,6
Нижне-Табаринская	+ 23	+ 35	+ 58	+ 26,7	+ 42,7	+34,5
Кошукская	— 54	— 14	— 68	— 10,0	— 2,6	— 6,6 [2])
Всего инородцевъ .	+ 3	+ 88	+ 91	+ 0,3	+ 9,3	+ 4,9
Приростъ въ *русскихъ волостяхъ*:						
По Туринскому округу				+ 28,9	+ 19,3	+ 23,9
По Пелымскому округу.				+ 30,4	+ 22,4	+ 26,2

[1]) Мы не могли не воспользоваться только-что вышедшимъ прекраснымъ и цѣннымъ изслѣдованіемъ А. А. Кауфмана и извлекли дополнительныя свѣдѣнія о вогулахъ за послѣднее время. Данныя эти подтверждаютъ убыль и слабый приростъ инородческаго населенія. Изслѣдователемъ приведены также данныя о меньшемъ числѣ дворовъ у инородцевъ, составѣ семьи и меньшій % рабочей силы рядомъ съ перевѣсомъ женскаго пола надъ мужскимъ 10%.

[2]) Убыль по Кошукской волости подтверждается и нашей таблицей 1880 г.

Bayerische Staatsbibliothek München

10р —
110573/5к

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Jadrincev, Nikolaj Michajlovič,

Sibirskie inorodcy Ich byt i sovremennoe položenie. [Auch m. d. Tit.:] Les races indigènes de la Sibérie. Ėtnograf. i statist. izslěd. s pril. statist. tablic

S.-Peterburg 1891

H.as. 4612 c
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11613089-7